

Академия управления МВД России

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Сборник научных трудов
по материалам международной конференции
(к 100-летию со дня рождения
Н.А. Стручкова)*

Москва • 2022

УДК 343.21
ББК 67.408
У26

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *И.В. Калашиков*, заместитель начальника кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент; *Е.В. Демидова-Петрова*, начальник кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

У26 **Уголовная** политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сборник научных трудов по материалам международной конференции (к 100-летию со дня рождения Н. А. Стручкова). – Москва : Академия управления МВД России, 2022. – 432 с.

ISBN 978-5-907530-37-9

В сборнике представлены научные статьи, посвященные актуальным вопросам уголовной политики, а также проблемам ее реализации в деятельности правоохранительных органов.

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, докторантов, соискателей, магистрантов и слушателей Академии управления МВД России и других образовательных и научных организаций, а также практических работников правоприменительных органов.

УДК 343.21
ББК 67.408

ISBN 978-5-907530-37-9 © Академия управления МВД России, 2022

Введение

30 сентября 2022 г. в Академии управления МВД России была проведена международная конференция «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы».

Конференцию открыл начальник Академии управления МВД России доктор юридических наук, доцент генерал-майор полиции С. А. Синенко, который в своем выступлении отметил необходимость активного развития научных направлений в сфере реализации уголовной политики, стратегии и тактики борьбы с преступностью на современном этапе.

С приветственными словами к участникам конференции обратились:

- дочь Н. А. Стручкова Ирина Игнатовна;
- представитель Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации доктора юридических наук, доктора философских наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Татьяны Николаевны Москальковой – руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации Владимир Владимирович Лозбинев;
- первый заместитель начальника Могилевского института Республики Беларусь кандидат юридических наук, доцент полковник милиции Юрий Павлович Шкаплеров;
- заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан кандидат юридических наук, доцент подполковник милиции Рифат Рахмаджон Рахмаджонзода.

В ходе конференции состоялось обсуждение современных проблем уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики, развития учения о предупреждении преступлений как направления реализации уголовной политики, актуальных направлений развития уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной политики.

Значительный интерес в ходе пленарного заседания вызвали доклады профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Ларисы Ивановны Беляевой на тему «След на земле»; главного научного сотрудника Университета прокуратуры Российской Федерации доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Анатолия Валентиновича Наумова на тему «О научном

вкладе Н. А. Стручкова в развитие отечественного уголовно-исполнительного права и криминологии»; главного научного сотрудника сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Алексея Ивановича Александрова на тему «Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра»; советника Министра внутренних дел Российской Федерации доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации генерал-майора милиции в отставке Владимира Семеновича Овчинского на тему «Уголовная политика в условиях специальной военной операции, частичной мобилизации и дальнейших мер по защите национально-государственного суверенитета Российской Федерации».

В ходе секционных заседаний большой интерес вызвали научные сообщения: начальника Академии управления МВД России доктора юридических наук, доцента генерал-майора полиции С. А. Синенко; заведующего центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации доктора юридических наук, доцента С. Л. Нуделя; профессора кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации доктора юридических наук, профессора С. В. Расторопова; главного научного сотрудника НИИ ФСИН России доктора юридических наук, доцента Ф. В. Грушина; главного научного сотрудника НИИ ФСИН доктора педагогических наук, профессора Т. В. Кирилловой; профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России доктора юридических наук, профессора Т. В. Пинкевич; профессора Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В. С. Джатиева; заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Московского педагогического государственного университета доктора юридических наук, профессора Н. А. Колоколова; профессора кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Л. Н. Масленниковой; профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России доктора юридических

наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Б. Я. Гаврилова; начальника кафедры уголовной политики Академии управления МВД России доктора юридических наук, профессора А. В. Победкина; начальника кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России доктора юридических наук, доцента Ю. В. Гаврилина и многих других.

В ходе конференции состоялось конструктивное обсуждение широкого спектра проблем и были сформулированы основные направления совершенствования уголовной политики и развития научных идей Н. А. Стручкова в современных условиях.

Мероприятие вызвало широкий интерес, о чем свидетельствует большое количество участников, поступившие вопросы и активная научная дискуссия.

В завершение конференции отмечалось, что она достигла поставленных целей и задач, проблема только в том, как реально воплотить ее идеи в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Анатолий Валентинович Наумов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
главный научный сотрудник
Университет прокуратуры Российской Федерации

О научном вкладе профессора Н. А. Стручкова в развитие отечественного уголовно-исполнительного права, уголовной политики и криминологии

Аннотация

Статья посвящена определению научного вклада профессора Н. А. Стручкова в развитие отечественного уголовно-исполнительного права, уголовной политики и криминологии. В первую очередь это связывается с тем, что именно Н. А. Стручкову принадлежит заслуга в определении названия отрасли уголовно-исполнительного права (ранее оно именовалось исправительно-трудовым правом) и соответствующих правоотношений. Вклад в развитие уголовной политики видится в том, что Н. А. Стручков справедливо полагал, что уголовная ответственность и применение наказания является лишь одним, а не единственным, вспомогательным, а не главным средством предупреждения преступности. В части же его вклада в криминологию указывается на его обращение к проблемам личности преступника и в особенности к учету значения биологических свойств человека в механизме индивидуального преступного поведения, а также на то, что Н. А. Стручков стоял у истоков создания пенитенциарной криминологии.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный закон; уголовная ответственность; исправительно-трудовое право; уголовно-исполнительное право; личность преступника.*

Николай Алексеевич Стручков (1922–1989), профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, участник Великой Отечественной войны, награжденный многими советскими орденами и медалями, – один из авторитетнейших ученых-правоведов, чьи труды являются гордостью отечественной правовой науки. Круг его научных интересов достаточно широк, однако наиболее значимыми, на наш взгляд, являются его работы, посвященные проблемам развития уголовно-исполнительного права, уголовной политики и криминологии. Именно ему принадлежит приоритет в разработке теоретических проблем российского уголовно-исполнительного права.

В 1963 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Правовое регулирование исполнения наказания. Основные проблемы советского исправительно-трудового права». Главное ее значение видится в том, что автор убедительно доказал (на основе обобщения опыта деятельности исправительно-трудовых учреждений, глубокого анализа научной литературы, материалов научно-теоретических конференций и совещаний практических работников системы исправительно-трудовых учреждений), что исправительно-трудовое право является *самостоятельной отраслью права*, предполагающей существование особых исправительно-трудовых правоотношений и таковых же механизмов правового регулирования исполнения наказания. Эти идеи были использованы при принятии Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969 г., а затем и исправительно-трудовых кодексов союзных республик (в том числе и Исправительно-трудового кодекса РСФСР).

В развитие указанных законодательных актов об исполнении наказания и практики их применения автором опубликованы известные учебники, монографии, научные статьи, посвященные данной проблеме. Особое значение в этом плане имеет одна из его последних монографий – «Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью» (Саратов, 1977). В ней автор впервые в отечественном правоведении поставил вопрос о необходимости *нового* названия отрасли, посвященной исполнению наказания, а именно – «преобразования исправительно-трудового права в уголовно-исполнительное право», расширяя содержание предмета исправительно-трудового права и таковых же правоотношений. В прежних законодательных (и доктринальных) рамках это ограничивалось исполнением наказания в виде лишения свободы. В предлагаемом же автором новом названии отрасли оно распространялось на исполнение всех видов наказания, предусмотренных Уголовным кодексом (и иных мер уголовно-правового характера), что впоследствии и было воспринято действующим УИК РФ. При этом он подчеркивал специфическую роль уголовной ответственности и наказания в предупреждении преступности.

Он справедливо полагал, что и уголовная ответственность, и применение наказания являются лишь одним, а не единственным, вспомогательным, а не главным средством предупреждения преступности, что центр тяжести в этой области лежит на социальных, в том числе экономических, идеологических, организационных, воспитательных мерах; что лишением свободы наказание не исчерпывается; что законом предусмотрена целая система видов наказания и каждое

из этих наказаний способно специфически воздействовать на виновное в совершении преступления лицо. Николай Алексеевич «завещал» это в 1977 г. Современная Россия (и законодатель, и суды) признали его правоту, но со значительным опозданием. Рассмотрим данные официальной статистики. Даже через 5 лет после принятия действующего УК РФ в местах лишения свободы (а также в местах предварительного заключения) ежегодно находилось около миллиона и более человек [3]. Разумеется, доктринальная (уголовно-правовая) оценка такого явления была однозначно отрицательной, сводимой к неоправданно высокому уровню назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы. Причины такой оценки были вполне очевидны. Во-первых, у государства не было средств на такое исполнение этого вида наказания, которое соответствовало бы элементарным требованиям международно-правовых норм о соблюдении прав человека в данной сфере. Во-вторых, ежегодное направление в места лишения свободы такого количества осужденных способно было привести (и приводило на самом деле) к криминализации значительной части населения России.

Спустя годы поставленная цель снижения «тюремного» населения оказалась выполненной. Число лишенных свободы в России к началу 2017 г. достигло исторического минимума. По состоянию на 1 января в тюрьмах, колониях и СИЗО содержались около 630 тыс. человек (из них около 523 тыс. – в местах лишения свободы и свыше 107 тысяч – в СИЗО). Разумеется, что за эти годы произошло и заметное снижение уровня преступности (по данным официальной статистики, в Российской Федерации в 2002 г. было зарегистрировано 2 526 305 преступлений, в 2016 г. – 2 160 063) [4]. Однако очевидно, что это тот случай, когда темпы снижения преступности и «тюремного населения» явно не совпадают и дело, следовательно, заключается не в снижении преступности, а в другом – в деятельности нашего столь часто критикуемого законодателя в сфере уголовного правотворчества и последовательной, вполне обоснованной политике, осуществляемой в этом направлении Верховным Судом Российской Федерации [1, с. 584–585].

Значительный вклад Николай Алексеевич Стручков внес в развитие теории уголовной политики. Он одним из первых (наряду с Н. И. Загородниковым, Н. А. Беляевым, М. И. Ковалевым, П. С. Дагелем и др.) привлек внимание к необходимости исследования этой научной дисциплины, указывая при этом на широкое внедрение в такие исследования социологических методов.

Большое внимание Н. А. Стручков уделял и криминологическому учению о причинах преступности и особенно о *личности* пре-

ступника. Э. Ф. Побегайло справедливо по этому поводу указывал: «Он (Н.А. Стручков) внес много интереснейших идей, касающихся, например, проблемы социального и биологического в преступном поведении. Он был одним из немногих, кто решился поддержать взгляды ученых, в частности И.С. Ноя и других, которые отстаивали важность биологических свойств человека в механизме индивидуального преступного поведения. Николай Алексеевич интересовался проблемами прогнозирования преступности, индивидуального преступного поведения, стоял у истоков создания пенитенциарной криминологии» [2, с. 157].

Список литературы:

1. *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. Москва, 2018.
2. *Побегайло Э. Ф.* Памяти учителя и друга (к 85-летию со дня рождения Н. А. Стручкова) // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1.
3. Тюремное население России в 2001 году [Электронный ресурс]. URL: <https://old.prison.org/penal/stat/doc003.htm> (дата обращения: 14.08.2022).
4. Число заключенных в России к началу 2017 года достигло исторического минимума [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/553191> (дата обращения: 14.08.2022).

Евгения Викторовна Рогова,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Научные взгляды профессора Н. А. Стручкова об уголовном наказании и их влияние на современную уголовную политику

Аннотация

В статье анализируются научные взгляды профессора Н. А. Стручкова по проблемам, касающимся общей теории уголовного наказания, а также его исполнения. Большинство теоретических и практических вопросов, освещавшихся в трудах профессора Н. А. Стручкова, остаются актуальными и в настоящее время. Обращение ученого к сущности наказания и научно обоснованный вывод о том, что кара является сущностью наказания, а не его целью, поддерживается многими современными учеными, и такой подход является преобладающим в теории уголовного права в постсоветское время. Особое внимание в работах известного правоведа совершенно обоснованно уделялось воспитательному воздействию на осужденных, а также их ресоциализации и социальной адаптации.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовное наказание; цели наказания; карательная сущность наказания; воспитательное воздействие; уголовная политика.*

Особое внимание в многочисленных научных трудах ученого-правоведа, крупного специалиста по уголовно-исполнительному праву, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Н. А. Стручкова уделялось проблемам определения сущности и содержания уголовных наказаний, а также вопросам их исполнения. В наиболее значимых трудах профессора Н. А. Стручкова нашли отражение теория уголовного наказания и правового регулирования его исполнения [9, 10, 11, 12]. Он внес значительный вклад в развитие общей теории как наказания, так и его исполнения. Поднимаемые в советский период профессором Н. А. Стручковым вопросы не утрачивают своей актуальности и необходимости обращения к ним и в настоящее время.

Сложно встретить публикацию на криминальную тематику, в которой не затрагивались бы проблемы, связанные с определением

содержания и целей уголовного наказания, его видов, с вопроса-ми его исполнения как одной из основных мер государственного принуждения, направленных на борьбу с преступностью. Это обусловлено факторами, среди которых ряд ученых отмечает кризис уголовного наказания. Так, профессор Я. И. Гилинский пишет, что «кризис наказания» проявляется, прежде всего, в том, что современный уровень преступности остается стабильно высоким. Кроме того, автор совершенно справедливо указывает на достаточно высокий уровень рецидива, который практически не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. Профессор Я. И. Гилинский говорит и о том, что в науке доказано, что длительное пребывание в местах лишения свободы необратимо влияет на психику и нравственное здоровье осужденных [2, с. 28–34].

Все чаще в юридической литературе встречаются предложения о необходимости пересмотра целей уголовного наказания. Так, И. В. Дворянсков пишет о том, что у существующих целей уголовного наказания отсутствует единое концептуальное основание. В этой связи автором предлагаются, исходя из сущности наказания, такие цели, как «возмездие (кара), правовая защита общества от преступлений и лиц, виновных в их совершении, а также государственное порицание преступления» [4, с. 43]. Предлагаемые цели не являются новыми для уголовной и уголовно-исполнительной науки. Следует сказать, что не бесспорным выглядит предложение ученого относительно новых целей уголовного наказания. Прежде всего, речь идет о каре. Еще в советской юридической литературе велась дискуссия, относится ли кара к целям наказания или все же является его сущностью. Одни авторы высказывали мнение, что одной из целей наказания является кара (Н. А. Беляев [1, с. 25], И. И. Карпец [5, с. 138–146] и др.). Профессор Н. А. Стручков высказывал противоположную точку зрения и выступал против отнесения кары к целям наказания [12, с. 98], говоря о том, что само наказание и является карой за совершенное преступление, он связывал кару с сущностью наказания [10, с. 34–35; 12, с. 55–58; 13, с. 16–18]. В его значимых трудах прослеживается достаточно обоснованная точка зрения, что сущность и содержание любого вида наказания – только кара, без кары нет наказания. Такая научная позиция опиралась на уголовное законодательство того периода, которое последовательно подчеркивало, что наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Эта точка зрения стала преобладающей и в теории уголовного права уже в постсоветское время. Придерживаясь данной точки зрения, заметим, что сущность любого наказания заключается в том,

что за совершенное преступление осужденный подвергается каре, или, другими словами, определенным лишениям и страданиям. Кара – необходимый содержательный элемент наказания. Несмотря на то что, применяя его, суд ставит перед наказанием и воспитательные задачи, это не исключает, а, напротив, предполагает, что наказание должно содержать в себе элементы кары и тем самым устрашать преступника. Если преступник не боится наказания, оно теряет свою силу. Наказание – это и есть кара. При этом кара как сущность наказания в каждом виде уголовного наказания проявляется в конкретных его элементах. Свойством кары уголовное наказание отличается от других мер государственного принуждения [8, с. 36]. Карательная сущность наказания проявляется именно в режиме исполнения и отбывания наказания.

В настоящее время воспитательному воздействию при исполнении уголовных наказаний придается особое значение. Поэтому некоторые авторы советского периода развития уголовного права [1, с. 53–61; 7, с. 25–26] и современные исследователи [6, с. 128] придерживаются взгляда на наказание как на складывающееся из двух частей – из кары и воспитания. В частности, известный ученый в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии советского периода И. С. Ной активно занимался формированием и развитием концепции, согласно которой уголовно-исполнительная система (в тот период исправительно-трудовая) должна переориентироваться преимущественно на оказание воспитательного, а не карательного воздействия на лицо, виновное в совершении преступления [7, с. 26].

Обращение к научным трудам профессора Н. А. Стручкова относительно того, следует ли включать в содержание наказания меры воспитания, приводит к выводу, что автор имел противоположную точку зрения, полагая, что воспитательное воздействие лежит за пределами содержания наказания и образует сопутствующий его исполнению процесс. Согласно его концепции содержание наказания ограничивается лишь карой, а исправительно-трудовое воздействие сопутствует ему. Другими словами, меры воспитательного воздействия в содержание наказания не входят. К самому наказанию в процессе его исполнения присоединяется трудовое воспитание, вовлечение в общеобразовательный процесс, проведение различных воспитательных мероприятий. Понятно, что одними карательными мерами невозможно положительно воздействовать на личность осужденного, потому что сама кара, состоящая в определенных лишениях, правоограничениях, не может рассматриваться в качестве средства воспитания. Безусловно, воспитательное воз-

действие играет важнейшую роль в достижении целей наказания, но не входит в его содержание.

И в завершение отметим еще один достаточно важный момент. Профессор Н. А. Стручков, бесспорно, внес значительный вклад в развитие учения об исполнении уголовных наказаний, получившего дальнейшую теоретическую разработку в его научных трудах, на что неоднократно обращалось внимание и в современной юридической литературе [3, с. 115–116; 13, с. 105–108]. Так, Н. А. Стручков, раскрывая понятие исполнения наказания, акцентирует внимание на социально-правовой деятельности государственных органов [9, с. 8–44]. В его научных трудах находят освещение вопросы, связанные с исправлением и перевоспитанием осужденных, а также с их ресоциализацией. Проблемы социальной адаптации лиц, отбывших наказания, прежде всего в виде лишения свободы, и в настоящее время не решены в полной мере, что оказывает серьезное влияние на состояние рецидивной преступности.

Таким образом, следует отметить, что научные взгляды широко известного ученого не утрачивают своей значимости и в настоящее время, прослеживается определенная близость в подходах к решению проблем уголовного и уголовно-исполнительного права, нашедших отражение в научном творчестве профессора Н. А. Стручкова и в трудах современных исследователей. Бесспорно, кара была и остается сущностью наказания, она не может выступать в качестве его цели. Изучение работ профессора Н. А. Стручкова свидетельствует о том, что он уделял серьезное внимание обоснованию необходимости совершенствования системы исполнения уголовных наказаний, что актуально и по сей день. Очевидно, что в настоящее время и представители органов государственной власти, и ученые в области уголовно-исполнительного права поднимают вопросы и предлагают пути их решения в целях повышения эффективности деятельности всей уголовно-исполнительной системы. Достаточно обратиться к Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.¹, в которой отмечается, что основной целью уголовно-исполнительного законодательства является исправление осужденных. Особое значение в рассматриваемом документе придается ресоциализации осужденных и их социальной адаптации, о чем известный ученый писал еще более полувека

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

назад, акцентируя свое внимание на необходимости дифференцированного подхода к осужденным с учетом особенностей их личности и тяжести совершенного преступления.

Список литературы:

1. *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения. Ленинград, 1963.
2. *Гилинский Я.И.* «Кризис наказания» в России: проблемы и перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2003. № 1 (6).
3. *Давыдова И.А.* Теоретические проблемы правового регулирования исполнения уголовных наказаний в трудах Н.А. Стручкова и современное уголовно-исполнительное право // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 2.
4. *Дворянсков И.В.* Концептуальные аспекты реформирования уголовного российского законодательства // Пенитенциарная наука. 2022. № 1.
5. *Карпец И.И.* Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. Москва, 1973.
6. *Коробеев А.И., Голик Ю.В., Усс А.В.* Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы. Красноярск, 1991.
7. *Ной И.С.* Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962.
8. *Рогова Е.В.* Исправительные работы и особенности их применения к несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004.
9. *Стручков Н.А.* Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. Москва, 1984.
10. *Стручков Н.А., Наташев А.Е.* Основы теории исправительно-трудового права. Москва, 1967.
11. *Стручков Н.А.* Проблемы науки исправительно-трудового права в свете нового исправительно-трудового законодательства: учебное пособие. Москва, 1972.
12. *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978.
13. *Федосеев В.И.* Развитие учения об исполнении уголовных наказаний в трудах Н.А. Стручкова // Вестник СЮИ. 2019. № 1.

Лариса Владимировна Яковлева,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений
ВНИИ МВД России

Н. А. Стручков о политике, морали и праве в борьбе с преступностью

Аннотация

Николай Алексеевич Стручков в научном мире известен в большей степени как человек, занимавшийся проблемами исправительно-трудового права. Однако и в плеяде известных ученых-пенитенциаристов Н. А. Стручков занимает особое место. Приложив немало усилий для того, чтобы исправительно-трудовое право было признано самостоятельной отраслью, он в то же время уделял большое внимание уголовному праву как основе наук криминального цикла. В статье приводятся взгляды Н. А. Стручкова по вопросам взаимосвязи политики, морали и права, о том влиянии, которое они оказывают на борьбу с преступностью. Аргументируется актуальность высказанных Н. А. Стручковым идей для современного противостояния криминальным вызовам.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовная политика; мораль; право; преступность.*

Николай Алексеевич Стручков ушел из жизни в 1989 г., однако оставленное им творческое наследие продолжает вызывать живой интерес потомков, а высказанные им идеи актуальны до настоящего времени.

Значительная часть работ Н. А. Стручкова посвящена проблемам исправительно-трудового (ныне – уголовно-исполнительного) права. Выделяя в системе права определенные блоки отраслей, Н. А. Стручков относил исправительно-трудовое право наряду с уголовно-процессуальным к уголовно-правовому комплексу, в котором уголовное право составляло основу [10, с. 99]. Соответственно, теоретические построения в области исправительно-трудового права он основывал на постулатах уголовного права. По его мнению, их взаимосвязь основывалась на единстве положений уголовной и исправительно-трудовой политики. Уголовные кодексы союзных республик наряду с Основами исправительно-трудового

права 1969 г. он считал основными актами исправительно-трудового права, которое, по его мнению, все более приобретало уголовно-исполнительный характер [11, с. 136, 138].

Восприятие трех перечисленных отраслей права как неразрывного единства нашло отражение в преддворном Н. А. Стручковым понимании средств и способов борьбы с преступностью. В работе 1965 г. он писал: «В области борьбы с преступностью большую роль играют такие юридические науки, как наука уголовного права, уголовно-процессуального права, исправительно-трудового права, криминалистика, а также криминология. Охватить всю проблему борьбы с преступностью в целом каждая из них сама по себе не может. Эффективные меры борьбы с преступностью могут быть выработаны только при условии использования данных всех указанных наук, при объединении усилий и согласованности действий их представителей. Более того, проблема борьбы с преступностью, взятая в общесоциологическом плане, для своего исследования и практического разрешения требует привлечения опыта философской, экономической, исторической и некоторых естественных наук. Такое комплексное рассмотрение проблемы борьбы с преступностью даст возможность преодолеть относительную узость одного лишь правового исследования» [12, с. 128].

Мнение Н. А. Стручкова о необходимости комплексного воздействия на преступность впоследствии было одобрено и поддержано другими видными учеными [1, с. 4; 5, с. 29–31], а также легло в основу разработанного совместно с Н. И. Загородниковым определения уголовной политики [6, с. 49], ставшего практически хрестоматийным, опираясь на которое многие авторы продолжают разрабатывать данную проблематику [8, с. 6; 3, с. 36].

Исходя из сформулированного понимания мер, которые необходимо предпринимать с целью противодействия преступности, Н. А. Стручков для разработки эффективной системы такого противодействия обращался не только к правовым вопросам, но также и к иным, тесно связанным с правом.

Политика государства, ее отражение в нормах права становились предметом исследований Н. А. Стручкова в 50–70-х гг. прошлого века. Нормы права анализировались им с позиции морали, которая, как он указывал, тесно взаимодействовала с правом.

Н. А. Стручков жил в условиях иного общества, нежели нынешнее, тем не менее его утверждение о том, что «все аспекты борьбы с правонарушениями имеют в конечном итоге единую политическую основу: охрану утвердившихся общественных отношений» [13, с. 38], касается любого общества и любого государственного устройства.

Нормы юридического характера, как отмечал Н. А. Стручков, входят в число форм идеологического воздействия, отражая в себе политические требования государства, но не механически либо произвольно, а в соответствии с закономерностями развития общества и признаваемыми этим обществом моральными ценностями. «Норма права – это не просто политическое требование, облеченное в форму правового акта. В норме права политическое требование оценивается в аспекте нравственной категории справедливости и согласуется с требованием законности» [16, с. 13]. И в настоящее время, как отмечается в ряде публикаций, политические требования (политическая воля) также играют важную роль в процессе законотворчества и в решении вопросов борьбы с преступностью [4, с. 887].

Продолжая выявлять существующие между политикой, правом и моралью взаимосвязи, Н. А. Стручков отмечал, что политика государства придает праву определенную направленность, в силу которой оно служит интересам господствующего класса, выражает его волю, и, таким образом, воля господствующего класса образует содержание права, выражая требования не только политики, но и морали [14, с. 196–197].

В обобщенном виде норму морали можно определить как правило поведения, отразившее общественную потребность, направленное на регулирование конкретных действий, поступков, воплощаемое в нравственном сознании личности как поведение собственного «я» [7, с. 39].

При этом мораль оказывает на право специфическое влияние, поскольку содержание многих правовых норм включает в себя нормы морали. Это, например, нормы о запрете убийства, кражи, изнасилования и пр. Однако, не все нормы нравственности становятся нормами права. Политическая воля, выражаемая руководством государства в соответствии со своими интересами, придает силу закона лишь наиболее важным для себя нормам морали, формулируя в то же время новые правила общественного поведения, включаемые в содержание права.

По этому поводу Н. А. Стручков писал: «В содержании права должна отражаться не только целесообразность, политическая заинтересованность господствующего класса, но и идея справедливости, оцениваемая с классовых, политических позиций... Идея права – это не просто голая идея обязательного соблюдения любого предписания, а идея обязательного соблюдения такого предписания, которое соответствует политическим требованиям, является глубоко нравственным и в конечном итоге обусловлено экономическими тенденциями общественного развития» [14, с. 197].

Помимо этого «правовые нормы по своему содержанию должны быть справедливы. Правовая норма должна быть своевременной с точки зрения политического момента. Она должна соответствовать тем настроениям и представлениям людей, которые существуют сегодня» [15, с. 22].

Таким образом, Н. А. Стручков вывел несколько правил, которые следует учитывать при формулировании правовых норм. Правовые нормы должны соответствовать политической воле государства, учитывать современное состояние общества в целом, в особенности его экономическую составляющую, опираться на признаваемые социумом моральные ценности. Кроме того, для успешного решения задачи предупреждения преступности, по его мнению, юридическая норма должна четко выражать свое содержание, быть логичной по отношению к другим нормам права. Не должно быть разрыва между содержанием правовой нормы и практикой ее применения [15, с. 22], а регулирование общественных отношений должно осуществляться не только нормативно, но и идеологически [16, с. 9].

Эти рассуждения Н. А. Стручкова важны и в настоящее время, несмотря на значительные изменения, произошедшие за последние десятилетия, в первую очередь в экономике. Не осталась неизменной и политика нашего государства, исходящая из сложившихся после распада СССР новых реалий. Изменилась структура преступности, способы совершения преступлений, возможности правоохранительных органов в противостоянии им. Все больше преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет.

Однако не меняется содержание наказания, остаются неизменными принципы уголовного права. И в настоящее время многие ученые продолжают разрабатывать проблемы борьбы с преступностью с учетом как политики государства в этой области, так и нравственных начал, которым должны соответствовать правовые нормы.

В то же время на разных этапах развития общества меняются представления о нравственности. Появляются новые подходы к пониманию права и его роли в обществе. Отмечается, что в современный период без использования основ философии невозможно ни создать современное законодательство, ни организовать должным образом борьбу с преступностью.

Несомненно, чем больше мир познается человеком, тем больше попыток предпринимается для его понимания и осмысления. Для выработки эффективных и целесообразных мер борьбы с пре-

ступностью ученые все более склоняются к мысли о необходимости вовлекать философию в решение правовых вопросов, как и писал по этому поводу Н. А. Стручков.

И. М. Рагимов в своих работах отмечает: «Без философского осмысления и философских категорий познать истинную сущность наказания как сложного явления невозможно, поскольку юридическое познание не в состоянии отличать существенное от несущественного в понятии и предмете этого феномена» [9, с. 27]. С таким подходом можно согласиться, однако проблема в том, что философских школ, течений, учений очень много. Не все философские мысли пригодны для права в целом и для уголовного права в частности. Важно, что должен избрать ученый и законодатель в качестве основы для построения теории уголовного права и уголовного закона, базирующихся на философском подходе.

Приводя в качестве антипримера приверженность некоторых авторов идее постмодернизма, отдельные положения которого пытаются включить в российское уголовное законодательство, Ю. В. Голик пишет: «Одна из идей постмодернизма: нет никакой истины, есть просто различные взгляды на то или иное событие. В уголовно-правовой сфере это означает, что нельзя установить истину в судебном процессе. Суд волен принимать ту сторону, которая будет для него более убедительной или привлекательной (а может, больше заплатит?). При таком подходе скоро и суд станут называть лишней инстанцией» [2, с. 9]. Несомненно, взвешенный и обдуманый подход необходим и в данном вопросе.

Таким образом, можно обоснованно утверждать, что в проводимых в настоящее время изысканиях в области борьбы с преступностью современные теоретики и практики продолжают опираться пусть и в видоизмененной, в приспособленной к новой действительности форме на те мысли, которые высказывались выдающимися деятелями науки прошлого, к которым без всяких сомнений относится Николай Алексеевич Стручков.

В настоящей статье представлен лишь краткий обзор точек зрения Н. А. Стручкова по не столь широкому кругу вопросов, тогда как сфера его научных интересов была намного значительнее. Отдельных исследований, посвященных изучению его трудов, не столь много. В связи с этим нельзя не признать, что наследие Николая Алексеевича еще не в полной мере изучено. Из него можно почерпнуть много интересного и целесообразного для современности не только в области уголовно-исполнительного права, но главным образом уголовного, обогатив и расширив теоретические представления о базовых категориях этой отрасли права.

Список литературы:

1. *Бородин С. В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. Москва, 1990.
2. *Голик Ю. В.* Философия, нравственность, борьба с преступностью // Журнал российского права. 2021. № 12.
3. *Гончаров Д. Ю.* Законодательство криминального цикла в определениях уголовной политики советского и раннего постсоветского периодов // Адвокатская практика. 2010. № 4.
4. *Дашков Г. В.* Криминологическая составляющая в политической воле // Lex Russica (Русский закон). 2008. № 4.
5. *Жалинский А. Э.* Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. Москва, 2015.
6. *Загородников Н. И., Стручков Н. А.* Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7.
7. *Кондаков С. В.* О взаимосвязи правовой и нравственной ответственности // Вопросы ответственности и наказания в свете решений XXVI съезда КПСС. Рязань, 1982.
8. *Лесников Г. Ю.* К вопросу о понятии уголовной политики // Российский следователь. 2005. № 6.
9. *Рагимов И. М.* О нравственности наказания. Москва, 2016.
10. *Стручков Н. А.* Некоторые проблемы науки исправительно-трудового права // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. Москва, 1979.
11. *Стручков Н. А.* О дальнейшем развитии исправительно-трудового права // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. Москва, 1977.
12. *Стручков Н. А.* О комплексной разработке проблем уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права // Правоведение. 1965. № 1.
13. *Стручков Н. А.* Основные проблемы советского исправительно-трудового права и их изучение в высших юридических учебных заведениях // Материалы Всесоюзного семинара преподавателей исправительно-трудового права юридических факультетов университетов, юридических институтов, высших и средних специальных учебных заведений Министерства охраны общественного порядка СССР (г. Москва, 6–10 февраля 1967 г.). Москва, 1968.
14. *Стручков Н. А.* О содержании права как элемента надстройки и его роли в борьбе с преступностью // Труды ВШ МВД СССР. 1973. Вып. 28.

15. *Стручков Н.А.* Применение ленинских положений о регулировании общественных отношений в области борьбы с правонарушениями // Труды ВШ МВД СССР. 1973. Вып. 27.

16. *Стручков Н.А.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970.

17. *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978.

Александр Владимирович Акчурин,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника по научной работе
Академия ФСИН России

Уголовно-процессуальные компетенции сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: проблемы сегодняшнего дня

Аннотация

В статье проводится анализ статистических данных ФСИН России, связанных с пенитенциарной преступностью. Обосновывается актуальность поднимаемой автором проблемы. Выявлены основные проблемные вопросы, влияющие на современное состояние уголовно-процессуальных компетенций сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Смена ведомственной принадлежности повлияла на степень осознания значимости реализации сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы уголовно-процессуальных функций в процессе своей служебной деятельности; слабой законодательной регламентации уголовно-процессуальных полномочий сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; противоречивости и неоднозначности нормативных формулировок; сокращения реализуемых в ведомственных вузах ФСИН России учебных программ, предусматривающих выработку уголовно-процессуальных и криминалистических компетенций у будущих сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также и их объема; слабой оснащенности технико-криминалистическими средствами учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова и словосочетания: *орган дознания; дознаватель; уголовно-процессуальный статус сотрудников уголовно-исполнительной системы; пенитенциарные преступления; проверка сообщения о преступлении.*

Ежегодно в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы регистрируются преступления, совершаемые пребывающими в них осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми. В 2021 г. согласно статистическим данным ФСИН России в исправительных колониях было зарегистрировано 996 преступлений, а в следственных изоляторах и тюрьмах – 273 [9; 10].

Конечно, на первый взгляд, подобные цифры могут показаться несущественными по сравнению с общеуголовной преступностью. Однако логика осмысления других статистических данных ФСИН России позволяет усомниться в действительности низкого уровня пенитенциарной преступности. В учреждениях уголовно-исполнительной системы содержится около 460 тыс. осужденных, подозреваемых, обвиняемых, более половины из которых имеют 2 и более судимости, опыт общения со следователями, судьями, опыт пребывания в местах лишения свободы [5]. Вновь пересекая запретную зону и попадая в условия изоляции от общества, такие лица на основе одного лишь подобного факта редко отказываются от ранее сформировавшегося у них криминального образа жизни. При помещении в условия жестких ограничений у осужденных, подозреваемых, обвиняемых регулярно изымаются как наркотики, алкоголь, деньги, так и колюще-режущие предметы, мобильные телефоны, комплектующие к ним и т. п. Так, например, в 2021 г. в исправительных колониях было изъято: денег – 0,7 млн руб., спиртных напитков промышленного и кустарного производства – 24 779,4 л, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – 24 804,527 г, колюще-режущих предметов – 10 918 ед. [9]. Все это никак не может попасть на режимную охраняемую территорию мест лишения свободы законным путем. То есть это уже сам по себе результат преступной деятельности. Кроме того, большинство указанных предметов и веществ, попадая на территорию исправительных учреждений, следственных изоляторов, становится средством или орудием новых преступлений, совершаемых лицами из числа спецконтингента (мошенничество, вымогательство, дача взятки и т. п.).

В соответствии с п. 2 ст. 13 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» учреждения, исполняющие наказания, обязаны создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях¹. В этих целях согласно п. 11 ст. 14 того же закона указанным учреждениям предоставлено право производить в предусмотренных законодательством РФ случаях и порядке уголовно-процессуальные действия.

Несмотря на очевидность высокой потребности в реализации принципа неотвратимости уголовного наказания за каждое противоправное деяние, совершаемое лицами, содержащимися в исправи-

¹ Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (ред. от 26 мая 2021 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

тельных учреждениях, следственных изоляторах, современная действительность не позволяет говорить об успешности воплощения указанного принципа в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Обращаясь к этой проблеме, следует понимать, что ключевым вопросом в ней является вопрос о состоянии уголовно-процессуальных компетенций сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Анализ положений действующих нормативных правовых актов, правоприменительной практики, а также осмысление сущности тех фактов и явлений, которые связаны с данным вопросом, позволяет говорить о том, что в нем далеко не все однозначно и понятно.

Во-первых, передача функций, реализуемых в сфере исполнения уголовных наказаний, от МВД России в Минюст России и последующее создание отдельного ведомства – ФСИН России сформировало условия, при которых самими сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы перестала осознаваться значимость реализации ими уголовно-процессуальных функций. Когда сотрудники исправительных учреждений и следственных изоляторов проходили службу в органах внутренних дел, компетенции уголовно-процессуального и криминалистического характера были для них хоть и не первоочередными, но далеко не чуждыми. Этому способствовало единство системы органов внутренних дел, наличие в МВД России специализированных головных управлений, обобщавших и распространявших передовой опыт, а также методические рекомендации и различного рода указания, касающиеся уголовно-процессуального и криминалистического обеспечения органов внутренних дел и, в частности, системы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Имелась также единая система научных и образовательных учреждений МВД России, общие подходы в формировании научно-исследовательских и образовательных программ и планов. Многие сотрудники, приходившие на службу в исправительные учреждения, следственные изоляторы, имели опыт работы в следственных органах и оперативных подразделениях уголовного розыска. Комплекс перечисленных условий способствовал пониманию и осознанию необходимости и важности уголовно-процессуальных и криминалистических компетенций у сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов. Причем такое понимание имело место на всех уровнях управления. Более того, у всего этого была четкая правовая основа. В соответствии со ст. 117 УПК РСФСР начальники исправительных учреждений выступали в качестве органа дознания по делам о преступлени-

ях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений. При этом начальниками учреждений возбуждалось более половины уголовных дел по пенитенциарным преступлениям (по данным М. А. Петуховского – 80 % уголовных дел [8, с. 12]; по данным Н. Г. Шурухова – 63 % уголовных дел [13, с. 61]).

Во-вторых, сложившаяся ситуация в определенной степени была детерминирована принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в котором уголовно-процессуальные полномочия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы как органа дознания были сформулированы весьма неопределенно. В ст. 40 УПК РФ, где перечисляются органы и должностные лица, относящиеся к органам дознания, ни учреждения, ни органы, ни должностные лица уголовно-исполнительной системы прямо не приведены. Однако имеет место отсылочная норма с формулировкой: «иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с ФЗ полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности»¹. Именно в этой формулировке скрыто основание полагать наделение уголовно-процессуальным статусом органа дознания органов уголовно-исполнительной системы, в которых создаются подразделения, наделенные полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Как справедливо отмечает Н. Г. Шурухов, буквальное толкование указанных норм предполагает рассмотрение в качестве органа дознания в уголовно-исполнительной системе именно органов, а не ее учреждений. К органам же уголовно-исполнительной системы относятся центральный аппарат (ФСИН России) и территориальные органы управления (ГУФСИН, УФСИН, ОФСИН). Однако в них не содержится ни осужденных, ни подозреваемых, ни обвиняемых. Да и принятие ими процессуальных решений как органом дознания в случае совершения в исправительном учреждении, следственном изоляторе пенитенциарных преступлений и необходимости возбуждения уголовного дела с производством по нему неотложных следственных действий вряд ли будет происходить оперативно, учитывая, как правило, территориальную удаленность исправительных учреждений от территориальных органов управления уголовно-исполнительной системы, а также отдельные особенности их дислокации [12]. Такая неточ-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 7 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

ность и расплывчатость формулировки уголовно-процессуального закона породила неоднородную правоприменительную практику. В одних случаях при обнаружении признаков пенитенциарного преступления процессуальные решения о возбуждении уголовного дела (либо отказе в возбуждении) принимал начальник исправительного учреждения и поручал производство соответствующих уголовно-процессуальных действий своим подчиненным сотрудникам. В других случаях подобная информация просто передавалась по подследственности органам предварительного расследования [1; 2; 3; 6; 11]. Неединообразие сложившейся практики стало предметом пристального внимания органов прокуратуры (указание Генерального прокурора РФ от 25 октября 2013 г. № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»), в результате чего должностные лица ФСИН России фактически перестали принимать уголовно-процессуальные решения о возбуждении уголовных дел, а также об отказе в возбуждении таковых. В настоящее время в случае необходимости ими принимается лишь одно процессуальное решение – передача сообщения о преступлении по подследственности.

Несмотря на значительную противоречивость правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, следует отметить, что правоприменительная практика использования сотрудниками уголовно-исполнительной системы уголовно-процессуальных полномочий в рамках досудебного производства продолжает иметь место. Выражается она преимущественно в том, что при проверке сообщений о преступлениях начальники указанных учреждений либо по их поручению подчиненные им сотрудники производят осмотр места происшествия, назначают экспертизы, производят выемку видеоматериалов и др. При этом следует заметить, что в последующем органы расследования, адвокаты и суды, как правило, не ставят под сомнение правомерность указанных действий сотрудников ФСИН России.

В-третьих, ведомственное образование, реализуемое вузами ФСИН России в первые годы своего существования, осуществляло практически те же образовательные программы, что и вузы МВД России, что способствовало поддержанию на соответствующем уровне условий формирования у курсантов уголовно-процессуальных и криминалистических компетенций. Однако изменения в образовательной политике высшей школы, переход на уровневую систему подготовки и новые федеральные государственные обра-

звательные стандарты (2011) привели к тому, что по сравнению с вузами МВД России в вузах ФСИН России объем учебных дисциплин «Уголовный процесс», «Криминалистика» уменьшился фактически в два раза. Кроме того, ведомственная система высшего, среднего специального и дополнительного профессионального образования в образовательных организациях ФСИН России не предусматривает специальностей, квалификаций и образовательных программ, специально направленных на формирование уголовно-процессуальных и криминалистических компетенций. Отсутствуют и соответствующие курсы повышения квалификации должностных лиц, расследующих пенитенциарные преступления. Мониторинг деятельности вузов МВД и СК РФ показал отсутствие реализации ими образовательных услуг в сфере профессиональной подготовки, повышения квалификации, переподготовки кадров, специализирующихся на расследовании пенитенциарных преступлений.

В-четвертых, успешной реализации уголовно-процессуальных и криминалистических компетенций сотрудниками исправительных учреждений, следственных изоляторов препятствует слабая оснащенность соответствующими техническими средствами. Так, например, для производства осмотра места происшествия в исправительном учреждении, следственном изоляторе специальных криминалистических средств фактически не предусмотрено, кроме унифицированного чемодана оперативного работника. Однако и они зачастую либо находятся в разукомплектованном виде, либо вообще отсутствуют [4; 7].

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что слабая регламентация уголовно-процессуальных полномочий учреждений, органов и должностных лиц ФСИН России несколько не освобождает их от реализации функций, связанных с реагированием на факты совершения преступлений осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, с обеспечением правопорядка и безопасности в местах лишения свободы. Это подразумевается как самой природой уголовно-исполнительной системы, фактически относящейся к числу правоохранительных органов, так и потребностью практики безопасного функционирования исправительных учреждений, следственных изоляторов. Кроме того, не следует забывать про стоящую перед учреждениями и органами, исполняющими наказания, задачу профилактики совершения осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми новых преступлений. В этой связи, как нам представляется, сам факт успешного расследования любого пенитенциар-

ного преступления уже имеет мощнейшее профилактическое значение для большинства осужденных, подозреваемых, обвиняемых. Поскольку ничто так не способствует совершению нового преступления, как безнаказанность за ранее совершенное.

Список литературы:

1. *Аверкин С.Д.* Правовое положение органа дознания при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4.

2. *Гаврилов Б.Я.* Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России как одна из составляющих уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сборник материалов международной научно-практической конференции (Рязань, 24–25 ноября 2016 г.). Рязань, 2016.

3. *Гирько С.И.* Проблемы уголовно-процессуального статуса уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: мифы и реальность // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7 (218).

4. *Данилова И. Ю., Жарко Н. В., Новикова Л.В.* Некоторые особенности обнаружения микрообъектов при расследовании пенитенциарных преступлений // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9 (124).

5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 31.08.2022).

6. *Мальшева О.А.* Особенности производства дознания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в исправительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3.

7. *Назаркин Е. В., Жарко Н. В., Новикова Л. В.* К вопросу об организации, технико-криминалистическом и информационно-справочном обеспечении осмотра места происшествия в ходе расследования убийств и причинения вреда здоровью, совершаемых в учреждениях УИС России // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127).

8. *Петуховский М.А.* Возбуждение уголовных дел о преступлениях, совершаемых осужденными в ИТУ. Рязань, 1977.

9. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20odergahixsya%20v%20IK/Характеристика%20лиц,%20содержащихся%20в%20>

исправительных%20колониях%20для%20взрослых.pdf (дата обращения: 22.04.2022).

10. Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20CIZOiT/Xarakteristika%20лиц,%20содержащихся%20в%20следственных%20изоляторах%20и%20тюрьмах.pdf/> (дата обращения: 14.09.2022).

11. *Шаталов А. С.* Дознание в уголовно-исполнительной системе России: проблемы, тенденции, перспективы // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник материалов пленарного заседания (Рязань, 5–6 декабря 2013 г.). Рязань, 2014.

12. *Шурухнов Н. Г.* Анализ отдельных норм законодательства, определяющих субъекты уголовно-процессуальной деятельности в системе Федеральной службы исполнения наказания // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. № 1.

13. *Шурухнов Н. Г.* Расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях: монография. Москва, 1992.

Александр Викторович Аносов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

Цифровые технологии в системе предупреждения коррупционной преступности

Аннотация

Статья содержит анализ и перспективы использования цифровых технологий по различным направлениям противодействия коррупции, в том числе создания автоматизированных баз данных и систем цифрового мониторинга информационных потоков, программных продуктов на основе технологии блокчейн, а также информационных ресурсов антикоррупционного просвещения.

Ключевые слова и словосочетания: *цифровые технологии; противодействие коррупции; антикоррупционный мониторинг; блокчейн; антикоррупционное просвещение.*

В настоящее время развитие цифровых технологий представляет собой не только элемент повышения эффективности экономической сферы, повышения производительности труда и совершенствования системы оказания государственных и иных услуг, но и является одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности, в том числе повышения защищенности государственных интересов от несанкционированного вмешательства. Источником подобного вмешательства могут являться злоумышленники, реализующие свои коррупционные помыслы, поэтому внедрение современных информационных платформ следует рассматривать как важный элемент общей системы противодействия коррупции. Неслучайно в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг. отражено поручение: «Проанализировать практику применения цифровых технологий при оказании государственных и муниципальных услуг, реализации контрольно-надзорных функций, осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в целях выявления, минимизации и устранения коррупционных рисков, связанных с применением таких технологий, и подгото-

вить предложения по совершенствованию правового регулирования в этой сфере»¹.

В настоящее время в нашей стране реализовано достаточно много различных мер, направленных на противодействие коррупции средствами современных цифровых технологий. В частности, реализация системы удаленного доступа «Портал государственных услуг Российской Федерации» позволила минимизировать личные контакты между поставщиком и получателем услуг и тем самым практически исключить возможность вымогательства или назойливого предложения взятки за нарушения установленного регламента при их реализации.

Также одной из первых отечественных цифровых систем, разработанных, в частности, в целях противодействия коррупции, стала автоматизированная информационная система (АИС) «Налог-3». Ее разработкой и внедрением занимался Главный научно-инновационный внедренческий центр по заказу Федеральной налоговой службы в 2011–2019 гг. В настоящее время АИС «Налог-3» – это построенная на основе единой базы данных полностью централизованная система, позволяющая обеспечивать прием и обработку почти 12 млрд сведений из книг покупок-продаж ежегодно, фиксировать данные с более 120 млн фискальных чеков ежедневно. По открытому аппаратно-программному интерфейсу ежедневно обрабатывается более 2 млн запросов к сведениям о чеках и более 1 млн запросов к сведениям о самозанятых [2]. Среди основных задач, реализуемых данной системой в целях противодействия коррупции, следует отметить:

- упрощение процедур взаимодействия налогоплательщика с ФНС, обеспечение открытости налоговых органов для всех заинтересованных лиц;

- создание единого мультифункционального ресурса, способного с высокой степенью достоверности обеспечить контроль налоговой деятельности налогоплательщика и своевременное выявление фактов уклонения от уплаты налогов;

- гарантированное соблюдение качества и сроков реализации регламентных процедур налогового администрирования;

- обеспечение автоматизированного контроля со стороны руководства ФНС России за деятельностью своих территориальных органов, а также реализацию возможности внутреннего аудита результатов работы своих сотрудников.

Отдельно стоит отметить отечественные программные продукты, созданные в целях мониторинга цифровых сетей и выявления корруп-

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

ционных сделок. Так, в настоящее время перед органами, осуществляющими контроль за проведением закупок на электронном аукционе, стоит задача выявления фактов использования так называемых автоматизированных (роботизированных) ценовых алгоритмов. Аукционный робот представляет собой специальную программу для автоматического выставления заявок на электронных торговых площадках, которая передает ценовое предложение без участия пользователя. В последнее время регуляторы все чаще сталкиваются с аукционными роботами, настроенными на минимальное снижение начальной цены и позволяющими выиграть аукцион заранее определенным участникам.

В целях борьбы с подобными фактами нарушения правил электронных торгов Федеральной антимонопольной службой России разработан специальный программный продукт, получивший название «Большой цифровой кот» [3]. Его задачей является обнаружение по особому алгоритму на основе анализа массива информации с электронных торгов признаков коррупционного сговора. Источниками информации для «Цифрового кота» являются информационные системы нескольких ведомств: Федерального казначейства, Федеральной налоговой службы, Росфинмониторинга, Минкомсвязи и др. В планах ФАС России значится распространение «Цифрового кота» и на другие электронные площадки, такие как Московская межбанковская валютная биржа, товарно-сырьевые рынки и т. д.

Успешная реализация подобных проектов во многом зависит от развития цифровых систем, основанных на анализе больших массивов информации (big data). При этом построенные на их основе программные продукты антикоррупционного мониторинга будут наиболее эффективны при использовании элементов искусственного интеллекта. Развитие нейронных сетей, имитирующих структуру мозга человека и позволяющих с высокой производительностью анализировать информационные потоки, является в настоящее время наиболее перспективным направлением в системе цифрового антикоррупционного прогнозирования.

Несмотря на сложную геополитическую обстановку в мире и ряд экономических проблем, вопросы противодействия коррупции, в том числе с использованием современных цифровых технологий, остаются актуальными и востребованными. В частности, 25 апреля 2022 г. Президентом РФ был подписан указ о начале эксплуатации государственной антикоррупционной информационной системы «Посейдон»¹. Ключевой особенностью данной системы является то, что она работает и в режиме

¹ О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской

мониторинга потоков информации, включая социальные сети, и позволяет использовать базы данных нескольких ведомств: Росимущества, ФНС, Росфинмониторинга и т. д. С помощью «Посейдона» можно составить цифровой портрет любого человека, в том числе выявить наличие таких коррупциогенных факторов, как конфликт интересов, подозрительные связи, участие в сомнительных сделках и пр. Оператором данной системы является Федеральная служба охраны, которая обеспечивает ее устойчивость к взлому, ограниченный доступ пользователей и правомерность использования накопленной информации. Кроме того, использование данной системы курирует Управление Президента РФ по вопросам противодействия коррупции.

Одной из наиболее перспективных технологий, обеспечивающих устойчивость и прозрачность системы учетов, является технология блокчейн. Ключевой особенностью блокчейна, выделяющей его среди аналогов, является децентрализация процессов учета, хранения и обработки информации. Эта особенность позволяет использовать распределенные сети без централизованных систем хранения данных, дорогостоящих информационных центров, устраняет необходимость и возможность резервного копирования, а также обеспечивает каждому узлу сети полный или ограниченный доступ к данным.

Наиболее подходящими формами обработки информации в государственных ведомствах с использованием блокчейна являются различные государственные реестры – от персональных данных граждан до госзакупок, объектов недвижимости и кадастров земель, а также базы данных налоговых и иных регулирующих органов. Для получения сведений из государственного реестра, построенного на блокчейне (например, об объектах недвижимости), не требуется личного обращения гражданина и ожидания срока рассмотрения в течение месяца, обработка запроса и получение ответа занимают считанные минуты. Перенос госреестров и ведомственных архивов на платформу блокчейн будет способствовать решению организационных проблем, ускорит внутренние процессы обработки и предоставления сведений и позволит в конечном итоге сэкономить значительные средства. При этом уже внесенная в блокчейн-систему информация во многих случаях может быть публичной, поскольку это требование повышения прозрачности работы государственных органов является весомым антикоррупционным фактором обоснования их использования.

В частности, в ОВД перспективы реализации технологии блокчейн могут быть связаны с защитой поступающей в ГИАЦ информации о пре-

ступлениях от умышленного искажения, в том числе с целью реализации коррупционных помыслов [1, с. 211]. Сознательное искажение статистических данных и информации о преступлениях может привести к отсутствию адекватного реагирования на изменения в структуре и динамике отдельных видов преступлений и в целом повлиять на формирование и реализацию отдельных направлений уголовной политики государства.

В то же время ряд ограничений в перспективах внедрения блокчейна связан с техническими и финансовыми аспектами. Для успешного включения технологии блокчейн в систему оказания государственных услуг и иные сферы учета необходимо обеспечить равные возможности доступа к ним всех граждан, что подразумевает развитую инфраструктуру телекоммуникаций и обеспеченность Интернетом всего населения. Кроме того, необходимым условием ее функционирования является достижение базовой технической грамотности населения, позволяющей контролировать правильность и безопасность передачи личных и иных значимых данных. Поэтому развитие указанной выше системы требует значительных финансовых вложений, причем не только в разработку, внедрение и сопровождение системы распределенного реестра, но и в развитие телекоммуникационных сетей, правовое и техническое просвещение их пользователей.

Несмотря на всеобщий интерес к блокчейну как технологии будущего, следует признать, что антикоррупционные системы на основе распределенного реестра не являются панацеей. По своим возможностям блокчейн является практически идеальной платформой для надежного и долгосрочного хранения информации, сочетающей невозможность произвольного изменения данных с прозрачностью произведенных транзакций, что позволяет активно использовать эту технологию в любых публичных реестрах, в первую очередь в государственных. Однако ряд трудностей правового, финансового, технического и социального характера препятствует осуществлению массового перехода на нее в большинстве отраслей государственного управления.

Реализация антикоррупционных мер на основе современных цифровых технологий является не только задачей общегосударственного масштаба, отдельные элементы борьбы с коррупцией разрабатываются непосредственно в учреждениях и организациях с целью снижения потенциальных коррупционных рисков. Так, в Академии управления МВД России разработана система централизованной электронной генерации билетов для проведения итоговой аттестации слушателей и адъюнктов. Вопросы для зачета или экзамена генерируются путем случайной выборки из общего фонда оценочных материалов по каждой дисциплине, объединяются в один билет с уникальным цифровым кодом и привязкой ко времени его генерации и распечатываются непосред-

ственно во время проведения аттестации. Результаты сдачи зачета или экзамена также сохраняются в единый банк данных, а сама процедура аттестации фиксируется средствами видеоконтроля.

В системе противодействия коррупции важная роль отводится просветительской деятельности, а использование современных информационно-телекоммуникационных технологий способно значительно повысить ее эффективность. Сюда относятся, прежде всего, различные информационно-ознакомительные ресурсы, на которых граждане могут ознакомиться с результатами работы в сфере борьбы с коррупцией и проблемами, возникающими в ходе реализации данной деятельности. Важно предоставить пользователям возможность не только знакомиться с информацией, но и предоставлять свои сведения о коррупционных деяниях по системе обратной связи.

Интерактивные формы антикоррупционного просвещения позволяют реализовать следующие задачи: пробуждают заинтересованность граждан к проблемам антикоррупционной деятельности; стимулируют критический подход пользователей к получению сведений из сомнительных источников; позволяют осуществлять диалоговый режим связи с аудиторией и следить за ее реакцией; создают возможность для оперативного реагирования по выявленным фактам коррупционных проявлений и оказания квалифицированной юридической помощи гражданам при попытке их вовлечения в коррупционную деятельность.

Таким образом, использование информационных ресурсов органов государственной власти в системе цифрового антикоррупционного просвещения предоставляет возможность разработки интерактивных информационно-просветительских платформ, способных существенно увеличить число их пользователей и повысить отдачу от размещаемого в них контента.

Список литературы:

1. *Аносов А. В.* Использование технологии блокчейн в процессе формирования и учета криминологической информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2.
2. Как устроена АИС, на которой работает вся система налогообложения в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/articles/2021-08-16_kak_ustroena_aisna_kotoroj_vystroena (дата обращения: 10.08.2022).
3. Цифровой кот подрос и обрел «лицо» [Электронный ресурс]. URL: https://fas.gov.ru/news/28865?fbclid=IwAR03FtsNG_Ds7eceLN1b8_Zz6rAseVU3sKT0raBQHwL1_fzb_OL6USc1Ako (дата обращения: 10.08.2022).

Сергей Владимирович Валов,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации

Адресные фокус-группы профилактического воздействия по уголовным делам об оказании детям услуг, не отвечающих требованиям безопасности

Аннотация

Действенность и эффективность профилактического воздействия зависит от комплексного использования общих и специальных мер профилактики в отношении адресных фокус-групп, определяемых исходя из видового состава субъектов общественных отношений, которым причинен вред преступлением. Выделены и описаны адресные фокус-группы, в отношении которых следователи реализуют меры профилактического воздействия в ходе досудебного производства по уголовному делу о преступных нарушениях требований безопасности при оказании услуг детям.

Ключевые слова и словосочетания: *следователь; профилактическое воздействие; фокус-группа; несовершеннолетние; безопасность; опасные услуги.*

Каждый потребитель, обращаясь к исполнителю за оказанием услуги, рассчитывает по результатам выполнения гражданско-правового договора получить на возмездной основе определенные материальные или нематериальные блага.

В качестве охраняемых общественных ценностей выступает жизнь и здоровье потребителя, а в силу ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации под особую охрану государства поставлены жизнь и здоровье несовершеннолетних.

Государство, действуя во исполнение своих конституционных обязанностей и в пределах предоставленных ему полномочий, устанавливает требования безопасности к услугам¹, определяет стандарты обеспечения их качества, регулирует правоотношения между

¹ О защите прав потребителей: Закон Рос. Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140; 2022. № 29. Ч. III. Ст. 5233.

потребителем и исполнителем услуги¹, создает контрольно-надзорные органы и определяет порядок их деятельности².

Так, под безопасностью услуг торговли понимается комплекс таких присущих им свойств, проявление которых при обычных условиях их оказания не подвергает недопустимому риску жизнь, здоровье и имущество покупателя (потребителя).

Преступное нарушение требований безопасности, установленных международно-правовыми актами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, которое при оказании услуг в обычных условиях могло повлечь за собой наступление опасности для жизни или здоровья человека, подразумевает привлечение к уголовной ответственности (ст. 238 УК РФ). Нарушение таких требований при оказании услуг, предназначенных для детей в возрасте до шести лет, образует квалифицированный состав преступления (п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ).

Несовершеннолетние могут пострадать как непосредственно от адресно оказываемой им (индивидуально или совместно с сопровождающими их лицами) услуги, так и в результате последствий отступления от регламента оказания услуги иным лицам (например, в результате удара оборвавшегося крепления подвесной конструкции карусели, наезда гидроскутера в зоне, предназначенной только для купания). Статья посвящена профилактическому воздействию по результатам расследования уголовных дел о преступлениях, по которым несовершеннолетние выступали адресными потребителями услуг самостоятельно или совместно с сопровождающими их лицами.

Производство предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ, отнесено к исключительной компетенции следователей Следственного комитета Российской Федерации (пп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК).

Применяя ч. 2 ст. 158 УПК РФ и решая одну из основных задач, поставленных перед Следственным комитетом России³, следователи осуществляют общую и индивидуальную профилактику в процессуальных и непроцессуальных формах, применяют общие

¹ Гражданский кодекс Рос. Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

² Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2004 г. № 322 // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2899; 2021. № 41. Ст. 6985.

³ О Следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и специальные меры профилактики¹ в отношении адресных фокус-групп, определенных на основе информации, полученной в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ.

Обобщение практики расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ, в 52 региональных и транспортных следственных органах позволяет выделить следующие адресные фокус-группы мер профилактического воздействия:

- 1) субъекты оказания услуги;
- 2) потенциальные потребители услуги;
- 3) посредники между исполнителями и потребителями услуги;
- 4) контрольно-надзорные органы.

Каждая из выделенных групп неоднородна, поэтому подлежит дополнительной дифференциации для конкретизации адресатов и выбора нужной меры (комплекса мер) профилактического воздействия.

Группа субъектов оказания услуги по признаку вовлеченности в механизм совершения преступления подразделена на две подгруппы: 1) субъекты, чье преступное деяние стало объектом предварительного расследования; 2) субъекты, оказывающие аналогичные услуги, которые при определенных условиях могут создавать угрозу жизни и здоровью их клиентов.

По признаку отношения к оказываемой услуге, которая не отвечает требованиям безопасности, в составе субъектов выделены: 1) собственники имущественного комплекса (индивидуальные предприниматели); 2) руководители (менеджеры); 3) персонал, непосредственно задействованный в процессе оказания услуги (контролеры, технический персонал, аниматоры и др.).

В том случае, если юридическое лицо имеет департаментно-распределенную структуру (по территориальным образованиям, местам размещения обособленных имущественных комплексов, по видам оказываемых услуг), видовой состав адресатов профилактического воздействия уточняют применительно к конкретной организации, специализирующейся на оказании услуг. Например, компания по оказанию развлекательных услуг детям на аттракционном оборудовании может иметь разные места дислокации в пределах одного города, использовать для извлечения прибыли разные ориентированные на клиентов модели организации бизнеса. Происшествие на одном из них требует проверки организации и контроля

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26. Ч. I. Ст. 3851.

безопасности в каждом территориальном подразделении. В сетевой компании, имеющей обособленные подразделения в разных населенных пунктах, в сферу профилактического воздействия необходимо вовлечь всех лиц, имеющих отношение к оказанию типовых услуг, при выполнении которых была создана угроза жизни и здоровью только в одном подразделении.

Планируя производство расследования, следователь учитывает все виды процессуальной и непроцессуальной профилактики, не сводя весь доступный ему арсенал методов и средств к внесению представлений, предусмотренных ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Профилактическую направленность должен иметь весь ход предварительного расследования с максимальным охватом тех лиц, которые в том или ином качестве стали участниками уголовного судопроизводства.

В ходе расследования уголовного дела следователь обязан реагировать не только на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, но и на иные нарушения закона, выявленные им в ходе процессуальной деятельности.

Внося представление, следователь реализует предоставленное ему правомочие принудить другую сторону при помощи определенного в УПК РФ правового средства к принятию мер, направленных на устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона, под угрозой привлечения адресата к административной ответственности в случае его бездействия после получения представления.

Адресованное руководителю (собственнику) представление следователя о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления и иных нарушений закона, должно быть законным, обоснованным и мотивированным. В Калужской и Тамбовской областях требования к содержанию и последовательности изложения составных частей представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона, закреплены организационно-распорядительными актами руководителей региональных следственных управлений¹.

¹ О мерах по организации работы по выявлению в ходе расследования уголовных дел обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и их устранению: распоряжение руководителя СУ СК России по Калужской области от 27 апреля 2016 г. № 44/216р; О мерах по усилению работы в сфере профилактики преступности и использования полномочий по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений: распоряжение руководителя СУ СК России по Тамбовской области от 13 августа 2018 г. № 40/216р.

В зависимости от характера установленных обстоятельств преступления или других нарушений закона следователь избирает императивную или рекомендательную форму изложения резолютивной части представления.

Императивная форма уместна, когда в нормативных правовых актах определены обязанности адресата, выполнение которых должно предупреждать совершение преступлений. Так, исполнитель услуги обязан незамедлительно приостановить ее реализацию неопределенному кругу лиц до устранения причин вреда, нанесенного одному или нескольким потребителям. Если же он не может устранить причины вреда, то обязан прекратить оказание услуги.

Рекомендательная форма соответствует ситуациям наличия возможности выбора адресатом представления одного из нескольких вариантов действий или решений, результаты которых затруднят при прочих равных условиях совершение аналогичного преступления. Информация о принятии необходимых мер безопасности при нахождении на объекте, оказывающем услуги, может быть доведена посредством выдачи специальных памяток, размещения на специализированных стендах, обратной стороне билета или квитанции об оплате. Для обеспечения безопасности потребителя собственник самостоятельно определяет конкретный тип и вид временной экипировки (спасательные жилеты, каски, перчатки и т. п.), в том числе учитывая предложения, представленные в розничной или оптовой торговле.

Руководство Следственного комитета Российской Федерации требует обеспечить по каждому уголовному делу направление представления, не дожидаясь завершающего этапа расследования¹.

Направлением представления профилактическая деятельность следователя по расследуемому уголовному делу не заканчивается. Обязательным является личное участие сотрудников следственных органов в рассмотрении адресатом представления. Информацию о таком намерении в обязательном порядке включают в текст резолютивной части представления. Конкретное должностное лицо следственного органа СК России, которое примет участие в рассмотрении адресатом представления, не указывают, т. к. по решению руководителя следственного органа в данном мероприятии могут участвовать непосредственно руководитель, его заместитель, следователь, составивший представление, а также иные сотрудники след-

¹ О мерах по совершенствованию организации работы в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в отношении несовершеннолетних: указание СК России от 2 июля 2018 г. № 2/206.

ственного органа, например обладающие аналитической информацией по аналогичным фактам в других организациях, оказывающих подобные услуги.

Представление, адресованное уполномоченным субъектам в организации, которая оказывала не отвечающие требованиям безопасности услуги, по своему содержанию не совпадает с представлениями, направляемыми иным адресатам, которые специализируются на аналогичных услугах. Целесообразно рекомендовать им осуществить внеплановые проверки оборудования, неправильная эксплуатация которого может вызвать последствия, аналогичные тем, которые установлены в ходе расследования уголовного дела, провести дополнительные инструктажи обслуживающего персонала, обратив внимание на возможность наступления неблагоприятных последствий при отклонении от регламента оказания услуги или обслуживания оборудования, которое используют в ходе своей предпринимательской деятельности.

Следователь может инициировать осуществление иными субъектами профилактики их деятельности и применение определенных нормативными правовыми актами мер воздействия в отношении представителей бизнес-сообщества, которые оказывают услуги, аналогичные тем, которые уже создали угрозу жизни и здоровью несовершеннолетних. Так, направление следователем информации может подвигнуть уполномоченные органы, осуществляющие контрольно-надзорные полномочия, провести внеплановые проверки соответствующих юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В том случае, если в ходе предварительного расследования будет установлено, что исполнитель услуги не выполнил требования по прекращению ее оказания населению, то уполномоченный федеральный орган исполнительной власти на основе информации следователя примет меры по отзыву такой услуги с внутреннего рынка и (или) от потребителя или потребителей в порядке, установленном законодательством РФ. Проблема состоит в том, что в настоящее время урегулирована процедура отзыва продукции, но не услуги¹. Информация следователя может быть положена в основу официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений.

Группа потенциальных потребителей услуги подразделена на несовершеннолетних и взрослых. В зависимости от адресной аудитории услуги могут быть предоставлены: а) только детям;

¹ О техническом регулировании: Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 52. Ч. 1. Ст. 5140.

б) только взрослым; в) обеим категориям потребителей. Угроза жизни и здоровью несовершеннолетнего может возникнуть в результате отступления от требований ограничения по возрасту для потребителей услуги, например при оказании ребенку услуги, предназначенной взрослому, или нарушения требований сопровождения несовершеннолетнего взрослым в период оказания услуги.

По правовой связи взрослых с несовершеннолетним выделим следующие группы: 1) законные представители (родители, опекуны, попечители); 2) иные сопровождающие лица (в том числе и лица, оказывающие услуги временного наблюдения и воспитания).

В ходе изучения материалов установлено, что в ряде случаев родители не проявляют должной осмотрительности при принятии решения о предоставлении ребенку материальных или нематериальных благ, обращаясь за той или иной услугой к исполнителю. Полагаем, что такое поведение можно рассматривать в качестве объекта оказания профилактического воздействия.

В качестве мер оказания такого воздействия применяют: 1) профилактическую беседу; 2) правовое просвещение; 3) правовое информирование; 4) оказание правовой, социальной, психологической и иной поддержки лицам, подверженным риску стать пострадавшими от преступлений, которая осуществляется с их согласия в соответствии с законодательством РФ в целях снижения такого риска.

Средствами профилактического воздействия могут выступать: 1) материалы: а) подготовленные для средств массовой информации; б) размещенные в тематических разделах интернет-сайтов следственных органов, контрольно-надзорных органов, образовательных учреждений; 2) памятки для родителей и лиц, оказывающих услуги няни или выполняющих функции сопровождающего, руководителя организованной группы. Следователи следственных органов выступают перед родителями на собраниях в образовательных организациях, готовят самостоятельно или совместно с представителями образовательных организаций (органов управления образованием) тематические материалы для учебных занятий по основам безопасности жизнедеятельности, проводят внеклассные занятия в школах, в том числе и тренинги в игровой форме, для формирования навыков социализации при выборе и обращении за услугами.

Особую адресную группу профилактического воздействия образуют посредники между исполнителями и потребителями услуг. Они, как правило, заинтересованы исключительно в выполнении агентских услуг и получении прибыли. Вместе с тем они формируют приток клиентов к тем исполнителям, в деятельности кото-

рых выявлены отступления от требований безопасности. В этой связи игнорировать данную адресную фокус-группу ни в коем случае нельзя. В ходе расследования уголовного дела необходимо установить схему продажи билетов потенциальным клиентам; разобраться в том, предусматривает ли она передачу части билетов посредникам; где расположены точки их распространения клиентам. После установления перечня посредников уточняют вид мер профилактического воздействия, к которым могут быть отнесены (с учетом конкретных обстоятельств преступления) профилактические беседы и профилактическое информирование об оказании контрагентами услуг, не отвечающих требованиям безопасности, убеждения в сокращении предложений от данного исполнителя потенциальным клиентам на основе предоставления сведений о временном прекращении оказания услуг исполнителем, формирование социальной ответственности за последствия предложения услуг, которые могут представлять опасность для жизни и здоровья клиентов.

Предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, а равно минимизация риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований, выступают задачами контроля и надзора, осуществляемого уполномоченными органами и должностными лицами¹. При надлежащей организации работы контрольно-надзорные органы должны действовать на упреждение и не допускать выхода на рынок тех исполнителей, услуги которых могут повлиять на жизнь и здоровье потребителей под угрозой.

Однако практика показывает, что отступления от рекомендованных стандартов осуществления контроля и надзора, отсутствие настойчивости в реализации своих законных требований по устранению выявленных недостатков создают условия для совершения преступлений в сфере оказания услуг детям².

Следователи направляют руководителям и должностным лицам контрольно-надзорных органов представления, в которых указывают на выявленные в ходе предварительного расследования недостатки в осуществлении контрольно-надзорной деятельности, предлагают изменить систему контроля за действиями подчинен-

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

² Рассмотрены исключительно ситуации, в которых бездействием или ненадлежащим выполнением своих обязанностей представители контрольно-надзорных органов создавали условия для преступлений иных лиц, а не совершали должностные преступления.

ных сотрудников (работников), пересмотреть тематику занятий с ними, совершенствовать инструментарий проверок с учетом ранее допущенных отступлений от имеющихся требований, изменить модели и частоту (в пределах, установленных законодательством) проверок на основе риск-ориентированного подхода.

Вместе с тем полагаем, что ориентация на привлечение сотрудников (работников) контрольно-надзорных органов к дисциплинарной ответственности и использование числа лиц, привлеченных к такому виду ответственности, в качестве оценочного показателя профилактической деятельности следственных органов СК России не в полной мере соответствует действующему законодательству и не отражает принятия мер по устранению условий, способствовавших совершению преступлений, предусмотренных ст. 238 УК. Работодатель не обязан привлекать лицо к дисциплинарной ответственности. Сам факт привлечения лица, допустившего нарушение порядка выполнения функциональных обязанностей, к ответственности не устраняет недостатки в организации контрольно-надзорной деятельности, которые при их сохранении поспособствуют аналогичным нарушениям со стороны иных лиц.

Таким образом, принцип системности в осуществлении профилактики правонарушений требует от следователей следственных органов охвата общими и специальными мерами профилактической деятельности в процессуальной и непроцессуальной форме всех четырех выделенных нами адресных фокус-групп.

Систематизация и обобщение информации о каждой фокус-группе, их составных элементах направлены на обеспечение других принципов осуществления следственными органами профилактической деятельности, требующих единства подходов и научной обоснованности в разработке и реализации профилактического воздействия в ходе общей и индивидуальной профилактики.

Результаты расследования уголовных дел о преступных нарушениях при оказании услуг детям требований безопасности, установленных нормативными правовыми актами, используются для своевременной разработки и реализации мер, направленных на конструирование социального пространства без обстоятельств, которые могут поспособствовать совершению преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, и на предотвращение опасности для жизни или здоровья несовершеннолетних.

Яна Юрьевна Васильева,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Университет прокуратуры Российской Федерации

Влияние научного наследия профессора Н. А. Стручкова при исследовании вопросов назначения и исполнения уголовного наказания

Аннотация

Автор рассматривает влияние научных трудов Н. А. Стручкова на законодательное и теоретическое формирование основных положений назначения и исполнения уголовного наказания. Проводится исторический анализ норм законодательства в области уголовно-исполнительного права. Рассмотрены основные принципы исполнения наказаний, которых придерживался Н. А. Стручков, представлены выдержки из его трудов. Н. А. Стручков научно обосновывал свободу исполнительно-трудового права в правовой системе. В процессе исследования автор приходит к выводу о значительном вкладе ученого в современную теорию уголовно-исполнительного права, а также о все еще существующем несовершенстве работы исправительных учреждений на практике, что, безусловно, требует дальнейших модернизаций.

Ключевые слова и словосочетания: *исправительные учреждения; цели уголовного наказания; труды Н. А. Стручкова; назначение уголовного наказания.*

Профессор Н. А. Стручков внес большой вклад в развитие общей теории наказания и исполнения наказаний, а также общих теоретических основ исправительно-трудового права (ИТП). Последовательно в своей творческой деятельности Н. А. Стручков научно обосновывал свободу исполнительно-трудового права в правовой системе, которое имеет свой предмет регулирования, методы правового воздействия, присущие исключительно ему.

Подробное теоретическое исследование проблемы было проведено им в докторской диссертации «Правовое регулирование исполнения наказания. Основные проблемы советского исправительно-трудового права». Указанный научный труд представляет собой первое и основное теоретическое исследование, в котором рассмотрены важнейшие проблемы исправительной науки, такие как само-

стоятельность отрасли ИТП, правоотношения работников, правовое положение осужденных при отбытии наказаний, связанных с исправительными работами, основные средства исправления и др.

После вступления в силу таких актов, как Основы исправительно-трудового законодательства (1969 г.) и исправительно-трудовые кодексы союзных республик (1970–1971 гг.), Н. А. Стручков подтвердил мысль о необходимости расширения предмета исполнительно-трудового права. При этом ученый предлагал к сфере предмета правового регулирования относить помимо самого исполнения наказаний, связанного с мерами исправительно-трудового воздействия, также и регулирование исполнения всех видов наказаний, что позже было реализовано в политике и праве и сегодня является общепризнанным.

После принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 г. «Положения о порядке и условиях исполнения уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных» Н. А. Стручковым в теоретическом аспекте была доказана принципиальная возможность объединения всех правовых актов, которыми регулируется исполнение уголовных наказаний, в единый пласт уголовно-исполнительного законодательства, а в связи с этим следует произвести переименование исправительно-трудового права в уголовно-исполнительное право.

Важным для Академии ФСИН России являлся тот факт, что именно Н. А. Стручковым было инициировано открытие высшего учебного заведения для обучения работников исправительно-трудовых учреждений. В выступлении на научно-практической конференции по проблемам борьбы с рецидивной преступностью в 1968 г., делая опору на результаты социологических исследований происшедших изменений в генезисе преступников, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, их омоложение, а также повышение образовательного уровня, Н. А. Стручков доказал необходимость в усилении подготовки для ИТУ работников высшей квалификации, создании нового высшего учебного заведения на базе одной из действующих средних специальных школ [3, с. 45].

Его идея была воплощена в открытой в 1970 г. Рязанской высшей школе МВД СССР, и в 1987 г. – Уфимской школе. Позднее постановлением Ученого совета Рязанского института права и экономики МВД России от 28 апреля 1997 г. кафедре уголовного права юридического факультета было присвоено имя доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Николая Алексеевича Стручкова.

Н. А. Стручков теоретически подтвердил многие действующие принципы уголовно-исполнительного законодательства.

Поэтому одной из тем в направлении внимания профессора Н. А. Стручкова стала проблема гуманности при исполнении наказания.

Н. А. Стручков обращался к этой проблеме в ряде своих работ, например в курсе лекций, монографиях об исправительно-трудовой политике. Этот вопрос был достаточно подробно рассмотрен в Общем разделе курса советской реформы исправительно-трудового права. Рассматривая гуманность как общеправовое начало, Н. А. Стручков определяет ее как «минимум и мягкость репрессии, совместимой с задачами охраны общества и членов общества – граждан от преступлений и преступников», и особо отмечает, что хотя наказание и выражается в определенных лишениях, однако такие лишения и страдания не являются целью наказания.

По поводу рассматриваемого принципа Н. А. Стручков высказывал свою непримиримую позицию: «Гуманизм по отношению к преступнику – не блажь, а императив обновляющегося общества» [1, с. 97].

Пределы такой гуманности выражаются в правовых ограничениях, налагаемых законом. Характер и степень этих ограничений, к сожалению, и по сей день отражают старое отношение лагерей к заключенным. В них цели изоляции превосходят воспитательные, до сих пор считается, что большее ограничение во время лишения свободы лучше.

На сегодняшний день много говорится о гуманности как об одном из принципов права вообще, в том числе и уголовно-исполнительного, однако стоит подчеркнуть, что до сих пор работники на практике нередко проявляют скептическое отношение к гуманности процесса исполнения наказания.

Имя Н. А. Стручкова связывают с детальным подтверждением и дальнейшим развитием принципа легитимности в деятельности ИТУ. Он писал: «Вредны и опасны, а потому и абсолютно недопустимы такие нарушения, как установление недозволенных контактов сотрудников учреждения с осужденными..., чтобы с их помощью поддерживать «порядок» в зоне, а также противопоставление разных групп осужденных друг другу» [2, с. 91].

Н. А. Стручков не игнорировал принцип дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и исполнения наказания. В своих работах он, говоря о наличии в нашей стране уголовно-исполнительной системы, рассуждал о том, что последняя позволяет правоохранительным органам, особенно судам как единственному судебному органу, руководствоваться такими принципами, как «экономия репрессии»; различают ответственность и пер-

сонализацию наказания не только по тяжести и характеру совершенного преступления, но и по степени опасности самой личности субъекта преступления, уменьшая и увеличивая обязанность с учетом конкретных обстоятельств дела.

Как верно отмечал профессор, дифференциация ответственности и индивидуализация как принципы наказания обуславливают необходимость учитывать, насколько негативные характеристики наказания будут препятствовать эффективности достижения цели исправления осужденного, а также установить для каждого вида «его» наказания правила, комплекс правовых ограничений, относящихся только к этому типу.

Н. А. Стручков разделял мнение о строгом и беспрекословном соблюдении общих требований закона для всех осужденных, одновременно с разным воздействием с помощью юридических, а также психологических методов и обучения отбывающих наказание лиц.

Согласно концепции Н. А. Стручкова значением наказания является кара, а исправительно-трудовое влияние заключается в сопутствии наказанию и находится вне его содержания.

Включение воспитательных элементов как средства достижения целей уголовного наказания, по мнению ученого, диктуется необходимостью формирования правосознания преступника, не позволяющего ему совершать преступления в будущем. Влияние исправления играет важную роль в достижении цели наказания, не входя в его содержание. Ведь наказание есть институт уголовного права, а исправительно-трудовое воздействие есть институт исправительно-трудового права.

Реабилитация предотвращает будущие преступления, изменяя поведение обвиняемого. Примеры реабилитации включают образовательные и профессиональные программы, помещение в лечебный центр и консультирование. Сдерживание, изоляция от общества и реабилитация преступников – все это аргументы, которые касаются последствий наказания. Все они являются перспективными теориями целей наказания.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний. Москва, 2021.
2. *Стручков Н. А.* Курс исправительно-трудового права: проблемы общей части. Москва, 1984.
3. *Стручков Н. А.* Курс исправительно-трудового права: проблемы особенной части. Москва, 1985.

Борис Яковлевич Гаврилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России

Реалии и мифы борьбы с коррупционной преступностью в России через призму криминологической оценки ее состояния

Аннотация

Статья посвящена анализу основополагающих положений Уголовного кодекса Российской Федерации в части уголовно-правовых санкций за преступления коррупционной направленности и их влияния на эффективность реализации государством в лице правоохранительных и судебных органов мер по обеспечению справедливости наказания за уголовно наказуемые деяния данного вида.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный закон; преступления коррупционной направленности; законность; справедливость; равенство прав граждан перед законом; гуманизм; суд; приговор; лишение свободы; штраф; судебная статистика.*

Исследуя проблемы борьбы с коррупционной преступностью и роль законодателя в оптимизации уголовно-правовой политики государства в области обеспечения экономической безопасности страны, возможно говорить о том, что в России создана необходимая законодательная база в противодействии коррупции, включая такие наиболее опасные виды преступлений, как дача, получение взятки, коммерческий подкуп и посредничество при их совершении, а также иные виды получения незаконного вознаграждения. Особое внимание автор обращает на то, что уголовно-правовые нормы призваны реально обеспечить борьбу с коррупцией как путем установления подлежащего всеобщему осуждению противоправного поведения, которое влечет за собой уголовную ответственность, так и под угрозой назначения судом достаточно строгого наказания, включая длительное лишение свободы, путем установления соответствующих границ уголовно-правовых санкций, учитывающих степень общественной

опасности совершенного преступного деяния для экономики страны, причиненного государству и гражданам ущерба. Излагая данную проблему, автор учитывает, что существующие в этой сфере проблемы деятельности правоохранительных и судебных органов как ранее, так и в настоящее время подвергаются постоянным исследованиям.

В этой связи следует отметить, что в Российской Федерации правовую основу противодействия преступности в сфере экономики и коррупционных проявлений составляют Конституция, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации. Непосредственное влияние на противодействие коррупции призвана оказывать и государственная политика, реализация которой находит свое отражение в положениях Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в Указе Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» и непосредственно в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Реализации эффективных мер по предупреждению и искоренению коррупции призваны способствовать и выработанные международным сообществом такие нормативные правовые документы, как Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г.

При этом, реально оценивая состояние борьбы с коррупционной преступностью как негативное и одновременно осуществляя поиск наиболее результативных мер по ее противодействию, автор в своей оценке данной проблемы обращается к позиции как представителей научного сообщества, так и практикующих юристов. Важно в этом вопросе и понимание причин и иных факторов, способствующих совершению данного вида преступлений, а также механизмов их функционирования и трансформации.

Одной из причин негативной оценки, по мнению автора публикации, является провозглашенный курс на либерализацию уголовного наказания, принявшую в ходе реформирования уголовного законодательства радикально либеральный характер, включая значительное снижение, а по ряду составов преступлений – исключение нижних размеров уголовно-правовых санкций, в первую очередь в виде лишения свободы, за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, что было негативно воспринято не только видными рос-

сийскими учеными-криминологами, как А. И. Алексеев, В. С. Овчинский и Э. Ф. Побегайло [1, с. 40–59], но и практиками [3, с. 110–116].

В этой связи представляется необходимым обратиться к ряду публикаций в части существующих среди научного сообщества точек зрения относительно уголовно-правового воздействия на лиц, обвиняемых в совершении коррупционных преступлений, а также принимаемых государством мер по противодействию указанному виду преступлений. Среди них автор считает необходимым выделить точку зрения известных российских криминологов А. И. Долговой [6], В. В. Лунеева [8, с. 20], П. С. Яни [10, с. 58], критикующих либерализм судей и призывающих к усилению уголовно-правовых санкций за преступления данного вида.

Критике подвергаются и в целом меры по реформированию уголовного законодательства в части борьбы с коррупционными преступлениями, носящие в течение двух последних десятилетий в основном радикально либеральный характер [5, с. 51–64].

Наряду с указанными точками зрения весьма распространены и высказывания, что «репрессивные меры к коррупционерам, в первую очередь из числа государственных служащих, должны стоять чуть ли не на последнем месте в борьбе с коррупцией» [7, с. 5; 3, с. 75]. По данному вопросу видный российский исследователь борьбы с коррупцией Г. А. Сатаров, не отрицая требования «силовой» войны с данным видом преступлений, указывает на необходимость разработки и реализации комплексной или смешанной стратегии по противодействию коррупции, имея в виду и применение уголовных репрессий [2, с. 212], которые сегодня с позиции эффективности борьбы с коррупцией вряд ли возможно признать достаточными.

Одновременно автор обращается к точке зрения С. В. Максимова [9, с. 77], предлагающего переход от преимущественного использования при конструировании правовых норм альтернативных относительно определенных санкций, предусматривающих, например, назначение сегодня уголовного наказания в виде лишения свободы от двух месяцев до 15 лет (ч. 4 ст. 111 УК РФ) или штрафа от 5 тыс. руб. до 1,5 млн руб. (ч. 3 ст. 183 УК РФ), к преимущественному использованию альтернативных абсолютно определенных санкций (например, лишение свободы на срок два года или исправительные работы на один год). Высказанную данным автором позицию возможно было бы и принять, однако данный подход может привести, с одной стороны, к ограничению дифференциации уголовно-правовых санкций, а с другой – способен сузить в разумных пределах возможности судейской дискреции, которую

законодатель в случаях назначения судом наказания предусмотрел в конкретных нормах уголовного закона.

Высказывая собственную позицию, автор обращается в первую очередь к конкретным изменениям законодателем норм уголовного закона, регламентирующих ответственность за наиболее распространенные виды коррупционных преступлений, что обусловило сложившуюся в настоящее время неоднозначную судебную практику назначения судами за эти виды преступлений уголовного наказания, размеры которого вполне сравнимы с наказаниями, например, за кражи чужого имущества и аналогичные преступления. Анализируя внесенные законодателем изменения, автор отмечает, что начало этому негативному процессу (псевдолиберализации уголовного законодательства) было заложено принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым были исключены нижние границы уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы из значительного числа преступлений небольшой и средней тяжести. В определенной степени эти меры в тот период следует признать вполне обоснованными в силу объявленной государством политики гуманизации уголовной ответственности.

Однако в последующие годы Федеральным законом от 28 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона "О противодействии коррупции"» позиция законодателя в части либерализации уголовной ответственности была распространена и на категории тяжких и особо тяжких преступлений, включая такие наиболее опасные виды уголовно наказуемых деяний, как взяточничество в различных его проявлениях.

И особо в этой связи следует выделить Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым из 68 составов тяжких и особо тяжких преступлений были исключены нижние пределы уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы и штрафа, составляющие на сегодня соответственно два месяца лишения свободы (ч. 2 ст. 56 УК РФ) и 5 тыс. руб. штрафа (ч. 2 ст. 46 УК РФ), которые вполне соотносятся, например, с наказаниями по ст. 1581 УК РФ (мелкое хищение), предусматривающей наказание до 1 года лишения свободы или штрафа до 40 тыс. руб.

Внесенные перечисленными выше федеральными законами изменения в УК РФ фактически разбалансировали судебную практику назначения наказания, и одновременно были необоснованно расширены границы применения российскими судьями своих дискреционных полномочий, превратив в ряде случаев возможности судебного усмотрения при назначении уголовного наказания в судебный произвол, примеры чему на практике достаточно распространены [3, с. 74–82].

Изложенное выше наглядно подтверждается приведенным далее анализом конкретных уголовно-правовых санкций за отдельные виды коррупционных преступлений, а также статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о назначаемых судами за их совершение наказаниях, обращаясь в первую очередь к таким видам коррупционных деяний, как дача и получение взятки, коммерческий подкуп и посредничество при их совершении и др.

Так, весьма характерной в этом плане является предусмотренная ч. 3 ст. 183 УК РФ уголовно-правовая санкция в виде штрафа за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Анализ данной уголовно-правовой санкции наглядно указывает на то, что Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации» размер штрафа был существенно увеличен (с 200 тыс. до 1,5 млн руб.), с чем следует согласиться. Вместе с тем законодатель, на что выше автором обращено внимание, не указал его нижней границы, что не только не способствует формированию единой судебной практики, но фактически нередко ведет к безнаказанности за совершение преступлений данного вида. Так, приговором Куйбышевского районного суда г. Омска гр-н К. за совершение 20 эпизодов преступной деятельности в отношении клиентов банка, квалифицируемых каждый по ч. 3 ст. 183 УК РФ, осужден к штрафу в 150 тыс. руб. При этом по каждому эпизоду преступной деятельности ему было назначено наказание в виде штрафа в 100 тыс. руб. Тем самым судом было допущено существенное отступление от установленного в ч. 2 ст. 69 УК РФ правила назначения наказания при совокупности преступлений, предусматривающего их сложение в размере, не превышающем полуторного размера наказания за наиболее тяжкое преступление. Исходя из заложенной в данной уголовно-правовой норме санкции и в силу действия указанного принципа сложения наказания по совокупности совершенных преступлений оно могло быть назначено в виде штрафа в размере до 2 млн 250 тыс. руб., что явно не соотносится с назначенным осужденному наказанием в 150 тыс. руб.

Одновременно санкция ч. 3 ст. 183 УК РФ в числе видов наказания предусматривает лишение свободы до пяти лет без указания нижней границы, что также порождает неоднородную судебную практику. Так, по приговору Красноармейского районного суда г. Волгограда гр-н М. осужден по ч. 3 ст. 183 УК РФ к 1 году и 6 месяцам лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ условно, а Октябрьским районным судом г. Санкт-Петербурга за совершение преступления с аналогичной квалификацией гр-н Сеницын осужден также условно к 6 месяцам лишения свободы. Аналогичная ситуация и с уголовно-правовой санкцией в виде лишения свободы по ч. 4 ст. 183 УК РФ, которая указанным выше Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420 хотя и была снижена с десяти до семи лет, с чем возможно было бы и согласиться, однако законодатель, как и в ряде других уголовно-правовых санкций, не указал ее нижнюю границу.

Как следствие подобной судебной практики, из 79 осужденных в период с 2018 по первое полугодие 2021 г. по указанным составам преступлений к реальному лишению свободы, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, никто не был осужден, хотя санкция по ч. 3 ст. 183 УК РФ предусматривает лишение свободы до пяти лет, а по ч. 4 данной статьи – до семи. В свою очередь, к штрафу были приговорены в 2018–2019 гг. примерно каждый третий, в 2020 г. – каждый второй и в первом полугодии 2021 г. – каждый пятый из числа осужденных, что отражено в таблице 1.

Таблица 1

**Сведения о числе осужденных по чч. 3 и 4 ст. 183 УК РФ
(здесь и далее по тексту приведены статистические сведения
Судебного департамента при Верховном Суде РФ) [11]**

Статья УК РФ	2018		2019		2020		1-е полугодие 2021	
	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183
Осуж- дено (всего)	13	2	32	-	22	-	10	0
Из них к лише- нию свобо- ды	0	0	0	-	0	-	0	0
Штраф	4	0	9	-	11	-	2	0

Продолжая исследование предпринятых законодателем мер по борьбе с отдельными видами коррупционных деяний, следует отметить, что Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в УК РФ была введена ст. 200⁵, устанавливающая ответственность за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, что в целом следует оценивать как реальную меру законодателя по борьбе с коррупцией. Однако приведенные ниже в таблице 2 статистические данные о числе осужденных показывают, что она не способна реально воздействовать на лиц, совершивших преступления указанного вида, и, соответственно, на профилактику указанных преступлений, хотя ими наносится значительный ущерб экономической деятельности государства.

Таблица 2

Сведения о числе осужденных по ст. 200⁵ УК РФ

Статья УК РФ	2019	2020			1-е полугодие 2021	
	ч. 2 ст. 200 ⁵	ч. 1 ст. 200 ⁵	ч. 5 ст. 200 ⁵	ч. 6 ст. 200 ⁵	ч. 5 ст. 200 ⁵	ч. 6 ст. 200 ⁵
Осуждено (всего)	1	1	2	1	2	1
Из них к лишению свободы	0	0	0	0	0	0
Штраф	1	1	0	0	0	0

Одновременно автор обращает внимание, что по ряду составов коррупционных преступлений законодатель воспринял критические высказывания, предусмотрев за их виды достаточно высокие размеры штрафа с одновременным установлением его нижних пределов. Так, по ч. 1 ст. 200⁵ УК РФ в качестве основного наказания предусмотрен штраф в размере от 300 до 500 тыс. руб., по ч. 2 – от 500 тыс. до 1 млн руб., по ч. 3 – от 1 до 2 млн руб. и др.

Или, например, реагируя на критику в части радикально либеральной политики по вопросу уголовно-правовых санкций за совершение коррупционных преступлений, законодатель Феде-

ральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» установил санкцию по ч. 3 ст. 204 УК РФ от трех до семи лет лишения свободы. Однако из 33 подсудимых, в отношении которых судом в 2020 г. по ч. 3 ст. 204 УК РФ вынесены обвинительные приговоры, к реальному лишению свободы приговорено лишь одно лицо, а в отношении еще 97 осужденных по чч. 4, 7 и 8 ст. 204 УК РФ, относящимся к категории тяжких и особо тяжких преступлений с нижними пределами данной санкции соответственно в виде четырех, пяти и семи лет лишения свободы, к реальному лишению свободы судами осуждены менее чем каждый пятый (18 чел.), что отражено в таблице 3.

Таблица 3

Сведения о числе осужденных в 2020 г. за коммерческий подкуп, совершенный при наличии квалифицирующих признаков

Статья УК РФ	ч. 3 ст. 204	ч. 4 ст. 204	ч. 7 ст. 204	ч. 8 ст. 204
Осуждено (всего)	33	5	80	12
Из них к лишению свободы	1	1	13	4
Штраф	12	1	25	4
То же (в %)	36,3	20,0	31,2	33,3

Таблица 4

Сведения о числе осужденных за коммерческий подкуп, совершенный при наличии квалифицирующих признаков (январь–июнь 2021 г.)

Статья УК РФ	ч. 1 ст. 204	ч. 2 ст. 204	ч. 3 ст. 204	ч. 4 ст. 204	ч. 5 ст. 204	ч. 6 ст. 204	ч. 7 ст. 204	ч. 8 ст. 204
Осуждено (всего)	3	11	28	1	1	13	36	14
Из них к лишению свободы	0	0	2	0	0	1	6	4
Штраф	2	6	13	1	1	5	6	2
То же (в %)	66,7	54,5	46,4	100,0	100,0	38,5	16,7	14,3

Из приведенных статистических данных усматривается, что из числа осужденных за первое полугодие 2021 г. по чч. 7 и 8 ст. 204 УК РФ 50 граждан к реальному лишению свободы осужден только каждый пятый, хотя нижние границы уголовно-правовых санкций за эти виды преступлений установлены соответственно в виде пяти и семи лет лишения свободы.

Одновременно в отношении значительной части осужденных по чч. 1, 2, 3 и 6 ст. 204 УК РФ основное наказание назначалось в виде штрафа. При этом, хотя его размеры весьма значительны (от 1,5 до 5 млн руб.), назначаемые судами наказания данного вида, как правило, многократно ниже указанных санкций.

Так, приговором Левобережного районного суда г. Липецка от 13 октября 2017 г. за совершение 9 преступлений, квалифицируемых по п. «в» ч. 7 ст. 204 УК РФ, гр-ну С. по каждому из них в качестве основного наказания назначен штраф в размере 420 тыс. руб. при санкции от 1 до 3 млн руб., а окончательное наказание с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ назначено в виде штрафа в размере 500 тыс. руб., хотя оно могло быть назначено в размере до 3 млн 780 тыс. руб. [15]

Значительный урон престижу российского уголовного закона наносит указанная выше ситуация с уголовно-правовыми санкциями за совершение преступлений, связанных с дачей и получением взятки и посредничеством во взяточничестве. Одна из основных причин сложившегося положения заключается, по мнению автора, как в отсутствии в ряде уголовно-правовых норм нижних границ наказаний в виде лишения свободы и штрафа, так и в широком диапазоне данных видов наказаний.

Негативно характеризуют сложившуюся ситуацию с назначением наказания за взяточничество приведенные ниже статистические данные Судебного департамента.

**Сведения о числе осужденных за получение взятки,
совершенное при наличии квалифицирующих признаков (ст. 290 УК РФ)**

	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Осуждено (всего)	1088	949	1197	1017	1041	447	459	462	373	269	1423	1428
Из них к лишению свободы	436	364	538	446	454	254	242	230	122	69	234	385
То же (в %)	40,1	38,4	44,9	43,8	43,6	56,8	52,7	49,8	32,7	26,5	16,4	27,0
Штраф	241	224	271	262	285	129	132	157	178	125	-	-
То же (в %)	22,2	23,6	22,6	25,7	27,4	28,9	28,6	34,0	47,7	46,5	-	-

Так, за преступления в виде получения взятки, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, судами до 2012 г. к реальному лишению свободы ежегодно приговаривались не более четверти от числа осужденных.

Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» за получение взятки предусмотрено наказание в виде штрафа, исчисляемого в величине от 30- до 100-кратной стоимости предмета или суммы взятки (в зависимости от квалифицирующих признаков данного преступления), что обусловило в 2012–2013 гг. рост числа осужденных к штрафу до 47–48 %. Однако начиная с 2015 г. по причине фактической дискредитации назначения кратного штрафа за получение взятки (реальная взыскаемость не превышает 15 %) применение данного вида наказания существенно сократилось, составив в 2018–2021 гг. всего 22–25 %. Одновременно до 56,8 % возросло в 2016 г. число осужденных за данный вид преступлений к реальному лишению свободы, однако в 2020–2021 гг. их доля вновь сократилась, составив соответственно 38,4 и 40,1 %.

Негативная ситуация, по мнению автора, сложилась и с назначением наказания за дачу взятки в виде лишения свободы даже при наличии квалифицирующих признаков, повышающих общественную опасность преступления до категории тяжкого или особо тяжкого.

Сведения о числе осужденных за дачу взятки, совершенную при наличии квалифицирующих признаков (ст. 291 УК РФ)

	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Осуждено (всего)	1658	1409	1343	1151	997	3266	4907	4302	2539	1467	1587	2907
Из них к лишению свободы	217	191	225	241	237	469	513	478	227	-	191	294
То же (в %)	13,1	13,6	16,8	20,9	23,8	14,4	10,5	11,1	8,9	-	12,0	10,1
Штраф	756	540	615	512	457	2439	3902	3513	2093	387	622	1032
То же (в %)	46,6	38,3	45,8	44,4	45,8	74,7	79,5	81,6	82,4	82,7	38,9	35,5

Анализ статистических данных свидетельствует о неоднородной судебной практике применения мер уголовно-правового характера за дачу взятки. С введением в 2011 г. кратности штрафа эта мера наказания в 2012–2016 гг. судами назначалась в отношении от 74,7 до 82,4 % осужденных и, соответственно, число осужденных к реальному лишению свободы в 2013–2015 гг. составило всего 9–11 %.

Однако начиная с 2017 г. по причине фактической дискредитации назначения кратного штрафа за получение взятки применение данного вида наказания существенно сократилось и за дачу взятки, составив в 2017–2021 гг. от 38 до 46 %. Одновременно до 23,8 % возросло в 2017 г. число осужденных за данный вид преступлений к реальному лишению свободы, однако их доля в последующие годы вновь начала сокращаться, составив в 2020–2021 гг. соответственно 13,6 и 13,1 %.

Наглядным примером является приговор Фокинского районного суда г. Брянска (№ 1-123/2020 от 29 апреля 2020 г.), которым гр. Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, за дачу взятки должностному лицу за совершение заведомо незаконных действий, за что ему назначено наказание в виде штрафа в размере 150 тыс. руб. при размере санкции от 1 до 2 млн руб. [16]

Анализ статистических данных о числе осужденных за посредничество во взяточничестве при квалифицирующих обстоятельствах к реальному лишению свободы свидетельствует о том, что

оно (27 % в 2020 г. и 22,6 % в 2021 г.) более чем в два раза превосходит число осужденных за дачу взятки (13,6 % в 2020 г. и 10,6 % в 2021 г.), что вряд ли отражает, по мнению автора статьи, реальную общественную опасность указанных деяний и может свидетельствовать о некотором «перекосе» судебной практики.

Таблица 7

Сведения о числе осужденных за посредничество во взяточничестве, совершенное при наличии квалифицирующих признаков (ст. 291¹ УК РФ)

	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012
Осуждено (всего)	291	215	253	257	213	165	127	119	108	48
Из них к лишению свободы	66	58	87	73	78	47	49	32	8	1
То же (в %)	22,6	27,0	34,4	28,4	36,6	28,5	38,6	26,9	7,4	2,0
Штраф	73	55	69	86	56	67	43	48	68	38
То же (в %)	25,0	25,6	27,3	33,4	26,3	40,6	33,9	40,3	63,0	79,2

Относительно назначения за указанный вид преступления наказания в виде штрафа анализ статистических данных свидетельствует, что в первые годы действия ст. 291¹ УК РФ достаточно часто применялся штраф: в 2012 г. – в отношении 79,2 % и в 2013 г. – 63,0 % осужденных. Однако в последующие годы этот показатель существенно сократился, составив в 2020–2021 гг. соответственно 25,6 и 25,0 % от общего числа осужденных за данный вид преступной деятельности.

Практически аналогичная ситуация складывается и при назначении наказания за посредничество в коммерческом подкупе, предусмотренное ст. 204¹ УК РФ.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о применении за совершение данного преступления наказания в основном в виде штрафа, к которому из 37 лиц судами в период 2018 – 1-е полугодие 2021 г. осуждено более половины (20 граждан). Вместе с тем к реальному лишению свободы из всех подсудимых осуждено лишь двое (или 5 %), хотя законодатель в санкциях рассматриваемой уголовно-правовой нормы установил наказание в виде лишения свободы по ч. 1 – до двух лет, по ч. 2 – до пяти лет, по ч. 3 – от трех до семи лет и по ч. 4 – до четырех лет лишения свободы.

**Сведения о числе осужденных за посредничество в коммерческом подкупе
(ст. 204¹ УК РФ)**

Часть ст. 204 ¹	2018			2019			2020			1-е пол. 2021		
	ч. 1	ч. 2	ч. 3	ч. 2	ч. 3	ч. 4	ч. 1	ч. 2	ч. 3	ч. 1	ч. 2	ч. 3
Осуждено (всего)	2	6	4	8	3	2	1	3	2	1	2	3
Из них к лишению свободы	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Штраф	1	3	2	6	1	1	0	1	2	0	1	2

Таким образом, исходя из представленных данных, можно прийти к выводу о необоснованно широком применении условного осуждения к лишению свободы за такие виды преступлений, как дача и получение взятки, и другие виды незаконного вознаграждения, что нередко воспринимается как возможность избежать фактического и нередко весьма длительного лишения свободы. Тем самым это не позволяет реализовать весь карательный потенциал санкций за совершение указанных видов противоправных деяний, хотя в последние годы ситуация несколько меняется. В этой связи показательны примеры из судебной практики, отражающие принятые решения по уголовным делам, возбуждаемым в отношении глав регионов Российской Федерации.

Так, бывший губернатор Сахалинской области А. Хорошавин признан виновным по ч. 6 ст. 290 УК РФ и ст. 174¹ УК РФ с назначением ему наказания в виде 13 лет лишения свободы и штрафа [12]. Бывший губернатор Кировской области Н. Белых осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ к восьми годам лишения свободы и штрафу [13]. Бывший глава Удмуртской Республики А. Соловьев осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ за два эпизода получения взяток на общую сумму 139 млн руб. и приговорен к девяти годам лишения свободы и штрафу [14]. В отношении руководителей правоохранительных органов также выносятся приговоры с назначением реальных сроков лишения свободы за совершение ими коррупционных преступлений.

С учетом приведенных в настоящей публикации факторов, играющих весьма негативную роль в противодействии со стороны

государства и его правоохранительных и судебных органов коррупционным проявлениям, в том числе в таких формах, как взяточничество, коммерческий подкуп и посредничество при их совершении, а также иные виды незаконного получения вознаграждения, авторская позиция заключается в том, что границы уголовно-правовых санкций и правила их применения судом должны быть научно обоснованными и вполне обозримыми как для специалистов в уголовно-правовой сфере деятельности, так и для граждан и, соответственно, российского общества. Условное осуждение к лишению свободы за коррупционные преступления, включая особо тяжкие, недопустимо, поскольку этим нарушаются уголовно-правовые принципы справедливости, законности и равенства граждан перед законом и судом. Одновременно изложенное в настоящей публикации явление с большой степенью очевидности несет в себе коррупционную составляющую самого уголовного закона, одна из задач которого и заключается в борьбе с коррупционными проявлениями.

Следующий вывод заключается в том, что вносимые законодателем в уголовный закон изменения должны быть научно и криминологически обоснованными, учитывать состояние правоприменительной практики, а их направленность должна заключаться, с одной стороны, в проявлении гуманизма по отношению к лицам, совершившим уголовно наказуемое деяние в силу ряда причин, и в снижении тем самым уровня уголовной репрессии со стороны государства, о чем неоднократно заявлял Президент Российской Федерации В. В. Путин и что сегодня предлагается реализовать через подготовленный Министерством юстиции Российской Федерации проект федерального закона в части декриминализации отдельных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за ряд преступлений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а также в повышении пороговых значений суммы причиненного преступлением ущерба.

Список литературы:

1. *Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. Москва, 2006.
2. Анतिकоррупционная политика: учебное пособие / под ред. Г. А. Сатарова. Москва, 2004.
3. *Гаврилов Б. Я.* Российское законодательство уголовно-правового комплекса: современное состояние и пути развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3.

4. *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. Москва, 2008.

5. *Гаврилов Б.Я.* Уголовно-судебная политика назначения наказания: позиция законодателя и реалии судебного усмотрения // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности: сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2018.

6. *Долгова А.И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. Москва, 2003.

7. *Куракин А.В.* Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы зарубежных государств: монография / под общ. ред. М. В. Костенкова. Домодедово, 2007.

8. *Лунеев В.В.* Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11.

9. *Максимов С.В.* Коррупция, закон, ответственность. Москва, 2017.

10. *Яни П. С.* В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. 2001. № 7.

11. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 18.08.2022).

12. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1201489/> (дата обращения: 18.08.2022).

13. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1200004/> (дата обращения: 18.08.2022).

14. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1113450/> (дата обращения: 18.08.2022).

15. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uAHVnKmjKryYK/> (дата обращения: 18.08.2022).

16. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dJVESQf04Lo/> (дата обращения: 18.08.2022).

Наталья Андреевна Горшкова,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Владимирский юридический институт ФСИН России

Состав осужденных к принудительным работам: основные тенденции правоприменительной деятельности

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению практики деятельности судов Российской Федерации в области назначения наказания в виде принудительных работ. Анализируется категория лиц, осужденных к данному виду наказания в течение 2019, 2020 и 2021 гг. Дается характеристика отдельных уголовно-правовых показателей осужденных к принудительным работам, позволяющих в конечном итоге оценить качественный состав лиц, отбывающих данный вид наказания.

Ключевые слова и словосочетания: наказание; принудительные работы; личность осужденного к принудительным работам; состав осужденных; рецидив; повторное совершение преступлений.

На сегодняшний день умы ученых и практических работников во многом заняты проблемами реализации наказания в виде принудительных работ. Это обусловлено, во-первых, относительной новизной процесса реализации этого наказания на практике, во-вторых, его интенсивным законодательным сопровождением. В частности, ориентир на обеспечение качественного исполнения принудительных работ заложен в новой Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года¹, а также в новых Правилах внутреннего распорядка исправительных центров².

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.08.2022).

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.08.2022).

Вместе с тем все более актуализируются вопросы совершения повторных преступлений лицами в период отбывания ими принудительных работ. Нужно сказать, что эта проблема характерна и для иных наказаний, назначаемых осужденным в Российской Федерации. В целом регистрируется более 50 % случаев совершения преступлений лицами, уже ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Для выработки единой позиции по законодательному и организационному урегулированию повторной преступности осужденных требуется подробное изучение качественного состава осужденных к соответствующим наказаниям. Состав осужденных к принудительным работам также должен подлежать изучению.

Состав осужденных к принудительным работам воплощает в себе определенные количественные и качественные показатели, которые имеют значение для определения уровня криминогенности соответствующих слоев населения. По нашему мнению, важными являются те показатели, которые отражают характеристику совершенных преступлений осужденных к принудительным работам, уровень рецидива и повторности. На основании этого можно прогнозировать дальнейшее поведение, в том числе и преступное, таких категорий лиц в период отбывания принудительных работ.

При обобщении соответствующих данных деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации за 2019, 2020 и 2021 гг. [4] выявлены следующие особенности состава осужденных к принудительным работам.

1. Виды преступлений, за которые осуждаются к принудительным работам.

Наибольшее число осужденных составляют лица, совершившие преступления против собственности (гл. 21 УК РФ): в среднем 461 осужденный в год, или 38,9 % от общего числа ежегодно осуждаемых к принудительным работам [4]. Вторую количественную группу образуют лица, осужденные за преступления против семьи и несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ): 253 чел. в год, что составляет 21,4 %. Третья количественная группа образована гражданами, осужденными за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств (гл. 27 УК РФ): 230 чел., или 19,4 %. Соответственно, доля осужденных к принудительным работам в количестве 20,3 % отражает совершение ими иных преступлений, закрепленных в статьях УК РФ.

2. Наличие у осужденных к принудительным работам неснятых и непогашенных судимостей.

В среднем за указанный период из осужденных к принудительным работам имели неснятые и непогашенные судимости 803,7 чел.,

что составило 67,9 % от общего числа осужденных к этому виду наказания. Обратим внимание, что данный показатель взят только из расчета тех лиц, у которых судимости имелись на момент судебного рассмотрения по последнему преступлению. Приведенный показатель весьма велик и позволяет усомниться в эффективности достижения целей предыдущего наказания.

В рамках данной группы выделяются также категории осужденных, которые имели две судимости, – 190,7 чел. (16,1 % от общего числа лиц, имевших судимость на момент судебного рассмотрения), три и более судимости – 102,7 чел. (8,7 %). Соответственно, 510,3 чел., или 43,1 % осужденных к принудительным работам, имели одну неснятую или непогашенную судимость на момент судебного рассмотрения.

Были судимы в несовершеннолетнем возрасте 45 чел. (3,8 %). Только за неосторожные преступления судимости были у 9,7 чел. (0,8 %). Имели судимость с привлечением к мерам, не связанным с лишением свободы, 542,3 чел. (8,4 %).

3. Категории преступлений, за совершение которых у осужденных имелись судимости.

На первом месте по количеству расположились осужденные за преступления небольшой тяжести – 493,7 чел. (41,7 %), на втором месте – за преступления средней тяжести – 156 чел. (13,2 %), на третьем месте – за тяжкие преступления – 125 чел. (10,6 %), на четвертом месте – за особо тяжкие преступления – 29 чел. (2,4 %). Исходя из приведенных данных можно заключить, что состав осужденных к принудительным работам в основном образован лицами, которые имели судимости за преступления небольшой тяжести. Выбор судами для них в качестве альтернативы более строгому наказанию принудительных работ свидетельствует о гуманном подходе к оценке личности таких лиц.

4. Отбытие наказания по предыдущей судимости.

По последней судимости отбыли наказание полностью 457,3 чел. (38,6 %). Из группы тех, кто полностью отбыл наказание, были освобождены досрочно – 47,7 чел. (4 %), в том числе условно-досрочно – 41,7 чел. (3,5 %), с заменой более мягким видом наказания – 5,7 чел. (0,5 %). Соответственно, можно сделать вывод, что более чем для четверти осужденных, которым государство пошло навстречу и освободило от полного отбытия предыдущего наказания, такая мера не ослабила их преступные установки и не заставила исправиться.

Не отбыли предыдущее наказание на момент осуждения к принудительным работам 295,7 чел., или 25 %. Это во многом свидетельствует об имеющихся проблемах в эффективности профилак-

тического воздействия ранее назначенного наказания на четверть осужденных к принудительным работам. Они, на наш взгляд, могут представлять опасность как для других осужденных, так и для сотрудников исправительных центров.

5. Наличие рецидива и его вид.

При рецидиве совершили преступления 287 чел. (24,2 %). Этот показатель отражает, что почти четверть осужденных к принудительным работам являются представителями рецидивоопасной группы населения. Положительно оцениваем отсутствие среди них осужденных при опасном и особо опасном видах рецидива.

6. Наличие фактической судимости.

Под фактической судимостью мы понимаем все правовые последствия, которые стали возможны в отношении осужденного в результате его осуждения за совершенное преступление. Данный вид судимости учитывается, как правило, в науке криминологии и трактуется вне зависимости от того, «была она или не было ее, есть она или нет, снята, погашена или нет» [2, с. 321]. Судимости были сняты или погашены у 67,7 осужденных к принудительным работам (5,7 %). Имели неснятые и непогашенные судимости на момент совершения преступления 783 чел. (66,1 %). Такой показатель свидетельствует о том, что больше половины осужденных имеют прочные установки на продолжение своей преступной деятельности. И отсутствие их строгой изоляции от общества посредством назначения принудительных работ вряд ли будет способствовать поддержанию их правомерного поведения. Ведь не зря знаменитый ученый Н.А. Стручков подчеркивал применительно к лишению свободы, что о его эффективности «можно судить по тому, совершают ли лица, освобожденные из исправительно-трудовых учреждений, новые преступления, имеют ли они возможность совершать преступления и тем самым причинять обществу вред во время отбывания наказания, удерживает ли печальный пример осужденных от преступлений других лиц» [3, с. 169].

Полагаем, что данная аксиома может применяться и в отношении оценки поведения тех лиц, которые отбывают наказание в виде принудительных работ. Так, по данным современных исследователей, «в период отбывания наказания в виде принудительных работ более 90 % осужденных не имеют взысканий, при этом около 9 % имеют взыскания в основном за нарушения распорядка и правил поведения» [1, с. 21]. Приведенные показатели во многом могут свидетельствовать о положительном исправительном воздействии данного вида наказания на осужденных и об изменении их жизненных ориентиров с преступных на правопослушные.

Таким образом, были рассмотрены основные уголовно-правовые показатели осужденных к принудительным работам за предшествующие три года реализации этого вида наказания. На основании изложенного можно сделать обобщающий вывод о составе таких осужденных. Итак, состав осужденных к принудительным работам на сегодняшний день образован преимущественно из лиц, совершивших преступления против собственности, ранее судимых, имеющих неснятые и непогашенные судимости в основном за преступления небольшой тяжести, не отбывшие наказание на момент осуждения к принудительным работам по второму преступлению, почти четверть из которых совершили преступления при простом рецидиве.

Список литературы:

1. *Лакина И.А.* Особенности организации исполнения наказания в виде принудительных работ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 6.
2. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д.А. Шестакова. Санкт-Петербург, 2003.
3. *Стручков Н.А.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970.
4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 06.08.2022).

Станислав Игоревич Долганов,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов
и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России

Биометрия в предупреждении преступлений в сфере банковской деятельности

Аннотация

Сосредоточение и последующее распределение капитала в финансовых учреждениях приводит к тому, что криминалитет проявляет к ним постоянный повышенный интерес. В существующих условиях банковская сфера нуждается в охране со стороны государства, разработке и использовании универсальных механизмов обеспечения безопасности от преступных посягательств. При этом к выработке мер совершенствования системы противодействия преступлениям следует подходить с учетом факторов, оказывающих влияние на субъекты банковских отношений. Снижению количества совершаемых противоправных действий может способствовать внедрение биометрических программно-технических устройств и совершенствование средств внутреннего контроля.

Ключевые слова и словосочетания: предупреждение преступности; экономическая безопасность; сфера банковской деятельности; аутентификация; биометрия.

Защита информации от совершения противоправных действий является одним из приоритетных направлений в системе обеспечения безопасности субъектов сферы банковской деятельности. Неслучайно к числу основных угроз экономической безопасности отнесены «уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы»¹, «высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере»².

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

² Там же.

Согласно официальным статистическим данным за период с января по декабрь 2021 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, количество преступлений, связанных с финансово-кредитной системой, увеличилось на 0,4 % и составило 31 435 [3, с. 45]; число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составило 517 722 (увеличилось на 1,4 %), в общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,0 % в январе–декабре 2020 г. до 25,8 % [3, с. 3].

Эффективное внедрение биометрии может способствовать снижению количества совершаемых противоправных действий, таких как мошенничество и незаконное получение и разглашение сведений, составляющих банковскую тайну. Биометрические технологии, благодаря уникальным особенностям каждого человека (внешность, голос, отпечатки пальцев и т. д.), могут сыграть существенную роль в предупреждении преступлений в банковской сфере.

Верификация лиц на основе постоянно расширяющейся базы данных биометрических образцов применима к обстоятельствам, при которых можно собирать и учитывать новые биометрические образцы после каждой положительной проверки пользователя. Таким образом, система может развиваться во времени и фиксировать изменения характеристик лица пользователя, например возникающие в результате смены образа жизни, набора веса, старения, появления морщин, изменения количества волос на лице и т. д.

Наиболее популярные средства проверки личности требуют, чтобы пользователи запомнили пароль или пин-код либо применяли специальные идентификаторы (например, карты доступа). Данные средства не всегда могут гарантировать безопасность, поскольку они чувствительны к различным типам воздействия, таким как принуждение человека к вводу пароля, кража пароля. Неудобство запоминать множество паролей часто приводит к их написанию на бумаге или использованию одного и того же пароля для разных действий, что снижает безопасность. Кроме того, риск кражи личных данных имеет решающее значение для многих банковских операций. Методы, основанные на биометрических природных особенностях персонала и клиентов, способны обеспечить как безопасность данных, так и простоту использования.

Использование биометрии становится все более востребованным в системах обеспечения безопасности. В настоящее время наиболее популярными биометрическими решениями для провер-

ки в банковской сфере являются: отпечаток пальца, распознавание голоса или лица.

Однако существует ряд проблем, требующих решения:

- недостаточные универсальность методов биометрии и их техническая совместимость в зависимости от требований разработчиков систем распознавания. Зачастую удобство использования далеко от совершенства, поэтому сочетание различных технологий, ведущее к мультимодальному подходу проверки личности, должно развиваться с учетом требований заказчиков;

- некоторые популярные и широко используемые системы распознавания могут оказываться недостаточно эффективными в долгосрочной перспективе без обновления информационной базы данных. Примером может служить проверка по отпечатку пальца (относительно дешевая, но имеющая низкую эффективность по стандартам банковской отрасли) – характеристики отпечатка пальца меняются с возрастом, а грязные кончики пальцев или влажность влияют на результаты аутентификации; тембр голоса и лицо также могут со временем меняться, вызывая необходимость обновления биометрических эталонных шаблонов, хранящихся в базах данных банков;

- разработка и использование систем распознавания с учетом их доступности для пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями. Методы аутентификации могут создавать практические проблемы для данных категорий лиц. Хотя биометрия в принципе более проста в использовании, чем запоминание логинов и паролей, следует учитывать особенности пользователей. Хриплый голос, тремор рук при аутентификации по подписи – это примеры трудностей, которые следует принимать во внимание.

На современном этапе технологического развития биометрия лица – один из самых удобных и естественных методов проверки, так как он бесконтактный и использует широко распространенное оборудование в виде цифровой камеры, что положительно влияет на удобство для пользователей и обеспечивает относительную надежность процесса биометрической проверки личности. Проверка на основе изображения лица – один из наиболее удобных способов физического взаимодействия человека с устройством для сбора данных. Поскольку внесение сведений в системы распознавания осуществляется в отделениях банка, при непосредственном взаимодействии с пользователем, появляется возможность отклонять некоторые из собранных кадров лица пользователя (например, полученные в неблагоприятных условиях освещения, с закрытыми глазами, повернутой головой). При практическом применении систем рас-

познавания лиц банковских клиентов имеется возможность субъективно проверять качество вновь полученных изображений во время регистрации и проверки, чтобы отбраковывать образцы, не соответствующие требованиям. Причем с такой работой может справиться практически любой банковский работник.

Проверка лица – это процесс принятия решения путем анализа изображений лиц, в результате которого устанавливается тождественность проверяемого человека с называемыми им данными. Из-за различных факторов, таких как вариации освещения изображения, поза головы, выражение лица, могут возникать определенные трудности. Так, по сравнению со статическими изображениями данные, меняющиеся во времени, более сложны в обработке, классификации и распознавании, соответственно, биометрические характеристики необходимо обрабатывать с учетом их динамического характера.

В данной ситуации видится целесообразным использование технических средств, применяющих при распознавании лиц алгоритм возрастной нормализации, а также средств, ориентированных на процедуру самообновления путем повторного изучения внешнего вида пользователя при каждом взаимодействии.

Также следует отметить, что большинство систем выполняет только подтверждение личности человека, но не идентифицирует его, не сравнивает изображение с другими изображениями, имеющимися в базе данных, с целью установления личности возможного злоумышленника. Установление личности нарушителя, пытавшегося войти в систему, существенно облегчило бы работу служб безопасности и правоохранительным органам. Информация о месте, времени и лице, пытавшемся осуществить несанкционированный доступ, могла бы способствовать выявлению потенциальных правонарушителей из числа сотрудников банковских учреждений и предупреждению преступлений. Однако «несмотря на предпринимаемые меры и определенную закрытость банковской системы, преступным элементам при помощи работников банков удается получать доступ к информации и активам в обход комплексов систем безопасности» [1, с. 55].

С учетом развития технологий организациям рекомендуется обновлять системы распознавания лиц, использовать оборудование с программным обеспечением распознавания ранее виденных вариантов одного и того же лица (например, по наклону головы, выражению лица), что помогает снизить уровень ложного отклонения или ложного принятия.

Наряду с внедрением систем биометрической аутентификации банковские и кредитные организации должны осуществлять

деятельность по просвещению клиентов в области защиты персональных данных. Важно, чтобы клиенты осознавали важность и необходимость использования их биометрических данных в целях предотвращения противоправных действий, а организации, осуществляющие банковскую деятельность, принимали все необходимые меры для защиты персональных данных клиентов. К наиболее эффективным мерам в данном случае следует отнести строгий внутренний контроль в банковских и кредитных организациях и популяризация среди клиентов финансовой грамотности.

Проблемы обеспечения безопасности в эпоху развития электронной коммерции и дистанционного банковского обслуживания становятся все более актуальными. Внедрение биометрических программно-технических устройств и совершенствование средств внутреннего контроля должны способствовать снижению количества противоправных действий в сфере банковской деятельности. В то же время следует помнить, что снижение банковских рисков не может быть достигнуто в отсутствие надлежащей подготовки банковских специалистов и при слабом стиле руководства. Необходимо учитывать, что помимо технологических аспектов немаловажную роль зачастую играет достаточная осведомленность самих клиентов о необходимых мерах предосторожности, поэтому особое внимание должно быть направлено на распространение финансовой грамотности, а также популяризацию использования клиентами различных средств аутентификации.

Список литературы:

1. *Долганов С. И., Желудков А. С.* Некоторые аспекты использования информационных технологий в предупреждении корпоративного мошенничества в сфере банковской деятельности // Академическая мысль. 2020. № 2 (11).
2. *Долганов С. И.* Меры предупреждения корпоративного мошенничества в сфере банковской деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59).
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года. Москва, 2022.
4. *Трунцевский Ю. В.* О проблемах правового регулирования взаимоотношений государства и бизнеса // Юридический мир. 2011. № 4.

Алексей Сергеевич Евстигнеев,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Костромской государственной университет

Вопросы квалификации преступлений с двойной формой вины

Аннотация

В настоящее время представляется целесообразным обратить внимание на отдельные положения Общей части уголовного законодательства России. В этой связи видятся небезынтересными положения ст. 27 УК РФ, определяющей ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины, которые признаются умышленными. В представляемой статье на основе проводимых исследований как самим автором, так и другими специалистами делается попытка обосновать несостоятельность положений данной уголовно-правовой нормы и целесообразность ее исключения из Уголовного кодекса Российской Федерации, а также исключения из положений соответствующих статей Особенной части квалифицирующего признака, указывающего на причинение по неосторожности более тяжкого вреда.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное законодательство; преступление; деяние; форма вины; умысел; неосторожность; вред здоровью; жизнь; смерть.

Как известно, одним из обязательных признаков преступления является вина, которая играет основополагающую роль в установлении уголовной ответственности, так как согласно ч. 1 ст. 5 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо лишь за те общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. При этом законодатель не дает определения данному признаку. В то же время в литературных источниках можно встретить множество определений, но в целом они сводятся к тому, что вина – это психическое отношение субъекта преступления к совершаемому или совершенному им деянию и его последствиям, проявляющееся в форме умысла или неосторожности.

Представляется верным высказывание специалистов о том, что вина в преступлении – не просто психическое отношение к пре-

ступлению, это психическое отношение лица к своим общественно опасным действиям или бездействию и их последствиям, которое выразилось в совершении конкретного преступления. Исходя из этого, все преступные деяния подразделяются на совершенные умышленно или по неосторожности. Однако действующее уголовное законодательство в Особенной части содержит целый ряд составов преступлений, сконструированных таким образом, что в едином преступлении наличествуют две формы вины: одна относится к общественно опасному деянию, совершенному в форме действия или бездействия, вторая – к наступившему общественно опасному последствию. В качестве примера можно привести деяния, предусмотренные ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123 или ч. 2 ст. 124 УК РФ. Также следует отметить, что в случае с ч. 4 ст. 111 УК РФ законодатель устанавливает уголовную ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, которое по неосторожности повлекло его смерть, как и в случае с ч. 2 ст. 124 УК РФ, когда умышленное неоказание помощи больному лицом, обязанным ее оказать, повлекло по неосторожности смерть этого больного, а в случае с ч. 3 ст. 123 УК РФ законодатель изначально определяет вину по отношению к незаконному искусственному прерыванию беременности и за то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда здоровью. Из приведенных примеров видно, что виновный совершает первоначальные действия или бездействие умышленно, а смерть или тяжкий вред здоровью причиняется им по неосторожности.

Приведенные примеры обуславливают вопрос о некотором несоответствии законодательному предписанию, указывающему на то, что виновным признается лицо, совершившее преступление умышленно или по неосторожности (ч. 1 ст. 24 УК РФ). Для устранения данного несоответствия законодатель в ст. 27 УК РФ определил: «Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

Однако если обратиться к категоричности преступлений, определенных ст. 15 УК РФ, то мы увидим, например, что умышленное

причинение тяжкого вреда здоровью относится к категории тяжких преступлений, так как за совершение такого преступления может быть назначено наказание до 8 лет лишения свободы, в то время как за причинение смерти по неосторожности может быть назначено не более трех лет лишения свободы, а в случае если смерть причинена двум и более лицам, то не более четырех лет лишения свободы, т. е. это преступления небольшой тяжести. В данном случае не совсем понятно толкование законодателя, указанное в диспозиции ст. 27 УК РФ о преступлениях: «которые влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица» – разве может быть наказание за неосторожное преступление, повлекшее определенные последствия, более строгим, чем наказание за умышленное преступление, повлекшее аналогичные последствия?

Здесь нам представляются справедливыми высказывания уважаемого профессора И.Г. Филановского, полагавшего, что данное положение противоречит закону, так как для признания преступления умышленным необходимо установление психического отношения лица не только к своему действию или бездействию, но и к их последствиям. Что же касается неосторожных преступлений, то закон определяет их через психическое отношение к последствиям деяния, следовательно, всякая попытка вывести из рамок умысла или неосторожности психическое отношение к последствиям означает не что иное, как искусственный разрыв умысла и неосторожности на две самостоятельные части (одна – психическое отношение к действию, другая – психическое отношение к последствиям), тогда как законом они определены как две составные части единой формы вины [6, с. 189].

Далее при анализе законодательного положения, изложенного в ст. 27 УК РФ, видится интересным смысл ее содержания, где указано, что более тяжкие последствия при совершении умышленного преступления причиняются якобы по неосторожности. Создается впечатление, что вменяемое лицо, совершая умышленные действия (бездействие), каким-то образом причиняет более тяжкий вред из легкомыслия или по небрежности, якобы надеясь на его недопущение или предотвращение, либо могло и должно было предвидеть его. Хотя ни своим поведением, ни своими мыслями виновное лицо никак не проявляет неосторожной формы вины ни в виде легкомыслия, ни в виде небрежности.

Кроме того, такой наш вывод подтверждается мнением судебных экспертов-психиатров, что нормальное, вменяемое лицо, выполняя преднамеренные действия, влекущие за собой причинение тяжкого вреда здоровью, в результате которого наступает

смерть потерпевшего, не может не осознавать того, что от его действий или бездействия может наступить смерть.

Внимательный анализ любого из предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса деяний с двойной формой вины позволяет констатировать, что виновное лицо, будучи вменяемым, в полном здравии, не может не осознавать степени и характера общественной опасности своего поведения и не может не предвидеть возможности наступления более тяжкого последствия, чем предполагает причинить. Следовательно, если виновное лицо осознает возможность наступления более тяжкого вреда, но не предпринимает никаких мер к его предотвращению или недопущению, а, наоборот, готов принять его таким, каким он будет фактически, то о какой неосторожной форме вины можно говорить, когда налицо умышленное деяние, совершенное с косвенным умыслом.

Для наглядности проанализируем субъективную сторону преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. В данном случае хотелось бы обратить внимание на содержание очень важного положения диспозиции ч. 1 анализируемой статьи, указывающего на «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, *опасного для жизни человека*». То есть мы видим, что законодатель изначально указывает на причинение вреда, опасного для жизни, следовательно, виновное лицо, совершая данное преступление, осознает, что его действия или бездействие опасны для жизни человека, и даже если это лицо якобы желает причинить тяжкий вред здоровью, оно понимает характер и общественную опасность своих действий или бездействия, которые являются опасными для жизни этого человека, и оно готово принять любой результат как таковой. Ему безразлично – будет ли причинен тяжкий вред здоровью или от его действий/бездействия наступит смерть потерпевшего.

Сказанное обуславливает вывод о том, что действия такого лица должны квалифицироваться в зависимости от наступившего общественно опасного вреда – либо причинение тяжкого вреда здоровью, либо умышленное причинение смерти, т. е. убийство, совершенное с косвенным умыслом.

Вместе с тем теория уголовного права и судебно-следственная практика исходит из того, что настоящее преступление характеризуется: умышленной формой вины по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью и неосторожной виной – к наступлению смерти.

По этому поводу в научных источниках можно встретить различные взгляды на существование двойной формы вины. Одни специалисты считают возможным существование двух форм вины при

совершении единого преступления, другие выступают с резкой критикой такого подхода.

В этой связи представляются небезосновательными высказывания В. Лукьянова, который указывает на отсутствие «раздвоения» вины и подтверждает свою позицию тем, что лицо совершает действие, влекущее причинение вреда здоровью, который является не только тяжким, но и опасным для жизни. Изменение состояния пострадавшего с момента причинения вреда здоровью и до наступления смертельного исхода определяется его возрастом и состоянием здоровья, своевременностью и качеством оказания ему медицинской помощи и т. д. В этом процессе единственным моментом, зависящим от воли лица, является его начало – причинение опасного для жизни вреда. На все остальное виновный непосредственного влияния оказывать уже не может. Следовательно, форма вины должна определяться по характеру отношения виновного к причинению такого вреда, который создает угрозу для жизни. Характер отношения виновного к смерти пострадавшего не может рассматриваться в качестве неосторожной формы вины, так как не имеет самостоятельного значения, а вытекает из общего отношения к причинению конечного вреда. Если лицо имело целью причинение тяжкого вреда здоровью, следовательно, оно должно было сознавать возможность смертельного исхода [5, с. 12]. Продолжая свою мысль, В. Лукьянов указывает: «Вопрос заключается в том, как следует оценивать факт причинения тяжкого вреда. Если он не привел к летальному исходу, то его следует рассматривать как последствие преступления. Если же смерть пострадавшего наступила, то причинение тяжкого вреда представляет собой угрозу причинения смерти, которая реализуется в действительность уже независимо от воли преступника. В этих случаях причинение тяжкого вреда здоровью человека «открывает дорогу» негативному, необратимому процессу в его организме, завершающемуся смертью. Единственная форма вины в совершении таких преступлений – умысел, заключающийся в умышленном создании угрозы причинения смерти. Отношение лица к смертельному исходу самостоятельной формы вины не имеет, а вытекает из отношения к созданию угрозы» [4, с. 13]. Однако здесь нельзя полностью согласиться с высказыванием В. Лукьянова, так как если виновное лицо безразлично относится к возможному смертельному исходу посредством создания угрозы, опасной для жизни, то проявляется умышленная форма вины, и она определена ч. 3 ст. 25 УК РФ – «преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступле-

ния общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично».

Практике известны случаи, когда уголовное дело возбуждается по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, а при расследовании переqualифицируется на ч. 1 ст. 105 УК РФ, и виновное лицо осуждается за убийство.

Так, 9 января 2009 г. Т., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе возникшей ссоры на почве личных неприязненных отношений умышленно нанес один удар ножом в область передней брюшной полости Б., причинив последнему проникающее колото-резаное ранение живота с повреждением органов брюшной полости. Проникающее колото-резаное ранение живота явилось опасным для жизни в момент причинения, и по этому признаку причиненный вред здоровью квалифицировался как тяжкий, состоящий в прямой причинно-следственной связи с наступившей смертью. От полученных телесных повреждений Б. 12 января 2009 г. скончался.

Районный суд в приговоре согласился с выводом следствия и признал Т. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ [1].

Таким образом, виновное лицо, умышленно причиняя тяжкий вред здоровью, безусловно, осознает, что создает реальную опасность жизни потерпевшего, при этом, хотя, может быть, и не желает, но относится безразлично к возможному наступлению смерти потерпевшего. Вместе с тем, как было сказано выше, безразличное отношение к возможности наступления последствий – конструктивный признак косвенного умысла. И поэтому следует согласиться с тем, что виновный, умышленно совершая действия (бездействие), которые не только причиняют вред здоровью, но и опасны для жизни, вряд ли «не осознавал» возможность наступления более опасных последствий данного деяния, готов принять их такими, какими они будут фактически. В то же время виновный, совершая это деяние, никаким своим поведением не показывает на принятие мер по предотвращению столь опасного последствия, как смерть потерпевшего. А именно такое волевое содержание, как расчет на предотвращение общественно опасных последствий, должно присутствовать при легкомыслии. В анализируемой ситуации ничто не указывает и на небрежность. Следовательно, в действиях виновного отсутствует вина в форме неосторожности.

Подводя итог сказанному, повторимся, что вменяемое лицо, умышленно причиняя тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, не может не осознавать того, что от таких его дей-

ствий может наступить смерть этого человека. Следовательно, если оно умышленно причиняет вред, опасный для жизни, то осознает и допускает, хотя, возможно, и не желает, наступление смерти потерпевшего и готово принять такой результат. Таким образом, виновное отношение лица к наступлению смерти потерпевшего определяется в виде косвенного умысла на убийство [3, с. 145]. Настоящий вывод подтверждается анализом уголовных дел, рассмотренных судами, когда виновный ни перед совершением, ни в момент совершения, ни после совершения подобного деяния не делает ничего, чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию и не допустить летального исхода.

На основании изложенного представляются правильными предложения ряда специалистов о том, что действующую редакцию ст. 27 УК РФ и все статьи Особенной части, касающиеся преступлений, в которых наступившие по неосторожности последствия признаются более тяжкими относительно вреда, причиненного умышленно, нельзя оставлять в уголовном законе [2, с. 12; 4, с. 13].

Список литературы:

1. Архив Костромского районного суда Костромской области. 2009. Д. № 1-70.
2. *Балашов С. К.* К вопросу о видах и формах вины // Российский судья. 2007. № 1.
3. *Евстигнеев А. С., Рабакова А. В.* Особенности квалификации преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль. Кострома, 2011.
4. *Лукьянов В.* Исключить из УК статью об ответственности за преступления с двумя формами вины // Российская юстиция. 2002. № 3.
5. *Лукьянов В.* Технический прогресс и уголовное законодательство // Российская юстиция. 1999. № 10.
6. Советское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н. А. Беляева и М. И. Ковалева. Москва, 1977.

Евгений Александрович Игнатенко,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела научного обеспечения
прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении
оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора
в уголовном судопроизводстве
Университет прокуратуры Российской Федерации

Особенности использования государственным обвинителем в судебном следствии результатов судебных экспертиз по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии

Аннотация

Автором рассмотрены организационные аспекты деятельности государственного обвинителя в судебном следствии по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии. Выделена проблематика, касающаяся тактических особенностей использования экспертных исследований по анализируемым составам преступлений. Определены наиболее важные с позиции доказательственного значения виды судебных экспертиз, акцентировано внимание на специфике использования государственным обвинителем заключений культурологической и криминологической экспертиз.

Ключевые слова и словосочетания: *судебное следствие; судебное разбирательство; государственный обвинитель; преступная иерархия; высшее положение; криминальный лидер; криминально ориентированные лица.*

Одним из факторов эффективного поддержания государственного обвинения является организация взаимодействия по реализации полномочий органов прокуратуры на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства.

Государственным обвинителем могут быть использованы в доказывании по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 2101 УК РФ, заключения ряда судебных экспертиз: культурологической, криминологической, почерковедческой, лингвистической и других.

С учетом специфики нашего исследования считаем необходимым остановиться на рассмотрении особенностей доказательственного значения культурологической и криминологической экспертизы.

Отметим, что именно данные экспертизы, по нашему мнению, для государственного обвинителя имеют наибольшее значение с учетом формирования доказательственной базы по анализируемому составу преступления.

При проведении судебной культурологической экспертизы могут быть исследованы рисунки (татуировки) на теле подсудимого с позиций их оценки на предмет статуса обладателя (его криминальной ориентированности) и значения содержания (отношения к преступной идеологии).

Для проведения указанной экспертизы как при назначении ее на досудебном этапе расследования, так и в ходе судебного разбирательства могут быть использованы протоколы освидетельствования подозреваемого (обвиняемого), содержащие сведения об имеющихся на теле человека перманентных рисунках.

Немаловажное значение в доказывании факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии принадлежит заключению судебной криминологической экспертизы.

Одним из существенных аспектов при поддержании государственного обвинения по уголовным делам, связанным с занятием лицом высшего положения в преступной иерархии, является установление и доказывание непосредственно самого преступного статуса данного лица, а именно факта, что лицо обладает авторитетом в преступном мире и его статус признается равными ему по значимости лицами в данной преступной среде. Кроме того, он должен иметь реальную возможность осуществлять влияние на других «криминально ориентированных» лиц.

Возможность данного влияния имеет выражение в осуществлении лицом ряда функций: «организационно-распорядительной», «нормативной», «судебной», «карательной» [1, с. 194].

«Организационно-распорядительная» функция выражается в полномочиях лица осуществлять общее руководство преступной организацией и принимать решения по планированию, контролю и обеспечению ее необходимыми ресурсами.

«Нормативная» функция выражается в том, что представитель высшей преступной иерархии определяет и распространяет идеологию преступного мира. Кроме того, лицом фактически формируется «нормативная база» регулирования взаимоотношений в преступной среде посредством «воровских наказов», т. е. в большинстве случаев новых правил, принятых на основе

имевшего место спора между представителями преступной организации. Данная совокупность «наказов» формирует «воровской закон».

«Судебная» функция включает совокупность полномочий разрешать споры, возникающие между представителями преступного сообщества, т. е. выступать в качестве «третьей стороны».

«Карательная» функция состоит в возможности применения мер наказания к лицам, являющимся нарушителями традиций и правил криминальной субкультуры.

Таким образом, наличие у лица указанных основных признаков составляет комплекс условий, необходимых и достаточных для занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

В результате проведения криминологической экспертизы государственным обвинителем в суде могут быть представлены доказательства в виде суждения (выводов) экспертов по следующим вопросам:

1. Что представляет собой преступная иерархия?
2. Что является высшим положением в преступной иерархии?
3. Кого называют «вором», «вором в законе», «положенцем», «смотрящим», «бродягой» в криминальной субкультуре?
4. Кто из перечисленных субъектов преступного мира («вор», «вор в законе», «положенец», «смотрящий», «бродяга») занимает высшее положение в преступной иерархии?

Вместе с тем необходимо отметить, что само по себе установление факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии является правовой категорией, соответственно, экспертом указанный вывод сделан быть не может, однако установление основных признаков, которые составляют комплекс условий, необходимых и достаточных для занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, относится к компетенции эксперта.

Так, в ходе судебного следствия по уголовному делу, рассмотренному в Верховном Суде Чувашской Республики, государственным обвинителем было представлено заключение судебной криминологической экспертизы, в котором содержались выводы комиссии экспертов о выполнении подсудимым в ходе осуществления преступной деятельности «организационно-распорядительных, нормативных, карательных и судебных функций», с указанием их содержательной характеристики.

Кроме того, в ходе экспертизы было осуществлено исследование содержания диалогов с участием подсудимого, представленных на стенограммах аудиозаписей, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий и содержащихся в материалах уголовного

дела, с целью установления криминологических признаков приобретения лицом высшего положения в преступной иерархии. Данные выводы экспертизы в совокупности с другими доказательствами были учтены коллегией присяжных заседателей при вынесении вердикта о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 2101 УК РФ¹.

Список литературы:

1. *Кондратьев С.В.* Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98).

¹ Приговор Верховного Суда Чувашской Республики от 28 декабря 2021 г. по делу № 2-07/2021. Архив Верховного Суда Чувашской Республики.

Кирилл Викторович Камчатов,

кандидат юридических наук,

заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Университет прокуратуры Российской Федерации

Невозмещение вреда от преступления как обстоятельство, отягчающее наказание

Аннотация

Возмещение вреда от преступления является многолетней, сложной проблемой как научного, так и прикладного характера. Автор на основе анализа норм федерального законодательства и практики его применения делает вывод об отсутствии в Российской Федерации единой системы возмещения вреда от преступления. В качестве одного из элементов данной системы предлагается установление нового обстоятельства, отягчающего наказание, связанного с негативным посткриминальным поведением, направленным на отказ от возмещения причиненного преступлением вреда. В целях совершенствования рассматриваемой деятельности предлагаются направления совершенствования положений Уголовного кодекса Российской Федерации.

***Ключевые слова и словосочетания:** доступ к правосудию; возмещение вреда от преступления; обстоятельства, отягчающие наказание.*

Вопросы обеспечения конституционных гарантий потерпевших от преступлений, эффективность защиты их прав и законных интересов до настоящего времени находятся в фокусе научных изысканий многих исследователей. Одной из проблемных ситуаций в данной сфере является практическая реализации доступа потерпевшего к правосудию и возмещение вреда, причиненного преступлением. Данная зависимость порождает более комплексный вопрос о соотношении и взаимном влиянии друг на друга данных основополагающих положений.

Одна из основных задач государства – защита общества от преступных посягательств. При этом лицу, совершившему преступление, грозит по приговору суда уголовное наказание, а для полного вос-

становления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего предусмотрено возмещение вреда, причиненного преступлением.

Согласно ст. 52 Конституции РФ государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (материального и морального). В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Однако практика показывает, что возмещение ущерба, причиненного преступлением, в реальной действительности происходит далеко не всегда. В огромном количестве случаев причиненный преступлением вред не возмещается виновным лицом, даже несмотря на вынесенное соответствующее решение суда.

Так, в 2020 г. по направленным в суд уголовным делам (как до возбуждения дела, так и в ходе предварительного расследования) ущерб от преступлений возмещен на сумму более 76,6 млрд руб. (в 2019 г. – более 56 млрд руб., в 2018 г. – почти 79 млрд руб.). При всем этом общий ущерб от преступлений в 2020 г. составил более 302 млрд руб. (в 2019 г. – более 583 млрд руб., в 2018 г. – более 335 млрд руб.). Следует заметить, что в значительном количестве случаев ущерб от преступлений был возмещен в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства. В 2020 г. в указанном порядке было возмещено более 31 млрд руб. (в 2019 г. – более 21 млрд руб., в 2018 г. – более 24 млрд руб.).

Одной из причин неэффективного обеспечения прав потерпевших от преступлений на возмещение причиненного физического, материального, морального и иного вида вреда является сокрытие (т. е. утаивание) виновным лицом принадлежащего ему имущества, денежных средств и иных ценностей как в процессе раскрытия и предварительного расследования преступления, так и в процессе рассмотрения уголовного дела в суде.

Согласно ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части.

Вопрос о назначении наказания решается судом по каждому делу с учетом всех собранных материалов, относящихся как к преступлению, так и к личности виновного. Суд, подводя итог по всему судебному разбирательству, определяет вид и размер наказания, достаточный для достижения его целей, которыми являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений.

В соответствии с принципом справедливости наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми и соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. При назначении наказания суд учитывает как мотивы совершения преступления, так и обстоятельства, способствующие совершению преступления. Суд руководствуется общими началами назначения наказания, в том числе с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание.

Перечень отягчающих вину обстоятельств не только определяет характер совершения преступления, но и указывает на дополнительные принятые лицом меры, действия, связанные с совершением преступления, направленные на избежание ответственности за преступление.

Такое обстоятельство, как сокрытие имущества виновным, не возместившим причиненный преступлением вред, не предусмотрено в перечне обстоятельств, отягчающих наказание. В связи с этим в настоящее время судам затруднительно проводить индивидуализацию наказания и подходить дифференцированно к наказанию виновных, просто не возместивших ущерб в результате совершенного ими преступления, и виновных, предпринимающих специальные меры к сокрытию имущества, денежных средств и иных ценностей, что приводит к игнорированию задач уголовного судопроизводства.

Кроме того, при отсутствии отягчающих обстоятельств даже отрицательно характеризующийся виновный имеет право на различные льготы при назначении наказания (ч. 6 ст. 15, ч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ). На сегодняшний день лица, сделавшие все возможное, чтобы не возмещать потерпевшим вред, пользуются указанными уголовно-правовыми льготами. И хотя исполнение обязательств, вытекающих из причинения вреда, лежит в плоскости гражданско-правовых отношений, существующих за рамками наказания, в сложившейся ситуации мы не можем говорить о восстановлении социальной справедливости, провозглашенной в качестве одной из целей наказания.

Выходя несколько за пределы рассматриваемого вопроса, необходимо отметить, что проблема возмещения вреда от преступления вместе с другими пробелами закона свидетельствует об отсутствии сформировавшейся правовой политики в данном направлении. Как верно отметил в своем выступлении А. И. Александров, «уголовная политика должна основываться на принципах системности и стабильности, с единым фундаментом, а не на совокупности

норм, поскольку совокупность предполагает хаос». Как нам представляется, предлагаемое нами дополнение в ст. 63 УК РФ будет выступать элементом системы возмещения вреда и ущерба от преступных деяний.

Практика также придерживается данной позиции. На вопрос «Какие недостатки уголовного закона свидетельствуют, по Вашему мнению, о ненадлежащем внимании к правам и законным интересам потерпевшего (укажите 3 наиболее приемлемых для Вас варианта ответов)?» второе место (63,7 %) занял ответ об отсутствии в уголовном законе указания на обязательное возмещение вреда потерпевшему. С этим следует согласиться, поскольку, например, ч. 2 ст. 43 УК РФ, определяющая цели наказания, не содержит указания на необходимость возмещения вреда потерпевшему. Больше всего ответов получил пункт «пробелы в определении гарантий обеспечения прав потерпевшего» (71,6 %). На вопрос «Какие изменения целесообразно внести в уголовно-процессуальный закон для оптимизации обеспечения прав потерпевшего (укажите 3 наиболее приемлемых для Вас варианта ответов)?» наибольшее количество ответивших (55,5 %) указали на «предоставление льгот подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным только с учетом возмещения ими вреда потерпевшему»¹. Полагаем, что в контексте соотношения конституционных гарантий потерпевших корреляция более чем очевидна.

Таким образом, полагаем, что внесение изменения в ст. 63 УК РФ, предполагающего установить в качестве отягчающего наказание обстоятельства сокрытие виновным лицом, не возместившим потерпевшему вред, имущества, денежных средств и иных ценностей, следует признать обоснованным, своевременным и целесообразным, заслуживающим поддержки с научно-теоретических и практических позиций.

Несколько слов о юридической технике предлагаемого дополнения.

Анализ положений ст. 63 УК РФ позволяет говорить, что большинство пунктов ч. 1 данной статьи характеризуют способы совершения преступного деяния с учетом повышенной общественной

¹ Анкета для изучения мнения экспертов (прокурорских работников) по вопросам обеспечения прав, свобод и законных интересов потерпевших от преступлений (всего – 598 анкет). Анкетирование проведено на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Университета прокуратуры Российской Федерации в 2020–2021 гг. в рамках комплексного исследования по теме «Криминологические проблемы прокурорской деятельности в сфере обеспечения прав потерпевших от преступлений».

опасности или действия лица в механизме совершения преступлений, характеризующие его как представляющего повышенную общественную опасность (например, рецидив преступлений). Поэтому в предлагаемом нами варианте следует указывать на действия (бездействие) определенных лиц.

Также считаем неуместным использовать термин «виновный». Согласно ст. 8 УПК РФ виновным лицо признается не иначе как по приговору суда и в порядке, установленном УПК РФ. В данном случае нельзя говорить о сокрытии имущества лицом, в отношении которого только будет разрешаться вопрос о виновности, – вопросы сокрытия имущества после признания лица виновным и вступления итогового решения в законную силу или стимулирование осужденного заглаживать причиненный вред [1, с. 25] рассматриваются в ином процессуальном порядке, связанном с исполнением приговора.

Кроме того, использование в планируемой норме термина «виновный» предлагает подход, согласно которому фактически перекладывает обязанность стороны обвинения по установлению обстоятельств совершения преступления, в которые, согласно положениям ст. 73 УПК РФ, входят: размер и характер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления, является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), – на подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Тем более институт обеспечительных мер, направленных на удовлетворение исковых требований гражданского истца, достаточно обстоятельно (в плане порядка установления имущества и иных активов) доработан за последнее время (ст. 115 и 160.1 УПК РФ). Лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не обязано предоставлять какие-либо сведения, которые в той или иной степени могут навредить его линии защиты. Это универсальная гарантия, ограничивать которую нельзя ни в каком виде и форме. Тот факт, что лицо априори будет находиться в ущербном положении в случае отказа предоставлять сведения о своем имуществе, нарушает пределы презумпции невиновности, указанные в ч. 2 ст. 14 УПК РФ и Конституции РФ.

Сами термины «сокрытие» и «имущество» могут ограничить пределы применения предлагаемой нормы. На практике могут воз-

никнуть вопросы, о каком имуществе идет речь – добытом преступным путем или на которое может быть наложено обременение в целях возмещения вреда (ущерба)? Полагаем, что в целях возмещения вреда речь должна идти о любом имуществе, которое находится в пользовании, владении и распоряжении определенных лиц.

В каком порядке будет устанавливаться факт сокрытия лицом имущества? Полагаем, что для этого необходимо будет дополнительно провести отдельное расследование или сыск, в ходе которого будет точно установлен умысел сокрытия и тот факт, что лицо точно знало обо всем имуществе, за счет которого следует возмещать ущерб потерпевшему. Похожий подход уже применяется при досудебном соглашении о сотрудничестве, когда лицо, его заключившее, принимает на себя обязанность сообщить органу расследования, прокурору и суду определенные сведения и несет процессуальные последствия, когда что-то скрыло (ст. 317.3 УПК РФ). Однако данный порядок подробно регламентирован в законе, является самостоятельной нормой, постоянно дорабатывается и до сих пор вызывает большое количество вопросов и проблем на практике.

И последнее. С учетом того факта, что в УК РФ и УПК РФ наравне с термином «вред» используется термин «ущерб» (п. «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75 УК РФ; ч. 1 ст. 25.1, ч. 1, 2 ст. 28.1, ст. 389.26 УПК РФ), в предлагаемой норме следует указывать их оба.

Таким образом, предлагаем внести в ч. 1 ст. 63 УК РФ изменение, дополнив ее пунктом «с» следующего содержания:

«с) совершение действий (бездействия), препятствующих или затрудняющих возмещение вреда и ущерба, причиненного преступлением».

Список литературы:

1. *Карбанова Е. Н., Цепелев К. В.* Стимулирование обвиняемого к возмещению причиненного преступлением вреда: проблемы и перспективы // *Российская юстиция.* 2016. № 5.

Олег Геннадьевич Ковалев,
доктор юридических наук, профессор,
кандидат психологических наук,
профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной
деятельности в уголовно-исполнительной системе
Псковский филиал Академии ФСИН России

К вопросу обеспечения законности при реализации оперативно-розыскной политики в уголовно-исполнительной системе на современном этапе

Аннотация

В статье рассматриваются особенности обеспечения законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) оперативными подразделениями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) в контексте реализации в ней основных современных направлений оперативно-розыскной политики. На основе данных проведенного теоретико-эмпирического исследования анализируется роль важнейших гарантов законности при исполнении уголовных наказаний – ведомственного контроля и прокурорского надзора. С использованием статистических данных обосновывается их место и значение. Выявлены приоритетные направления обеспечения законности при осуществлении ОРД оперативными подразделениями УИС на современном этапе. На основании изучения контрольной и надзорной деятельности за состоянием законности в УИС предлагаются некоторые практические, учебно-методические и научные меры ее укрепления.

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-розыскная политика; законность; безопасность УИС; учреждения и органы УИС; оперативные подразделения; оперативно-розыскная деятельность; прокурорский надзор; акты прокурорского реагирования.*

Современная оперативно-розыскная политика в УИС обусловлена Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ и другими фундаментальными положениями федерального законодательства в сфере оперативно-розыскного права. Концепция развития УИС Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, ведомственные и межведомственные нормативные правовые акты определили

основные направления использования сил, средств, форм и методов ОРД для преодоления современных вызовов, стоящих перед УИС, достижения целей пенитенциарной деятельности.

Важнейшими направлениями реализации оперативно-розыскной политики в УИС в настоящее время являются:

- обеспечение безопасности учреждений и органов УИС;
- предупреждение и раскрытие пенитенциарных преступлений (побегов, действий, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, массовых беспорядков и др.), а также должностных правонарушений, совершаемых сотрудниками и работниками УИС;
- соблюдение конституционных прав и законных интересов граждан при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в учреждениях и органах УИС [1];
- комплексная защита информационной и материально-технической инфраструктуры объектов УИС;
- взаимодействие со службами и подразделениями учреждений и органов УИС в пределах профессиональных компетенций сотрудников оперативных аппаратов УИС;
- взаимодействие и обмен информацией с другими субъектами ОРД;
- своевременное выявление в учреждениях УИС лиц экстремистской, террористической и фашистской направленности, а также склонных к нарушению установленных правил отбывания наказания и содержания под стражей, профилактика их криминального поведения;
- реализация мероприятий по перекрытию каналов поступления в учреждения УИС средств мобильной связи, их использования лицами, в них содержащимися;
- осуществление оперативно-розыскного контроля за проникновением на территорию учреждений УИС радикально настроенных лиц под видом работников благотворительных, общественно-политических, религиозных, правозащитных организаций, средств массовой информации;
- документирование криминальной деятельности лидеров преступной среды, лиц, участвующих в движении «А.У.Е.», нейтрализация их негативного влияния на осужденных, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в учреждениях УИС;
- совершенствование нормативно-правового регулирования порядка и процедуры проведения ОРМ, использования сил, средств и методов ОРД в специфических условиях учреждений УИС;

- применение правовых норм, содержащихся в модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [3, с. 185];
- оперативное обеспечение отбывания наказания лицами, состоящими на профилактических учетах учреждений УИС;
- совершенствование организации розыска бежавших осужденных и лиц, содержащихся под стражей;
- приоритетное оснащение современными техническими средствами и технологиями оперативных подразделений УИС в целях более эффективного проведения ОРМ;
- повышение уровня социальной защиты, статуса сотрудников оперативных подразделений, престижа их службы в УИС;
- организация комплектования штата оперативных подразделений УИС высококвалифицированными сотрудниками, их профессиональная подготовка и повышение квалификации на основе современных обучающих методик и технологий;
- развитие научного потенциала изучения ОРД в УИС, методологической и технологической основ формирования компетенций сотрудников оперативных подразделений УИС, внедрение современных научных разработок в их профессиональную деятельность;
- увеличение объема бюджетных ассигнований, выделяемых на осуществление ОРД в УИС.

При реализации указанных и других направлений оперативно-розыскной политики в УИС важнейшее место занимает обеспечение законности, соблюдение прав и законных интересов граждан при осуществлении ОРД в пенитенциарной сфере. Основными гарантами здесь выступают ведомственный контроль, системно осуществляемый в форме проверок (инспекторских и контрольных, плановых и внезапных), и прокурорский надзор.

За соблюдением законности при осуществлении ОРД оперативными подразделениями учреждений УИС надзирают органы прокуратуры. Их деятельность регламентируется приказом Генеральной прокуратуры от 15 февраля 2011 г. № 33.

Созданная и успешно зарекомендовавшая себя система надзора на данном направлении возглавляется специальным управлением в Генеральной прокуратуре Российской Федерации, прокуроры которого надзирают за соблюдением законов при осуществлении ОРД, в том числе в учреждениях и органах УИС. Они наделены широкими правами при проведении прокурорских проверок. В субъектах Федерации данную работу осуществляют специально уполномоченные прокуроры. Специфика рассматриваемой надзорной деятельности предопределила особый порядок предостав-

ления отчетов прокурорами, а также ведения делопроизводства на данном направлении [3, с. 183].

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование, в том числе методами сравнительного и контент-анализа, включенного наблюдения, анкетирования работников прокуратуры, сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений, показывает, что в настоящее время прокурорский надзор является самым действенным инструментом соблюдения законности и обеспечения прав и свобод осужденных, а также при осуществлении ОРД в учреждениях УИС [4, с. 164].

Только по итогам прошлого года органами прокуратуры внесено 23,6 тыс. актов прокурорского реагирования на нарушения закона при исполнении уголовных наказаний и содержания под стражей (22,7 тыс. в 2020 г.). Из них 71,2 % – представления, 18,5 % – протесты, 6,6 % – постановления, 2 % – предостережения о недопустимости нарушений закона, 1,5 % – иски. По результатам рассмотрения указанных актов привлечены к дисциплинарной ответственности 20,2 тыс. сотрудников (18,7 тыс. в 2020 г.), к административной – 368. Наибольшее количество выявляемых прокурорами в ходе проверок нарушений закона касается принятия мер по коммунально-бытовому, медицинскому и санитарно-гигиеническому, режимно-надзорному обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях УИС, мер пожарной безопасности и охраны труда осужденных.

Анализ пенитенциарной практики, в том числе методом включенного наблюдения, показывает, что эффективность обеспечения законности при исполнении уголовных наказаний и осуществлении ОРД во многом определяется уровнем профессиональной подготовки сотрудников оперативных подразделений учреждений УИС, должностных лиц, их контролирующих и надзирающих прокуроров, применением методик осуществления ОРМ, контрольных и прокурорских проверок. При этом важно выделить основные направления обеспечения законности в рассматриваемой области. Проверки направлены на соблюдение:

- Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», других законодательных и ведомственных нормативных правовых актов Российской Федерации в рассматриваемой сфере;
- конституционных прав и свобод лиц, содержащихся в учреждениях УИС;
- сроков и оснований принятия решений о заведении, продлении и прекращении оперативно-розыскных материалов;

- порядка и сроков представления результатов ОРД в органы дознания, следствия, прокуратуры и в суд;
- установленного порядка регистрации и учета оперативно-розыскных материалов;
- сроков и порядка снятия с учета лиц, в отношении которых заведились оперативно-служебные материалы, в том числе находящиеся в архивном хранении;
- законности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан;
- планируемой и фактической нагрузки на сотрудников оперативных подразделений по количеству оперативно-розыскных материалов, находившихся в производстве, качеству проведенной по ним работы;
- порядка взаимодействия оперативных подразделений УИС с органами предварительного следствия, исполнения ими поручений по уголовным делам и материалам процессуальных проверок по сообщениям о преступлениях, а также решений судов;
- оперативного взаимодействия с другими субъектами ОРД (МВД, ФСБ России и др.);
- процедуры и порядка рассмотрения жалоб и обращений на действия должностных лиц, осуществляющих ОРД;
- порядка привлечения должностных лиц к уголовной ответственности и уголовному преследованию в соответствии со ст. 37 УПК РФ.

Реализация указанных и других направлений обеспечения законности при осуществлении ОРД оперативными подразделениями учреждений и органов УИС требует совершенствования контрольной деятельности со стороны должностных лиц ФСИН России при проведении инспекторских, контрольных, плановых и внеплановых проверок, своевременного выявления и реагирования на нарушения закона и ведомственных нормативных правовых актов.

Также целесообразно активизировать надзорную деятельность прокуроров в рассматриваемой сфере; во исполнение приказов Генпрокуратуры России не реже одного раза в полугодие анализировать и обобщать состояние законности и прокурорского надзора при реализации ОРД оперативными подразделениями учреждений и органов УИС; анализировать полноту и качество внесенных прокурорами актов прокурорского реагирования и результаты их рассмотрения, уделяя первостепенное внимание принятию мер по устранению причин и условий выявленных нарушений закона; подготавливать соответствующие обобщения, использовать их при планировании надзорной деятельности.

Также представляется необходимым повысить качество проверок, обсуждать их результаты на заседаниях коллегий, оперативных и координационных совещаниях; исключить в надзорной деятельности факты формализма и волокиты [2, с. 161].

В целях методического и научного обеспечения законности при осуществлении ОРД в УИС необходимо планировать и проводить комплексные научные исследования проблемы; внести соответствующие изменения и дополнения в документацию, регламентирующую организацию образовательного процесса, предусмотрев выделение дополнительных часов на изучение законности, соблюдения прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных по учебным дисциплинам «Оперативно-розыскная деятельность», «Безопасность УИС», «Организация режима и надзора в УИС»; дополнить тематику выпускных квалификационных работ темами по рассматриваемой проблематике; уделить должное внимание учебно-методическому и научному обеспечению на данном направлении по образовательным программам повышения квалификации сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов УИС; разработать методические материалы и рекомендации по предупреждению и нейтрализации негативного влияния содержащихся в учреждениях УИС лиц экстремистской, террористической и фашистской направленности, членов «А.У.Е.» на оперативную обстановку.

Таким образом, обеспечение законности при реализации оперативно-розыскной политики в уголовно-исполнительной системе на современном этапе является одним из приоритетных направлений развития УИС. Оно влияет не только на эффективность профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений, состояние, характеристику и управляемость оперативной обстановки в пенитенциарных учреждениях, но также и формирует позитивный имидж системы в общественном сознании, создает объективные предпосылки ее поступательного развития в современных условиях.

Список литературы:

1. *Запивалов Д. А., Ложкин Ю. А.* Оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие права граждан: основания, условия и порядок проведения: монография. Пермь, 2021.
2. *Ковалев О. Г.* Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнитель-

ной системы в условиях ее реформирования // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань, 2021.

3. *Ковалев О.Г.* Современные организационно-правовые проблемы реализации модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в учреждениях УИС и пути их решения // Эпомен. 2021. № 3–2.

4. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус. Москва, 2020.

Роман Викторович Колесников,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Воронежский институт МВД России

Противодействие распространению криминальной субкультуры в молодежной среде

Аннотация

Необходимость разработки эффективных мер противодействия криминальной субкультуре молодежи, определения основных направлений нейтрализации ее влияния обуславливает проведение научного анализа характеристики данного негативного социального явления и опыта его профилактики, определяет ее теоретическую и практическую значимость и актуальность исследования. В ограниченных рамках статьи рассмотрены основные факторы, детерминирующие распространение криминальной субкультуры в молодежной среде. Проанализированы существующие и предложены авторские меры профилактики субкультуры среди молодежи на общесоциальном и специально-криминологическом уровнях. Определен комплекс мер индивидуальной профилактики в отношении носителя молодежной криминальной субкультуры.

Ключевые слова и словосочетания: *криминальная субкультура; молодежь; подросток; несовершеннолетний; среда; противодействие; профилактика.*

Распространение криминальной субкультуры представляет значительную опасность не только для молодежной среды, но и для всего общества. Именно поэтому необходима разработка мер по противодействию ее негативному влиянию на подрастающее поколение.

Противодействие распространению криминальной субкультуры в молодежной среде является одним из важнейших направлений профилактики молодежной преступности в целом.

В нейтрализации негативного влияния криминальной субкультуры решающую роль играет государство, поскольку оно не только обладает нужными средствами воздействия на любого рода негативные явления, но и формирует политику этой деятельности, распространяемую на многие институты общества.

Общие меры противодействия предполагают устранение факторов навязывания элементов криминальной субкультуры всему гражданскому обществу [1, с. 163].

Меры общесоциального противодействия криминальной субкультуре призваны обеспечить позитивное воздействие на социальные процессы в обществе. Они отличаются масштабностью, разносторонностью, комплексностью и взаимозависимостью, непрерывностью, всеобщим охватом.

Общие меры могут быть реализованы на практике при достижении следующих обстоятельств:

- преодоление экономического кризиса и стабилизация экономики, поскольку, не достигнув этого, нереально разрешить такие проблемы, как обеспечение необходимого уровня развития себя и своих детей, удовлетворение минимальных жизненных потребностей;
- четкое и эффективное взаимодействие власти в центре и на местах, что позволит реализовать поставленные цели и задачи государственной политики в регионах;
- упрочение института семьи и брака, оказание существенной помощи молодым семьям;
- высокий уровень социально-правовой защиты материнства и детства.

На сегодня не сформирована целенаправленная государственная семейная политика как самостоятельное направление деятельности органов публичной власти, в связи с этим целесообразно осуществлять меры по значительной поддержке семьи и детства.

Необходимо противодействовать проникновению элементов криминальной субкультуры, прежде всего, в сознание несовершеннолетних и молодежи. Этому должны способствовать:

- процесс их воспитания в семье и школе, выявление и устранение неблагоприятных условий жизни и воспитания до того, как они отразятся на поведении подростков;
- устранение источников негативного влияния на подростка, формирующего его асоциальную позицию;
- оказание на профилактируемое лицо сдерживающего и корректирующего влияния.

Кроме того, необходима переориентация ресурсов СМИ на противодействие влиянию криминальной субкультуры [5, с. 47]. Следует поменять общую направленность действия современной социальной рекламы в стране, а также рекламы по профессиональному ориентированию населения, в особенности молодежи.

Главным способом сокращения влияния криминальных ценностей, транслируемых посредством показа определенных фильмов,

должно стать вытеснение их из информационного поля подростков качественно иными фильмами, пропагандирующими одобряемые обществом образцы поведения и общечеловеческие ценности.

В связи с развитием современных информационных технологий все больше видов противоправных деяний совершается с их использованием, особенно ресурсов сети Интернет. Криминальная субкультура, в том числе идеология А.У.Е., не является исключением.

Одно из основных направлений нейтрализации криминальной субкультуры предполагает использование приемов и способов нравственно-реабилитационной работы. Приоритет следует отдавать социальной реабилитации преступников из числа подростков и молодежи.

Как представляется, основным специально-криминологическим способом нейтрализации криминальной субкультуры выступает «изоляция» осужденного подростка в местах лишения свободы [3, с. 13]. Подобная мера предполагает ограничение контактов осужденного с другими осужденными (взрослыми и подростками). Ресоциализация включает меры по подготовке лица, отбывающего наказание в местах лишения свободы, к возвращению в обычную жизненную среду.

Свое поведение осужденная молодежь может и должна изменить только сама, для этого необходимо лишь создать условия для законопослушного развития личности.

Ярким примером могут служить выводы судебной практики. Так, при рассмотрении ходатайства осужденного П. об условно-досрочном освобождении суд указал, что П. за время отбывания наказания отказался от криминальной субкультуры, очевидно порвал с криминальным прошлым, сформировал негативное отношение к криминальным проявлениям, занимает активную жизненную позицию, проводит постоянную работу над собой, проявляет высокую мотивацию к законопослушному поведению, имеет конструктивные цели и планы на будущее¹.

Результат ресоциализации обусловлен рядом факторов:

- спецификой личности освобожденного (его мировоззрением, основными свойствами характера, интеллектом, темпераментом, моралью, нравственностью, этикой, правосознанием, образованием, трудовыми навыками, специальностью);
- условиями внешней среды, в том числе наличием жилья;

¹ Постановление президиума Ленинградского областного суда от 21 июня 2020 г. № 44у-31/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- семьей и взаимоотношениями с ней; учебой; работой, удовлетворенностью ею;
- тактикой сотрудников полиции, реализующих административный надзор;
- условиями, в которых осужденный молодой человек находился в период отбывания наказания и которые влияют на его поведение в первые месяцы после освобождения (организация трудового процесса, структура коллектива осужденных, срок пребывания в исправительном учреждении, учеба, воспитательное воздействие администрации учреждения УИС и т. п.) [6, с. 124].

Исправление осужденных включает меры по формированию правомерного поведения и способности реинтегрироваться в общество.

К специально-криминологическим мерам противодействия негативному воздействию криминальной субкультуры на молодежную среду также следует отнести:

- взаимодействие различных структур силовых министерств и ведомств, прежде всего УИС и ОВД, при обмене информацией о лидерах криминального мира;

- повышение уровня квалификации и профессионализма сотрудников УИС и ОВД посредством обучения их на курсах повышения квалификации по специальным дисциплинам (криминальной психологии и криминальной субкультуре). Целесообразно в образовательных организациях МВД России ввести изучение спецкурса «Криминальная субкультура среди несовершеннолетних и молодежи и ее предупреждение»;

- формирование у сотрудников УИС сбалансированности общения, поскольку их общение с осужденными приводит, с одной стороны, к деперсонализации (обезличиванию), а с другой стороны – дискриминации (жесткости, бескомпромиссности);

- строительство при учреждениях УИС приходов, церквей, храмов, молебных комнат различных конфессий, организация воскресных школ;

- совершенствование системы общего и профессионального образования для повышения общей культуры осужденных.

Индивидуальная профилактика в отношении конкретного носителя молодежной криминальной субкультуры предполагает непосредственную воспитательную работу с этим лицом, когда его поведение свидетельствует о вовлеченности в криминальную субкультуру и реальной возможности перехода на криминальный путь. С практической точки зрения она состоит в выявлении лиц, склонных к криминальному поведению, наиболее полном изучении всех его негативных свойств личности.

Психопрофилактическая работа должна строиться по следующим основным моделям организации.

Первая модель – «организация социальной среды». Цель воздействия – сформировать социально поддерживающую и развивающую среду.

В качестве форм работы здесь выступают:

- формирование через СМИ негативного отношения общества к самовольным уходам несовершеннолетних;
- позитивные социальные примеры молодежных кумиров;
- молодежные движения;
- различные конкурсы среди подростков и молодежи;
- социальная реклама;
- социальная работа с подростковой субкультурой.

В качестве второй модели психопрофилактической работы выступает информирование (наиболее распространенное направление психопрофилактической работы в форме консультаций, лекций, бесед).

В рамках данной модели проводится также психологическое консультирование, беседы с подростками и молодежью [4, с. 13].

Проведение предварительной беседы происходит в индивидуальном порядке. Ее содержание и результаты во многом обуславливают ход дальнейшей воспитательной работы с лицами из числа молодежной среды, подверженной влиянию криминальной субкультуры. Для достижения эффективности и предметности беседы необходимо собрать максимальный объем информации об этих лицах, их поведении, связях, окружении и т. д. [2, с. 29].

В целях изучения занятости в летнее время подростков, состоящих на учете, сотрудниками ПДН должны проводиться беседы с ними и их родителями. На основе полученных данных следует составлять списки с указанием занятости в каникулярное время по месяцам.

На подверженность влиянию субкультуры оказывает воздействие фактор алкоголизма, наркомании и токсикомании среди молодежи. В связи с этим в целях предупреждения распространения этих негативных социальных явлений и их влияния на распространение криминальной субкультуры сотрудникам ОВД необходимо в рамках индивидуальной профилактики в отношении конкретного носителя молодежной криминальной субкультуры проводить непосредственную воспитательную работу с данным лицом.

Индивидуальную профилактику вовлечения молодежи в криминальную субкультуру следует осуществлять по следующим направлениям:

– формирование ресурсов семьи, способствующих воспитанию у подростков и молодежи ответственного поведения, посредством информационно-просветительской работы с родителями;

– индивидуальное консультирование родителей по вопросам, связанным с воспитанием и детско-родительскими отношениями;

– работа с семьями «группы риска», состоящая в организации и проведении тренингов детско-родительских отношений, специализированных тренингов для родителей и педагогов по вопросам, касающимся профилактики негативного влияния субкультуры на учащихся.

Индивидуальная профилактика, реализуемая в деятельности органов внутренних дел, включает следующие меры:

– профилактическую беседу;

– постановку на профилактический учет;

– вынесение официального предостережения;

– оказание социальной помощи;

– установление наблюдения за процессом социальной реабилитации;

– привлечение к административной или уголовной ответственности.

Список литературы:

1. *Анфиногенов В.А.* Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2016.

2. *Вилкова А.В.* Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2.

3. *Данилин Е. М., Давыдова Н.В.* Организация работы методического кабинета в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 5.

4. *Дворянсков И. В., Панфилов Е.Е.* Состояние и проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 5.

5. *Лядова А.С.* Противодействие распространению криминальной субкультуры в молодежной среде как составляющая профилактики экстремизма // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2018. № 1.

6. *Хохрин С.А.* Предупреждение пенитенциарной преступности: проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2016. № 3.

Людмила Алексеевна Колпакова,
доцент, кандидат юридических наук,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Уголовная политика в сфере назначения уголовных наказаний

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия и содержания уголовной политики в сфере назначения уголовных наказаний. Предмет исследования составили различные научные подходы к определению сущности уголовной политики. Проведен анализ статистических сведений, показывающих частоту применения отдельных видов наказаний, в непосредственной взаимосвязи с количеством лиц, осужденных за преступления различных категорий. Сделаны обобщающие выводы о востребованности практикой отдельных видов наказаний, даны прогнозные суждения об изменении долей тех или иных наказаний в зависимости от происходящих процессов криминализации и пенализации.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовная политика; наказание; гуманизация; криминализация; пенализация; декриминализация; депенализация.*

Изменения состояния преступности диктуют необходимость периодического и систематического пересмотра ранее сформулированных постулатов уголовной политики в сфере пенализации. Это необходимо, поскольку создает определенную идеологическую и концептуальную основу для совершенствования правовой базы с целью эффективного противодействия криминалитету, достижения целей уголовного наказания. Однако справедливо заметить, что при рассмотрении вопроса о содержании уголовной политики, на наш взгляд, нельзя замыкаться лишь на законодательных аспектах ее формирования. Считаем, что изучение сути проблемы, разработка средств повышения эффективности правовых норм и всей деятельности по профилактике преступности, включая определение ее стратегии и тактики, невозможно представить без обращения к теории юриспруденции. Только с правильным пониманием термина «уголовная политика», составляющих ее элементов возможно органичное ее формирование и обновление, отвечающее современным вызовам и насущным задачам государства на текущем этапе.

Являясь составной частью государственной политики, уголовная политика имеет специфический объект социального управления – преступность и явления, с ней связанные [3, с. 18].

В современной криминологической и уголовно-правовой науке выработано достаточно большое количество определений уголовной политики, иногда диаметрально различающихся по содержанию и принципиальным позициям.

Так, Б. В. Здравомыслов полагает, что «уголовная политика – это совокупность взглядов, идей и представлений, господствующих в обществе на данном этапе, об основных направлениях, средствах и путях борьбы с преступностью» [6, с. 11]. По нашему мнению, предлагаемая формулировка, скорее, отражает определение научной доктрины в области противодействия преступности, поскольку не охватывает прикладную сторону анализируемого явления, а также не делает отсылку к источнику, от которого оно исходит, т. е. к органам государственной власти. Будучи не подкрепленными конкретными действиями уполномоченных субъектов, действующих в законодательной и правоприменительной сферах, идеи и взгляды представляют собой не более чем красивые и социально одобряемые декларации и лозунги.

Анализ специальной литературы позволил выявить понимание уголовной политики в узком и широком смыслах [2, с. 32; 5, с. 82–83]. Однако, по нашему мнению, такое деление способно лишь усугублять разночтения в понимании содержания уголовной политики.

Согласимся с Д. И. Чистовым в том, что содержание уголовной политики не сводится к управлению методами борьбы с преступностью. Управление является внешним выражением уголовной политики, отражая формы ее осуществления. Содержание же составляют конкретные методы, меры, мероприятия, действия отдельных субъектов в сфере борьбы с преступностью, их реальное воплощение и реализация на практике [7, с. 15].

Весьма спорными представляются рассуждения указанного автора относительно семантики термина «уголовная политика» [7, с. 16]. Он сопоставляет его значение со значением слов «уголовник», «уголовный» в русском языке, где последние обозначают явную связь с преступлением, и дословно истолковывает уголовную политику как «преступную политику государства», что представляется как нонсенс. Если следовать этой логике, то необходимо подвергнуть критике и такие устоявшиеся и прочно укоренившиеся в научном лексиконе понятия, как «уголовное право», «уголовный закон», «уголовный кодекс».

Вместе с тем выводы, которые делает Д.И. Чистов, не лишены логики – он предлагает, следуя современной школе кибернетики уголовного права, заменить термин «уголовная политика» на термин «уголовно-правовая политика». Подобный подход нашел отражение, к примеру, в определении уголовной политики, сформулированном А.И. Александровым: «направление деятельности правотворческих и правоприменительных органов государственной власти по выработке общих положений уголовного законодательства, установлению круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избранию справедливых и целесообразных мер воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений» [1, с. 9]. Данное определение уголовной политики нельзя считать безупречным, так как автор, во-первых, не включает в него результаты реализации выработанных положений уголовного законодательства, во-вторых, сводит его к предмету уголовно-правовой науки и соответствующей отрасли права.

Однако следует заметить, что уголовная и уголовно-правовая политика – это разноуровневые понятия. Первый термин является более емким, поскольку объединяет нормы и практику применения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также достижения всех иных наук, изучающих криминальные явления (криминологии, криминалистики и др.). Справедливости ради заметим, что А.И. Александров, определение которого выше мы подвергли критике, в ходе научного анализа термина «уголовная политика» выделяет пять ее составных частей: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-розыскную, уголовно-предупредительную и уголовно-исполнительную [1, с. 9], что, несомненно, заслуживает одобрения.

Н.И. Газетдинов усматривает три составляющие уголовной политики: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную [3, с. 18]. Признавая право на существование и этой точки зрения, мы не вполне согласны с тем, что различие между данными направлениями уголовной политики автор видит не в сферах отношений, в которых они осуществляются, не в правовой основе, методах, средствах или результатах их осуществления, а в том, что уголовно-правовая политика в большей степени определяется законотворческим процессом, наличием законов, а уголовно-процессуальная политика реализуется в большей степени путем воздействия на общественные отношения, как правило, с помощью норм-принципов, имеющих более общий характер [3, с. 72–77].

Такое представление о направлениях уголовной политики является излишне абстрактным и во многом условным.

Основываясь на проанализированных точках зрения ученых, а также сложившейся практике, позволим себе попытку сформулировать собственное определение уголовной политики, под которой мы понимаем деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти по выработке единых подходов к вопросам криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, установления и применения оснований уголовной ответственности и наказания, мер уголовно-правового воздействия и характера, порядка уголовного судопроизводства, порядка исполнения приговоров и иных решений судебной-следственных органов.

С этих позиций постараемся проанализировать основные направления уголовной политики в отношении правовой регламентации и назначения наказания.

Как известно, на протяжении последнего десятилетия государство прочно держит курс на сокращение тюремного населения и расширение практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы. Проанализируем, как это реализуется в правоприменительной практике. Так, с 2018 г. количество случаев применения к осужденным лишения свободы на определенный срок к 2021 г. сократилось на 11,7 %; обязательных работ – на 20,9 %; исправительных работ – на 16 %; штрафа (в качестве основного наказания) – на 19 %. Наиболее отчетливую тенденцию к сокращению применения демонстрирует такой вид наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в качестве основного наказания) – 28,6 %. Частота применения принудительных работ за четыре года (2018–2021) отличается значительными колебаниями, однако за последний год отмечается положительная динамика (+24,4 %). Практика применения ограничения свободы отличается относительным постоянством, особенно в последние три года.

Из числа дополнительных наказаний положительная динамика (прирост) отмечается в отношении двух видов наказаний – лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (+2 %) и лишения специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (+23,9 %). Наиболее значительно снизилось применение штрафа как дополнительного наказания. Особенно заметна разница между 2018 и 2019 гг. – 78,7 %.

Указанные выше цифры нельзя рассматривать в отрыве от статистики судимости, поскольку частота применения тех или иных

наказаний прямо пропорциональна числу осужденных и категории преступлений, за которые они осуждены. Так, всего в 2021 г. обвинительный приговор состоялся в отношении 565 317 человек, из них за преступления небольшой тяжести осуждены 287 832, средней тяжести – 115 021, тяжкие – 132 079, особо тяжкие – 30 385; в 2020 г. всего осуждено 530 998 человек, из них за преступления небольшой тяжести – 274 968, средней тяжести – 114 415, тяжкие – 115 670, особо тяжкие – 25 945; в 2019 г. всего осуждено 598 214 человек, из них за преступления небольшой тяжести – 305 011, средней тяжести – 131 824, тяжкие – 129 548, особо тяжкие – 31 831; в 2018 г. всего осуждено 658 291 человек, из них за преступления небольшой тяжести – 334 712, средней тяжести – 153 315, тяжкие – 135 616, особо тяжкие – 34 648. Мы видим, что общее сокращение числа осужденных корреспондирует сокращению числа наиболее востребованных судебной практикой наказаний. Вместе с тем на фоне общей динамики нельзя не заметить, что хотя абсолютные показатели применения ограничения свободы, принудительных работ, условного осуждения сохраняют примерно одинаковые значения, их доля в общей структуре применяемых наказаний увеличивается, и это при том, что доля лиц, осужденных за преступления небольшой и средней тяжести, пусть и несущественно, сократилась (71,3% – 2021 г., 73,3% – 2020 г., 73% – 2019 г., 74,1% – 2018 г.).

В этой связи интересной выглядит и практика освобождения осужденных от наказания. Так, число освобожденных по амнистии за четыре года сократилось на 91,6 %, освобождение с направлением в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (ст. 432 УПК РФ) – на 30,7 %. Вместе с тем существенно расширена практика применения принудительных мер воспитательного воздействия в качестве альтернативы наказанию (ст. 432 УПК РФ) (+25,6 %) и освобождения от наказания по другим основаниям, а также вынесения обвинительных приговоров без назначения наказания (+43,2 %).

Разумеется, свои корректировки в решения судов первой инстанции как в сторону усиления, так и смягчения уголовной репрессии вносят суды апелляционной инстанции. Так, в 2018 г. судами данной инстанции изменено обвинительных приговоров с изменением квалификации и смягчением наказания – 1 995, с усилением наказания – 242; без изменения квалификации и со смягчением наказания – 12 551, с усилением наказания – 2 614. В 2019 г. судами апелляционной инстанции изменено обвинительных приговоров с изменением квалификации и смягчением наказания – 1 834, с усилением наказания – 172; без изменения квали-

фикации и со смягчением наказания – 10 776, с усилением наказания – 2 379. В 2020 г. судами апелляционной инстанции изменено обвинительных приговоров с изменением квалификации и смягчением наказания – 1 608, с усилением наказания – 156; без изменения квалификации и со смягчением наказания – 11 327, с усилением наказания – 1 964. В 2021 г. судами апелляционной инстанции изменено обвинительных приговоров с изменением квалификации и смягчением наказания – 1 904, с усилением наказания – 154; без изменения квалификации и со смягчением наказания – 12 334, с усилением наказания – 2 245.

Как видим, суды второй инстанции активно реализуют свои полномочия по устранению ошибок судов первой инстанции, касающихся как нарушений законности, так и обоснованности и справедливости.

Приведенные выше статистические данные, а также анализ насущной общественно-политической ситуации в стране и мире позволяют сделать ряд выводов:

- гуманистическая политика государства в сфере наказуемости преступлений небольшой или средней тяжести уравнивается усилением уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких общественно опасных деяний, благодаря чему в правоприменительной практике доля наказаний, не связанных с лишением свободы, существенно не возрастает;

- следует подвергнуть ревизии роль и значение таких видов наказания, как обязательные и исправительные работы, ограничение свободы, в свете развития идей о создании служб пробации, внедрении новых механизмов пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации осужденных и освобождаемых из мест лишения свободы при активном участии уголовно-исполнительных инспекций с приданием им нового организационно-правового статуса;

- прогнозируется, что чрезвычайно активная нормотворческая деятельность государства в плане криминализации и пенализации новых деяний во втором полугодии 2022 г., усиление уголовной репрессии за ряд деяний, связанных с внешнеполитической обстановкой, в ближайшее время приведет к повышению роли таких мер наказания, как лишение свободы, пожизненное лишение свободы, принудительные работы. В этой связи целесообразно вновь вернуться к обсуждению вопроса о возможностях применения ареста как краткосрочного помещения виновного в места изоляции от общества.

Список литературы:

1. *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. Санкт-Петербург, 2003.
2. *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. Москва, 1999.
3. *Газетдинов Н.И.* Современная уголовная политика и отечественная доктрина о принципах уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2007. № 7.
4. *Гревцов О.В.* Уголовная политика современной России и предупреждение преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000.
5. *Миньковский Г.М.* О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР // Конституционно-правовые основы организации и деятельности ОВД. Москва, 1982.
6. Уголовное право: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. Москва, 2006.
7. *Чистов Д.И.* Конституционному реформированию уголовно-правовой политики – кибернетический подход // Юридический мир. 2006. № 10.

Мария Анатольевна Коновалова,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российская таможенная академия

Некоторые вопросы жестокого обращения с несовершеннолетними

Аннотация

Наиболее подробно в данной работе автор обращает внимание на правонарушения, совершаемые в отношении несовершеннолетних, а именно на преступные деяния, связанные с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенные с применением к ним жестокого обращения. Автор указывает на проблему отграничения преступления от административного правонарушения за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних. Отмечается важность законодательного закрепления понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним», что аргументируется рассмотренными в работе научными взглядами правоведов относительно подхода к пониманию разных форм насилия, проанализированной правоприменительной практикой и официальной статистикой, предоставленной МВД России.

Ключевые слова и словосочетания: жестокое обращение; насилие; ребенок; физическое и психическое насилие.

Идеология нашего государства обуславливает главенствующие цели, направленные на защиту граждан, а именно их законных прав и свобод. Так, не являются исключением и несовершеннолетние.

В 2017 г. Указом Президента РФ¹ 2018–2027 гг. были объявлены Десятилетием детства с целью обеспечения его безопасности и благополучия. Ключевыми задачами Десятилетия детства определены защита прав всех детей, создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых как в отношении детей, так и самими детьми.

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705290022> (дата обращения: 08.06.2022).

В соответствии с Декларацией прав ребенка, принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться не только физически и умственно, но еще и нравственно, духовно, в условиях свободы и достоинства. Бесспорно, каждый ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен расти в атмосфере любви и морально-материальной обеспеченности. Ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения и проявления какой-либо жестокости.

В соответствии с Конвенцией о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г., государства-участники обязуются уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности. Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим интересы ребенка, причем его взглядам уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. Ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, объектом незаконного посягательства на его честь и репутацию.

Несомненно, воспитание оказывает значительное воздействие на становление будущих граждан государства. Вовремя замеченное отклонение в поведении детей и, как следствие, правильно организованная помощь вполне могут сыграть важную роль в предотвращении деформации личности ребенка, которая, в свою очередь, приводит к правонарушениям и преступлениям в будущем. К сожалению, не все родители и лица, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, владеют достаточными навыками воспитания. Родителю, который привык доминировать и требовать, сложно принимать растущую самостоятельность ребенка (своеобразие и непохожесть), из-за этого очень часто дети таких родителей бывают напуганы, обижены, потому что в любой момент ждут со стороны своего взрослого родителя либо физического, либо психологического насилия [1, с. 52–54]. Так, в процессе становления личности со стороны родителей или других лиц в процессе воспитания возможны «перегибы», которые варьируются от гиперопеки и чрезмерного удовлетворения потребностей ребенка до излишней требовательности и авторитарности родителей, связанной с применением

необоснованных ограничений и запретов, наказаний, унижающих детей, и физической силы. Несомненно, не только эти обстоятельства могут оказать пагубное воздействие на воспитание детей и обеспечение их безопасности. Асоциальный образ жизни членов семьи, сопровождающийся регулярным нахождением в состоянии опьянения, зачастую выступает одной из детерминант преступности в отношении несовершеннолетних в семье.

Согласно действующему законодательству за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних предусмотрена как административная ответственность (ст. 5.35 КоАП РФ), так и уголовная (ст. 156 УК РФ). При этом уголовно-правовая норма предусматривает привлечение к ответственности в случае, когда преступное деяние сопровождается жестоким обращением с ребенком.

По данным МВД России, количество преступлений рассматриваемой категории за более чем 10 лет сократилось в 4 раза. Число зарегистрированных преступлений за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением с ним, составило: в 2008 г. – 5 877; 2009 г. – 5 855; 2010 г. – 4 757; 2011 г. – 3 635; 2012 г. – 2 912; 2013 г. – 2 480; 2014 г. – 2 171; 2015 г. – 2 146; 2016 г. – 1 824; 2017 г. – 1 620; 2018 г. – 1 579; 2019 г. – 1 491; 2020 г. – 1 288; 2021 г. – 1 342 [8]. Конечно, исходя из официальной статистики, предоставленной МВД России [5], можно говорить о снижении преступности в целом. Однако данные показатели совсем не утешают, что объясняется тенденцией к высокому уровню латентности указанной категории преступлений. Помимо этого существует позиция о наличии так называемой искусственной латентности, т. е. преступления стали известны правоохранительным органам, однако по некоторым причинам не попали в статистические данные. Э.Ф. Побегайло объяснял существование такого вида латентности действиями правоохранительных органов, которые не регистрировали заявления потерпевших или не возбудили уголовные дела по ним [6, с. 380].

Также следует обратить внимание на тот факт, что имеют место случаи, когда деяние квалифицируется по ст. 5.35 КоАП РФ при наличии явных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ.

Подтверждением вышеупомянутого служит судебная практика: в ноябре 2018 г. Ухтомским отделением полиции был зарегистрирован рапорт в отношении Андреевой А. С. о ненадлежащем исполнении родительских обязанностей по воспитанию, содержанию и обучению пятерых несовершеннолетних детей. Гражданка Андрее-

ва А. С. пять раз привлекалась к административной ответственности (ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ), содержит квартиру в антисанитарном состоянии (грязь, плесень, тараканы). А. С. не следит за состоянием здоровья своих детей: неоднократно медицинскими работниками был зафиксирован педикулез, одежда грязная, дети не принимают ванну. Вместе с тем все дети Андреевой педагогически запущены: успеваемость в школе неудовлетворительная, а также старший сын забрал документы из школы, не получив основного общего образования. Несмотря на вышеизложенное поведение и образ жизни гражданки Андреевой А. С., 29 декабря 2018 г. было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления (отсутствует причинно-следственная связь между антиобщественным образом жизни и состоянием здоровья детей). 29 января 2019 г. было вынесено постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о направлении материалов для дополнительной проверки, а 2 марта 2019 г. было вновь вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления. 29 апреля 2019 г. было вынесено постановление об отмене постановления органа дознания (дознавателя) об отказе в возбуждении уголовного дела и о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании в отношении гражданки Андреевой А. С. 6 мая 2019 г. было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. Вместе с тем 24 марта 2019 г. Андреева в состоянии алкогольного опьянения убила своего сожителя. В итоге сложившейся ситуации в отношении гражданки Андреевой А.С. был вынесен приговор, по которому А.С. была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ст. 156 УК РФ¹.

Одной из причин складывающейся ситуации является использование такого оценочного понятия, как «жестокое обращение с детьми». Наличие обширного круга литературы, затрагивающей вопросы толкования диспозиции ст. 156 УК РФ, разъяснений, обзоров не способствует минимизации споров. При этом законодательно определение термина «жестокое обращение с несовершеннолетними» отсутствует.

Ранее в рамках семейного законодательства понятие жестокого обращения было раскрыто в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами зако-

¹ Приговор Люберецкого городского суда от 5 августа 2019 г. по делу № 1-562/2019.

нодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Так, постановление определяло, что «жестокое обращение с детьми может проявляться не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей)»¹. Однако в 2017 г. вступило в силу новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ², которое в п. 16 определило, что жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность.

Интересными представляются точки зрения ряда правоведов относительно подхода к трактовке понятия разных форм насилия. Так, например, физическое насилие, как полагает А. В. Дубницкая, может выражаться в применении физической силы или силы используемых механизмов, животных или других лиц посредством избиений, нанесения ударов (шлепки, подзатыльники и пощечины), травм, повреждений. Между тем причинение физического вреда оказывает воздействие на психическое здоровье человека. Таким образом, физическое насилие представляет собой посягательство в форме преднамеренного незаконного причинения физического и психического вреда потерпевшему вопреки его воле [2, с. 25].

В свою очередь, Е. П. Ильин считает, что психологическое (эмоциональное) насилие представляет собой периодическое длительное или постоянное психическое воздействие на человека, вызывающее психическую травму либо приводящее к формированию у него патологических свойств характера или же тормозящее развитие личности [3, с. 168].

Под половой неприкосновенностью А. А. Байбариним и А. А. Гребеньковым понимается правовой запрет на вступление в сексуальные отношения с лицами, не достигшими 16-летнего возраста и половой

¹ О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 мая 1998 г. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зрелости, действующий независимо от того, насильственными или добровольными являются такие сексуальные отношения. Некоторые ученые распространяют понятие половой неприкосновенности и на лиц, достигших 16-летнего возраста [7, с. 23].

Немаловажным также представляется проанализировать правоприменительную практику по рассматриваемому вопросу.

Так, из приговора Томского областного суда от 10 августа 2020 г. по делу № 2-7/2020 следует, что Граф Т. В., являясь матерью шестимесячного ребенка, умышленно не обеспечила прохождение им плановых медицинских осмотров детей первого года жизни: педиатром, неврологом, отоларингологом, врачом-генетиком, офтальмологом, травматологом-ортопедом, инфекционистом, кардиологом и дерматовенерологом. Не обеспечила прохождение им эхокардиограммы, диспансеризации и вакцинации, а также обязательную сдачу анализов кала, крови и мочи. Гражданка Граф не соблюдала ежедневный прием необходимых лекарств и витаминов, а также рекомендации и предписания врачей по развитию, кормлению новорожденного ребенка и уходу за ним, по проведению массажа и воздушных ванн. Также с целью воспрепятствовать контролю за физическим и психическим состоянием малолетнего не открыла дверь медицинской сестре, проводившей патронаж на дому, самостоятельно за медицинской помощью сыну не обращалась, не ухаживала за ним. В результате длительного нахождения шестимесячного ребенка в неподвижном положении в кровати и несоблюдения гражданкой Граф правил гигиены его кожи у ребенка образовались пролежни на волосистой части головы и в области крестца в виде язвенных дефектов, причинявшие ему физические страдания. Т. В. в период с 11 сентября по 4 декабря 2018 г. умышленно из неприязни с целью причинения смерти с особыми физическими страданиями изменила режим питания ребенка с молочной смеси, рекомендованной врачом-педиатром, на манную кашу, сваренную на молоке или воде, постепенно уменьшала количество кормлений и размер порций, а затем полностью лишила ребенка пищи и воды, в результате чего недостаточное (в качественном и количественном отношении) поступление питательных веществ и жидкости в организм вызвало расстройство всех жизненно важных функций с развитием полиорганной недостаточности (алиментарной кахексии), которая не могла быть компенсирована самостоятельно. Это вызвало острую сердечную недостаточность в совокупности с очаговым внутриаальвеолярным отеком легких и выраженным перивалярным, перицеллюлярным отеком головного мозга. В результате совокупности вышеупомянутых действий Т.В. Граф ее ребенок умер 4 декабря 2018 г. Наступлению

смерти предшествовал период, в течение которого его мать не проявляла заботы о нем, его здоровье, физическом и психическом развитии, допустив при этом жестокое обращение, выразившееся в ненадлежащем уходе за ним, некачественном и ограниченном кормлении¹.

Еще один пример из судебной практики указывает на жестокое обращение с несовершеннолетним: приговором Шилкинского районного суда Забайкальского края от 14 октября 2020 г. по делу № 1-244/2020 гражданка А. Н. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 117, ст. 156 УК РФ. Из материалов дела следует, что А. Н., являясь матерью несовершеннолетней, будучи недовольной ее поведением и испытывая личную неприязнь, систематически наносила ей побои и совершала иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, а именно в период с конца июня 2018 по 23 марта 2020 г. совершила не менее 5 фактов нанесения побоев и не менее 2 фактов причинения иных насильственных действий. Так, А. Н., находясь в состоянии алкогольного опьянения, неоднократно руками или ремнем наносила ребенку удары, оттаскивала за волосы дочь, при этом не реагируя на плач своего ребенка. Неоднократно причиняла ей физическую боль, которая, в частности, сопровождалась ушибами мягких тканей в виде кровоподтеков. Своими умышленными действиями А. Н. причинила несовершеннолетней дочери физические страдания (боль) и психические страдания – мучения, чувство унижения собственного достоинства, безысходности и собственной незащитности от противоправных действий матери. Кроме того, А. Н., являясь матерью несовершеннолетней, ненадлежащим образом исполняла обязанности по воспитанию дочери, не создавала нормальные условия для проживания несовершеннолетнего ребенка, не обеспечивала чистоту и порядок, а также не соблюдала температурный режим для комфортного проживания в доме, не создавала нормальные условия для выполнения несовершеннолетней домашнего задания, неоднократно оставляла несовершеннолетних детей без присмотра, что отрицательно влияло на нравственное и физическое воспитание несовершеннолетней дочери².

Не является исключением применения жестокого обращения и следующий пример из судебной практики. Согласно приговору

¹ Приговор Томского областного суда от 10 августа 2020 г. по делу № 2-7/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uMv36ClMZAbW/> (дата обращения: 09.06.2022).

² Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края от 14 октября 2020 г. по делу № 1-244/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5PjjsLJpUQw/> (дата обращения: 09.06.2022).

судебного участка № 4 Центрального района г. Новокузнецка Кемеровской области от 21 июня 2017 г. по делу № 1-62/2017 родитель Х. с сентября 2015 г. ненадлежащим образом исполнял обязанности по отношению к своему несовершеннолетнему ребенку, что выразилось в безразличном, пренебрежительном отношении и жестоком обращении с ним, а именно: в указанный период родитель систематически выражался в адрес сына словами, унижающими его достоинство, употреблял в его присутствии алкогольные напитки и, находясь в состоянии алкогольного опьянения, наносил ему телесные повреждения, нарушал режим сна, проявлял полное безучастие к его воспитанию. Так, в вечернее время, находясь в состоянии алкогольного опьянения, умышленно схватил сына за левую руку и начал ее выкручивать, отчего несовершеннолетний испытал сильную физическую боль. Ребенку удалось освободиться, после чего он убежал и спрятался в туалетной комнате. Х. закрыл его в туалетной комнате, где он находился около 30 минут, не реагируя на крики и просьбы открыть ему дверь. Затем родитель открыл дверь туалетной комнаты, и ребенок убежал в комнату к матери, где Х. догнал его, умышленно схватил рукой за правое плечо и волоком потащил в зал, отчего несовершеннолетний испытал сильную физическую боль. Х. в продолжение своего преступного умысла, направленного на причинение вреда здоровью ребенка, кинул его на диван, в результате чего он ударился головой о спинку дивана. Затем Х., продолжая удерживать сына на диване, заткнул ему рот и нос краями подушки, отчего несовершеннолетний испытал физическую боль и удушье. В результате своих преступных действий родитель нанес ребенку, согласно заключению эксперта, 1 039 кровоподтеков в области правого плечевого сустава, были обнаружены множественные кровоизлияния на плечах, шее, в различных областях, которые относятся к повреждениям, не причинившим вред здоровью¹.

Следующий пример показывает «перегиб» в воспитании несовершеннолетнего, вследствие чего родителем в качестве «одной из мер воспитания» применялось жестокое обращение. В соответствии с приговором Плесецкого районного суда Архангельской области от 22 января 2020 г. по делу № 1-11/2020² Попов М. В.,

¹ Приговор судебного участка № 4 Центрального района г. Новокузнецка Кемеровской области от 21 июня 2017 г. по делу № 1-62/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/cXgruQou9woT/> (дата обращения: 09.06.2022).

² Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области от 22 января 2020 г. по делу № 1-11/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vpYJNQsC3XWf/> (дата обращения: 09.06.2022).

являясь родителем несовершеннолетнего Попова О. М., избрал авторитарный стиль общения и поведения по отношению к своему ребенку, игнорировал его мнение и руководствовался ложным пониманием достижения положительного результата в воспитании. Под видом мер воспитательного характера систематически проявлял к ребенку излишнюю строгость, грубость, неуважение, причинял моральную (систематические оскорбления) и физическую боль (систематические побои в виде ударов ладонью по ягодицам), а также фактически лишал возможности сохранить и проявить индивидуальность, навязывая ему свою точку зрения о должном образе поведения. Попов держал своего ребенка в чувстве постоянного страха за свое здоровье ввиду плохой успеваемости в школе и отказа помогать по хозяйству.

С учетом рассмотренной судебной практики и анализа мнений ученых представляется рациональным законодательно закрепить дефиницию «жестокое обращение с несовершеннолетним» с целью устранения существующей по сей день «оценочной категории», а также дальнейшего ее использования при расследовании уголовных дел.

Поддерживаем позицию ряда ученых, в частности Н. В. Коваль [4, с. 23], заключающуюся в необходимости закрепления определения «жестокое обращение с несовершеннолетними» в нормах УК РФ. Данную дефиницию предлагается изложить в авторском виде следующим образом: «умышленные деяния, выражающиеся в физическом или психическом насилии (в том числе используемые в воспитательных целях), в посягательстве на половую свободу и неприкосновенность, в оставлении в опасности, в экономической или сексуальной эксплуатации, создающие опасность для жизни, здоровья, развития (психического, физического, нравственного), которые направлены против несовершеннолетнего, а также сопряженные с вовлечением несовершеннолетних в совершение правонарушений».

Список литературы:

1. Все-все-все о воспитании детей. Москва, 2020.
2. *Дубницкая А.В.* Криминологическая оценка психического насилия: понятие и типология // Общество и право. 2020. № 4 (74).
3. *Ильин Е.П.* Насилие как психологический феномен // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 1.
4. *Коваль Н. В.* К вопросу о необходимости определения понятия «жестокое обращение с ребенком» // Национальный психологический журнал. 2015. № 1 (17).

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–июнь 2022 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/31209853/> (дата обращения: 22.08.2022).

6. *Побегайло Э. Ф.* Криминологическая характеристика и предупреждение насильственной преступности. Санкт-Петербург, 2008.

7. Половые преступления: учебное пособие. Курск, 2013.

8. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 08.06.2022).

Антон Александрович Кулешов,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Воронежский институт МВД России

Виктория Вячеславовна Ильиных,
слушатель
Воронежский институт МВД России

Специально-криминологические меры профилактики преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-коммуникационных технологий

Аннотация

Количество преступлений в сфере информационных технологий ежегодно увеличивается. В то же время несовершеннолетние являются наиболее уязвимой перед общественно опасными посягательствами категорией граждан, поэтому нуждаются в особой защите. В статье описаны основные группы преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), а также приведены некоторые статистические данные, характеризующие основные показатели преступности в Российской Федерации за последние годы, применительно к теме исследования. Кроме того, в качестве заключения исследования отмечены некоторые специально-криминологические меры профилактики рассматриваемых противоправных посягательств, ключевое место среди которых занимают: принятие организационно-управленческих мер предупреждения высокотехнологичных преступлений, совершенствование системы правоприменения и разработка новых форм и методов борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий, а также повышение эффективности научного обеспечения деятельности по противодействию преступности в сфере ИКТ.

Ключевые слова и словосочетания: *несовершеннолетние; Интернет; преступность; профилактика; информационные технологии.*

В настоящее время IT-отрасль динамично развивается. Ее развитие выступает приоритетным направлением государственной политики. Специалисты, работающие в данной отрасли, разрабатывают программные продукты, которые применяются для дальней-

шего развития цифровой экономики в нашей стране. Однако вместе с развитием информационно-коммуникационных технологий растет количество преступлений, совершаемых с их помощью. В 2021 г. зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации, что на 1,4 % больше, чем в 2020 г. По оценке экспертов информационного агентства «ТАСС», жертвами таких преступлений все чаще становятся несовершеннолетние в силу их возрастных и психологических особенностей [2].

Кроме того, следует отметить, что, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, несовершеннолетние чаще по сравнению с прошлым годом становятся жертвами преступных посягательств (таблица 1).

Таблица 1

Год	Количество несовершеннолетних, признанных потерпевшими			
	Всего	по преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы	по преступлениям против собственности	по преступлениям против нравственности
2017	104 246	11 174	10 499	287
2018	105 255	11 214	9 229	388
2019	107 571	11 462	9 596	400
2020	94 881	11 287	8 307	338
2021	112 387	12 100	8 264	324

Учитывая психофизические особенности несовершеннолетнего возраста (активность, конформность, стремление ко всему новому и неизвестному, незавершенность интеллектуального и физического развития, отсутствие жизненного опыта и т. д.), актуальной становится проблема правового обеспечения защиты несовершеннолетних лиц от целенаправленных преступных посягательств. Присутствие в нынешнем российском уголовном законодательстве норм об ответственности за противоправные деяния в отношении несовершеннолетних в исследуемой области, к сожалению, существенно не понижают динамику данных преступлений. Исходя из этого, можно говорить о необходимости реформирования отдельных направлений уголовной политики в данной сфере – как в части

законодательного регулирования, так и развития социально-контрольной деятельности.

А. А. Оганов в своем исследовании приводит наиболее распространенные преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних с использованием ИКТ. К ним относятся:

- торговля детьми;
- секс-индустрия несовершеннолетних;
- проституция несовершеннолетних;
- эмиграция с целью сексуальной эксплуатации несовершеннолетних;
- торговля порнографией несовершеннолетних;
- кибермошенничество;
- кибервымогательство;
- насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних с использованием Интернета;
- побуждение к действиям сексуального характера;
- половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет;
- развратные действия;
- киберзапугивание, киберпреследование, груминг, буллинг;
- вербовка террористами;
- вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений;
- доведение до самоубийства;
- торговля наркотиками и др. [4, с. 108].

Представляется, что весь массив преступлений, совершаемых в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, в информационном пространстве можно объединить по смыслу в следующие группы:

- киберрастление, являющееся основой преступлений, входящих в гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также преступлений, ответственность по которым предусмотрена ст. 240 и 241 УК РФ;
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (чаще всего этому предшествует общение преступника с несовершеннолетним, в ходе которого он старается мотивировать ребенка на совершение преступления либо угрожает исполнением каких-либо вредоносных действий в его отношении в случае отказа от реализации преступного замысла);
- преступления в сфере компьютерной информации, предусмотренные ст. 272, 273, 274, 274.1 УК РФ;
- доведение до самоубийства, чему предшествует длительный кибербуллинг (оскорбление и преследование в сети Интернет) или кибергруминг (вхождение в доверие к ребенку со стороны преступ-

ника, а затем принуждение к каким-либо действиям на основе шан-тажа, вымогательства);

– вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Как считает А. В. Мелехова, в настоящее время в совершение киберпреступлений активно вовлекаются несовершеннолетние. Среди них наиболее сложно расследовать мошенничество в сфере Интернета и информационных технологий, поскольку, если преступление совершено в отношении несовершеннолетнего, такое лицо не всегда может отреагировать на реализованный преступный замысел быстро и рассказать родителям или законным представителям. В свою очередь, чем больше времени проходит между окончанием преступления в сфере ИКТ и обращением потерпевшей стороны в полицию, тем сложнее проводить расследование. В случаях, когда несовершеннолетний вовлекается в киберпреступление, он чаще всего не осознает его общественной опасности. Нередко имеет место совокупность преступлений, совершенных лицами, не достигшими 18 лет. Например, распространение при помощи похищения персональных данных через Даркнет наркотических и психотропных веществ [3, с. 124].

Для профилактики преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-коммуникационных технологий, сегодня широко применяются специально-криминологические меры, под которыми понимаются направления деятельности правоохранительных органов, ориентированные на поиск и нейтрализацию истинных причин, которые привели к совершению преступления, и условий, которые им способствовали. Такие меры очень важны, поскольку позволяют выработать систему мероприятий, помогающих предотвратить преступления в сфере ИКТ в отношении несовершеннолетних [1, с. 94]. Следует согласиться с А. В. Аносовым, предлагающим сосредоточить внимание субъектов профилактики преступности в сфере ИКТ на следующих мерах, часть из которых достаточно эффективно уже применяются сегодня:

– повышение эффективности научного обеспечения деятельности по противодействию преступности в сфере высоких технологий (разработка правил использования информации, которые будут задействованы в правоприменительной практике, возводя барьеры для неправомерного воздействия преступника на несовершеннолетнего через Интернет). Для совершенствования мер, реализуемых в рамках данного направления, должна быть создана единая информационная система, в которой могли бы взаимодействовать право-

охранительные органы, принимающие участие в борьбе с преступлениями в сфере ИКТ в отношении несовершеннолетних;

– совершенствование системы правоприменения и разработка новых форм и методов борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий (унификация и закрепление в законодательстве комплексного понятийного аппарата, используемого в процессе специально-криминологического предупреждения преступлений в отношении несовершеннолетних с помощью ИКТ). Для совершенствования мер, реализуемых в рамках данного направления, должна быть сформирована единая комплексная методологическая система, являющаяся научно-методологическим обеспечением деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями в сфере ИКТ в отношении несовершеннолетних;

– принятие организационно-управленческих мер предупреждения высокотехнологичных преступлений (переход от территориального принципа деятельности правоохранительных органов к функциональному, позволяющему учитывать такие характеристики преступлений против несовершеннолетних с применением ИКТ, как трансграничность и многоэпизодичность). Для повышения эффективности мер, реализуемых в данном направлении, необходимо сформировать систему подготовки и переподготовки сотрудников правоохранительных органов по профилю «Информационная безопасность» в образовательных учреждениях системы МВД, ФТС, Минобороны, ФСБ России [1, с. 96].

Таким образом, комплексное применение специально-криминологических мер профилактики преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-коммуникационных технологий, позволит повысить уровень эффективности противодействия правонарушениям в данной сфере, однако они будут иметь высокую эффективность лишь при взаимодействии правоохранительных органов с общественными институтами, при совместном планировании и координации проводимой работы. Кроме того, по мере усложнения ИКТ необходимо и постепенно совершенствовать применяемые специально-криминологические меры профилактики преступлений.

Список литературы:

1. *Аносов А.В.* Специально-криминологическое предупреждение преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48).

2. В России зарегистрировали более 500 тыс. преступлений в цифровой среде в 2021 году // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/14468125> (дата обращения: 28.09.2022).

3. Мелехова А. В. Особенности предупреждения совершения преступлений несовершеннолетними с использованием компьютерной техники // Академическая мысль. 2020. № 4 (13).

4. Оганов А.А. Киберпреступность в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: понятия, предложения, определения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2.

Сергей Иванович Курилов,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры управления
органами расследования преступлений
Академия управления МВД России

Татаркан Хаитович Ампар,
слушатель факультета подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
Академия управления МВД России

Реализация уголовно-процессуальной политики Российской Федерации в сфере государственной защиты сотрудников органов предварительного расследования

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с совершенствованием уголовно-процессуальной политики Российской Федерации в сфере правового регулирования механизма реализации мер безопасности сотрудников органов предварительного расследования, с совершенствованием кадрового, материально-технического обеспечения органов, осуществляющих меры безопасности в отношении следователей и лиц, производящих дознание. Предлагается совершенствование уголовно-процессуального законодательства в виде внесения дополнений в часть 1 статьи 6 УПК РФ.

Ключевые слова и словосочетания: государственная защита; следователи; лица, производящие дознание; уголовно-процессуальная политика.

Реализация стратегии национальной безопасности в числе главных направлений развития предусматривает обеспечение государственной безопасности личности и прав собственности. Безопасность достигается проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности.

Одной из форм реализации государственной стратегии обеспечения безопасности личности, общества и государства является уголовно-процессуальное законодательство, представляющее

собой средство и способ осуществления уголовно-процессуальной политики.

Важнейшим направлением уголовно-процессуальной политики Российской Федерации является защита в целом всех участников уголовного судопроизводства, а также, в частности, защита сотрудников органов предварительного расследования.

Деятельность следователей и дознавателей при осуществлении профессиональных обязанностей сопряжена с посягательствами на их безопасность. В соответствии со ст. 30 Федерального закона «О полиции»¹ сотрудники полиции находятся под защитой государства. В связи с этим государством предусмотрена система мер защиты следователей и лиц, осуществляющих дознание, закрепленных в Федеральном законе от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ² (далее – Закон). Реализация государством защиты лиц, осуществляющих предварительное расследование, является гарантией их независимости при выполнении должностных обязанностей. Также в ст. 3 вышеуказанного Закона говорится, что применение мер госзащиты направлено на защиту имущественных благ, на социальную защиту и более строгое наказание за попытку или причинение вреда здоровью, жизни и имуществу сотрудников, осуществляющих предварительное расследование.

Применение мер безопасности согласно ч. 2 ст. 12 Закона в отношении сотрудников органов предварительного расследования и их близких возлагается на органы внутренних дел (управление собственной безопасности МВД России).

Следует отметить, что при реализации уголовно-процессуальной политики в сфере государственной защиты сотрудников органов предварительного расследования для эффективного выполнения возложенных на эти подразделения задач существующая структура и система государственной защиты в МВД России регулярно совершенствуется и трансформируется. Планомерно совершенствуется правовое, организационно-штатное, финансовое и материально-техническое обеспечение государственной защиты сотрудников следствия и лиц, производящих дознание.

Однако анализ в сфере государственной защиты сотрудников органов предварительного расследования говорит о множестве существующих проблемных вопросов, связанных, например, с правовым регулированием механизма реализации мер безопасно-

¹ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

сти в данной сфере. В связи с этим определенные вопросы вызывают как понятийный аппарат, субъектный состав рассматриваемых правоотношений, так и непосредственно процедурные аспекты принятия, изменения и отмены решения о государственной защите сотрудников следствия и лиц, производящих дознание. Действующая правовая база рассматриваемой процедуры является довольно противоречивой. Кроме того, отсутствует единый межведомственный акт, который регулировал бы полностью все вопросы принятия, изменения и отмены решения о государственной защите указанных выше лиц. Насущными также являются проблемы кадрового, материально-технического обеспечения, вопросы оценки показателей деятельности данных подразделений и многие другие вопросы.

В контексте рассматриваемой темы считаем, что значимой проблемой, связанной с эффективной реализацией уголовно-процессуальной политики в сфере государственной защиты сотрудников органов предварительного расследования, является отсутствие в статье 6 уголовного законодательства профилактически важного пункта «защита следователей и лиц, осуществляющих дознание, от противодействия расследованию». В связи с тем, что преодоление противодействия расследованию является одним из направлений реализации уголовной политики, в данном аспекте мы полностью согласны с одним из специалистов по рассматриваемому вопросу А. Ю. Афанасьевым и поддерживаем его предложения в части внесения вышеуказанных дополнений в УПК РФ [1, с. 47].

Подводя итог, можно констатировать, что анализ проблемных вопросов в данной сфере показывает необходимость кардинального пересмотра законодательных положений, а также практики реализации мер государственной защиты в отношении сотрудников органов предварительного расследования, что требует проведения более детального и глубинного исследования описанных нами процессов, происходящих в связи с осуществлением защиты указанных выше лиц.

Оценка проблемных вопросов и возможных путей их решения позволяет нам выдвинуть ряд положений о совершенствовании законодательства и практики осуществления мер безопасности в отношении сотрудников следствия и лиц, осуществляющих дознание, которые, по нашему мнению, могут позитивно сказаться на эффективности реализации уголовно-процессуальной политики Российской Федерации в рассматриваемой сфере государственной защиты.

Таким образом, основными направлениями совершенствования уголовно-процессуальной политики в сфере государственной защиты сотрудников органов предварительного расследования, на наш взгляд, являются:

- совершенствование правового регулирования механизма реализации мер безопасности;
- совершенствование кадрового, материально-технического обеспечения органов, осуществляющих меры безопасности в отношении следователей и лиц, производящих дознание;
- совершенствование уголовно-процессуального законодательства путем дополнения части 1 статьи 6 УПК РФ пунктом 3, где указать «защиту следователей и лиц, осуществляющих дознание, от противодействия расследованию».

Список литературы:

1. *Афанасьев А. Ю.* Основы обеспечения безопасности органов предварительного расследования и ее современное состояние // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 8–1.
2. *Бекетов М. Ю., Саморока В. А.* Поводы и основания принятия решения о применении мер безопасности // Уголовное право. 2016. № 3.
3. *Белянцева С. С.* Государственная защита участников уголовного судопроизводства как способ обеспечения их прав и интересов // Достижения науки и образования. 2018. № 2.
4. *Дмитриева А. А.* К вопросу об основных направлениях повышения эффективности государственной защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30).
5. *Епихин А. Ю.* Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2004. № 7.
6. *Мельникова Е. Ф.* Реалии применения законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43).
7. *Степанова В. Г.* Организационно-правовые начала применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2.
8. *Хусаинов Р. Р., Табаков А. Р., Габзалилов В. Ф.* К вопросу об организации оперативно-розыскной деятельности подразделений органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства: материалы межведомственной научно-практической конференции. Москва, 2012.
9. *Щерба С. П., Зайцев О. А.* Обеспечение безопасности участников уголовного процесса // Российская юстиция. 1992. № 9–10.

Марина Владимировна Лелетова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

Проблемные вопросы предупреждения финансирования преступлений экстремистской направленности и террористического характера, совершенных с использованием цифровых активов

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы предупреждения финансирования преступлений экстремистской направленности и террористического характера, совершенных с использованием цифровых активов.

***Ключевые слова и словосочетания:** предупреждение преступлений; финансирование преступлений экстремистской направленности; финансирование преступлений террористического характера; цифровые финансовые активы; криптовалюта.*

В целях предупреждения финансирования преступлений экстремистской направленности и террористического характера правоохранительными органами Российской Федерации в настоящее время осуществляются следующие мероприятия.

Организуется проведение комплекса мероприятий, направленных на выявление таких фактов в отношении физических и юридических лиц, причастных к сомнительным финансовым операциям.

С целью выявления источников и каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности членов международных экстремистских организаций в среде мигрантов организуется межведомственный обмен информацией между МВД и ФСБ России.

Осуществляется оперативный контроль за лицами, в отношении которых имеется информация об их выезде за пределы Российской Федерации для участия в боевых действиях в составе международных террористических и экстремистских организаций.

Устанавливаются члены и руководители национальных диаспор, а также физические и юридические лица, зарегистрированные на территории конкретных регионов, принимающие на работу граждан иностранных государств. Проводится оперативная обработка данных лиц.

Во взаимодействии с Минюстом России осуществляются проверки некоммерческих организаций, получающих денежные средства из-за рубежа.

Осуществляется взаимодействие с Росфинмониторингом, направленное на своевременное рассмотрение поступающих материалов о сомнительных финансовых операциях, которые подпадают под признаки финансирования экстремизма и терроризма.

Направляется информация в Межведомственную комиссию Росфинмониторинга с целью замораживания активов лиц, оказывающих содействие либо причастных к деятельности международных террористических и экстремистских организаций.

В целях выявления лиц, распространяющих экстремистские материалы, получения информации о готовящихся правонарушениях экстремистской направленности и несанкционированных массовых протестных акциях в постоянном режиме реализуются поисковые мероприятия в региональном сегменте сети Интернет, а также в различных мессенджерах. Для координации деятельности в данном направлении налажено взаимодействие с Управлением Роскомнадзора.

Организовано проведение дополнительных оперативно-профилактических мероприятий, направленных на выявление противоправной (деструктивной) активности несовершеннолетних в сети Интернет, а также в мессенджерах, в целях предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений в сфере финансирования экстремизма и терроризма.

В основном преступления рассматриваемой категории выявляются сотрудниками ФСБ России.

Так, следственным отделением УФСБ России по К. краю по итогам рассмотрения результатов оперативно-служебной деятельности ЦПЭ УМВД России по К. краю и УФСБ России по К. краю возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, в отношении гражданина Республики Узбекистан А., который в целях обеспечения деятельности МТО «Хаят Тахрир ашъ-Шам» не менее двух раз 17 декабря 2021 г. посредством мобильного приложения «Сбербанк Онлайн» перевел денежные средства на общую сумму 10 000 рублей на Qiwi-кошелек, созданный 16 июня 2021 г. гражданином Республики Таджикистан Ф., являющимся участником запрещенной МТО «Хаят Тахрир ашъ-Шам», для сбора денежных средств на нужды организации. А. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, проводятся следственные действия.

Вместе с тем при изучении практики предупреждения финансирования преступлений экстремистской направленности и терро-

ристического характера, совершаемых с использованием цифровых активов (в том числе криптовалют), установлено, что основными проблемными вопросами, возникающими при осуществлении данной деятельности, являются следующие.

Анонимность при проведении операций с цифровой валютой и, как следствие, отсутствие возможности контроля и идентификации владельцев электронных кошельков, через которые осуществляются операции. Отсутствие у правоохранительных органов системно действующих алгоритмов отслеживания финансовых потоков и идентификации владельцев криптовалютных кошельков.

Использование преступниками в сети Интернет сервисов подмены IP-адресов, а также современных IT-приложений, сервисов обмена мгновенными сообщениями (Telegram, Viber, WhatsApp), в которых с целью защиты передаваемых данных используются зашифрованные каналы связи (HTTPS), не позволяющие получить оперативно значимую информацию.

Невозможность получения информации о движении денежных средств от администраторов иностранных электронных платежных систем. Также в ходе исполнения запросов, связанных с получением информации в целях предупреждения финансирования преступлений экстремистской направленности и террористического характера, совершаемых с использованием цифровых активов, адресованных правоохранительным органам зарубежных стран, возникают следующие проблемные вопросы:

- особенности национального законодательства правоохранительных органов зарубежных стран в части доступа и предоставления запрашиваемых сведений;
- ограниченные сроки хранения информации;
- отсутствие сведений о совершенных действиях по цифровым активам на обменных площадках.

Невозможность получения информации от криптовалютных бирж, таких как Binance, FTX, Coinbase Exchange, Kraken, KuCoin и т. д., что не позволяет устанавливать лиц, осуществляющих действия с криптовалютами, оценивать суммы причиненного ущерба, вреда, размер легализованного имущества.

Ограниченность доступа к информации, представляющей банковскую тайну.

Упрощенные средства верификации со стороны финансовых организаций счетов и банковских карт гражданам онлайн, без визита в финансовую организацию.

Отсутствие ответственности за передачу своих (верифицированных) банковских карт и счетов третьим лицам за финансовое

вознаграждение, в связи с чем зачастую преступниками для реализации преступных действий используются чужие банковские счета, карты, оформленные на подставных лиц.

Отсутствие механизма наложения ареста на виртуальные активы в целях их сохранности для задач уголовного судопроизводства.

Сложности в доказывании субъективной стороны, в том числе осведомленность о целях, на которые планируется использовать денежные средства.

Преступления данной категории являются максимально латентными, для их выявления необходима отработка широкого круга лиц, проведение оперативно-розыскных и других проверочных мероприятий.

Вышесказанное подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования деятельности правоохранительных органов по предупреждению финансирования преступлений экстремистской направленности и террористического характера, совершенных с использованием цифровых активов, в таких направлениях, как нормативно-правовое, организационное, техническое обеспечение.

Наталья Эдуардовна Мартыненко,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

Ярослав Григорьевич Ишук,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

Буян Доржиевич Махаков,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления
органами внутренних дел в особых условиях
центра командно-штабных учений
Академия управления МВД России

**Конкуренция или совокупность
(на примере квалификации преступлений,
предусмотренных статьями 285 и 290
Уголовного кодекса Российской Федерации)**

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и получения взятки и делается вывод о том, что Верховный Суд Российской Федерации дал расширительное толкование правил квалификации ст. 290 УК РФ.

Ключевые слова и словосочетания: *получение взятки; злоупотребление служебным положением; корыстный мотив; цель совершения преступления; правовая позиция Верховного Суда.*

Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и за получение взятки (ст. 290 УК) была установлена еще в УК РСФСР 1922 г. Сохранилась ответственность за эти преступления в УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г., УК РФ 1996 г.

**Редакции статей,
предусматривающих ответственность
за злоупотребление должностными полномочиями
и за получение взятки**

УК РСФСР (1922 г.)	УК РСФСР (1926 г.)	УК РСФСР (1960 г.)
Злоупотребление властью		
«105. Злоупотребление властью, т. е. совершенные должностным лицом действия, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не будучи вызваны соображениями служебной необходимости, повлекли за собой нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или общественного порядка, или частных интересов отдельных граждан...»	«109. Злоупотребление властью или служебным положением, т. е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически, или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия...»	«170. Злоупотребление властью или служебным положением, т. е. умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы, если оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило существенный вред государственному или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан...»
Получение взятки		
«114. Получение лицом, стоящим на государственной, союзной или общественной службе, лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица...»	«117. Получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое должностное лицо могло или должно было совершить исключительно вследствие своего служебного положения...»	«173. Получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения...»

Несмотря на то что уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и получение взятки существует в УК с 1922 г., правоприменительные органы испытывают серьезные трудности при квалификации данных преступлений. Проблемы квалификации связаны:

1) с неправильным определением объекта, предмета, объективной стороны преступления [4, с. 27];

2) с оценкой того, возможно ли совершить преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ, только путем действия или же и путем бездействия [5, с. 40];

3) с несоответствием названия ст. 285 УК РФ, указывающей на должностные полномочия, с содержанием ее диспозиции, закрепившей положение не о должностных, а о служебных полномочиях [1, с. 5].

Однако есть и еще проблемы квалификации, связанные с правовой оценкой возможности совокупности преступлений, предусмотренных ст. 285 и 290 УК РФ, либо такая совокупность невозможна и имеется конкуренция этих уголовно-правовых норм.

Попытаемся решить эту проблему, проанализировав конкретный пример из судебной практики. По приговору Мещанского районного суда г. Москвы И. признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями¹. Являясь должностным лицом, И. получил от двух лиц материальные ценности в виде канцелярских принадлежностей и оргтехники на общую сумму 200 000 руб., которые впоследствии передал подчиненным сотрудникам для использования в служебных целях.

Кроме того, И. признан виновным в получении взятки в виде денег за незаконные действия в пользу взяткодателя в особо крупном размере. Он незаконно получил от двух лиц денежные средства в сумме 1 800 000 руб., т. е. в особо крупном размере, за совершение заведомо незаконных действий в пользу дающего, которыми распорядился по собственному усмотрению.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда приговор в отношении И.² был изменен в части смягчения наказания, но с выводами суда пер-

¹ Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 11 декабря 2018 г. № 01-0424/20187 // Официальный портал Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/criminal/details/f9ab7bd6-7a0e-4879-b126-ba9bc2bf062c> (дата обращения: 22.05.2022).

² Апелляционное определение судебной коллегии Московского городского суда от 18 апреля 2019 г. по делу № 10-2467/2019 // Официальный портал Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/a333445c-00de-4694-bee1-5fd7d78f1f13> (дата обращения: 24.05.2022).

вой инстанции по определению наличия указанных выше составов в действиях И. судебная коллегия согласилась.

Однако судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции¹ приговор Мещанского районного суда г. Москвы и Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда изменила: переквалифицировала его действия с ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 6 ст. 290 УК РФ на ч. 1 ст. 285 УК РФ, указав при этом следующее:

Как усматривается из приговора, по каждому из преступлений суд фактически указал на совершение И. одних и тех же действий, с одной и той же целью и по каждому преступлению судом в качестве доказательств виновности осужденного приведены одни и те же доказательства.

По смыслу уголовного закона, если за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе имущество передается и услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, а должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки.

Действия И. по получению материальных ценностей от гражданина в виде канцелярских принадлежностей и оргтехники, совершенные с целью обеспечения деятельности возглавляемого им учреждения, следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Еще один пример. В рамках апелляции по приговору № 22-12683/2015 от 18 ноября 2015 г.² установлено, что, квалифицируя действия М.К.З. по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, суд не учел, что по смыслу закона, если за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду,

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 ноября 2019 г. № 7у-503/2019 // Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1028052&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2022).

² Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 18 ноября 2015 г. по делу № 22-12683/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LgsHSSRVLP6r/> (дата обращения: 29.04.2022).

содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки. При наличии к тому оснований действия должностного лица могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий.

Вывод, который можно сделать из вышеприведенных решений, следующий – квалификация преступлений, предусмотренных ст. 285 и 290 УК РФ, возможна. Однако такая квалификация допустима только тогда, когда лицо, злоупотребляя служебными полномочиями, берет взятку для себя или своих близких.

Такое решение судебной коллегией по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции было принято неслучайно.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь). При наличии к тому оснований действия должностного лица могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий» (п. 23).

Анализ ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»² выявил, что указание на обязательность получения имущественной выгоды в нем отсутствовало. Правовая позиция Верховного Суда РФ изменилась. Но какая из этих позиций в большей степени соответствует законодательному установлению уголовной ответственности за получение взятки?

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. № 9.

² О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2000. № 4 (утратил силу).

Диспозиция ч. 1 ст. 290 УК РФ описывает преступление как: «получение *должностным лицом* ... лично или через посредника взятки ... за совершение *действий* (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может *способствовать* указанным действиям (бездействию), а равно за *общее покровительство* или *попустительство* по службе». В диспозиции нормы отсутствует указание на корыстный мотив совершения преступления и цель обогащения. Следовательно, правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. представляется более предпочтительной, хотя в науке уголовного права существует и противоположная точка зрения. Некоторые специалисты полагают, что наличие корыстной цели и мотива в получении взятки обусловлено самой природой взяточничества [3, с. 107]. Б.В. Волженкин указывает, что если должностное лицо, получая незаконное вознаграждение за свое служебное поведение, изначально имеет в виду израсходовать полученные им средства на нужды руководимой им организации, использовать их в благотворительных целях и т. п., то состав получения взятки отсутствует [2, с. 220].

Дискуссия о юридической силе постановлений Пленума Верховного Суда РФ идет не одно десятилетие, так как они имеют большое значение для правоприменительной практики, поскольку разъясняют проблемные вопросы, возникающие в ней.

Однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ по своей юридической природе является документом, который лишь разъясняет вопросы судебной практики на основе ее изучения и обобщения и юридической силы не имеет. Безусловно, пленумы имеют большое значение, поскольку разъясняют проблемные вопросы в рамках существующих норм, но вышеобозначенный комментарий Пленума фактически расширяет диспозицию ст. 290 УК РФ. Он «вводит» в статью обязательный элемент – наличие цели и мотива, чем способствует проблеме квалификации.

Для решения обозначенной коллизии предлагаем внести изменения в ст. 290 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде оказания ему незаконных услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица

передается иному физическому или юридическому лицу) с целью извлечения имущественной выгоды за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе...».

Список литературы:

1. *Авдеев С. В.* Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.
2. *Волженкин Б. В.* Служебные преступления. Москва, 2000.
3. *Качмазов О. Х.* Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву. Владикавказ, 2000.
4. *Никитин Е. В.* Оценка ошибок при квалификации должностных преступлений // Научный портал МВД России. 2016. № 3.
5. *Щербакова Н. С.* Некоторые проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Научные исследования. 2016. № 2.

Наталья Олеговна Машинникова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности
Удмуртский государственный университет

**О конкуренции принципа о разумном сроке
уголовного судопроизводства и презумпции невиновности
в контексте Постановления Конституционного Суда
Российской Федерации № 33-П от 18 июля 2022 г.**

Аннотация

В статье проводится критический анализ решения Конституционного Суда РФ, сформулированного в Постановлении № 33-П от 18 июля 2022 г., на его соответствие основным принципам уголовного судопроизводства и процессуальным гарантиям, предоставляемым лицам, привлекающимся к уголовной ответственности, а также тех правовых последствий, которые его применение может повлечь на практике.

***Ключевые слова и словосочетания:** прекращение уголовного преследования; нереабилитирующее основание; обоснованность обвинения; право на защиту.*

18 июля 2022 г. Постановлением Конституционного Суда РФ № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» принято решение о признании ч. 2 ст. 27 УПК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ не соответствующими Конституции РФ, а именно ее положениям: ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23, чч. 1–2 ст. 46, ст. 49 и 53, – в той мере, в которой они, допуская в своей взаимосвязи продолжение уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, в том числе за тяжкое преступление, в случае если подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного преследования по данному нереабилитирующему основанию, – не гарантируют достижения в разумные сроки определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении

преступления. В связи с этим Конституционный Суд указал законодателю на внесение соответствующих изменений в процессуальное и материальное законодательство.

Согласно тексту данного Постановления Конституционный Суд РФ фактически разрешил органу предварительного расследования прекращать производство по уголовным делам в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию за пределами сроков давности привлечения их к уголовной ответственности, по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в одностороннем порядке без согласия на то обвиняемого.

Такая позиция Конституционного Суда РФ вызвала неоднозначную реакцию в правоприменительном сообществе, поскольку поставила под сомнение:

- возможность достижения назначения уголовного судопроизводства в части защиты личности от незаконного уголовного преследования (п. 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 6 УПК РФ);
- безусловное право подозреваемого и обвиняемого на защиту (ст. 16 УПК РФ);
- принцип состязательности сторон (ст. 16 УПК РФ);
- презумпцию невиновности (ст. 14 УПК РФ).

Кроме того, разрешив органу предварительного расследования прекращать уголовное преследование лиц за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности в одностороннем порядке, Конституционный Суд предоставил ему достаточно эффективный инструмент для злоупотреблений по безнадежным (бесперспективным) уголовным делам.

Полагаем неоспоримым тот факт, что обоснованность уголовного преследования должна проверяться в разумный срок. Если в предельные сроки привлечения к уголовной ответственности, установленные ст. 78 УК РФ, уголовное дело не было передано в суд, то едва ли такое уголовное преследование можно признать обоснованным.

При условии, что обоснованность обвинения в установленном законом порядке своего подтверждения не нашла, все сомнения в таком случае должны трактоваться в соответствии со ст. 14 УПК РФ в пользу обвиняемого.

В случае если орган предварительного расследования по каким-либо причинам не окончил предварительное расследование соответствующим процессуальным актом и не передал дело на рассмотрение в суд в пределах сроков, установленных законом, то это ни в коей мере не должно рассматриваться в качестве повода для ущемления права подсудимого на рассмотрение его дела в суде и вынесение

по его результатам законного, обоснованного и справедливого приговора. Иное противоречит принципу состязательности и равноправия сторон, установленному ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, имеющему прямое действие на этапе рассмотрения уголовного дела в суде, и ограничивает обвиняемого в доступе его к правосудию.

Право обвиняемого на защиту может выражаться в требовании рассмотрения его дела законным составом суда, который может в качестве независимого арбитра разрешить дело об обоснованности привлечения его к уголовной ответственности в открытом, гласном и состязательном процессе. Разрешение уголовно-правового конфликта по существу с установлением всех обстоятельств инкриминируемого в вину обвиняемого преступления позволяет в случае несогласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением добиться полного его оправдания, восстановления в правах и признания права на реабилитацию. Именно этого права по сути Конституционный Суд РФ лишил обвиняемого, предложив ему в случае, если орган предварительного расследования ничего доказать в установленный законом срок не смог, остаться в статусе лица, привлекавшегося к уголовной ответственности.

На наш взгляд, такой подход, может быть, и способствует правовой определенности статуса лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование за сроками давности, однако никак не способствует достижению назначения уголовного судопроизводства и попирает основные процессуальные гарантии, обеспечивающие баланс частного и публичного интересов. Он способствует поражению личности в определенных социальных правах. В частности, сведения о том, что лицо ранее подвергалось уголовному преследованию, которое было прекращено по нереабилитирующим основаниям, могут препятствовать его трудоустройству, избранию на выборные должности.

Обращаясь к анализу данного постановления с позиции органов предварительного расследования и прокуратуры, можно отметить, что перед ними открывается широкое «окно возможностей» по прекращению существенного количества приостановленных и вяло расследуемых уголовных дел за пределами сроков давности привлечения обвиняемых к уголовной ответственности в отношении лиц, которые с прекращением в отношении них уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям ранее не соглашались. Именно такой отказ обвиняемого от прекращения в отношении него уголовного дела и уголовного преследования за истечением сроков давности при условии, что орган предварительного расследования так и «не заработал» доказательственной базы для передачи дела

в суд, препятствует органу предварительного расследования «списать» такое уголовное дело со своего «баланса».

Следовательно, необходимость получения от обвиняемого согласия на прекращение в отношении него уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ стимулировала орган предварительного расследования собрать необходимые доказательства, окончить предварительное расследование в установленные сроки и в их пределах передать уголовное дело на рассмотрение по существу в суд. В случае же, если этого не сделать, оставшееся на балансе органа предварительного расследования «просроченное» уголовное дело, расследуемое в отношении конкретного лица, грозило стать «вечным». Такой подход побуждал следователя осмотрительно относиться к возбуждению уголовного дела в отношении конкретного лица и предъявлению обвинения.

Теперь следователь может смело возбуждать и расследовать уголовные дела даже без достаточных к тому оснований, поскольку главной его задачей в случае недостаточности оснований для передачи дела в суд либо риска постановления по нему оправдательного приговора будет «дотянуть» такое уголовное дело на стадии предварительного следствия до истечения сроков давности уголовного преследования и прекратить его в одностороннем порядке по п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 2 ст. 27 УПК РФ без риска реабилитации. Такой подход органа конституционного контроля отнюдь не направлен на соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства, а способствует злостной волоките в целях его последующего прекращения.

Однако принципы уголовного судопроизводства не должны противопоставляться друг другу и конфликтовать. В частности, требование о разумном сроке уголовного судопроизводства не должно попираť презумпцию невиновности и право на защиту. Они подлежат применению в совокупности, обеспечивая надлежащее качество уголовного судопроизводства.

На основании изложенного можно признать, что проблема правовой определенности статуса лица, подвергающегося уголовному преследованию за пределами сроков давности привлечения к уголовной ответственности, имеет место. Однако решать ее нужно отнюдь не за счет умаления объема прав обвиняемого. Полагаем, что в данном случае прекращение уголовного дела должно производиться по основаниям, не влекущим за собой негативные последствия для обвиняемого, что будет полностью соответствовать презумпции невиновности, принципу состязательности сторон, а также надлежащим образом обеспечит достижение назначения уголовного судопроизводства.

Николай Петрович Меньшов,
ведущий архивист Центра архивной информации
(Центральный архив МВД России)
ГИАЦ МВД России

О биографии отца Николая Алексеевича Стручкова – Алексея Ивановича Стручкова (1894–1937)

Основным мотивирующим моментом, побудившим к написанию настоящего доклада, является малая степень изученности вопроса происхождения героя нашей конференции. В частности, во многих публикациях о Николае Алексеевиче Стручове, приуроченных к его юбилеям, мы можем прочитать о том, что он родился «в семье военнослужащего», и лишь только профессор Эдуард Филиппович Побегайло в своих статьях «Памяти учителя и друга» (к 85-летию и 90-летию со дня рождения Н. А. Стручкова) конкретизирует информацию, аттестуя родителей Николая Алексеевича как «потомственных русских интеллигентов», в частности пишет о том, что «отец, Алексей Иванович Стручков, профессиональный военный, офицер, участник Первой мировой войны, весьма образованный человек, после Октябрьской революции вступил в Красную Армию и служил в войсках связи. В последние годы жизни он занимал должность начальника учебного отдела Московского краснознаменного училища связи». Однако данная информация не совсем точна. Попробуем восполнить этот пробел, используя исключительно документы Архивного фонда Российской Федерации.

Персональная история человека на современном этапе становится одним из активно разрабатываемых направлений исторической науки. В этой связи повышается значение документов служебного происхождения как источника биографических сведений, которые, являясь памятниками своего времени, позволяют через историю конкретного человека, его общественную и профессиональную деятельность охарактеризовать исторические реалии эпохи.

Алексей Иванович Стручков родился 16 января 1894 г. в Москве в семье крестьянина деревни Старая Тяга Можайского уезда Московской губернии Ивана Алексеевича Стручкова. Окончил Михайловское реальное училище, Алексеевское военное училище, электротехнические курсы при Военной высшей инженерной школе со званием техника-проектировщика, а также до призыва в Русскую императорскую армию обучался в Императорском Высшем техническом училище.

Из послужных списков Алексея Ивановича Стручкова можно узнать о том, что он принял воинскую присягу приказом № 180 по 4-й

московской школе подготовки прапорщиков пехоты 29 июня 1916 г. и с этого дня служил Отечеству. 30 сентября 1916 г. произведен в прапорщики с назначением в 84-й пехотный запасной полк, впоследствии состоял в прикомандировании к Западному электротехническому батальону, после чего, окончив электротехнические курсы при Военной высшей инженерной школе, он служил там на должностях временно исполняющего обязанности казначея курсов и делопроизводителя административной части. Во время гражданской войны он служил командиром в прожекторных войсках в составе 1-го прожекторного дивизиона в г. Казани и являлся командиром 2-го прожекторного дивизиона в г. Вольске. Далее он связал свою судьбу с педагогической деятельностью в Московском авиационно-техническом училище, где на протяжении почти 15 лет воспитал в атмосфере искренней доброты и уважения немало технических специалистов в области электрорадиотехники.

При просмотре книг с приказами по личному составу МКАТУ связи ВВС РККА нами выявлены сведения, что Алексей Иванович Стручков поступил на службу в учебное заведение согласно приказу по Высшей аэрофотограмметрической школе Красного воздушного флота № 319 от 8 ноября 1923 г. в качестве штатного преподавателя «телеграфно-телефонного и прожекторного дела» и стал там преподавать в разные годы предметы электромеханического, радиотехнического и электротехнического циклов для обучающихся по специальностям летчика-наблюдателя 2-го разряда – аэронавигатора и аэрофотограмметриста. Также, вероятно, с целью закрепления теоретических знаний, полученных слушателями на лекциях, Алексеем Ивановичем осуществлялись выезды на электротехнические предприятия, в частности 2 октября 1924 г. он провел экскурсию длительностью в 6 часов на ламповый завод для слушателей электрорадиочасти. Просматривая приказы, можно сделать вывод, что Алексей Иванович Стручков имел стабильную годовую нагрузку по электромеханике в объеме 484 академических часов, а также заведовал электромеханической лабораторией Школы. Химической лабораторией там же заведовал будущий основатель советской научной фотографии, дядя Николая Алексеевича Стручкова – член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии II степени, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, доктор химических наук, инженер-полковник Константин Владимирович Чибисов (1897–1988). Впоследствии Алексей Иванович Стручков являлся начальником курса техников-лейтенантов. Последняя обнаруженная нами запись об Алексее Ивановиче имеется в книге учета офицеров Военной школы техников специальных служб ВВС РККА № 2 за 1937 г., из которой следует, что он имел воинское

звание майор, присвоенное ему приказом НКО СССР № 0883/п от 17 февраля 1936 г.

Вероятно, Алексей Иванович выбрал свою специализацию в связи с тем, что он родился и вырос при конторе семейного предприятия, созданного первоначально для ремонта и переделки приборов для кабинета физических демонстраций Физического института Императорского Московского университета в московском районе Щипок (неподалеку от Серпуховской площади), а впоследствии на Шаболовке (на Дровяной площади, угол Варваринского переуллка, впоследствии переименованный в Сиротский, а теперь улицу Шухова) уже как Электротехнический завод И. А. Стручкова и В. И. Чибисова. Предприятие, насчитывавшее до 50 рабочих (в частности, в 1914 г. на заводе трудились 45 человек, которые 7 июля приняли участие в забастовке против расстрела путиловцев [1, с. 35]; в 1913 г. его годовой оборот составлял 30 000 рублей [4, с. 269]), занималось изготовлением автоматических затемнений в большой физической аудитории Московского университета и Петровской сельскохозяйственной академии, а также умформеров для физических кабинетов Московского и Новороссийского университетов, Высшего технического училища, Сельскохозяйственной академии и других высших учебных заведений России.

Научным руководителем и консультантом данного предприятия являлся выпускник ИМТУ со званием инженера-технолога, впоследствии член комиссии ГОЭЛРО, профессор Московского электромеханического института инженеров транспорта Лев Владимирович Дрейер (1874–1938), который был ответственен за проектирование динамомашин и моторов постоянного тока малой и средней мощности. Его дочь Нина Дрейер в 1967 г. так охарактеризовала это предприятие и его деятельность: «Это был первый электротехнический завод, созданный русскими инженерами без всяких средств и поддержки иностранного капитала, впоследствии на нем выпускалось радиооборудование для наших отечественных мощных радиостанций» [2].

Список литературы:

1. *Меницкий И. А.* Революционное движение военных годов (1914–1917): очерки и материалы. Москва, 1925.
2. РГАЭ Ф.240. Оп. 1. Ед. хр. 28. Лл. 3–4.
3. РГВА Ф. 24721. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 343; Ед. хр. 85. Ч. 2. Л. 205; Ед. хр. 87. Ч. 1. Лл. 18, 78 об.; Ед. хр. 127. Л. 113 об.; Ед. хр. 141. Л. 195 об. – 196.
4. *Фабрики и заводы всей России: сведения о 31 523 фабриках и заводах.* Киев, 1913.

Елена Викторовна Милякина,
кандидат экономических наук, доцент,
начальник 2-го отдела НИЦ № 3
ВНИИ МВД России

Обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности, как направление реализации оперативно-розыскной политики

Аннотация

В статье обоснован тезис о том, что обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности, является самостоятельным направлением реализации оперативно-розыскной политики в области обеспечения экономической безопасности. Автором систематизированы оперативно-розыскные меры по реализации этого направления оперативно-розыскной политики, в числе которых подробно рассматриваются организационно-управленческие меры, обеспечивающие возмещение ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности. В рамках организационно-управленческих мер охарактеризованы подходы к организации планирования и контроля, межведомственного взаимодействия, международного сотрудничества, информационного обеспечения. По итогам проведенного исследования обосновывается необходимость применения комплексного подхода при организации оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в целях обеспечения возмещения ущерба. Предлагается ряд мер, обеспечивающих результативность деятельности территориальных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России по возмещению ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности.

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-розыскная политика; возмещение ущерба; экономические преступления; организационно-управленческие меры; имущество; взаимодействие.*

Согласно теории оперативно-розыскной деятельности понятием оперативно-розыскной политики охватывается не только правотворческая деятельность государства, но и правоприменительная деятельность соответствующих государственных органов по выработке и применению оперативно-розыскных мер борьбы с преступ-

ностью [3, с. 95]. Современные исследователи конкретизировали суть оперативно-розыскной политики и предприняли попытку систематизировать ее направления. По их мнению, суть оперативно-розыскной политики заключается в «принятии и воплощении в реальную действительность управленческих решений, направленных на достижение поставленных целей с использованием оперативно-розыскных возможностей» [1, с. 22]. При этом направления реализации оперативно-розыскной политики зависят от функциональной направленности оперативно-розыскной деятельности с учетом решаемых ею задач, в число которых входит установление имущества, подлежащего конфискации [1, с. 23]. Мы считаем, что применительно к преступлениям экономической и коррупционной направленности деятельность правоохранительных органов по установлению имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации, носит разноплановый характер. Она включает в себя непосредственно оперативно-розыскные меры, направленные на установление имущества; организационно-управленческие меры, обеспечивающие возмещение ущерба; совершенствование правового регулирования оперативно-розыскной деятельности. В этой связи представляется, что обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности, является самостоятельным направлением реализации оперативно-розыскной политики в области обеспечения экономической безопасности. В настоящее время это направление чрезвычайно актуально, поскольку экономическими преступлениями причиняется огромный материальный ущерб, в том числе государственному бюджету. На необходимость активизации этого направления оперативно-служебной деятельности указывалось в директивных документах МВД России по приоритетным направлениям деятельности органов внутренних дел. На основании вышеизложенного остановимся на организационно-управленческих мерах, обеспечивающих возмещение ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности.

Обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлениями экономической и коррупционной направленности, в рамках управленческого воздействия начинается на стадии документирования преступления. Именно на стадии доследственной проверки у оперативных сотрудников имеется возможность собрать информацию о наличии (отсутствии) у лиц, в отношении которых проводится проверка, имущества, что позволит в ходе

последующего расследования уголовного дела изъять похищенное или применить иные меры обеспечительного характера. В этих целях планируются и реализуются оперативно-розыскные мероприятия по установлению имущества фигурантов и их связей с целью дальнейшего изъятия и наложения ареста. На этом этапе собирается информация о наличии/отсутствии у лиц, в отношении которых проводится проверка, недвижимого имущества, автомобилей, денежных средств на счетах в банках для того, чтобы в ходе предварительного следствия по уголовному делу имелась возможность применения мер обеспечительного характера. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий устанавливается движение денежных средств, фиксируются моменты перевода денежных средств обвиняемым лицом на его личные счета либо счета подконтрольных ему юридических лиц, а также на счета близких родственников. В отношении юридических лиц выясняется структура организации, хозяйственные связи, финансовое положение, досье налогоплательщика, наличие представительств и филиалов, дочерних предприятий. Особое внимание уделяется учредителям, лицам, имеющим контрольные пакеты акций, руководителям юридических лиц. Предпринимаются организационно-тактические меры по установлению фактических выгодоприобретателей от совершенного преступления, а также причинно-следственной связи незаконных решений (действий) должностных лиц и нанесенного ущерба. Опрос сотрудников территориальных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее подразделений ЭБиПК МВД России) показал, что ими в обязательном порядке осуществляются: установление возможных источников возмещения ущерба (68,4 % ответов респондентов); определение объема нанесенного ущерба и круга лиц, обязанных нести за него полную или частичную ответственность (35,5 % ответов); принятие действенных мер по обеспечению целостности и сохранности обнаруженного имущества (29,1 % ответов).

Изучение практики оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК МВД России позволило обобщить и систематизировать основные организационно-управленческие меры, способствующие повышению эффективности возмещения ущерба. В первую очередь к их числу относятся организация планирования и контроля. Успешная реализация мероприятий, включенных в план, во многом зависит от продуманных подготовительных действий, таких как ознакомление с характером деятельности предприятия, организации, учреждения, с условиями хранения имущества на конкретном объекте, системой бухучета. Планирование меро-

приятий по установлению имущества, подлежащего конфискации, в ходе работы по делам оперативного учета признали целесообразным 92 % опрошенных сотрудников подразделений ЭБиПК МВД России, при этом всего 8 % считают, что сначала необходимо задокументировать признаки преступления, а имущество, подлежащее конфискации, можно установить и в ходе расследования преступлений.

По мнению профессора П. И. Иванова, реализация организационно-тактических мер во многом зависит от правильного определения функций каждого из руководителей ОВД на региональном уровне [2, с. 79]. Руководителями территориального органа, а также заместителем начальника полиции по оперативной работе организуется заслушивание руководителей и сотрудников подразделений ЭБиПК МВД России. Регулярно анализируются материалы доследственных проверок, находящихся в производстве, а также приостановленных уголовных дел по преступлениям экономической и коррупционной направленности в части принятия сотрудниками ЭБиПК МВД России своевременных мер к возмещению ущерба, причиненного преступлением. Сотрудниками подразделений ЭБиПК МВД России применяется мониторинг уголовных дел, по которым причиненный ущерб не возмещен или возмещен частично, с целью принятия мер реагирования процессуального и оперативно-розыскного характера, направленных на обеспечение полного возмещения причиненного ущерба. Например, в целях повышения эффективности работы по возмещению материального ущерба сотрудниками УЭБиПК ГУ МВД России по Краснодарскому краю был проведен анализ массива уголовных дел, возбужденных по материалам сотрудников ЭБиПК МВД России, находящихся в производстве следственных подразделений, позволивший установить, что по 44 уголовным делам следователями не обеспечено принятие решений по наложению ареста на имущество фигурантов, в то время как информация об имуществе последних предоставлялась в следственные органы.

Эффективной работе по возмещению ущерба способствует повышение роли и ответственности руководителей оперативных и следственных подразделений (руководителей следственных оперативных групп), а также обеспечение качественного проведения оперативных мероприятий, доследственной проверки, первоначальных следственных действий.

Проблема предоставления сотрудниками оперативных служб неполных и некачественных материалов разрешается путем проведения рабочих встреч, оперативных совещаний, где обсуждаются

вопросы, касающиеся определения круга потенциальных обвиняемых, квалификации действий лиц, совершивших преступления, сбора доказательств, их объема. По резонансным уголовным делам, в том числе представляющим сложность в расследовании, а также совершенным организованными преступными группами, проводятся совместные совещания с оперативными сотрудниками, на которых обсуждаются проблемные вопросы в организации расследования и раскрытия преступления, в том числе с участием сотрудников правоохранительных органов. В качестве положительного примера взаимодействия с оперативными подразделениями можно привести расследование уголовного дела № 11901940015003267, возбужденного СЧ СУ УМВД по Республике Марий Эл 25 февраля 2019 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по факту совершения хищения денежных средств ФГУП «Главное военно-строительное управление № 5» на сумму более миллиона рублей. Сложность расследования заключалась в проведении большого количества следственных и процессуальных действий на территории Саратовской области и Республики Марий Эл, в том числе допросов более 20 потерпевших и свидетелей, выемок документов, осмотров мест происшествий. Преодолению сложностей способствовало взаимодействие следователей с сотрудниками УЭБиПК МВД по Удмуртской Республике, которые установили свидетелей и очевидцев заключения договоров, а также непосредственных исполнителей услуг, чьи показания легли в основу обвинения. Также при участии оперативных сотрудников своевременно было установлено имущество обвиняемого, на которое наложен арест на общую сумму более 4,7 млн руб., добровольно возмещен 1 млн руб.

В обязательном порядке контролируется оперативное сопровождение расследуемых уголовных дел, в том числе организовано комиссионное заслушивание хода расследования уголовных дел экономической направленности, по которым причиненный ущерб установлен в крупном и особо крупном размере, а также результативность проводимых оперативно-розыскных и следственных мероприятий, способствующих возмещению. В качестве положительных примеров взаимодействия оперативных и следственных подразделений можно привести проведение обеспечительных мероприятий по уголовному делу, возбужденному СЧ СУ УМВД по Ульяновской области по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту хищения денежных средств граждан представителями финансовых пирамид: КПК «Доверие», ПК «Взаимное доверие», КПК «Доверительный». Сумма причиненного ущерба составила свыше 30 млн руб. Принятыми мерами обеспечено возмещение на общую сумму свыше 32 млн руб.

Важную роль в повышении эффективности деятельности по возмещению ущерба территориальных подразделений ЭБиПК МВД России играет организация межведомственного взаимодействия с регистрирующими, контролирующими и фискальными органами исполнительной власти. Опрошенные сотрудники территориальных подразделений ЭБиПК МВД России в своих ответах указали, что чаще всего для установления имущества обвиняемого (подозреваемого) ими направляются запросы: в органы Федеральной регистрационной службы Российской Федерации (92 % ответов); банки и иные кредитные организации (85 % ответов); подразделения ГИБДД МВД России (84 % ответов); органы Ростехнадзора (54 % ответов); Государственную инспекцию по маломерным судам Российской Федерации (49 % ответов); Федеральную службу по финансовому мониторингу Российской Федерации (35,8 % ответов); депозитарные организации (11,5 % ответов); Федеральную налоговую службу Российской Федерации (2,4 % ответов); Росавиацию (0,2 % ответов); нотариат (0,2 % ответов). Отдельно следует остановиться на взаимодействии с подразделениями, осуществляющими функцию финансового мониторинга в нашей стране. Информация, полученная в результате взаимодействия подразделений ЭБиПК МВД России и территориальных подразделений Росфинмониторинга, используется как в период проведения проверочных мероприятий, так и при оперативном сопровождении расследуемых уголовных дел.

О результативности взаимодействия с Росфинмониторингом можно судить по данным опроса сотрудников территориальных подразделений ЭБиПК МВД России. Более 70 % опрошенных имели личный опыт взаимодействия с Росфинмониторингом по поиску имущества, подлежащего конфискации. Всего 8,4 % ответивших сотрудников признали, что в процессе взаимодействия им не удалось получить интересующую информацию.

В качестве сведений, полученных в ходе взаимодействия с Росфинмониторингом, участвовавшие в опросе сотрудники выделили: наименование похищенного имущества, информацию по его общим и индивидуальным признакам (11,3 % ответов); масштаб преступных сделок, размеры похищенного (29,5 % ответов); круг участников хищений, распределение ролей и связей (23,3 % ответов); факты, способы, каналы вывода похищенного имущества и его местонахождение (25,3 % ответов); места хранения, способы сокрытия похищенного имущества, нажитых преступным путем ценностей (4,2 % ответов); информацию о движении денежных средств (0,8 % ответов); данные о схемах финансовых операций (1,1 % ответов). Приведем пример такого взаимодействия. В производстве ГСУ ГУ МВД России

по Красноярскому краю находится уголовное дело, возбужденное 30 января 2018 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, по факту хищения путем присвоения неустановленными лицами из числа руководства КБ «Канский» денежных средств, поступивших от вкладчиков банка в размере 555 млн руб. По результатам взаимодействия с МРУ Росфинмониторинга по СФО получена информация и результаты финансового расследования, в соответствии с которыми установлено, что с 1 июня 2015 г. по 13 октября 2017 г. руководители осуществили легализацию 80,8 млн руб. путем совершения совместно с кредитным потребительским кооперативом «Сибирская Венеция» и ООО «Ломбард-Капитал» финансовых операций и других незаконных сделок. Виновным сотрудникам КБ «Канский» предъявлено окончательное обвинение.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации принимаются меры по организации работы по возвращению активов из-за рубежа¹. Издан приказ от 12 ноября 2020 г. № 625 о создании межведомственной рабочей группы по возвращению активов из-за рубежа, полученных в результате преступной деятельности. В состав межведомственной рабочей группы вошли представители СК России, МВД России, МИД России, Минюста России, ФСБ России, ФТС России, ФНС России, Росфинмониторинга, ФССП России, Росимущества, Банка России, государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов». В целях повышения эффективности совместной работы, выработки действенных мер в рамках межведомственной рабочей группы осуществляется постоянное взаимодействие с органами прокуратуры, где рассматриваются проблемные вопросы, связанные с принятием мер оперативного реагирования, принимается участие в заслушиваниях по уголовным делам руководителей территориальных следственных отделов Следственного комитета Российской Федерации и территориальных отделов МВД России.

Для выполнения задач по установлению имущества и денежных средств фигурантов по уголовным делам при необходимости осуществляется международное сотрудничество в порядке, установленном нормативными правовыми актами МВД России.

На сегодняшний день ведущая роль в международном сотрудничестве по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации принадлежит Министерству иностранных дел.

¹ О мерах по организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по возвращению активов из-за рубежа [Электронный ресурс]: указание Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 31 августа 2020 г. № 442/35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.09.2022).

Это обусловлено тем, что внешнеполитическое ведомство выполняет координирующую функцию по обеспечению российских интересов, аккумуляции и переработке ведомственных предложений и выработке единой сбалансированной позиции России на международной арене. Кроме того, Президентом РФ на него возложено обеспечение контроля за реализацией внешнеполитических интересов Российской Федерации¹. В связи с этим взаимодействие с МИД России при решении задач выявления у граждан Российской Федерации зарубежных активов осуществляется в основном с целью оказания органами внутренних дел содействия российским загранпредставительствам по получению информации в органах государственной власти зарубежных стран.

Особую актуальность приобретает использование возможностей Интерпола. Национальное бюро Интерпола страны (далее – НЦБ Интерпола) оказывает содействие российским правоохранительным органам в получении сведений о наличии недвижимости и иной собственности за рубежом у лиц, являющихся фигурантами дел оперативного учета, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в рамках уголовных дел, находящихся в производстве взаимодействующих правоохранительных органов.

На получение первичной информации об активах подозреваемого (обвиняемого) за рубежом посредством направления запросов в НЦБ Интерпола МВД России указали 28 % опрошенных. Однако большая часть опрошенных сотрудников в рамках оперативно-розыскной деятельности не обращалась в компетентные органы зарубежных стран (72 % ответов), самостоятельный опыт взаимодействия по данному вопросу имеется только у 2,8 % опрошенных.

Положительным примером взаимодействия подразделений ЭБиПК МВД России с подразделениями Интерпола может служить уголовное дело, возбужденное 26 октября 2018 г. СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Воронежской области по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту хищения путем обмана имущества и денежных средств у АО «Банк Воронеж» его президентом К. и неустановленными лицами на общую сумму 4 млрд руб. В отношении К. органом предварительного расследования вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, однако последний скрылся и был

¹ Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 11 июля 2004 г. № 865 (ред. от 17 сентября 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.09.2022).

объявлен в международный розыск. В октябре 2019 г. из НЦБ Интерпола Республики Кипр получена информация о задержании К. на территории данного государства. Была осуществлена процедура его экстрадиции в Российскую Федерацию для проведения следственных действий, направленных на окончание расследования и принятие мер по возмещению причиненного данным преступлением материального ущерба.

Организация информационно-аналитического обеспечения деятельности оперативных подразделений, информационного обеспечения является важной составляющей системы оперативно-розыскных мер, способствующих повышению эффективности возмещения ущерба.

Потребности оперативных подразделений в информации обеспечиваются функционирующими в системе МВД России информационными системами. Так, в деятельности территориальных подразделений ЭБиПК наиболее часто применяются информационные ресурсы и банки данных: интегрированные банки данных регионального и федерального уровня (ИБД-Р и ИБД-Ф); информационные сервисы, разработанные в рамках внедрения и развития системы информационно-аналитического обеспечения оперативно-служебной деятельности МВД России.

В рамках системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) в прикладных сервисах ИСОД имеется возможность получения сведений из налоговых органов и пенсионного фонда. По результатам опроса было установлено, что информационное обеспечение деятельности по поиску имущества, подлежащего конфискации, оценивается как «удовлетворительное» – на это указали 25 % ответивших, «среднее» – 2,6 % ответов, на неудовлетворительной оценке настаивают 11,5 % респондентов.

Подводя итоги изучения организационно-управленческих мер, способствующих повышению эффективности возмещения ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности, можно констатировать, что организация этой деятельности основана на комплексном подходе и предполагает реализацию следующих мер:

– в ходе документирования преступной деятельности, повлекшей причинение ущерба в крупном и особо крупном размере, а также извлечение преступного дохода, в обязательном порядке должны приниматься меры по установлению имущественного положения лица, в отношении которого проводятся оперативные мероприятия. Для этого в план оперативных мероприятий отдельным пунктом включаются мероприятия, направленные на обнаружение и изъятие имущества, подлежащего аресту;

– для получения сведений об имущественном положении лица, помимо обращений в регистрирующие и правоустанавливающие органы, используются возможности ведомственных информационных систем обеспечения оперативно-служебной деятельности, осуществляется взаимодействие с органами финансовой разведки, а также международное сотрудничество;

– все полученные оперативными сотрудниками сведения представляются в следственные органы в числе иных материалов оперативно-розыскной деятельности, направляемых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Список литературы:

1. *Беляева Л. И., Павличенко Н. В.* Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60).

2. *Иванов П. И. и др.* Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики: монография. Москва, 2011.

3. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. Москва, 2006.

Дмитрий Олегович Моргун,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

К вопросу об институционализации международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью

Аннотация

В статье рассматриваются особенности институционализации международного сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью в рамках региональных международных организаций.

***Ключевые слова и словосочетания:** международное сотрудничество; борьба с преступностью; международные организации; институционализация; внутригосударственные правоотношения.*

Назревшая необходимость адекватного реагирования на сложившуюся в последние годы неопределенность правового взаимодействия Российской Федерации и Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики в вопросах борьбы с преступностью привела к подписанию в марте этого года соглашений о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики (30 марта и 4 апреля 2022 г. соответственно). Данные соглашения послужили основой для формирования нормативной правовой базы в целях координации взаимодействия МВД России и МВД Донецкой и Луганской народных республик на ведомственном уровне. Заключение указанных договоров стало возможным после подписания 22 февраля 2022 г. Президентом России В. В. Путиным договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой, а также одноименного договора с Луганской Народной Республикой. Государства выступают первичными субъектами международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, обладая всеми необходимыми для этого средствами.

Становление международного сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью (далее – МСПП) как одно из направле-

ний институционализации международных отношений имеет свою специфику. Во-первых, МСПП децентрализовано ввиду наличия множества равноправных субъектов принятия решений. Различные субъекты международных отношений имеют свои особые интересы и желания. Во-вторых, МСПП в значительной степени носит стихийный характер, меняющийся в зависимости от складывающихся геополитических, в том числе экономических, корреляций всеобщего мироустройства. Однако необходимо отметить, что в качестве наиболее долгосрочного спланированного вектора развития сотрудничество, как правило, возможно в рамках региональных международных организаций. Например, одобренная решением Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) Концепция сотрудничества министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ на период до 2030 г. от 31 мая 2019 г. на межведомственном уровне, Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью от 11 июня 2010 г. на межправительственном уровне, Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 гг., утвержденная решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г. на межгосударственном уровне.

Принято считать, что международное сотрудничество по противодействию преступности – это совместная деятельность субъектов международного права и внутригосударственных правоотношений, регулируемая нормами права, по обеспечению защиты личности, общества, государств и мирового сообщества от преступлений, имеющих международный характер, а также транснациональных преступлений [1, с. 15]. На наш взгляд, развивая вышесказанное в части внутригосударственных отношений, можно предположить, что институционализация международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью представляет собой деятельность компетентных уполномоченных органов и должностных лиц государства, направленную на нормативно-правовое, структурно-организационное, материально-техническое, кадровое и информационное обеспечение взаимодействия с другими государствами в целях реализации исполнения норм национального законодательства и международного права, направленных на предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие преступлений, межгосударственный розыск преступников.

Таким образом, подводя итоги статьи, отметим следующие ключевые выводы:

1) установлены три уровня институционализации сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью в рамках региональных международных организаций – межведомственный, межправительственный и межгосударственный;

2) успешное взаимодействие государств в борьбе с преступностью зависит от нормативно-правового, структурно-организационного, материально-технического, кадрового, информационного обеспечения.

Список литературы:

1. *Волеводз А. Г.* К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Международное уголовное право и международная юстиция. 2007. № 1.

Виктор Леонидович Нагибин,
преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Пермский институт ФСИИ России

Марина Вячеславовна Максименко,
кандидат философских наук,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Пермский институт ФСИИ России

Развитие уголовно-исполнительной системы в рамках Концепции до 2030 года

Аннотация

Важной особенностью проводимой нашим государством уголовной политики в современных условиях является ее гуманизация. Уголовная политика направлена на сокращение объема применения наказания в виде лишения свободы за счет расширения сферы применения к осужденным уголовных наказаний и мер, альтернативных лишению свободы. Цель: проанализировать Концепцию развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., предпосылки формирования ее содержания, отразить ее влияние на современное состояние применения и исполнения наказаний. Результаты: на основе проведенного анализа выявлены положительные и отрицательные стороны зарождающейся службы пробации. Выводы: изучение правовой природы и особенностей применения наказаний и мер, альтернативных лишению свободы, деятельности системы пробации, путей развития исправительных учреждений, безусловно, положительно отразится на развитии как уголовно-исполнительной системы в целом, так и службы пробации в частности.

Ключевые слова и словосочетания: *концепция; пробация; уголовно-исполнительные инспекции; наказания; учреждения объединенного типа.*

О необходимости улучшения существующей пенитенциарной системы в России говорили многие представители науки, практики и государственные чиновники. Их идеи были признаны на государственном уровне с принятием Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.

По итогам мероприятий, проводимых в рамках вышеназванной Концепции, расширены возможности применения альтернативных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества (ограничение свободы, принудительные работы), численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, последовательно снижалась.

По состоянию на 1 января 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 482,9 тыс. осужденных, подозреваемых и обвиняемых, что на 381,1 тыс. меньше, чем на аналогичную дату 2010 г. (на 1 января 2010 г. – 864 тыс. человек) (рис. 1).

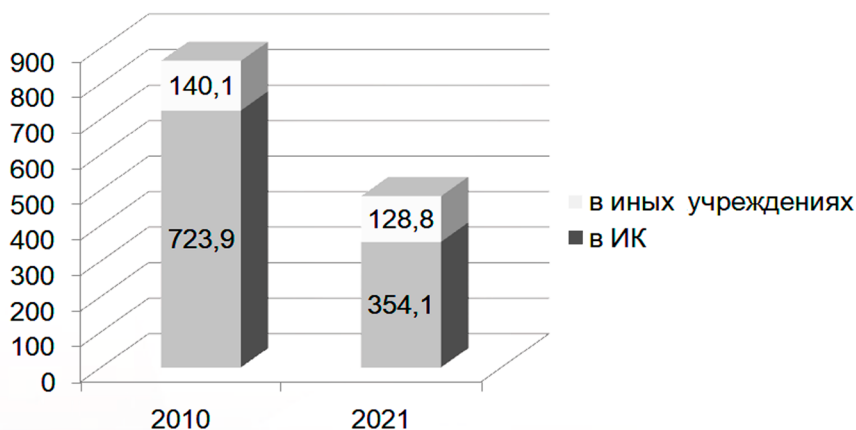

Рис. 1. Численность подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в учреждениях УИС, тыс. человек

В исправительных колониях по состоянию на 1 января 2021 г. содержалось 354,1 тыс. человек, что на 369,8 тыс. человек меньше, чем на 1 января 2010 г. – 723,9 тыс. человек.

В связи с применением таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий, количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, также значительно уменьшилось и составило 110,4 тыс. человек на 1 января 2022 г., что на 20 тыс. человек меньше, чем на 1 января 2010 г. (131,4 тыс. человек), хотя динамика численности лиц, которым назначена мера пресечения в виде содержания под стражей, в последние годы не столь однонаправленна (рис. 2).

Необходимо отметить, что количество лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (далее по тексту – УИИ), в последние годы стало превышать количество осужденных, находящихся в пенитенциарных учреждениях. На 1 января 2021 г. в УИИ состояло на учете 463,7 тыс. человек, в пенитенциарных учреждениях – 354,1 тыс. человек осужденных.

За период реализации вышеназванной Концепции в эксплуатацию введена система электронного мониторинга подконтрольных лиц, средства надзора и контроля которой применяются к осужденным (стационарные контрольные устройства, мобильные контрольные устройства, электронные браслеты).

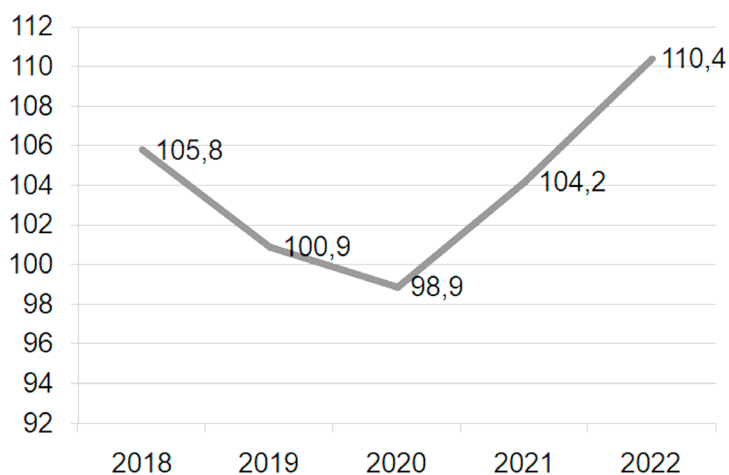

Рис. 2. Динамика численности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, тыс. человек

Дальнейшее развитие уголовно-исполнительной системы реализуется в рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р.

В качестве направлений совершенствования уголовно-исполнительной системы в документе отмечены:

– дальнейшая гуманизация условий отбывания наказаний и мер пресечения, что влечет необходимость развития учреждений и органов, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества;

– профилактика совершения преступлений, в рамках которой целесообразно развивать и совершенствовать взаимодействие с субъектами системы профилактики, особенно при исполнении наказаний и мер, альтернативных лишению свободы, в том числе принудительных работ;

– повышение качества медицинского обеспечения и санитарно-эпидемиологического благополучия лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы;

– модернизация производственно-хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы, повышение уровня занятости осужденных;

– изменение качественно-структурных характеристик учреждений уголовно-исполнительной системы (создание учреждений объединенного типа, развитие сети исправительных центров, создание и развитие системы пробации).

Одним из ключевых положений программного документа является создание службы пробации. В настоящий момент пройдены общественные обсуждения и независимая антикоррупционная экспертиза проекта Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» [4].

Целью данного законопроекта является обеспечение безопасности личности, общества и государства, ресоциализация осужденных, проведение мероприятий, направленных на их социальную адаптацию. Применение наказаний, альтернативных лишению свободы, обеспечивает сохранение полезных социальных связей осужденных, позволяет осуществлять за ними контроль, своевременно реагировать на совершаемые ими нарушения [3, с. 63]. Законопроект содержит закрепляемый на законодательном уровне перечень терминов, который способствует четкому уяснению основной сути института пробации.

Законопроект, определяющий понятия ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации, направлен на разрешение актуальных проблем, возникающих как у лиц, в отношении которых применены наказания без изоляции от общества и меры, альтернативные лишению свободы, так и у лиц, находящихся в местах лишения свободы и освободившихся из мест лишения свободы. Таким образом, предполагается, что деятельность системы пробации будет направлена на ресоциализацию и социальную адаптацию осужденных как на этапе отбывания наказания, так и после его отбытия.

В частности, законопроектом предусмотрено оказание психологической помощи, содействие в получении документов, необходимых для реализации своих прав, в трудоустройстве, а также

оказание иной помощи лицам, освободившимся из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы или принудительных работ.

В законопроекте закреплены три вида probation: приговорная (исполнительная), пенитенциарная и постпенитенциарная.

Приговорная probation будет реализовываться уголовно-исполнительными инспекциями на стадии исполнения наказаний и мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Пенитенциарная probation будет применяться в исправительных учреждениях и центрах при исполнении наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ соответственно и будет заключаться в применении мер, направленных на исправление осужденных и их подготовку к освобождению.

Постпенитенциарная probation предполагает осуществление уголовно-исполнительными инспекциями помощи в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лицам, освободившимся из исправительных учреждений и центров.

Учитывая, что субъектами probation определены федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, учреждения уголовно-исполнительной системы, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, государственные учреждения службы занятости населения, организации социального обслуживания, постпенитенциарная probation должна реализовываться уголовно-исполнительными инспекциями во взаимодействии с субъектами probation и в целом должна состоять в оказании содействия в трудоустройстве, получении социального обслуживания, общего (среднего профессионального) образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации, выборе медицинской организации и получении полиса обязательного медицинского страхования (медицинской книжки) лицам, в отношении которых осуществляется probation [2].

В рамках проведения мероприятий probation могут привлекаться коммерческие и некоммерческие организации, религиозные и общественные объединения.

Планируется создание центров probation, которые определены как специализированные организации, создаваемые в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, в том числе предоставляющие временные места пребывания.

Предполагается ведение единого реестра лиц, в отношении которых применяется probation. Реестр определен как государственная информационная система, содержащая информацию о видах, сроках

и результатах реализации мероприятий пробации, сведения об индивидуальной нуждаемости граждан, оказанных мерах социальной помощи, иную информацию, относящуюся к сфере деятельности пробации.

Положения законопроекта, касающиеся осуществления постпенитенциарной пробации в отношении лиц, отбывших наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, вводятся в действие федеральным законом или федеральными законами по мере создания необходимых условий для исполнения данных видов пробации не позднее 1 января 2025 г.

Положения законопроекта в части использования Единого портала государственных и муниципальных услуг подлежат применению при наличии технической возможности.

В настоящее время работа по коррекции социального поведения, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации как осужденных к лишению свободы, так и осужденных без изоляции от общества и лиц, ранее судимых, осуществляется, но ведется разрозненно, как правило в рамках деятельности каждого отдельного органа (учреждения), по причине отсутствия единого федерального нормативно-правового акта, которым может стать Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации».

Безусловно, субъекты пробации столкнутся с проблемами при реализации положений данного закона. Учитывая, что два вида пробации возлагаются на УИИ, очевидна необходимость расширения штатной численности инспекций, в том числе за счет социальных работников, психологов.

Служба пробации при ее создании будет нуждаться в достаточном по количеству и уровню профессиональной подготовки персонале. Нагрузка на каждого сотрудника службы пробации должна определяться комплексно с учетом специфики выполняемого объема работы, общая нехватка человеческих ресурсов может привести к ограничениям при организации деятельности службы пробации [5, с. 205].

Необходимо будет налаживание тесного сотрудничества между субъектами пробации, а также их техническое и ресурсное обеспечение, в том числе для ведения единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация.

Считаем важным предусмотреть нормативное закрепление порядка взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с субъектами пробации, в особенности с органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и правоохранительными органами, с целью формирования организационно-правового механизма

непрерывного социально-правового сопровождения осужденных с момента вступления приговора суда в законную силу до момента освобождения и далее до тех пор, когда можно будет с уверенностью сказать, что лицо, освободившееся из мест лишения свободы, прочно встало на социально-конструктивный путь взаимодействия с обществом, проявляет искреннее уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития [1, с. 17].

Еще одним интересным, на наш взгляд, моментом является тот факт, что к основным направлениям совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы относится разработка и реализация проекта создания учреждения объединенного типа. Можно назвать данное учреждение «мультиучреждением», ведь оно должно включать в себя все виды режимов, производственные помещения, медицинский участок, дом ребенка, городок для сотрудников, спортивные площадки и другие помещения.

В рамках этого проекта планируется сосредоточить исправительные учреждения и следственные изоляторы в едином центре, модернизировать и унифицировать все имеющиеся технологии и процессы. В настоящее время следственные изоляторы в основном располагаются в городских массивах, что вызывает ряд проблем: расположение в городской черте создает трудности для развития городской застройки, особенно в центре города; функционирование систем обеспечения подавления сигналов мобильной связи может оказать влияние на качество мобильной связи абонентов, находящихся в непосредственной близости от учреждения, и т. д.

Проект по созданию учреждения объединенного типа потребует подготовки технической документации, финансово-экономического обоснования, создания правовых и организационных условий для функционирования такого учреждения.

Сосредоточение исправительных учреждений и следственных изоляторов в едином центре позволит модернизировать и унифицировать имеющиеся процессы в сфере обеспечения режима и в производственном секторе, облегчит деятельность адвокатов и общественных организаций, включая оборудование помещений для предоставления свиданий. Также для осуществления деятельности судов, органов прокуратуры, следователей будет облегчена возможность организации свиданий с осужденными, а родственников осужденных можно будет более плодотворно привлекать к проведению воспитательной работы с отбывающими наказание лицами.

Статья 74 Уголовно-исполнительного кодекса от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ предусматривает возможность создания в испра-

вительных колониях изолированных участков с различными видами режима, а также изолированных участков, функционирующих как тюрьма, таким образом, возможность создания под одним периметром учреждений с различными видами режима предусматривалась и ранее. В ряде регионов имеются как учреждения с различными видами режима, так и различные виды учреждений, расположенные под одним периметром (на одной охраняемой территории). Несомненно, наличие таких учреждений облегчит деятельность им самим и поможет снизить затраты на содержание заключенных, их конвоирование.

На правах изолированных участков в отдельных охраняемых колониях создаются участки колоний-поселений, тем самым развивая не только «мультирежимность», но и «гибридность» исправительных учреждений. Эта тенденция подкрепляется созданием на базе исправительных колоний помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов (ПФРСИ) и в режиме тюрем (ПФРТ) [7, с. 104]. Подобные учреждения помогут более последовательно реализовывать принципы дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний.

Будет ли реализован данный проект, покажет время: у него есть как перспективы к реализации, так и риски – в части возможного осложнения оперативной обстановки в таких учреждениях. При массовых беспорядках, групповых неповиновениях в конфликт могут вовлекаться все категории содержащихся в учреждении осужденных, не исключена возможность нежелательных контактов между разными категориями осужденных в подобных учреждениях. Работники должны обладать широкими знаниями, умениями при исполнении наказания в виде лишения свободы в отношении различных категорий осужденных [6, с. 83].

Принимая во внимание, что по состоянию на 1 сентября 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 463 964 человека, учитывая цели уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, уголовно-исполнительную политику, направленную на снижение тюремного населения за счет расширения перечня наказаний, альтернативных лишению свободы, и их применения, создания системы пробации для ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации как осужденных, так и лиц, ранее судимых, в том числе во взаимодействии со всеми субъектами системы профилактики, вопрос дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы будет актуален на протяжении мно-

гих лет. Продолжается развитие системы исправительных центров, по состоянию на сентябрь 2022 г. на учете 42 исправительных центров и 192 изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, состоят 12 285 осужденных к принудительным работам, и развитие данных учреждений, несомненно, будет продолжаться, учитывая, что данный вид отнесен к наказаниям, альтернативным лишению свободы.

Список литературы:

1. Злотников С. А. Организационные аспекты начала функционирования системы пробации в Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8 (243).

2. Информация Министерства юстиции Рос. Федерации от 4 апреля 2022 г. о создании системы пробации в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404347210/> (дата обращения: 25.09.2022).

3. Нагибин В. Л. Исполнение уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении несовершеннолетних осужденных // Противодействие преступности в современных условиях: уголовно-правовые, криминологические и психолого-педагогические аспекты: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Москва, 2020.

4. О пробации в Российской Федерации: проект федерального закона № 232770-8 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects?fbclid=IwAR3jTo2CHdvkrCv9rWgoAaFlih8emE-gRV4zPzZEfjzC2FAWWyDcqHNpU#search=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%86%D0%B8&npa=126333> (дата обращения: 25.09.2022).

5. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. Вологодский институт права и экономики ФСИН России. 2022. № 2 (58).

6. Усеев Р. З. Мультирежимность исправительных учреждений: причины, классификация, перспективы // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (26).

7. Уткин В. А., Киселёв М. В., Савушкин С. М. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29.

Александр Евгеньевич Огурцов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности
Академия управления МВД России

Некоторые требования к подбору кадров для подразделений по противодействию преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, созданных в структуре оперативных подразделений

Аннотация

В статье рассматриваются особенности подбора кадров для подразделений по противодействию преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, созданных в структуре оперативных подразделений.

***Ключевые слова и словосочетания:** оперативно-розыскная деятельность; информационно-телекоммуникационные технологии; IP-телефония; результаты ОРД.*

Динамичное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, совершенствование средств межличностной коммуникации, повсеместное использование систем электронных платежей, с одной стороны, создают условия для возникновения новых видов социальной коммуникации и упрощают доступ граждан к финансовым ресурсам, с другой стороны – способствуют формированию новых видов преступлений дистанционного характера.

Приоритетная задача для МВД России – совершенствование методик оперативно-розыскной деятельности, направленных на выявление и пресечение преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, установление злоумышленников и сбор доказательств их преступной деятельности для реализации принципа неотвратимости наказания.

Важность повышения эффективности оперативно-служебной деятельности по совершенствованию организации работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникаци-

онных технологий, отмечена в решении коллегии МВД России от 1 ноября 2019 г. № 3км¹.

Кроме того, директивой МВД России от 23 октября 2020 г. противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, определено приоритетным направлением деятельности МВД России в 2021 г.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предполагают их активное использование для реализации преступного умысла и отличаются значительным многообразием.

Совершенствование форм и методов противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий невозможно без четкого понимания проблем, возникающих в правоприменительной практике, а также особенностей отдельных видов и способов совершения этих преступлений.

Отметим лишь некоторые общие характерные особенности таких преступлений и проблемы, возникающие в процессе противодействия отдельным видам преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

- преступления в основном совершаются лицами, находящимися в различных регионах России, в том числе лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы;

- отсутствует визуальный контакт между потерпевшим и подозреваемым, что определяет высокий уровень анонимности подозреваемых лиц;

- подозреваемые лица часто меняют используемые абонентские номера, аппараты мобильной связи и иные технические коммуникационные средства, используемые при совершении преступлений;

- применительно к имущественным составам преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предметом хищения в большинстве случаев являются электронные денежные средства, которые зачисляются потерпевшим на счет подозреваемого (реже денежные средства передаются потерпевшим по указанию подозреваемого соучастникам преступления);

- при совершении преступлений используются современные средства коммуникации, электронные платежные системы, позволяющие обеспечить злоумышленникам конспирацию, например IP-телефония – набор коммуникационных протоколов, техноло-

¹ Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3км: приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 878.

гий и методов, обеспечивающих традиционные для телефонии набор номера, дозвон и двустороннее голосовое сообщение, а также видеосообщение в сети Интернет. Сигнал по каналу связи передается в цифровом виде и, как правило, перед передачей преобразовывается (сжимается), чтобы снизить нагрузку на сеть передачи данных [4]. Таким образом, сигнал передается через сеть Интернет, а используемый при этом номер не является городским или абонентским номером операторов связи. Регистрация на использование услуг IP-телефонии может осуществляться через Интернет. При этом не представляются документы, подтверждающие личность пользователя.

При совершении преступлений подозреваемыми может использоваться программное обеспечение, позволяющее менять адрес пользователя в сети Интернет, создавая динамические либо нераспознаваемые IP-адреса, что значительно усложняет их идентификацию.

К числу организационных проблем, связанных с противодействием преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, можно отнести:

- низкий уровень информационного взаимодействия в электронном виде с кредитными организациями, операторами связи, интернет-сервисами и иными организациями, оказывающими услуги связи;

- недостаточную оснащенность терминалов самообслуживания системами видеонаблюдения (например, небольшой период перезаписи видео на банкоматах, на отдельных автономных терминалах данный период может составлять не более 3–5 дней);

- низкий уровень организации взаимодействия следователей, дознавателей и сотрудников оперативных подразделений территориальных органов МВД России;

- уровень квалификации сотрудников, специализирующихся на противодействии преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, не соответствующий уровню и динамике развития современных информационных технологий.

Особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, многообразие способов их совершения, а также отсутствие универсальных методик противодействия таким преступлениям обусловили необходимость создания специализированных подразделений в структуре ОВД.

Решением коллегии МВД России от 1 ноября 2019 г. № 3км в 2019 г. в центральном аппарате МВД России и территориальных органах внутренних дел на районном уровне в структуре подраз-

делений по контролю за оборотом наркотиков, противодействия экстремизму, уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции, в следственных подразделениях, подразделениях дознания и специальных технических мероприятий созданы подразделения, специализирующиеся на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – специализированные подразделения). Кроме того, решением коллегии МВД России обозначена актуальность вопросов совершенствования кадровой политики и организации подготовки для органов внутренних дел специалистов в сфере информационных технологий.

После создания специализированных подразделений возник вопрос подбора сотрудников, обладающих необходимым уровнем профессиональных знаний и навыков в сфере информационных технологий.

Применительно к рассматриваемой теме отметим, что приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50¹ определены общие квалификационные требования к сотрудникам, выполняющим обязанности, связанные с раскрытием или расследованием уголовных дел (например, преимущественное наличие высшего юридического образования), общие требования к стажу службы в органах внутренних дел и стажу (опыту) работы по специальности, а также к уровню профессиональных знаний.

Вместе с тем стремительный рост преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, многообразие методов, используемых злоумышленниками для анонимизации в сети Интернет, на практике определяют необходимость особых требований к сотрудникам специализированных подразделений.

В достаточной степени условно требования к такому персоналу можно подразделить на общие и частные.

К числу общих требований следует отнести:

- преимущественное наличие высшего юридического или технического образования;
- минимальные знания основ организации раскрытия преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (основных понятий, видов и способов совершения преступлений и др.);
- способности к аналитической работе (при проведении мероприятий по раскрытию преступлений необходимо проводить анализ

¹ Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50.

значительных объемов информации, в том числе ответов различных кредитных организаций, компаний, оказывающих услуги мобильной связи, и др.);

- инициативность и целеустремленность (низкая оперативность организации проведения отдельных мероприятий приводит к утрате значимой доказательственной базы, например видеозаписи с терминалов самообслуживания, отделений банка);

- минимальное владение информацией о методах деанонимизации пользователей сети Интернет (например, какие мероприятия необходимо провести, чтобы установить пользователя аккаунта социальной сети при наличии информации об используемых им IP-адресах для выхода в сеть Интернет).

Частные требования к подбору персонала для специализированных подразделений зависят от конкретной службы, занимающейся противодействием преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, и от специфики совершения отдельных преступлений (например, для раскрытия преступлений рассматриваемой категории в сфере незаконного оборота наркотиков необходимо обладать базовыми знаниями о методах бесконтактного сбыта наркотических средств и способах установления подозреваемых лиц; аналогичная специфика имеется в подразделении по противодействию экстремизму, службе специальных технических мероприятий, а также в подразделении экономической безопасности и противодействия коррупции).

С развитием современных информационно-телекоммуникационных технологий в последние десятилетия сформировался целый пласт высокоинтеллектуальной преступности в различных сферах общественных отношений. Данные общественно опасные деяния продолжают развиваться и совершенствуются в формах противодействия правоохранительным органам (например, использование средств IP-телефонии и программ по подмене абонентского номера позволяет злоумышленникам совершить звонок на телефон потерпевшего практически с любого абонентского номера). В этой связи при подборе персонала для специализированных подразделений крайне важно учитывать склонность сотрудников к постоянному повышению уровня профессиональных знаний и навыков.

Данные требования приемлемы не только для формирования оперативного состава специализированных подразделений, но и при подборе руководства для данных подразделений.

В настоящее время нормативно-правовых актов, регламентирующих требования к профессиональным навыкам и квалификации сотрудников специализированных подразделений, равно как норма-

тивных актов, определяющих их полномочия, на законодательном уровне не разработано.

В заключение хотелось бы отметить, что необходимо продолжить работу по совершенствованию организационно-управленческих механизмов в целях выработки наиболее эффективных подходов к подбору персонала для оперативных подразделений ОВД, специализирующихся на борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с учетом тенденций развития таких технологий.

Список литературы:

1. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. Москва, 2001.
2. *Попазова О. А., Молодъкова Э. Б.* Управление персоналом организации: учебник. Санкт-Петербург, 2019.
3. Управление персоналом: учебник / под общ. ред. И. Б. Дураковой. Москва, 2009.
4. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/IP-телефония> (дата обращения: 12.08.2020).

Татьяна Валентиновна Пинкевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

Обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой трансформации

Аннотация

В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с обеспечением экономической безопасности в условиях цифровизации общества. Результаты проведенного исследования криминальной обстановки свидетельствуют об изменениях, происшедших с момента внедрения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества, что в целом повлияло на изменения качественных и количественных показателей экономической преступности. Представленные результаты исследования криминальной обстановки в названной сфере свидетельствуют о неутешительном прогнозе для экономической безопасности России. К криминализированным сферам экономики отнесены потребительский и финансово-кредитный рынки, внешнеэкономическая деятельность, а также такие отрасли, как: топливно-энергетическая, драгоценных металлов, рыбная, лесная. В ходе исследования автор приходит к выводу о необходимости в условиях цифровой трансформации теоретически обосновать и внести предложения по снижению уровня угроз экономической безопасности.

Ключевые слова и словосочетания: *цифровая трансформация; экономическая безопасность; преступность; организованная преступность; латентность; кредитно-финансовая сфера.*

Обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой трансформации требует существенных изменений направлений деятельности в названной сфере с использованием инновационных подходов. Основой такой деятельности является Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г., представляющая собой документ дальнейшего стратегического развития. В ее тексте особое место занимает перечень основных вызовов и угроз экономической безопасности, включающий «высокий уровень криминализации и коррупции в эко-

номической сфере»¹, а также определены цели, основные направления и задачи государственной политики в названной сфере. Основными задачами по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, определены: предупреждение преступлений в хозяйственно-финансовой сфере, предотвращение преднамеренного банкротства и иных противоправных действий в отношении субъектов экономической деятельности, создание условий, исключающих возможность сращивания интересов должностных лиц бизнес-структур и представителей государственных органов².

Экономическая преступность остается одной из серьезных угроз экономической безопасности, что обусловлено особенностями криминальной деятельности в данной сфере. Так, рост количества зарегистрированных преступлений экономической направленности в 2021 г. составил 117,7 тыс. преступлений, что на 11 % больше предыдущего года, при увеличении тяжких и особо тяжких преступлений на 8,2 % (67,9 тыс.). Размер причиненного ими материального ущерба составил 641,9 млрд руб. [4] Увеличилась доля преступлений, совершенных группой лиц и группой лиц по предварительному сговору, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, в том числе совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб.

Стремительный рост краж, мошенничества, вымогательства совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе рост хищений денежных средств отмечается в сфере безналичных расчетов, 80,4 % из которых совершаются путем кражи или мошенничества. При этом с помощью мобильных телефонов совершается их значительная часть (76,6 тыс.). Вместе с тем наблюдается значительный рост преступлений в сфере экономической деятельности – с 30 тыс. в 2015 г. до 40,7 тыс. в 2021 г. [4] Росту данной части экономической преступности способствовали процессы цифровизации.

Обращает на себя внимание и высокий уровень легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Опасность данного вида преступной деятельности в том, что он повышает уровень теневой экономики, способствует расширению преступной деятельности, объединению с транснациональной организованной преступностью. Увеличение

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Рос. газ. 2017. 15 мая.

² Там же.

же доли теневой экономики напрямую связано с ростом преступности экономической направленности и ее организованной части, чему способствует слабая система социального контроля, проблемы законодательного характера и правоприменительной практики.

Легализация криминальных доходов (ст. 174, 174.1 УК РФ) в структуре преступлений в сфере экономической деятельности составляет в среднем 4 %, что не снижает ее общественной опасности, поскольку в названной сфере в силу анонимности расчетов активно используется виртуальная валюта (криптовалюта), что осложняет процессы выявления и расследования этих преступлений. Появление современных схем вывода криминальных доходов в иностранные юрисдикции способствует легализации криминальных доходов, в том числе и в легальный бизнес. Эти процессы усугубляют ситуацию в части увеличения уровня латентности экономической преступности и расширения теневой экономики. По мнению экспертов, уровень латентности экономической преступности варьируется в интервале от 70 до 90 %, данные показатели подтверждают и ситуацию, складывающуюся по отдельным видам экономических преступлений. Причины такого высокого уровня латентности названных явлений лежат в области как объективных, так и субъективных факторов.

Так, исследовательский интерес представляет группа преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой отрасли. Количество этих преступлений за последние пять лет носит волнообразный характер. За прошедший год было совершено 19,8 тыс. преступлений, что ниже на 4,2 % по сравнению с предыдущим годом. Размер причиненного ущерба составил 99,9 млрд руб., но выявляется только 15–20 % преступлений в кредитно-финансовой сфере. Все это свидетельствует о высоком уровне их латентности [1, с. 3]. Складывающаяся ситуация затрудняет ее объективную оценку.

К криминализованным сферам экономики следует отнести потребительский и финансово-кредитный рынки, внешнеэкономическую деятельность, а также отрасли драгоценных металлов, рыбную, лесную. Особое место здесь занимает и один из крупных комплексов – топливно-энергетический. Именно он формирует 60 % федерального бюджета за счет поступлений от его деятельности. Только за 2021 г. в этой сфере зарегистрировано 1,5 тыс. преступлений, что на 13,6 % больше предыдущего года, из них 639 совершены в крупных размерах, размер причиненного ущерба составил 12,8 млрд руб. [4]

В сфере жилищно-коммунального хозяйства выявлено 1,6 тыс. преступлений, рост составил 23 %, в том числе 667 из них – коррупционные. Размер причиненного ущерба составил 1,4 млрд руб.

В сфере лесного хозяйства выявлено 1,2 тыс. преступлений, что свидетельствует о росте на 19,2 %, из них следует выделить 272 коррупционных преступления. Размер причиненного ущерба составил 1,2 млрд руб. Серьезной проблемой остается контрабанда леса: 292 уголовных дела на 4,6 млрд руб. Как показывает практика, незаконно заготовленные в Сибири и на Дальнем Востоке ценные породы древесины (дуб и ясень) экспортируются в Китай по поддельным документам через подставные фирмы [2].

В рамках оперативно-профилактических операций «Контрафакт» и «Пангея» МВД России по защите интеллектуальной собственности проведено более 56 тыс. проверок физических и юридических лиц и выявлено около 600 преступлений. К уголовной ответственности привлечены 148 человек. Из незаконного оборота изъято 153 комплекса, предназначенных для изготовления фальсифицированной и контрафактной продукции. Количество изъятой контрафактной продукции составило более 7 млн единиц. Общая стоимость изъятой продукции превысила 1,5 млрд руб.

В то же время количество налоговых преступлений стало снижаться (–4,3 %), но на этом фоне произошло увеличение причинения ущерба (1,4 %), он составил 59,9 млрд руб.

Снижение платежеспособности населения повышает спрос на более дешевые, зачастую некачественные¹ (фальсифицированные) продукты питания, алкогольную² и табачную продукцию (повышение с 1 января акцизных ставок, а следовательно, розничных цен на нее чревато ростом контрафакта) [3]. За производством и сбытом такой продукции нередко стоят этнические преступные группировки, использующие нелегальную рабочую силу из стран СНГ. Подконтрольные им предприятия (ИП или ООО) максимально минимизируют налоги, игнорируя нормы не только миграционного и трудового законодательства, но и закона о защите прав потребителей, а также предписания Роспотребнадзора.

Одной из важнейших тенденций экономической преступности в России являются изменения характеристики лиц, совершающих экономические преступления. В последние годы наблюдается увеличение удельного веса лиц, совершающих экономические преступления в возрасте 18–29 лет. Криминальная активность лиц зрело-

¹ По данным Роспотребнадзора, за 9 мес. было изъято 225 т некачественной плодово-овощной (за 9 мес. 2019 г. – 569 т) и 26 т (108 т.) мясной продукции. Снижение показателей обусловлено введением моратория на проверки бизнеса.

² По данным Росалкогольрегулирования, за 9 мес. было изъято 395,8 тыс. дкл нелегального этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (48 % общего объема проверок), в том числе водки – 0,4 тыс. (3,3 %) дкл.

го возраста (30–49 лет) в целом несколько снизилась, но остается высокой при совершении растрат и присвоения, взяточничества и некоторых других преступлений, чаще всего связанных с их профессиональной деятельностью. Удельный вес лиц, не имеющих постоянного дохода, возрос среди тех, кто изготавливал или сбывал поддельные деньги и ценные бумаги.

Растет криминальная активность служащих, использующих свое служебное положение в преступных целях. Наблюдается рост числа предпринимателей среди лиц, совершивших преступления в сфере экономики, и их влияния на развитие коррупции в стране. Активно включаются в теневую экономику и экономическую преступность лица с устойчивым криминальным поведением, в частности женщины.

На основе результатов исследования тенденций преступности в прошлом и настоящем, установления общих закономерностей ее развития, состояния социальных процессов, наиболее актуальных в настоящее время, прогноз развития отдельных видов преступлений, представляющих угрозу экономической безопасности России, на ближайшие годы крайне неблагоприятен. При этом большая часть таких преступлений будет совершена с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В среднесрочной и долгосрочной перспективе высока вероятность роста преступлений экономической направленности, обусловленных ухудшением социально-экономического положения в стране. Именно эти процессы, вероятнее всего, будут способствовать росту должностных преступлений, в том числе и коррупционной направленности. Особенно заметно их проявление будет в сфере закупок товаров, работ и услуг, легализации (отмывания) преступных доходов, нецелевого расходования бюджетных средств и внебюджетных фондов, злоупотреблений и превышения должностных полномочий и др.

Наиболее подвержены коррупционным проявлениям сферы:

- госзакупок;
- государственной поддержки бизнеса, направленной на субсидирование системообразующих предприятий, налоговые послабления и другие льготы. Некоторая размытость критериев отбора подобных предприятий создает коррупционные риски;
- здравоохранения;
- страховых выплат. В связи с тем, что в настоящее время запрещены различные проверки, может увеличиться количество преступлений в сфере обязательного медицинского страхования;
- инвестирования научных исследований.

Увеличится рынок не только фальсифицированной и некачественной продукции, товаров, не отвечающих требованиям безопасности, но и также фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок. Новые формы и средства финансирования терроризма позволят преступникам не только расширять свою деструктивную деятельность, но и длительное время уходить от уголовной ответственности.

Следовательно, результаты анализа криминальной обстановки, складывающейся в экономической сфере, свидетельствуют о негативных тенденциях ее развития, что требует совершенствования механизмов обеспечения экономической безопасности, а также теоретического обоснования и внесения предложений по снижению уровня угроз экономической безопасности и повышению эффективности ее защиты.

Список литературы:

1. *Гирько С. И.* Вступительное слово // Проблемы латентности преступлений экономической направленности: материалы межведомственного круглого стола. Москва, 2014.
2. *Захарова Л.* Вызов брошен – вызов принят // Рос. газ. 2020. 24 дек.
3. *Королева А.* COVID усилил контрафакт // Эксперт. 2020. 17 авг.
4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

Александр Викторович Победкин,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

О презумпции невиновности и прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (новая позиция Конституционного Суда Российской Федерации и новая пицца для размышлений)

Аннотация

В статье анализируется новая правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой в случае возражения обвиняемого (подозреваемого) против прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности и невозможностью направления уголовного дела в суд в течение 12 месяцев с момента истечения срока давности оно подлежит прекращению вне зависимости от позиции обвиняемого (подозреваемого). Делается вывод, что таким решением ослабляются процессуальные гарантии прав обвиняемого (подозреваемого), провозглашенные ранее самим же Конституционным Судом, а также стимулируется волокита предварительного расследования.

Ключевые слова и словосочетания: принцип презумпции невиновности; прекращение уголовных дел; нереабилитирующие основания; срок давности; разумный срок уголовного судопроизводства.

Ранее автор обращался к вопросу прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям с точки зрения соответствия предусмотренного порядка принципу презумпции невиновности [4, с. 90–98; 3, с. 27–30].

В приведенных статьях была сделана попытка обосновать, что позиция Комитета конституционного надзора СССР (далее – Комитет), отраженная в его заключении в 1990 г., по вопросу соответствия Конституции СССР норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, – ясна, проста, понятна и правильна. Напомним, в заключении Комитета констатировалось, что этот порядок не соответствует положению о презумпции невиновности, а значит – и Конституции СССР. Комитет

обосновал свою позицию в предельно кратком заключении, и при этом весьма убедительно¹. Действительно, если виновность констатируется без судебного разбирательства и приговора, а тем более должностным лицом, осуществляющим досудебное производство, можно ли предполагать соответствие такой процедуры принципу презумпции невиновности. Круговорот бурных геополитических и политических событий стер, однако, с юридического поля правовую позицию Комитета.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) занял иную позицию, казуистическую. Суть ее в том, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям означает констатацию факта совершения деяния, содержащего признаки преступления, но не определяет виновность в смысле, который заложен в ст. 49 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), содержащей формулировку презумпции невиновности. Более того, в резолютивной части постановления Конституционный Суд пишет еще проще: прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 6 УПК РСФСР, не означает установления виновности лица². В сухом остатке это парадокс: в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию констатируется факт совершения преступления (виновность) лица, оставленного в подозрении, без должного доказывания виновности в судебных процедурах.

Вероятно, юридическую казуистику Конституционного Суда как-то можно объяснить удовлетворительно, хотя это и трудно. Однако человеку важно, какие последствия он испытывает фактически. «Оставленный в подозрении» и «не признанный виновным в смысле ст. 49 Конституции» испытывает почти те же последствия, что и наказанный по приговору суда, а в случае назначения судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности материальные потери могут оказаться даже больше, чем при назначении наказания в виде штрафа. Фактически люди наказаны без процедур, обеспечивающих достоверность результата, и без приговора суда [5, с. 352].

¹ О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека: заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39. Ст. 775.

² Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 28 октября 1996 г. № 18-П по делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5203 (далее – постановление от 28 октября 1996 г. № 18-П).

Конечно, лицо не считается судимым, однако так ли много это меняет в плане репутационных и социальных потерь?

Учитывая, что сущность прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям едины вне зависимости от конкретного основания, некоторые позиции Конституционного Суда относительно этой процедуры применительно к конкретным основаниям прекращения уголовного дела выглядят противоречивыми, спорными, а иногда достаточно странными.

Так, Конституционный Суд, например, заявляет прямо: прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности означает *отказ от дальнейшего доказывания виновности* при условии обоснованности обвинения (подозрения)¹. Здесь Конституционный Суд признает, что в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию констатируется *недоказанная* виновность. Это вносит некоторую ясность. Поскольку доказанная виновность может быть установлена лишь приговором суда, любая степень доказанности виновности до вынесения акта правосудия (приговора) означает недоказанную виновность. Итак, факт совершения лицом деяния, содержащего признаки преступления (фактически, конечно, виновность) не только констатируется, но и констатируется при недоказанной виновности. Такая правовая позиция (даже учитывая, что при отсутствии приговора суда и в самом деле говорить о доказанной виновности вряд ли можно) рискована, поскольку снижает ответственность должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, за правильное установление обстоятельств по уголовному делу на момент его прекращения по нереабилитирующим основаниям. Иначе говоря, правоприменитель может истолковать понятие недоказанной виновности как достаточное основание для прекращения уголовного дела при наличии вероятного знания и как отсутствие необходимости достигать внутреннего убеждения в виновности на основе совокупности доказательств.

Полагая, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям Конституции не противоречит, Конституционный Суд предлагает учитывать две основные гарантии, которые обеспечивают права лица, факт совершения которым деяния, содержащего признаки преступления, «констатирован»: 1) лицо может возра-

¹ Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова // СЗ РФ. 2022. № 31. Ст. 5806 (далее – постановление от 18 июля 2022 г. № 33-П).

жать против прекращения уголовного дела по данным основаниям; 2) решение о прекращении уголовного дела может быть обжаловано в суде (постановление от 28 октября 1996 г. № 18-П).

Первая обозначенная гарантия обязывает должностное лицо продолжить производство по уголовному делу, и Конституционный Суд (мы уже убедились, что он полагает возможным констатировать факт совершения преступления при недоказанной виновности) разъясняет для чего: для устранения сомнений в виновности подозреваемого, обвиняемого, защиты его прав, выяснения обстоятельств с учетом доводов против обвинения (подозрения), а также для разрешения возможных заявленных ходатайств (постановление от 18 июля 2022 г. № 33-П).

Эффективность названных гарантий сомнительна. Лицо, как известно, может согласиться с прекращением уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям ввиду разных обстоятельств и вовсе не по причине действительной виновности [1, с. 79]. Судебная проверка законности и обоснованности постановления о прекращении уголовного дела (сегодня это ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК) не предполагает действенных процедур установления факта совершения лицом преступления, поскольку не содержит гарантий, характерных для судебного разбирательства.

И вот новая позиция Конституционного Суда относительно процессуальных гарантий обеспечения прав лица, в отношении которого уголовное дело прекращается по нереабилитирующим основаниям. Позиция эта состоит в том, что отсутствие предельных сроков продолжения расследования (в конкретном случае после истечения сроков давности), которое продолжается, поскольку подозреваемый (обвиняемый) не дал свое согласие на прекращение уголовного дела (уголовного преследования), влечет, во-первых, неопределенность его правового положения, во-вторых, не гарантирует разрешение его уголовного дела в разумные сроки. Согласно позиции Конституционного Суда обвиняемый вынужден делать выбор между продолжением уголовного преследования без ограничения сроков и прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Ограниченность выбора между двумя обозначенными вариантами, как полагает Конституционный Суд, нарушает целый ряд выраженных в Конституции принципов, среди которых и верховенство права, и законность, и справедливость, и гуманизм, и равенство всех перед законом и судом (постановление от 18 июля 2022 г. № 33-П).

Выход Конституционный Суд видит в весьма оригинальном решении: в случае отсутствия согласия обвиняемого (подозреваемо-

го) на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности продолжать уголовное преследование допускается в срок не более 12 месяцев с момента истечения срока давности, после чего, если уголовное дело не направлено в суд, оно должно быть прекращено, невзирая на позицию обвиняемого (подозреваемого).

Иначе говоря, обвиняемый (подозреваемый) лишается одной из гарантий, обозначенных Конституционным Судом в постановлении от 28 октября 1996 г. № 18-П, – права возражать против прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Однако Конституционный Суд полагает, что по жалобе на постановление о прекращении уголовного дела в рассматриваемом случае законность и обоснованность такого прекращения может быть проверена в порядке, предусмотренном ст. 125¹ УПК, которая предполагает исследование доказательств, имеющихся в уголовном деле, по правилам гл. 37 УПК. Увы, правила исследования доказательств, применимые при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125¹ УПК, не могут считаться полностью аналогичными правилам, установленным для судебного разбирательства, хотя бы потому, что в судебном разбирательстве на досудебном производстве невозможно соблюдение всех общих условий судебного разбирательства, следование его этапам.

По сути это «квазисудебное» разбирательство, подменяющее полноценные судебные процедуры. В случае если в ходе такого «квазисудебного» разбирательства причастность лица к совершению преступления не установлена, нелогичным выглядит принятие решения, предусмотренного п. 1 ч. 3 ст. 125¹ УПК (удовлетворение жалобы, признание постановления незаконным, признание наличия основания для реабилитации), ибо следователь (дознатель) попросту оказались лишены возможности завершить расследование и доказать виновность лица. К тому же обвиняемый (подозреваемый) может обжаловать постановление в целях его отмены и продолжения уголовного преследования. Это возможно, например, в ситуации, когда на момент судебного заседания по рассмотрению жалобы в уголовном деле нет доказательств, свидетельствующих об отсутствии состава преступления в действиях обвиняемого (подозреваемого), однако они могут быть получены в ходе дальнейшего расследования. В этом случае суд не может принять решение о признании незаконным постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с истечением срока давности, поскольку оснований для применения иного основания прекращения уголовного дела, включая реабилитирующие, нет. Невозможно здесь и обязать следователя (дознателя) устранить допу-

щенные нарушения, т. е. полно установить предмет доказывания, поскольку 12-месячный срок расследования (исчисляется с момента истечения срока давности) истек и уголовное дело должно быть прекращено.

Вероятно, заявитель, по жалобе которого Конституционный Суд принял решение (постановление от 18 июля 2022 г. № 33-П), оказался им весьма удивлен. Рассчитывая на прекращение уголовного преследования в связи с отсутствием состава преступления, он оказался лишен права возражать против прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности. Иначе говоря, фактически он признается виновным без судебного разбирательства и приговора и без учета его на это согласия.

Права возражать против прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с истечением срока давности в подобных ситуациях лишился не только заявитель, но и другие обвиняемые, подозреваемые. Соответствующий проект федерального закона о внесении изменений в УПК разработан и находится в Государственной Думе Российской Федерации.

Не исключено также, что подобные подходы могут быть применены и к другим основаниям прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям. В самом деле, разве не аналогичные ситуации возникают при возражении обвиняемого (подозреваемого) против прекращения уголовного дела вследствие акта об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК)? Нельзя исключать возражения обвиняемого (подозреваемого) против прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и по другим нереабилитирующим основаниям (например, п. 6 ч. 1 ст. 24 и п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК).

Да и не станет ли правовая позиция Конституционного Суда стимулом к волоките, ибо затянуть расследование на 12 месяцев (особенно по сложным уголовным делам большого объема), чтобы на законных основаниях прекратить уголовное дело без учета мнения обвиняемого (подозреваемого), как оказывается, не столь и сложно.

Принципы уголовного судопроизводства сегодня, к сожалению, утратили свое значение как для законодателя, так и для правоприменителя. Законодатель не ориентируется на них при внесении в УПК изменений, правоприменитель не видит их практического значения (за исключением отдельных регулятивных норм), а потому по большей части устраняется от толкования уголовно-процессуальных норм и применения аналогии. Девальвация принципов – проблема не только уголовного судопроизводства.

К. В. Ображиев применительно к уголовному законодательству предлагает предусмотреть в УК РФ, что уголовное законодательство

ство России и практика его применения не должны противоречить принципам уголовного права, а нормы, противоречащие принципам, не подлежат применению [2, с. 159]. Предложение здоровое и для уголовно-процессуального законодательства также применимо.

Задача как Конституционного Суда, так и законодателя – создать механизмы, гарантирующие полноценную реализацию принципов уголовного процесса, включая принцип презумпции невиновности.

Список литературы:

1. *Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика. Воронеж, 1993.
2. *Ображиев К. В.* Принципы уголовного права: перспективы развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2.
3. *Победкин А. В.* Иллюзия презумпции невиновности (зачем нужен уголовный проступок) // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.
4. *Победкин А. В.* Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: признание виновным оставленного в подзрении, или как обеспечить соблюдение принципа презумпции невиновности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36).
5. *Халиков А. Н.* Независимость суда в свете категорий свободы, равенства и справедливости // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4.

Сергей Александрович Пяшин,
председатель
Петроградский районный суд
г. Санкт-Петербурга

Еще раз об исследовании доказательств как структурном элементе доказывания

Аннотация

В статье рассматриваются позиции по поводу необходимости включения в содержание доказывания либо наряду, либо вместо существующего элемента «проверка», который уже закреплён законодателем в ст. 85 УПК РФ, такого элемента, как «исследование». Обосновывается точка зрения об «исследовании доказательств» как структурном элементе доказывания наряду с «проверкой».

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовное судопроизводство; доказывание; проверка доказательств; исследование доказательств.*

В уголовно-процессуальной науке идет дискуссия по поводу необходимости включения в содержание доказывания либо наряду, либо вместо существующего элемента «проверка», который уже закреплён законодателем в ст. 85 УПК РФ, такого элемента, как «исследование» [2, с. 330].

Так, А. Р. Белкин считает, что применение термина «проверка» значительно сужает характер данного процессуального действия, в связи с чем предлагается данный элемент доказывания характеризовать как «исследование», поскольку сущность исследования доказательств заключается в том, что познается их содержание, проверяется его достоверность и устанавливается согласуемость доказательств по одному делу между собой [1, с. 78].

Имеются и противники данной точки зрения. По мнению О. С. Самоходкиной, «понятия «проверка доказательств» и «исследование доказательств» дифференцировались в зависимости от отрасли научного знания. Понятие «исследование доказательств» подчеркивало содержательный аспект деятельности в сфере доказывания и употреблялось преимущественно криминалистами. Понятие «проверка доказательств» в большей степени обращало внимание на внешний аспект указанной деятель-

ности и чаще использовалось в уголовно-процессуальном смысле» [4, с. 21]. Мы не разделяем полностью данную точку зрения, так как считаем, что практика употребления какой-либо категории преимущественно определенной группой ученых в одной отрасли юридической науки не должна негативно сказываться на возможности использования сложившейся терминологии представителями других отраслей юридической науки, если, конечно, для этого нет объективных причин, которые не были выявлены в ходе исследования существующей проблематики. Более того, в уголовно-процессуальном законе ряда государств СНГ «исследование доказательств» присутствует в качестве самостоятельного элемента доказывания вместо «проверки»: ч. 1 ст. 121 УПК Республики Казахстан, ст. 90 УПК Кыргызской Республики, ч. 1 ст. 132 УПК Туркменистана.

Как считает Б. А. Ражабов, «место и роль в УПК зарубежных стран понятий «исследование» и «проверка» доказательств по изучаемому нами вопросу приобретает одинаковое содержание, и в связи с тем, что они преследуют единую цель, не чувствуется надобности их отождествлять» [3, с. 39].

Поддерживая вышеуказанную позицию А. Р. Белкина, полагаем, что действительно работа с доказательствами не может быть ограничена только проверочными действиями, но в отличие от него предлагаем не заменить, а использовать наряду с «проверкой» доказательства его «исследование».

В данный элемент доказывания должны будут войти и действия по познанию сущности и содержания доказательства, что не включает в себя понятие «проверка».

В связи с этим и предлагаем включить в структуру доказывания наряду с термином «проверка» понятие «исследование» доказательств.

Исследование доказательств представляется как процесс, протекающий во времени, который происходит поэтапно.

Прежде всего, при определении сущности и содержания доказательства устанавливается источник его получения, и этот источник проверяется на предмет надежности. Также далее следует выяснить условия и обстоятельства формирования доказательства в целях определения степени его достоверности. Так, при получении заключения эксперта необходимо удостовериться в компетентности эксперта, проводившего соответствующую судебную экспертизу, а в случае заявления обвиняемым, что потерпевший дает в отношении него ложные показания по причине личных неприязненных отношений, необходимо изучить личность потерпевшего и характер их взаимоотношений с обвиняемым. Без осуществления

этих действий невозможно будет дать объективную оценку имеющимся в деле доказательствам.

Следующим этапом исследования доказательств является анализ способов и процессуального порядка их получения, который должен строго согласовываться с нормами уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего условия и порядок доказывания. При наличии нарушений норм УПК РФ доказательство в результате его последующей оценки может быть признано недопустимым.

При этом в рассматриваемом в статье контексте «исследование» доказательств не используется как синоним доказывания, а потому имеет в этом отношении самостоятельное значение.

На основании всего изложенного считаем, что наряду с таким элементом доказывания, как «проверка», должно быть место и такому его элементу, как «исследование», в том числе и на законодательном уровне – в ст. 85 УПК РФ.

Список литературы:

1. *Белкин А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва, 2005.
2. *Кудрявцев В. Л., Лантух Н. В.* Актуальные проблемы уголовного процесса: учебник для вузов / под ред. О. В. Логунова, А. В. Кикотя, Э. К. Кутуева. Санкт-Петербург, 2022.
3. *Ражабов Б. А.* Доказывание в уголовном процессе // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 3.
4. *Самоходкина О. С.* Доказывание при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

Валерия Игоревна Ракитина,
заместитель руководителя
Уваровский межрайонный следственный отдел
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Тамбовской области

аспирант кафедры уголовного процесса
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации;

О понятии физического недостатка, препятствующего лицу самостоятельно осуществлять свое право на защиту

Аннотация

Как известно, одними из участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации со стороны защиты выступают подозреваемые и обвиняемые. Согласно статистическим данным немалое количество граждан являются инвалидами, т. е. имеют различного рода физические недостатки. В статье автором исследуется понятие физических недостатков, их роль и место в уголовном судопроизводстве. Автором предпринята попытка сформулировать свое определение физических недостатков применительно к уголовному судопроизводству. Проанализированы теоретические исследования ученых-процессуалистов по вопросам правового статуса и проблемам участия в отечественном уголовном судопроизводстве лиц с физическими недостатками. Изучены нормативно-правовые акты, относящиеся к вопросу о физических недостатках, определены те заболевания, которые могут быть отнесены к категории физических недостатков с точки зрения способности подозреваемого, обвиняемого самостоятельно реализовывать свое право на защиту.

Ключевые слова и словосочетания: право на защиту; физические недостатки; уголовное судопроизводство; сторона защиты; инвалид.

Одним из основных принципов уголовного процесса выступает обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту. Данный принцип является не только отраслевым, но и конституционным. Статья 46 Конституции РФ закрепляет право каждого человека на защиту своих прав и свобод. Согласно статистическим данным на территории Российской Федерации по состоянию на 1 января

2021 г. число лиц, относящихся к категории инвалидов, составляет 11 632 958 [3]. На территории Тамбовской области проживают порядка 109 339 инвалидов [3]. Каждый из данной категории лиц может выступать участником уголовного процесса, которому требуется защита своих законных прав и интересов. Мы полагаем, что инвалиды характеризуются наличием определенных физических недостатков, не позволяющих им в полной мере реализовать свои процессуальные права как участников уголовного процесса со стороны защиты. В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о таком понятии, как «физический недостаток».

Анализ уголовно-процессуального законодательства показал, что факт наличия у участника уголовного судопроизводства какого-либо физического недостатка в основном не принимается во внимание законодателем при формировании норм, касающихся производства следственных действий с участием таких лиц. Если участникам уголовного судопроизводства, имеющим психические расстройства, – подозреваемым, обвиняемым посвящена отдельная глава УПК РФ, где подробным образом прописан порядок производства предварительного следствия, то для лиц с физическими недостатками такой определенности нет. Уголовно-процессуальный закон не содержит в себе дефиниции «физические недостатки», тем самым не раскрывает их сущности, что значительно затрудняет производство следственных действий с такими лицами.

Если говорить об использовании понятия физического недостатка в отечественном уголовно-процессуальном законе, то данная формулировка упоминается законодателем при перечислении оснований для обязательного участия защитника на стадии предварительного следствия. Согласно закрепленной в отечественном уголовно-процессуальном законе позиции подозреваемому и обвиняемому, которые в силу наличия у них физического недостатка не могут в полной мере реализовывать свое право на защиту, обязательно предоставление защитника, что обеспечивается уполномоченным должностным лицом. При этом согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» к лицам, имеющим физические недостатки, следует относить лиц, имеющих существенный дефект речи, слуха, зрения, а также иной недуг, который ограничивает их способность пользоваться своими процессуальными правами¹. Однако что представляет

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: Постановление Плену-

собой другой недуг, ограничивающий способность лица пользоваться своими процессуальными правами, законодатель не раскрывает.

Относительно недавно было принято Постановление Правительства РФ «О признании лица инвалидом». Положения данного Постановления утверждают порядок и условия признания гражданина инвалидом¹. В частности, для признания гражданина инвалидом необходимо наличие следующих факторов. Во-первых, обязательное нарушение здоровья ввиду стойкого расстройства функций организма, обусловленного заболеваниями, последствиями травм, иными дефектами. Во-вторых, наличие фактора в виде ограничения жизнедеятельности, а именно полная либо частичная утрата гражданином способности либо возможности осуществлять самообслуживание, передвигаться и ориентироваться без помощи посторонних лиц, общаться, контролировать свое поведение, а также обучаться, заниматься трудовой деятельностью. В-третьих, обусловленная состоянием здоровья лица необходимость в мероприятиях по реабилитации, а также абилитации.

Важным и имеющим значение для уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных должностных лиц является тот факт, что вышеуказанное Постановление в приложении устанавливает перечень заболеваний, дефектов, а также необратимых морфологических изменений, нарушений функций органов и систем организма для присвоения группы инвалидности и категории «ребенок-инвалид» (в отношении лица, не достигшего 18 лет). Принимая во внимание данный перечень, можно сформулировать примерные недуги, которые затем отнести к категории «физические недостатки». Например, к числу заболеваний, дающих основание для присвоения лицу группы инвалидности, законодатель относит: злокачественные новообразования с метастазами и рецидивами после радикального лечения, метастазами без выявленного первичного очага при неэффективности лечения, а также тяжелое общее состояние после паллиативного лечения; неоперабельные доброкачественные новообразования головного, спинного мозга со стойкими выраженными и значительно выраженными нарушениями нейромышечных, скелетных, статодинамических функций, психических, сенсорных (зрения), языковых и речевых функций, с выраженными ликвородинамическими нарушениями и прочие заболевания².

ма Верховного Суда Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О признании лица инвалидом [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 5 апреля 2022 г. № 588. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

Важность раскрытия понятия физического недостатка выражается в том, что сам по себе физический недостаток выступает структурной характеристикой личности подозреваемого либо обвиняемого. Одними из обязательных для установления по уголовному делу обстоятельств, подлежащих доказыванию, являются сведения, характеризующие личность обвиняемого. В связи с этим при раскрытии определения физического недостатка следует обратиться к личности обвиняемого. Так, по мнению Ю. Ф. Лубшева, личность обвиняемого представляет собой комплекс фактических и юридических признаков, ее характеризующих. При этом если юридические признаки имеют место в момент приобретения лицом статуса обвиняемого и наделения его определенными процессуальными правами и обязанностями, то фактические признаки характеризуют обвиняемого как личность, выступают сугубо индивидуальными структурными элементами личности [5, с. 13]. В соответствии с позицией Н. Т. Ведерникова личность обвиняемого представляет собой взаимосвязь основных сторон (совокупности свойств) конкретного человека, которые проявляются в определенных видах деятельности и составляют собой в совокупности единство личности [1, с. 11].

По мнению же профессора А. П. Гуськовой, «личность обвиняемого являет собой целостную систему взаимосвязанных свойств, качеств, черт и признаков субъекта уголовно-процессуальных отношений, которая обладает индивидуальным правовым статусом, выполняет социально-правовую роль в уголовно-процессуальной деятельности, выражает нравственно-психологическую характеристику и свое отношение к социальным ценностям ввиду факта предъявления обвинения по уголовному делу, и, как живая личность во всем своем многообразии ее индивидуальных черт, признаков, свойств, выступает как объект процессуального познания для обеспечения задач судопроизводства» [2, с. 20]. При определении структуры личности обвиняемого А. П. Гуськова включает в ее состав три отдельных подструктуры: социальную, психологическую, органическую (или биологическую). Автором отмечается, что социальная подструктура, которая включает в себя социально-демографические, персонаграфические признаки, находит свое отражение в рамках производства по уголовному делу. Однако оставшиеся две подструктуры, по мнению автора, не привлекают к себе должного внимания со стороны законодателя. При этом медико-биологические свойства личности, определяющие целесообразность исследования таких естественных особенностей организма, как физические, физиологические и биологические, напрямую

взаимосвязаны с психологическими признаками в структуре личности обвиняемого. Мы полагаем, что физические недостатки можно отнести к такой группе свойств личности, как медико-биологическая.

Так, процессуалист С. П. Щерба занимался изучением вопросов о физических, психических недостатках участников уголовного судопроизводства и пришел к выводу о важном значении определения их понятия для использования в практической деятельности должностных лиц правоохранительных органов. С. П. Щерба утверждал, что физические недостатки представляют собой такие индивидуальные особенности личности, которые в случае наступления неблагоприятных условий могут оказать решающее воздействие на поведенческие характеристики лица, а также на формирование его жизненных взглядов и позиции [6, с. 31]. Потеря зрения, речи, слуха, а также увечье и уродство оказывают немалое влияние на человека. Лица с данными аномалиями сложнее приспосабливаются к социальным условиям и испытывают затруднения в своей повседневной жизни. Тем самым они ограничены в способности самостоятельно передвигаться, а также обходиться без помощи других лиц. Физические недостатки сковывают общественную активность граждан, не позволяют им в полной мере реализовывать предоставленные права. Кроме того, наличие физических недостатков в какой-то степени может обусловить и противоправное поведение таких лиц.

В практической деятельности уполномоченных должностных лиц имели место случаи, когда в обязательном порядке необходимо выяснить наличие у подозреваемого или обвиняемого физических недостатков. В частности, подобного рода вопросы возникают при решении вопроса о наличии заболеваний, препятствующих содержанию подозреваемого, обвиняемого в следственном изоляторе при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу. Перечень таких тяжелых заболеваний утвержден Постановлением Правительства РФ «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»¹. С нашей точки зрения, не все заболевания, включенные в данный перечень, могут приниматься во внимание при формулировке понятия «физические недостатки», поскольку не каждое заболевание может оказать влияние именно на возможность лица совершить преступление

¹ О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 14 января 2011 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

или на способность лица самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Среди заболеваний, установленных данным перечнем, мы считаем нужным выделить такие, как болезни нервной системы, системы кровообращения, органов дыхания, болезни глаза и придаточного аппарата, заболевания опорно-двигательного аппарата, при том условии, что данные заболевания приводят к значительному ограничению жизнедеятельности подозреваемого, обвиняемого и требуют длительного лечения, в том числе в условиях специализированной медицинской организации.

Влияние указанных заболеваний на способность подозреваемого, обвиняемого к осуществлению своего права на защиту может выражаться в следующем. Наличие заболевания в форме полной или ограниченной слепоты (на один или оба глаза) должно учитываться должностным лицом как при даче правовой оценки его противоправным действиям (физическая возможность совершения таким лицом инкриминируемого ему преступления), так уже и при проведении следственных действий при участии такого лица (привлечение представителя, законного представителя, применение шрифта Брайля, обязательное участие защитника, при необходимости – привлечение медицинского работника с целью определения возможности участия лица в следственном действии). При этом наличие заболеваний опорно-двигательного аппарата также должно учитываться должностным лицом при проведении следственных действий (обеспечение участия медицинского работника с целью определения возможности участия лица в конкретном следственном действии, определение возможности подписания процессуального документа: в случае, если данное заболевание оказало влияние на возможность лица к постановке своей подписи – тогда необходимо также привлечение представителя, законного представителя для фиксации невозможности постановки подписи и подтверждения правильности содержания процессуального документа). Наличие у лица заболевания в виде нарушения функций разговорной речи также необходимо учитывать при производстве следственных действий с подозреваемым либо обвиняемым, поскольку дача показаний в рамках уголовного дела выступает одной из важных составляющих при реализации им права на защиту. В зависимости от способности лица к разговорной речи необходимо ставить вопрос о привлечении к участию в следственном действии специалиста, к примеру логопеда-дефектолога, в целях обеспечения возможности проведения допроса с таким подозреваемым/обвиняемым, а также о привлечении представителя для подтверждения правильности и достоверности данных лицом показаний.

В целях правильной трактовки и понимания физических недостатков необходимо дать им определение. С нашей точки зрения, физические недостатки – это заболевания, выраженные в форме полной либо частичной потери функций зрения, слуха, речи, анатомические и функциональные дефекты, а также иные заболевания, установленные законодательством Российской Федерации, вследствие которых у лица утрачены или ослаблены способности правильно и полно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и тем самым ограничена возможность самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Данное понятие, по нашему мнению, должно быть закреплено в ст. 5 УПК РФ. При этом в самом понятии физических недостатков содержится норма отсылочного характера, указывающая на наличие иных заболеваний, перечень которых отражен в другом нормативно-правовом акте. Физические недостатки довольно разнообразны, в связи с чем их перечень не ограничивается, открыт для дальнейших дополнений. В частности, к физическим недостаткам могут быть отнесены такие недуги, как заикание, дальтонизм, астигматизм, близорукость, тугоухость.

По нашему мнению, важной выступает необходимость разработки такого нормативно-правового акта, который включал бы в себя конкретный перечень заболеваний при использовании понятия физических недостатков, а не при решении отдельных вопросов, в том числе при избрании меры пресечения, о чем указано выше. Наше мнение обусловлено тем, что наличие физического недостатка у подозреваемого или обвиняемого влияет именно на возможность правильного восприятия им события преступного деяния и на возможность участия в следственных действиях. Из этого следует, что физическое состояние лица, например, при разрешении вопроса о возможности его содержания под стражей не должно одинаково оцениваться при решении вопроса о процессуальных особенностях его участия в следственных действиях.

Таким образом, закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве дефиниции физического недостатка должно способствовать урегулированию правоприменительной практики при расследовании уголовных дел, где в качестве подозреваемого или обвиняемого выступает лицо, имеющее такие физические недостатки. Раскрытие сущности физического недостатка и закрепление данного понятия в отечественном уголовно-процессуальном законе поспособствует правильному применению понятия в практической деятельности следователей, что, в свою очередь, поможет повысить качество предварительного следствия при расследовании преступлений.

Список литературы:

1. *Ведерников Н. Т.* Личность обвиняемого в контексте уголовно-процессуальных отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 3.
2. *Гуськова А. П.* Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 1997.
3. Данные Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 08.09.2022).
4. *Зайцев О. А.* Научная школа профессора Сергея Петровича Щербы об особенностях уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками // Пробелы в российском законодательстве. Москва, 2017.
5. *Лубшев Ю. Ф.* Изучение личности обвиняемого в советском уголовном процессе // Вестник Московского университета. 1980. № 2.
6. *Щерба С. П.* Избранные труды / сост. Н. Э. Кузнецова, П. А. Смирнов. Москва, 2016.

Алиса Дмитриевна Рубан,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминологии
Санкт-Петербургский университет МВД России

Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экстремизму на современном этапе

Аннотация

За геополитическими изменениями неуклонно следует своевременная реакция органов государственной власти. Эскалация конфликтов способствует разжиганию ненависти или вражды, детерминирует совершение преступлений экстремистской направленности, которые являются объектом пристального и постоянного наблюдения со стороны органов государственной власти. Проблема повышения эффективности противодействия любым проявлениям экстремизма не теряет актуальности до настоящего времени. Совершенствование системы нормативно-правового обеспечения в области антиэкстремистской деятельности также стоит на переднем плане в вопросе реализации государственной политики в целях обеспечения национальной безопасности. В статье рассмотрены последние законодательные инициативы и новеллы в сфере противодействия экстремизму, проведен анализ их содержания, представлены положения об эффективности предлагаемых изменений.

Ключевые слова и словосочетания: *противодействие экстремизму; проявления экстремизма; уголовная политика; антиэкстремистская деятельность.*

Современную политику государства в сфере противодействия преступности (уголовную политику) как целостное явление можно разделить на виды: уголовно-правовую, уголовно-исполнительную, уголовно-процессуальную, криминологическую и др.

Понятие «уголовно-правовая политика» может быть раскрыто с точки зрения разных подходов, но остановим свое внимание на следующем содержании указанного понятия: это деятельность государства по планированию и осуществлению мероприятий, направленных на противодействие преступности, посредством совершенствования уголовного законодательства и практики его применения. Осуществление уголовно-правовой политики про-

исходит в различных формах (законодательной, директивной, управленческой, правоприменительной) и с применением различных средств, преследует определенные цели. В качестве задач уголовно-правовой политики можно выделить: контроль (сдерживание) преступности; охрану общественного порядка и обеспечение национальной безопасности; совершенствование нормативно-правовой базы в сфере противодействия преступности.

В последнее время государство столкнулось с невероятным количеством проблем геополитического, социально-экономического, эпидемиологического свойства. В связи с этим действующее законодательство продолжает претерпевать множественные изменения. Одной из предпосылок для внесения изменений в действующие нормативные правовые акты становится возросшее число проявлений экстремизма. Возникновение угроз национальной безопасности, территориальной целостности, рост социальной напряженности, эскалация внутригосударственных конфликтов, дестабилизация политической обстановки – очевидные социальные последствия различных проявлений экстремизма [6, с. 169].

Несмотря на то что многими правоведами, юристами, представителями органов государственной власти, общественными объединениями, отдельными гражданами высказывается мнение о необходимости ухода от репрессивно-карательного вектора развития антиэкстремистского законодательства, официальная позиция законодателя иллюстрирует иной подход. Частичную декриминализацию ст. 282 УК РФ, скорее, можно назвать исключением из правил. Одновременно с этим продолжается принятие законов, усиливающих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, расширяющих понятие экстремизма, вводящих новые статьи в УК РФ.

К сожалению, уголовно-правовые нормы, которые криминализируют посягательства экстремистской направленности, не всегда сформулированы юридически грамотно и непротиворечиво, а также не в полной мере согласованы как между собой, так и с положениями антиэкстремистского законодательства [3, с. 138]. На повестку ставится вопрос о рациональности выбранного законодателем пути массовой криминализации отдельных деяний, а также об ожидаемом профилактическом эффекте принимаемых мер.

Очевидно, что как профильное антиэкстремистское законодательство, так и соответствующие уголовно-правовые нормы в целом нуждаются в реформировании [2, с. 44]. Однако современные вызовы и угрозы зачастую диктуют новые условия реализации государственной политики.

Обращаясь к анализу последних изменений антиэкстремистского законодательства, следует подчеркнуть наличие у законодателя реальных опасений по поводу совершения рассматриваемых деяний и их непосредственной общественной вредности.

В качестве ответного шага законодателя в свете политических событий можно назвать новые уголовно-правовые запреты, в частности введение новых статей в главу «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК РФ (статья 275.1. Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией; статья 280.1. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации; статья 280.4. Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства; статья 282.4. Неоднократная пропаганда либо публичное демонстрационное изображение нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрационное изображение которых запрещены федеральными законами; статья 283.2. Нарушение требований по защите государственной тайны; статья 284.2. Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц).

Ожидать должных результатов предупредительного воздействия введенных норм можно в случае полного и всестороннего понимания детерминационного комплекса рассматриваемых деяний, а также способов и средств их совершения. Отмечается, что сложившаяся ситуация позволяет прогнозировать виды преступного поведения, в связи с чем законодатель различными направлениями реализует уголовно-правовое противодействие преступлениям, в том числе экстремистской направленности [5, с. 96].

Далее предлагаем тезисно рассмотреть новые законодательные инициативы в области противодействия различным проявлениям экстремизма.

В сентябре 2022 г. в Государственную Думу были внесены законопроекты, направленные на совершенствование законодательства в сфере противодействия экстремизму и защиты территориальной целостности России, в частности ужесточающие законодательство об экстремизме и нежелательных организациях, а также нацеленные на постановку «заслона» для участия граждан в зарубежных тренингах, проводимых признанными нежелательными организациями.

В рамках предложенных поправок реализуется законодательная инициатива внесения изменений в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», касающихся вопроса недопустимости нарушения территориальной целостности Российской Федерации.

В основу аргументации внесенных предложений легли сведения об участвовавших случаях распространения на территории России печатно-буклетной, картографической и иной продукции, на которой те или иные части территории Российской Федерации (например, Крым, Южные Курилы и др.) наглядно отнесены к территориям других государств.

Законодатель подчеркивает, что такого рода инсинуации являются скрытой формой проводимой зарубежной пропаганды в целях формирования как у российских граждан, так и у мирового сообщества искаженного понимания о государственных границах России, включая оправдание территориальных претензий некоторых государств к России. Как следствие, в целях противодействия указанным проявлениям экстремизма как особого вида вмешательства в суверенные дела России в рамках законопроекта предложено скорректировать понятие «экстремистские материалы», предусмотренное Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»¹, а именно путем отнесения к таким материалам «предназначенных для распространения либо публичного демонстрирования картографических и иных документов и изображений, оспаривающих территориальную целостность Российской Федерации». В случае установления факта массового распространения или производства таких материалов физические и юридические лица будут привлечены к административной ответственности.

Согласно ст. 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» на территории России запрещается распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях распространения. Однако согласно ст. 20.29 КоАП РФ ответственность за производство и распространение экстремистских материалов наступает лишь в случае, если они включены в опубликованный федеральный список экстремистских материалов. Если обратиться к ст. 1 названного Закона, ряд экстремистских материалов отнесены к таковым согласно самому Закону (например, труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии,

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

выступления, изображения руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) и др.).

Поэтому в рамках предложенных изменений законодатель подготовил проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в котором к экстремистским материалам предлагается отнести картографические и иные изображения и продукцию, оспаривающие территориальную целостность Российской Федерации. В части приведения в соответствие отдельных положений нормативных правовых актов предлагается внести изменения в диспозицию ст. 20.29 КоАП РФ, распространив ее действие как на материалы, включенные в федеральный список экстремистских материалов, так и на иные материалы, отнесенные к экстремистским в соответствии с федеральными законами.

Также в целях создания дополнительных гарантий обеспечения целостности и неприкосновенности территории России законодатель выделяет следующую задачу – предупреждение и пресечение информационно-пропагандистской деятельности, организуемой иностранными государствами и связанной с «картографической экспансией».

Еще одна инициатива в области совершенствования механизмов противодействия проявлениям экстремизма – создание специализированного информационного банка данных экстремистских материалов. Предполагается, что оператором данной системы будет Министерство юстиции, а на проведение всех необходимых мероприятий по разработке, созданию, внедрению банка законодатель отводит год с момента вступления закона в силу. Но в отличие от федерального списка экстремистских материалов, который размещен на сайте Минюста России, данная государственная информационная система будет носить характер ограниченного доступа.

По мнению законодателя, создаваемый банк данных экстремистских материалов будет содействовать повышению эффективности работы как при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, так и при подготовке профилактических мероприятий по противодействию не только экстремизму, но и терроризму. Позиционируется, что федеральный орган государственной регистрации будет осуществлять ведение банка данных экстремистских материалов, в который будет вносить поступившие из судов копии решений о признании информационных материалов экстремистскими и сами экстремистские материалы.

К нововведениям также следует отнести предложенную идею о создании Единого реестра сведений о лицах, причастных к деятельности экстремистской или террористической организации (далее – Единый реестр).

Определен перечень субъектов, на которые возложены обязанности по передаче сведений, подлежащих включению в Единый реестр: федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, федеральный орган исполнительной власти, принимающий меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, Пенсионный фонд Российской Федерации и органы прокуратуры.

Одним из векторов государственной политики в сфере противодействия экстремизму, имеющих немаловажное значение, является обнаружение, пресечение и устранение каналов и источников финансирования проэкстремистски направленной деятельности [1, с. 31]. В связи с этим сведения, включающие в себя информацию об источниках финансирования экстремизма, также будут подлежать обязательному включению в Единый реестр. В частности, к сведениям, подлежащим обязательному включению, относится: информация о физическом лице, являвшемся учредителем, членом коллегиального руководящего органа, руководителем, заместителем руководителя, руководителем регионального или другого структурного подразделения, заместителем руководителя регионального или другого структурного подразделения, участником, членом, работником экстремистской или террористической организации или иным лицом, причастность которого к деятельности экстремистской или террористической организации установлена вступившим в законную силу решением суда.

Отмечается, что с учетом активно изменяющейся законодательной и интерпретационной практики до настоящего времени государство находится в активном поиске механизмов, которые помогают повысить уровень противодействия специальным организационным формам экстремистской деятельности [4, с. 29].

В научном сообществе существует мнение об избыточности уголовно-правовых запретов, а также наличествует критическая

оценка попытки ввести специальные нормы наряду с уже имеющимися общими запретами. Подводя итог, полагаем необходимым обозначить, что вопрос о достаточности предложенных мер (законодательных инициатив) до определенного момента будет открытым – до тех пор пока не будут получены первые сведения статистической отчетности, а также результаты правоприменительной практики в условиях изменения политической, экономической, социальной конъюнктуры.

Список литературы:

1. *Акимова Г. В.* К вопросу об организации противодействия финансированию противоправных проявлений экстремистской направленности в среде молодежи // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3.
2. *Кочои С. М.* О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 2.
3. *Кулешов Р. В., Яцкина И. А.* Совершенствование нормативно-правового обеспечения борьбы с преступлениями экстремистской направленности // Юрист-Правоведь. 2022. № 2 (101).
4. *Магзутов Ю. С.* Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности: доктринально-методологические аспекты // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 2.
5. *Пащенко Е. А., Жидков О. А., Колганов Д. А.* О мерах антиэкстремистской безопасности в новых политических и социальных реалиях // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2.
6. *Усманов И. М., Силаева Н. А.* Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93).

Василий Владимирович Семенчук,
кандидат экономических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
Дальневосточный юридический институт МВД России
E-mail: semenchuk_ord@mail.ru

Вопросы формирования оперативно-розыскной политики в сфере формирования, хранения и представления результатов оперативно-розыскной деятельности

Аннотация

Статья посвящена проблемам формирования оперативно-розыскной политики в контексте совершенствования процедур формирования, хранения и представления результатов оперативно-розыскной деятельности. Автором сформулированы цель и задачи оперативно-розыскной политики, а также предложены отдельные направления по ее реализации на различных этапах «жизненного цикла» результатов оперативно-розыскной деятельности. Законодательная регламентация выдвинутых предложений призвана улучшить качество результатов оперативно-розыскной деятельности и расширить их информационное значение для уголовного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскная политика; оперативно-розыскные мероприятия; основания и условия проведения; хранение результатов; представление результатов.*

Достижение цели и задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) затруднительно без использования получаемых в ходе ее осуществления сведений (результатов ОРД) во внешней информационной среде – преимущественно в уголовном судопроизводстве. Безусловно, в ходе ОРД возможно пресечение преступления и тем самым защита ее «целевых» объектов, но привлечение к ответственности виновных возможно только при вовлечении полученных результатов в уголовное судопроизводство.

Уголовное судопроизводство не всегда способно самостоятельно создать информационный продукт, тождественный по содержанию результатам ОРД. К причинам этого можно отнести: пассивность в выявлении латентных преступлений; преимущественную

гласность познавательных средств процессуальной деятельности; отсутствие познавательных средств, тождественных используемым в ОРД (по информационно-познавательному значению некоторые оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) не имеют аналогов среди следственных действий).

От того, насколько результаты ОРД будут «качественными», а их получатель «голодным до знаний», зависят как достижение целей и задач ОРД, так и назначения уголовного судопроизводства. Поэтому вопросы, связанные с формированием, представлением и использованием результатов ОРД, должны решаться системно – в рамках оперативно-розыскного и уголовно-процессуального направлений уголовной политики.

В данной статье рассмотрим процессы формирования, хранения и представления результатов ОРД, совершенствование которых может стать частью оперативно-розыскной политики. Отметим, что ранее нами предлагался ряд мер по гармонизации оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, которые могли бы использоваться при построении уголовно-процессуальной политики в части использования результатов ОРД [27].

Указанные процессы в настоящее время не выделяются в качестве самостоятельного направления оперативно-розыскной политики. Среди ученых также нет единого мнения и о ее предмете в целом (к нему, например, относят «содержание, стратегию и тактику ОРД» [11, с. 35; 28, с. 161], «выработку и применение определенных законом сил, средств и методов ОРД» [16, с. 26], «проведение ОРМ» [13, с. 22]).

Принимая во внимание, что результаты ОРД формируются за счет осуществления ОРМ, можно было бы возразить, что формирование политики, охватывающей совершенствование последних, затронет и первые. Однако это замечание было бы справедливым только отчасти, так как оперативно-розыскная политика в части проведения ОРМ не учла бы иные аспекты, оказывающие непосредственное влияние на использование результатов ОРД (в части оснований и условий осуществления ОРМ, хранения и представления результатов ОРД).

В связи с этим результаты ОРД следует рассматривать как самостоятельную часть предмета оперативно-розыскной политики, тем самым создать предпосылки для повышения качества формируемого информационного продукта и упорядочивания процессов его использования.

Цель оперативно-розыскной политики в данном направлении будет заключаться в обеспечении достижения цели ОРД и назначения уголовного судопроизводства за счет системного улучшения

качества результатов ОРД и расширения их информационного значения для уголовного судопроизводства.

Для этого требуется последовательное решение следующих задач: анализ правового регулирования и правоприменительной практики с целью выявления проблем, препятствующих использованию результатов ОРД; разработка и внедрение предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере; корректировка организации и тактики осуществления ОРД.

За период обретения законодательной регламентации ОРД накоплен значительный опыт использования результатов ОРД, ставший предметом научно-практического обсуждения. Имеющихся проблемных вопросов хватило бы на формирование отдельного комплексного плана в части развития результатов ОРД как отдельного правового института. Некоторые из них уже обрели застарелый характер (например, вопросы, связанные с провокацией преступления) и давно требуют решения путем законодательных изменений.

В рамках объема научной статьи проблематично раскрыть все проблемы, связанные с результатами ОРД, поэтому для удобства восприятия попытаемся структурировать направления оперативно-розыскной политики с учетом этапов «жизненного цикла» результатов ОРД.

Такой подход обосновывается тем, что полезность результатов ОРД как информационного продукта определяется не только по его конечной форме, представленной в уголовное производство, но также с учетом процессов, происходящих на всех этапах его «жизненного цикла». По этой причине оперативно-розыскная политика должна быть нацелена на выявление слабых сторон и угроз для последующего использования, возникающих на каждом из этапов, и определение перспектив роста, позволяющих совершенствовать искомый продукт и обеспечивать его более полное использование.

Итак, в рассматриваемом контексте в рамках формирования и реализации оперативно-розыскной политики рассмотрим следующие направления.

1. Основания и условия проведения ОРМ.

Одним из критериев соблюдения законности производства ОРМ является наличие оснований и соблюдение условий их проведения. Данный критерий учитывается и при последующем использовании полученных результатов в доказывании по уголовным делам, что отмечено Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ)¹.

¹ О судебном приговоре [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рассматривая существующий подход к регламентации оснований и условий проведения ОРМ, можно отметить его рассогласованность с правоприменительной практикой. К проблемным вопросам следует отнести:

1. Необходимость детализации специальных условий проведения отдельных ОРМ.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) предусматривает общие основания для проведения всех ОРМ и специальные условия проведения отдельных ОРМ, преимущественно относящихся к категории ограничивающих конституционные права граждан.

Требования к информационному содержанию оснований не дифференцированы исходя из характера ОРМ. По этой причине, например, первичная информация о признаках подготавливаемого преступления, полученная из конфиденциального источника, может рассматриваться в качестве основания как для проведения опроса, так и проверочной закупки или прослушивания телефонных переговоров (далее – ПТП).

Подобный подход законодателя, в первую очередь в части ОРМ, в рамках которых существует риск провокации преступления (проверочная закупка, оперативный эксперимент), не соответствует позициям высших судебных органов, предусматривающим дополнительные требования к основаниям проведения ОРМ.

Рассмотрим данную проблему на примере проверочной закупки.

Согласно постановлению Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 результаты ОРМ могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния¹.

Приведенная позиция ВС РФ предусматривает дополнительные требования к основаниям проведения проверочной закупки для того, чтобы избежать провокации преступления. По этой причине первичная оперативная информация о признаках преступления не может

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рассматриваться как достаточное основание для проведения проверочной закупки и подлежит проверке. В противном случае возможен вывод о недопустимости использования результатов данного ОРМ в доказывании, с целью предупреждения такой угрозы закон должен учитывать сложившуюся концепцию правоприменения.

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным дополнить ФЗ об ОРД специальными условиями проведения проверочной закупки: «Проверочная закупка проводится при наличии достаточных данных, указывающих на то, что лицо подготавливает, совершает или совершило преступление, и свидетельствующих о том, что умысел лица возник независимо от действий должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

Относительно других ОРМ, в первую очередь оперативного эксперимента, также целесообразно рассмотрение вопроса о специальных условиях проведения.

2. Проблема проведения «инициативных» ОРМ.

Действующий перечень оснований не допускает возможности проведения ОРМ с целью инициативного установления признаков преступления, тем самым ограничивая возможности формирования результатов ОРД.

Если подготовка преступления тщательно маскируется либо оно совершено в условиях неочевидности, сведения, имеющие значение оснований для проведения ОРМ, могут поступать несвоевременно, что препятствует проведению инициативных ОРМ.

Безусловно, оперативный сотрудник должен быть нацелен на поиск информационных источников, в том числе лиц, готовых осуществлять конфиденциальное содействие. Однако, во-первых, процесс подбора конфиденентов не всегда быстр и успешен, во-вторых, использование конфиденентов также предполагает их участие в ОРМ с целью сбора первичной информации, что требует соответствующих оснований.

Считаем, что для активизации ОРД следует на законодательном уровне допустить проведение инициативных ОРМ, предусмотрев для них специальные условия проведения. Предложения следует разграничить по группам ОРМ:

А. Инициативные ОРМ, нацеленные на предупреждение замышляемых преступлений.

В законе следует закрепить конкретные объекты, подлежащие оперативно-розыскному контролю. Высокий уровень рецидива преступлений указывает на необходимость отнесения к таковым лиц, в отношении которых осуществляется административный надзор (далее – поднадзорное лицо).

Так, на конец 2021 г. под административным надзором находилось 117 983 лица. В течение 2021 г. в отношении поднадзорных лиц было возбуждено 27 090 уголовных дел, из них в отношении 229 лиц – за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, 286 – за убийство, 605 – за причинение тяжкого вреда здоровью, 9 378 – за преступления против собственности (ст. 158–168 УК РФ) [23].

Принятие законодательных и ведомственных актов, регламентирующих отношения, связанные с осуществлением административного надзора, также способствовало созданию правовых предпосылок для выделения поднадзорных лиц в качестве объектов оперативно-розыскного контроля лиц.

В соответствии с п. 11.1. Порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы¹ сотрудники полиции, уполномоченные осуществлять ОРД в пределах предоставленных полномочий, принимают участие в осуществлении наблюдения за соблюдением поднадзорными лицами административных ограничений, установленных судом, и обязанностей, возложенных на них законом. Однако статус поднадзорного лица сам по себе не является основанием для проведения ОРМ.

С учетом изложенного следует дополнить ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД положением, закрепляющим в качестве основания для проведения ОРМ решение суда об установлении административного надзора.

Расширяя перечень оснований для проведения ОРМ, необходимо затронуть вопрос условий их проведения.

Для ОРМ, не ограничивающих конституционные права граждан, в данном случае не требуется установление специальных условий проведения. Исключение составляют проверочная закупка и оперативный эксперимент, для которых статус поднадзорного лица не может быть признан достаточным основанием, так как для избежания провокации перед их проведением требуется установление умысла лица на совершение преступления. С целью конкретизации такого подхода в законе следует предусмотреть следующую норму: «Проведение проверочной закупки и оперативного эксперимента в отношении лиц, указанных в пункте ... части 1 статьи 7 настоящего закона, допускается только при наличии сведений о подготовке или совершении ими преступлений».

Считаем, что в отношении поднадзорных лиц также могут быть проведены ОРМ, ограничивающие конституционные права.

¹ О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818.

В текущей регламентации сам статус поднадзорного лица уже ведет к ограничению конституционных прав на свободу передвижения и неприкосновенность жилища, что вытекает из содержания административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре, и обязанностей поднадзорного лица.

Проведение таких ОРМ является вынужденной мерой, связанной с необходимостью предупреждения преступлений, защиты государственных и общественных интересов. Их проведение позволит составить более полную картину образа жизни лица, наличия у него преступных намерений.

Считаем целесообразным отразить в ФЗ об ОРД следующие условия проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, в отношении поднадзорных лиц:

- проведение ОРМ осуществляется на основании судебного решения;
- разрешение на проведение ОРМ предоставляется на срок до шести месяцев с возможностью продления при условии обоснования;
- органу, санкционировавшему ОРМ, предоставляется право осуществлять текущий контроль за их проведением путем истребования отчетов о полученных результатах и возможности их досрочного прекращения. Данное условие обусловлено тем, что участие поднадзорных лиц в преступной деятельности носит предположительный характер, что требует усиления судебного контроля за проведением рассматриваемых ОРМ.

Б. Инициативные ОРМ, нацеленные на выявление признаков преступлений в рамках работы по линиям оперативного обслуживания.

Законодательная регламентация инициативных ОРМ в рамках оперативного поиска может быть осуществлена путем дополнения ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД пунктом следующего содержания: «С учетом требований, предусмотренных частью... статьи 8 настоящего закона, допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление признаков преступлений и лиц, их совершающих».

Ввиду негласного характера ОРД, высокой степени вмешательства в неприкосновенность личной жизни расширение полномочий субъектов ОРД требует установления условий их проведения. В ст. 8 ФЗ об ОРД проведение ОРМ по рассматриваемому основанию может быть допущено для следующих ОРМ:

- традиционно осуществляемых в ходе личного сыска (опрос, наблюдение, отождествление личности) и ОРМ «наведение спра-

вок» в сети Интернет, не предполагающих ограничение конституционных прав граждан;

– относящихся к категории ограничивающих конституционные права граждан (ПТП, снятие информации с технических каналов связи (далее – СИТКС)), но допускающих возможность неперсонализированного системного сбора информации на сетях связи.

Отметим, что в ряде стран уже имеется опыт проведения такого рода ОРМ в рамках стратегического мониторинга оперативно-значимой информации. Практика использования такого рода систем была изучена Европейским судом по правам человека при рассмотрении жалоб против Великобритании, Германии и Швеции [12].

В случае внедрения возможности проведения таких ОРМ в отечественной правовой системе в качестве специальных условий следует предусмотреть:

– проведение по обезличенным поисковым признакам на основании судебного решения в связи с необходимостью выявления тяжких и особо тяжких преступлений;

– установление процедур отбора, анализа, использования и уничтожения собранных данных, а также требований к учету проведенных ОРМ. В случае выявления лиц, представляющих оперативный интерес, дальнейшее проведение ОРМ должно осуществляться с соблюдением общих условий;

– установление за судом обязанности по осуществлению текущего контроля за вышеперечисленными процедурами с учетом возможности изучения систем учета проведенных ОРМ и принятия императивных решений об их прекращении и уничтожении собранных данных в случае выявления нарушений или отсутствия целесообразности дальнейшей деятельности.

2. Проведение ОРМ и оформление их результатов.

Уровень правового регулирования проведения ОРМ прямым образом влияет на качество получаемого результата и возможность его использования. Подобная связь обусловлена двумя факторами: определенность и понятность процедуры проведения ОРМ облегчает для оперативного сотрудника применение данных ему средств, позволяя избегать ошибок и формировать качественный информационный продукт; понятность процедуры упрощает процессуальным субъектам возможность оценки законности проведения ОРМ, тем самым влияя на допустимость использования полученных результатов.

ФЗ об ОРД содержит только перечень ОРМ, указывая на то, что организация и тактика их проведения регламентируются ведомственными нормативными актами. Подобный подход имеет ряд

последствий, негативно влияющих на процессы формирования и использования результатов ОРД.

А. Ведомственная регламентация приводит к утрате единства ОРД, ее разделению на ОРД отдельных субъектов.

В таких условиях у процессуальных субъектов могут возникнуть сложности в оценке результатов ОРД, поступающих от оперативных подразделений разных государственных органов (например, почему в МВД России результаты такого-то ОРМ оформлены так, а у ФСБ России иначе, у кого правильно, а у кого нет).

Считаем, что, несмотря на наличие ведомственных особенностей, оперативно-розыскная политика в части проведения ОРМ должна обладать единством.

Б. Ведомственная регламентация не является достаточным основанием для осуществления принудительных действий в рамках проведения ОРМ.

Исторически ОРД развивалась преимущественно как секретный вид правоохранительной деятельности. С переходом на законодательную регламентацию ОРД расширилась и ее гласная сфера. Вместе с тем отсутствие в законе процедур проведения гласных ОРМ усилило конфликтность при взаимодействии субъектов и объектов данной деятельности. Примером тому является проведение ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в случае его проведения в гласной форме в жилище. При проведении данного ОРМ оперативный сотрудник должен знать ответ на ряд вопросов: «Имею ли я право проникнуть в жилое помещение без согласия проживающих в нем лиц?»; «Какие действия я могу осуществить в ходе ОРМ внутри помещения?»; «Могу ли я вскрывать запертые помещения, предметы вопреки воле лиц, проживающих в жилище?».

Ввиду того что официально неопубликованные нормативные акты не могут выступать основанием для ограничения прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации), искать ответы на эти вопросы в ведомственных нормативных актах закрытого характера и предъявлять их объекту ОРМ бессмысленно.

В ФЗ об ОРД нет ответов на данные вопросы, что заставляет правоприменителя в качестве источника права использовать казуальные толкования высших судебных органов, а также судебную практику. И в разных субъектах Российской Федерации суды дают разные, а порой противоречащие друг другу ответы [26].

Как следствие, возникает ряд проблем: риск нарушения прав граждан в ходе проведения ОРМ; снижение наступательности опе-

ративных сотрудников в связи с опасением негативной оценки их действий; произвольное толкование допустимости использования результатов ОРМ процессуальными субъектами (следователем и судом).

В. Положения закрытых ведомственных актов не являются обязательными для следователя и суда.

Ввиду того что при оценке доказательств судья и следователь исходят из своего внутреннего убеждения, руководствуясь законом и совестью (ст. 17 УПК РФ), то и положения ведомственных нормативных актов могут не иметь для них обязательного значения. Подобное приводит к тому, что негативная оценка результатов ОРД может стать следствием не только критической оценки действий оперативных сотрудников, совершенных в условиях неопределенности закона, но также и вопросов квалификации того или иного действия как ОРМ. Например, имеют место случаи судебной переквалификации проверочных закупок на оперативные эксперименты с последующим вынесением оправдательных приговоров (из текстов судебных решений все же усматривается, что оперативные сотрудники провели проверочные закупки) [6; 10]. Этого бы не произошло, если бы ФЗ об ОРД содержал понятие ОРМ.

Г. Оформление результатов ОРД не соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Оформление результатов ОРМ обладает вариативностью, связанной с тактикой проведения: проводится ли ОРМ гласно или негласно; привлекаются ли к его проведению лица, оказывающие содействие, или штатные негласные сотрудники. При этом ФЗ об ОРД, за исключением случаев изъятий предметов и документов, каких-либо требований в данной части не содержит. Такая вариативность противоположна уголовно-процессуальной универсальности, характеризующейся протокольной формой, подчиненной единым требованиям.

Считаем, что полное распространение уголовно-процессуальной формы на результаты ОРД вряд ли достижимо, так как оперативно-розыскная вариативность основана на особенностях и внутренней логике ОРД, поэтому и не все результаты ОРД в принципе могут быть использованы вне данной деятельности. Вместе с тем применение уголовно-процессуального подхода было бы возможным для оформления ОРМ, результаты которых планируется использовать в уголовном судопроизводстве. Для данных ОРМ можно согласиться с предложенной В. Ф. Луговиком протокольной формой [19].

Подобный подход, вместе с требованиями к оформлению, должен быть отражен в ФЗ об ОРД. В настоящее время лицо, исполь-

зующее результаты ОРД (например, следователь или судья), не ознакомлено с требованиями ведомственных актов к оформлению результатов ОРМ, что с учетом многосубъектности ОРД осложняет восприятие получаемых результатов. Ввиду того что после рассекречивания и введения в уголовное судопроизводство результаты ОРМ становятся достоянием широкого круга лиц, сохранение подхода о закрытой ведомственной регламентации их оформления вызывает сомнения.

Таким образом, можно сделать вывод, что повышение качества результатов ОРД невозможно без совершенствования законодательной регламентации процедуры их проведения и оформления.

В науке вопросы регламентации проведения ОРМ подробно рассмотрены и реализованы в виде авторских проектов оперативно-розыскного законодательства [15; 17; 19; 21]. Не вступая в обсуждение представленных концепций по данному вопросу, резюмируем, что с учетом необходимости ограничения сведений об организации и тактике ОРД законодательная регламентация проведения ОРМ должна включать закрепление в законе понятийного аппарата ОРМ, порядка санкционирования, способов фиксации их результатов для использования в уголовном процессе, а также прав субъектов ОРД. Относительно гласных ОРМ также должен быть регламентирован порядок их проведения, права и обязанности оперативных сотрудников и лиц, в отношении которых проводятся ОРМ (например, такие обязанности объекта гласного ОРМ, как участие в ОРМ; дача показаний по заданным вопросам; предоставление документов, предметов и материалов; беспрепятственное вхождение в помещения, на участки местности и т. д.).

3. Хранение и уничтожение результатов ОРД.

В оперативно-розыском законодательстве с учетом его толкования Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ) заложен принцип недопустимости хранения результатов ОРД в случае невозможности достижения цели и задач данной деятельности.

Во-первых, если в ходе ОРМ обнаруживается, что речь идет не о преступлении, а об иных видах правонарушений, то в силу ст. 2 и ч. 4 ст. 10 ФЗ об ОРД проведение ОРМ и ведение дела оперативного учета подлежат прекращению [1].

Во-вторых, ФЗ об ОРД не допускает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни проверяемого лица, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений или выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и другими задачами и основаниями ОРД [3].

В-третьих, ФЗ об ОРД устанавливает обязанность органов, осуществляющих ОРД, уничтожать материалы, полученные в результате проведения ОРМ, в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не была доказана. Срок хранения материалов не должен превышать одного года, после чего они уничтожаются, если служебные интересы или правосудие не требуют иного.

Дополнительные условия предусмотрены для хранения и уничтожения фонограмм и других материалов, полученных в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело. Срок хранения данных материалов составляет шесть месяцев с момента прекращения прослушивания.

Ученые отмечали, что общее ограничение по хранению результатов ОРД препятствует необоснованному накоплению в массивах оперативных учетов персональных данных [18].

Вместе с тем качество регламентации требований к хранению фонограмм и других материалов, полученных в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, может стать препятствием для достижения задач ОРД.

Во-первых, законодателю следовало бы разъяснить, что представляет собой «прослушивание иных переговоров». Ранее при рассмотрении данного вопроса мы отмечали, что под указанными действиями следует понимать ОРМ «наблюдение», но все же подобный вопрос следует разрешить на уровне закона [24]. Здесь же следует отметить, что не ясна логика законодателя относительно того, почему усеченные сроки хранения не были установлены для ОРМ, близких к ПТП, например, СИТКС и получение компьютерной информации, позволяющих получать схожую информацию.

Во-вторых, при установлении усеченных сроков хранения результатов ПТП и иных переговоров в норме закона возможность продления сроков их хранения прямо предусмотрена не была. В правоприменительной практике, даже на уровне КС РФ, отсутствует единство в толковании данной нормы («можно ли продлять или нет?»). Решение этого вопроса прямым образом влияет на допустимость последующего использования результатов данных ОРМ.

Первоначально КС РФ, рассматривая жалобу на использование результатов ПТП за пределами 6-месячного срока, процитировал ч. 7. ст. 5 ФЗ об ОРД, не упомянув о какой-либо возможности продления сроков хранения фонограмм [2]. Однако при последующем рассмотрении жалобы Д. А. Мазуровой, в отношении которой суд общей юрисдикции вынес обвинительный приговор и по утверждению которой были использованы фонограммы ПТП, которые

хранились свыше шести месяцев с момента прекращения ПТП на основании необходимости обеспечения служебных интересов и правосудия, КС РФ четко не сформулировал свою позицию относительно возможности продления сроков хранения результатов ПТП [4]. При этом, исходя из решения суда апелляционной инстанции по делу Д. А. Мазуровой [5], результаты ПТП хранились свыше полутора лет перед тем, как в отношении нее было возбуждено уголовное дело. Суд общей юрисдикции посчитал это допустимым, распространив на ПТП возможность продления сроков хранения его результатов, если этого требуют интересы службы или правосудия. Из судебного решения не очевидно, что продление данных сроков осуществлялось путем принятия каких-либо решений.

Судебная практика в качестве источника права является шатким фундаментом для осуществления ОРД, и в иной ситуации нет гарантий, что суд не признает результаты ОРД недопустимыми доказательствами, указав, например, что рассматриваемая норма является специальной и не предусматривает возможность продления сроков хранения фонограмм.

При этом осуществление документирования преступной деятельности порой требует длительного времени, превышающего шесть месяцев. На это в частности указывают и нормы ФЗ об ОРД, позволяющие продлевать срок проведения ПТП.

В такой ситуации существует необходимость законодательно урегулировать продление сроков хранения результатов прослушивания телефонных и иных переговоров лиц. Право продления сроков хранения следует возложить на орган, вынесший решение о проведении соответствующего ОРМ. Если таковым является суд, то при рассмотрении ходатайства руководителя органа, осуществляющего ОРД, ему следует определить обоснованность продления сроков хранения. Такой подход учел бы интересы субъектов ОРД в части использования результатов документирования, а также обеспечил судебный контроль за обоснованностью продления сроков хранения.

Также следует признать подлежащей исключению норму, предусмотренную ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД, согласно которой за три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты проведенных на основании судебного решения ОРМ, уведомляется соответствующий судья. В указанный временной промежуток оперативный сотрудник может достоверно не знать о том, будет ли возбуждено уголовное дело по прошествии трех месяцев или нет.

4. Представление результатов ОРД.

Согласно п. 3 ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД органам, осуществляющим ОРД, и их должностным лицам запрещается разглашать сведе-

ния, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, ставшие известными в процессе проведения ОРМ, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. При этом целевые ориентиры, направления и порядок использования результатов ОРД предусмотрены ст. 1, 2 и 11 ФЗ об ОРД.

Взаимосвязь приведенных положений ФЗ об ОРД позволяет сделать вывод, что использование результатов ОРД возможно по направлениям и в порядке, предусмотренным в законе, т. е. в данном случае действует принцип – «разрешено только то, что прямо предусмотрено в законе».

Соответственно, законность представления результатов ОРД должна определяться соблюдением совокупности условий:

- соответствие направлениям представления, предусмотренным ст. 8.1 и 11 ФЗ об ОРД;

- соблюдение порядка представления результатов ОРД, предусмотренного ФЗ об ОРД и Инструкцией о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция)¹.

- соблюдение запретов и ограничений на распространение информации, предусмотренных ст. 12 ФЗ об ОРД и ведомственными нормативными актами (п. 13 Инструкции).

Несмотря на очевидность этих условий, они не всегда соблюдаются правоприменителем.

А. Имеет место расширительное понимание направлений использования результатов ОРД.

В настоящее время без соответствующей нормативной регламентации стихийно формируются новые направления использования результатов ОРД в различных сферах осуществления публично-правовых отношений:

- в качестве повода для возбуждения дел об административных правонарушениях и в рамках доказывания по ним [20]. Распространение подобной практики приводит к тому, что алгоритмы реализации результатов ОРД в административно-юрисдикцион-

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Рос. газ. 2013. № 282.

ном производстве без достаточных правовых оснований появляются в науке [22] и разъяснениях органов власти¹;

- с целью применения к иностранным гражданам и лицам без гражданства мер административно-правового принуждения [7; 8; 9];
- для обеспечения реализации полномочий ФАС России [25].

Стоит отметить, что, хотя направления использования результатов ОРД подвергаются изменениям (пример тому – включение налоговых органов в перечень получателей результатов ОРД), их расширение должно осуществляться только с учетом законодательной регламентации.

При этом нельзя забывать о том, что ОРД в первую очередь необходима для противодействия преступности и угрозам безопасности государства. В связи с этим оперативно-розыскное обеспечение выполнения властных полномочий другими субъектами возможно, когда существует высокая вероятность получения интересующей их информации в рамках решения основных задач ОРД, т. е. когда возможно формирование «побочного» информационного продукта, обладающего познавательной ценностью. Эти факторы должны учитываться и при определении оперативно-розыскной политики в части направлений использования результатов ОРД.

Игнорирование таких сведений будет снижать значение ОРД в предупреждении преступлений, являться расточительством в части информационного обеспечения реализации иных публично-правовых полномочий. Между тем использование такой информации вне правового поля создает риск произвола в правоприменении, а также признания ее как недопустимого доказательства.

Считаем, что расширение направлений использования результатов ОРД возможно только путем дополнения ст. 11 ФЗ об ОРД положениями, включающими получателя результатов ОРД, цель их использования и порядок представления. В дальнейшем отдельные вопросы представления результатов ОРД могут быть урегулированы на уровне межведомственных нормативных актов органов, осуществляющих ОРД, и органов, которым представляются ее результаты.

¹ Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории [Электронный ресурс]: письмо Генпрокуратуры России от 16 февраля 2015 г. № 86-242-2014/Нд4167-15. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Одновременно с этим следует конкретизировать запрет на представление результатов ОРД с нарушением направлений и порядка, предусмотренного ФЗ об ОРД. Как видно из материалов судебной практики, положения п. 3 ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД не всегда учитываются правоприменителем. С учетом изложенного считаем целесообразным дополнить ст. 11 ФЗ об ОРД следующей нормой: «Запрещается представление результатов ОРД с нарушением порядка и направлений, предусмотренных настоящим Федеральным законом».

Б. Предпринимаются попытки нормативного обоснования принуждения к представлению результатов ОРД.

Алгоритмы принуждения к представлению результатов ОРД сформированы в ведомственных нормативных правовых актах и информационных материалах Генпрокуратуры России – органа, которого в настоящее время нет в числе субъектов-получателей результатов ОРД.

Приказ Генпрокуратуры России от 15 февраля 2011 г. № 33¹ допускает возможность вынесения постановлений в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о направлении результатов ОРД, полученных поднадзорным органом, в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании или использовании результатов ОРД в качестве повода или основания для возбуждения уголовного дела.

Такая позиция также отражена в ряде разъяснений Генпрокуратуры России по частным вопросам. В одном из них было указано на необходимость обращать внимание на случаи несвоевременного представления результатов ОРД следователю и дознавателю². В другом случае данная позиция была распространена на принуждение к использованию результатов ОРД в рамках административно-юрисдикционного производства³.

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры России от 15 февраля 2011 г. № 33. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности [Электронный ресурс]: Указание Генпрокуратуры России от 21 сентября 2018 г. № 602/27. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьями 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории [Электронный ресурс]: письмо Генпрокуратуры России

Считаем, что принудительный порядок представления результатов ОРД в уголовном процессе недопустим по ряду причин:

– ФЗ об ОРД, являясь специальным законом по отношению к УПК РФ, предусматривает особый порядок представления результатов ОРД (на основании постановления руководителя субъекта ОРД) в соответствии с ведомственными нормативными актами;

– в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ право прокурора выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства может быть реализовано на стадии досудебного производства по уголовному делу и не имеет отношения к осуществлению ОРД до возбуждения уголовного дела;

– принятие решения о принудительном представлении результатов ОРД будет являться прямым вмешательством в организацию и тактику ОРД, которые не входят в предмет прокурорского надзора. Сама формулировка «достаточность собранных материалов» носит оценочный характер, а откладывание представления результатов ОРД может быть связано с длительностью разработки, необходимостью установления дополнительных сведений, обеспечения конспирации и т. д. Принятие подобных решений прокуратурой может повлиять на ход документирования противоправного деяния и нарушить принцип конспирации;

– остается неясным, как процедурно будет реализовываться данное «правомочие». Например, каким образом результаты ОРД будут изыматься из оперативного подразделения после вынесения постановления прокурором, кем будет выноситься постановление об их рассекречивании.

На наш взгляд, предложенная выше норма о недопустимости представления результатов ОРД с нарушением установленного законом порядка стала бы гарантией против такого рода принудительных механизмов.

В настоящей работе мы рассмотрели только некоторые вопросы, подлежащие учету при формировании и реализации оперативно-розыскной политики в части совершенствования информационных процессов, связанных с результатами ОРД. В случае разработки документов стратегического планирования в данной сфере направления реализации оперативно-розыскной политики следует изложить более развернуто.

от 16 февраля 2015 г. № 86-242-2014/Нд4167-15. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вопросы формирования и представления результатов ОРД должны рассматриваться вкуче с их последующим использованием, что на высшем организационном уровне должно обеспечиваться согласованностью оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной политики. В настоящее время на правовом уровне такая согласованность, в особенности в части доказательственного значения результатов ОРД, отсутствует [14].

Список литературы:

1. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 28 января 2016 г. № 86-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 июля 2016 г. № 1671-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 28 февраля 2019 г. № 561-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 7 сентября 2018 г. по делу № 22-3497/2018 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Рос. Федерации «Правосудие». URL: https://oblsud--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7226078&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 15.09.2022).

6. Апелляционный приговор Свердловского областного суда от 31 августа 2017 г. по делу № 22-6242/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2022 г. № 88а-1984/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 марта 2020 г. № 88а-4355/2020. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2020 г. № 88а-18335/2020. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 14 февраля 2017 г. № 44у-34/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *Атмажитов В. М.* О сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Академическая мысль: сетевое изд. 2020. № 4(13). С. 34–37.

12. *Батоев В. Б., Семенчук В. В.* Предиктивная аналитика в оперативно-розыскной деятельности: международный и отечественный опыт проведения оперативно-розыскного мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей и систем // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2020. № 1(47). С. 60–67.

13. *Беляева Л. И., Павличенко Н. В.* Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60). С. 19–24.

14. *Вывотов А. Е.* Уголовно-процессуальная политика и использование информации, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11. № 1.

15. *Железняк Н. С.* Проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2012. 77 с.

16. *Иванов П. И.* Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического ин-та. 2022. № 2(63). С. 26–33.

17. Инициативный проект Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»» [Электронный ресурс] / К. К. Горяинов, О. А. Вагин, А. П. Исиченко, О. Г. Ковалев / Оперативно-розыскная деятельность: науч.-образовательный портал: офиц. сайт. URL: <https://ordrf.ru> (дата обращения: 15.09.2022).

18. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный [Электронный ресурс] / под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. Москва, 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. *Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект [Электронный ресурс] / Оперативно-розыскная деятельность: науч.-образовательный портал. URL: <https://ordrf.ru> (дата обращения: 15.09.2022).

20. *Мотрович И. Д., Семенчук В. В., Кулеш Е. А.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в административно-юрисдикционном производстве // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 48–55.

21. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: открытый проект: науч.-справ. пособие / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. Москва, 2004. 32 с.

22. Применение результатов оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при производстве по делам об административных и налоговых правонарушениях: аналитический обзор с предложениями / А. М. Субботин, П. В. Ремизов, Н. М. Макарейко, А. В. Красненкова. Нижний Новгород, 2021. 33 с.

23. Сводный отчет по России о результатах работы территориальных органов МВД России по осуществлению административного надзора за январь – декабрь 2021 года // ГИАЦ МВД России, 2022.

24. Семенчук В. В. Использование результатов ОРМ «Наблюдение» в доказывании по уголовным делам: проблемы оценки в судебной практике и перспективы совершенствования правового регулирования // Юридическая наука и практика. 2017. Т. 13. № 4. С. 50–59.

25. Семенчук В. В. К вопросу о необходимости включения Федеральной антимонопольной службы России в перечень получателей результатов оперативно-розыскной деятельности // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2022. С. 213–217.

26. Семенчук В. В. Пределы реализации полномочий органов, осуществляющих ОРД, при проведении гласного обследования жилища // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 4(33). С. 331–342.

27. Семенчук В. В. Совершенствование правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2021. № 3. С. 105–117.

28. Телков А. В. К вопросу о понятии, сущности и основных направлениях реализации оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 2. С. 158–165.

Ольга Юрьевна Сигалова,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
ВНИИ МВД России
E-mail: ol_shpakova@mail.ru

Состояние деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности

Аннотация

В статье рассматривается деятельность сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России по обеспечению возмещения в сфере экономики. Приведены данные о структурных составляющих возмещения причиненного ущерба, установленные в ходе опроса сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

***Ключевые слова и словосочетания:** возмещение ущерба; преступления экономической направленности; подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России.*

На фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости, усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества.

Основной составляющей в обеспечении национальной безопасности является государственная и общественная безопасность, достижение целей которой осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на предупреждение и пресечение преступлений, в том числе экономической направленности. Особое внимание уделяется возмещению ущер-

ба, причиненного такими преступлениями, и повышению уровня ответственности за их совершение^{1,2}.

В условиях складывающейся военно-политической, социально-экономической и эпидемиологической ситуации приобретает значимость вопрос эффективности деятельности органов внутренних дел по установлению имущества подозреваемых и обвиняемых лиц с целью последующего наложения ареста или применения судом конфискационных мер по уголовным делам о преступлениях экономической направленности. Актуальность исследования подтверждается положениями директивных документов МВД России по приоритетным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, в которых за последние несколько лет сделан акцент на повышении эффективности работы по возмещению ущерба, причиненного экономическими преступлениями.

Осуществление розыска похищенного имущества, установление имущества, подлежащего конфискации на основании п. 12 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»³, относится к перечню ее обязанностей. Кроме того, установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или имущества, подлежащего конфискации, является одной из задач оперативно-розыскной деятельности⁴.

Обеспечение возмещения причиненного ущерба по преступлениям экономической направленности включает в себя:

- отыскание и изъятие похищенных товарно-материальных ценностей и денежных средств;
- обнаружение и изъятие либо арест ценностей и имущества, найденных преступным путем;
- выявление и арест собственного имущества подозреваемого или обвиняемого.

В соответствии со статистическими сведениями о состоянии преступности и результатах расследования преступлений в 2020 г. размер

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

³ О полиции [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

причиненного материального ущерба по оконченным расследованием уголовным делам о преступлениях экономической направленности составил 186,6 млрд руб., по приостановленным уголовным делам о преступлениях экономической направленности – 149,5 млрд руб. В результате принятых мер обеспечено возмещение причиненного материального ущерба в размере 202,9 млрд руб. Добровольно погашен ущерб на сумму 43 млрд руб., изъято имущества и денежных средств на сумму 10,4 млрд руб., наложен арест на имущество фигурантов на сумму 149,4 млрд руб. Доля возмещенного материального ущерба составила 60,4 % [7].

За шесть месяцев 2022 г. размер причиненного материального ущерба по оконченным расследованием и приостановленным уголовным делам о преступлениях экономической направленности составил 200,0 млрд руб. В результате принятых мер обеспечено возмещение причиненного материального ущерба, в том числе наложен арест на имущество, добровольно погашено, изъято имущества, денег, ценностей на сумму 216,1 млрд руб. Процент возмещения ущерба составил 108,1 [4].

В 2020 г. по предварительно расследованным и приостановленным уголовным делам (из числа находившихся в производстве) о преступлениях экономической направленности, выявленных сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) территориальных органов МВД России, размер причиненного материального ущерба составил 247,9 млрд руб., обеспечено возмещение материального ущерба на сумму 176,1 млрд руб. Доля возмещенного ущерба составила 71,1 % [5].

За девять месяцев 2022 г. по предварительно расследованным и приостановленным уголовным делам (из числа находившихся в производстве) о преступлениях экономической направленности, выявленных сотрудниками подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России, размер причиненного материального ущерба составил 173,07 млрд руб., обеспечено возмещение материального ущерба на сумму 225,5 млрд руб. Доля возмещенного ущерба составила более 130 % [6].

Вред, причиненный в результате преступления, может быть имущественным, физическим и моральным (для физических лиц) и имущественным либо неимущественным (для юридических лиц). При совершении преступлений экономической направленности ущерб может причиняться юридическому лицу, государственному бюджету, а также интересам государства в сфере обеспечения экономической безопасности [1].

Как отметили сотрудники подразделений ЭБиПК, принявшие участие в опросе, наибольший ущерб от преступлений экономической направленности наблюдается в следующих отраслях: бюджетная сфера

(83 % ответов); сфера строительства (33 %); банковская сфера (17,5 %); лесная сфера (15 %); сфера оборота водных биоресурсов (4,6 %); сфера страхования (4 %). Данные опроса подтверждаются и официальной статистикой. Так, размер причиненного материального ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам, возбужденным по составам преступлений экономической направленности, следствие по которым обязательно, выявленных подразделениями ЭБиПК в приоритетных сферах экономики, за шесть месяцев 2022 г. выглядит следующим образом: наибольшая доля причиненного ущерба приходится на финансово-кредитную сферу и составляет 54,6 млрд руб., хищения в сфере бюджетных средств – 16,1 млрд руб., на потребительском рынке – 5,9 млрд руб., в сфере освоения бюджетных средств – 0,93 млрд руб., в топливно-энергетическом комплексе – 4,9 млрд руб., в жилищно-коммунальном хозяйстве – 1,3 млрд руб. [6].

Понятия «ущерб, причиняемый преступлениями экономической направленности» и «возмещение ущерба» влияют на реализацию уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной политики. Так, при точном определении размера ущерба верно устанавливаются основания уголовной ответственности, происходит квалификация преступления, отграничивающая его от малозначительного деяния либо административного правонарушения. Кроме того, данные категории являются составляющими характеристики объекта преступления или объективной стороны состава преступления в теории уголовного права [8].

Возмещение ущерба является одним из оснований освобождения от уголовной ответственности. Так, Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 761 и 1451 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ в ч. 2 ст. 761 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» значительно расширил перечень преступлений, в результате совершения которых возмещение причиненного гражданину, организации или государству ущерба является одним из обязательных условий освобождения от уголовной ответственности.

Показатель «обеспечение возмещения ущерба, причиняемого преступлениями экономической направленности» имеет принципиальное отличие от показателя «обеспечение возмещения ущерба, причинен-

¹ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного общеуголовной преступностью». С одной стороны, преступления в сфере экономики логично наносят больший материальный ущерб по сравнению с последствиями от общеуголовной преступности, с другой – высокая эффективность возмещения ущерба, причиненного общеуголовными преступлениями, объясняется четким пониманием статуса потерпевших и лиц, нанесших вред, причинивших убыток или увечье, а также наличием действующих методик оценки всех видов вреда, в том числе морального.

При вынесении приговора по преступлениям экономической направленности судьи принимают во внимание возмещение ущерба в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность. Этот фактор подтверждается и эмпирическими данными. Как указали более 60 % сотрудников подразделений ЭБиПК МВД России, участвовавших в опросе, «судьями при вынесении приговоров всегда учитывается фактор возмещения ущерба потерпевшей стороне». Только 0,2 % из числа опрошенных отметили, что «суды не обращают внимание на данный вопрос».

Деятельность по обеспечению возмещения ущерба реализуется в ходе выполнения функций по раскрытию и расследованию преступлений. Именно на стадии доследственной проверки оперативные сотрудники собирают информацию о наличии либо отсутствии у подозреваемых недвижимого имущества, денежных средств на счетах в кредитных учреждениях. Такие действия позволяют конфисковать похищенное или применить иные меры обеспечительного характера в ходе последующего предварительного следствия по уголовному делу.

Большинство опрошенных сотрудников (56,7 %) указали на высокую степень латентности преступлений экономической направленности и их тщательную подготовку. Таким образом, всю полноту ущерба, причиняемого преступлениями экономической направленности, не всегда удается оценить, так как негативные социально-экономические последствия могут наступать постепенно и иметь долгосрочный характер.

По многим видам экономических преступлений отсутствуют методики определения ущерба или же они дают спорные результаты. Например, оценка величины ущерба, причиненного преступным деянием в агропромышленном комплексе, как ни в какой другой сфере народного хозяйства отличается вариативностью исчисления и зависимостью от условий хозяйственной деятельности субъекта [2].

Возмещение ущерба, причиненного преступлениями в финансово-кредитной сфере, затрудняется тем, что выявление признаков таких деяний занимает длительный период времени, прошедший с момента их совершения, при этом основная проблема установления похищен-

ного имущества заключается в предоставлении информации о возникновении криминальной ситуации в кредитной организации спустя длительное время.

Сложность представляет получение финансовой документации кредитной организации, ее подготовка представителями Банка России в рамках длительных временных сроков. Подозреваемые скрывают похищенное имущество путем переоформления права собственности на третьих лиц, ключевые участники уголовного процесса заблаговременно выезжают за рубеж, тем самым уклоняясь от ответственности.

В качестве положительного примера возмещения ущерба в кредитно-финансовой сфере может служить уголовное дело, возбужденное СЧ СУ УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве в отношении гражданина П. по факту совершения им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ.

Расследованием установлено, что председатель Правления Банка ОАО МКБ «Замоскворецкий» П. совместно с неустановленными лицами, зная о предстоящем отзыве у банка лицензии на осуществление банковских операций, организовали изготовление поддельных кредитных договоров, заключенных между ОАО МКБ «Замоскворецкий» и неосведомленными об их преступном умысле физическими лицами, осуществив тем самым выдачу денежных средств на общую сумму более 200 млн руб., которыми они распорядились по своему усмотрению. В целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества обвиняемого П. наложен арест на две квартиры, стоимостью 58 млн руб. Тушинским районным судом г. Москвы П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, при этом суд удовлетворил гражданский иск и определил взыскать 188,1 млн руб. в пользу потерпевшего – ОАО МКБ «Замоскворецкий».

Планируя оперативно-розыскные мероприятия, сотрудники подразделений ЭБиПК особое внимание уделяют установлению имущества и финансовых активов подозреваемых (объектов недвижимости, транспортных средств, денежных средств на счетах в кредитных организациях, а также наличию долей в уставном капитале юридических лиц), в том числе находящихся за рубежом, а также во владении и пользовании третьих лиц, в целях возможного его использования в рамках расследования уголовного дела в качестве обеспечения возмещения материального ущерба.

В этих целях сотрудники подразделений ЭБиПК осуществляют взаимодействие с Росфинмониторингом, ФНС России, Росреестром, НЦБ Интерпола МВД России, иными ведомствами. Полученная

информация используется как в период проведения проверочных мероприятий, так и при оперативном сопровождении расследуемых уголовных дел.

К положительному примеру такого взаимодействия можно отнести уголовное дело, возбужденное 26 октября 2018 г. СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Воронежской области по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту хищения путем обмана имущества и денежных средств у АО «Банк Воронеж» на общую сумму 4 млрд руб. Так, президент АО «Банк Воронеж» К. совместно с неустановленными лицами, осознавая, что выявленные в ходе проверки нарушения послужат основанием для отзыва генеральной лицензии, приняли решение о хищении имущества и денежных средств, принадлежащих Банку, путем совершения взаимосвязанных сделок, направленных на вывод ликвидных активов. Действуя умышленно и с корыстной целью, они произвели отчуждение в пользу ООО «Энергоцентр» высоколиквидных активов АО «Банк Воронеж» (в том числе пяти объектов недвижимого имущества, 440 платежных терминалов, дебиторской задолженности по кредитным договорам, закладных) на общую сумму 3,6 млрд руб., скрыв совершенное хищение сделками по приобретению заведомо неликвидных активов. Одновременно те же лица в нарушение действующего законодательства без одобрения Наблюдательного Совета АО «Банк Воронеж» совершили крупную сделку, приобретая на общую сумму 4 млрд руб. у ООО «Энергоцентр» по завышенной стоимости бездокументарные акции различных эмитентов, которые не обращаются на организованном рынке ценных бумаг и не имеют рыночных котировок.

В отношении гражданина К. органом предварительного расследования вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, однако он скрылся и был объявлен в международный розыск. В октябре 2019 г. из НЦБ Интерпола Кипра получена информация о задержании гражданина К. на территории данного государства.

Нередко размер ущерба, причиненного в результате совершенного противоправного деяния, превышает размер денежных средств, или иного имущества, подлежащего аресту с целью последующего возмещения ущерба. Также бывает, что возместить причиненный ущерб в момент расследования уголовного дела в полном объеме не представляется возможным ввиду полного отсутствия средств у фигурантов. Например, в Ивановской области была пресечена противоправная деятельность организованной преступной группы, связанной с незаконным оборотом на территории региона алкогольной продукции, в том числе элитных марок. Ущерб, причиненный правообладателям торговых марок, составил свыше 12 млн руб. При этом наложение ареста

на имущество фигурантов и изъятие фальсифицированной продукции не обеспечили возмещение даже половины причиненного ущерба.

По результатам опроса, уровень обеспечения возмещения причиненного материального ущерба по оконченным уголовным делам, возбужденным по фактам совершения преступлений экономической направленности, в территориальных подразделениях имеет следующие значения: 34 % опрошенных сотрудников подразделений ЭБиПК считают, что он составляет 75 % и менее; 32 % ответивших – 50 % и менее; 17 % – 25 и менее.

Показатели ущерба по преступлениям экономической направленности тесно взаимосвязаны с количеством выявленных преступлений данной категории за пятилетний период. Наиболее четко отражается корреляция динамики размера ущерба, причиненного преступлениями в сфере экономической деятельности, от динамики общего количества выявленных преступлений экономической направленности, а также от статистических показателей по выявленным преступлениям, связанным с причинением крупного ущерба.

По итогам исследования можно заключить, что 40 % сотрудников подразделений ЭБиПК, принявших участие в опросе, считают, что статистические данные о причиненном материальном ущербе по оконченным уголовным делам о преступлениях экономической направленности отличны от сумм фактического ущерба, причиненного рассматриваемыми деяниями. При этом данное расхождение составляют следующие показатели: 28 % ответивших считают, что они отличаются в два раза и более; 6 % – в три раза и более; 64 % опрошенных считают, что отличий либо расхождений в данном случае не имеется.

Такие различия в оценках ущерба и уровня обеспечения его возмещения обусловлены корректировками сведений о причиненном ущербе и его возмещении на различных этапах раскрытия и расследования. Действительно, различия в сведениях, отражающих показатели ущерба и уровень обеспечения его возмещения, наблюдаются в федеральной («4-ЕГС») и ведомственной статистической формах отчетности («1-Э» и «5-БЭП»). В указанные формы вносятся показатели, составленные в ходе обчетов первичных учетных документов (таких как статистические карточки учета преступлений), заполняемых сотрудниками различных правоохранительных органов, подразделений МВД России и непосредственно сотрудниками ЭБиПК МВД территориальных подразделений¹.

¹ О едином учете преступлений [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономраз-

Список литературы:

1. *Дегтярева Н. С.* Понятие ущерба, его отличия от вреда и убытков. Виды ущерба и порядок возмещения [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Колесникова Е. Н.* Особенности определения суммы ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности в агропромышленном комплексе [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Криминология [Электронный ресурс]: учебник для вузов / под ред. В. Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2006. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Сведения о преступлениях экономической направленности, следствии по которым обязательно, по видам экономической деятельности за январь – июнь 2022 г. (Ф.050 КН.700) // ГИАЦ МВД России, 2022.
5. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. (Ф.495 КН.101) // ГИАЦ МВД России, 2020.
6. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за январь – сентябрь 2022 г. (Ф.495 КН.101) // ГИАЦ МВД России, 2022.
7. Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений за январь – декабрь 2020 г. (Ф.494 КН.3) // ГИАЦ МВД России, 2020.
8. *Шкабин Г. С.* Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Проблемы теории отраслей права. 2016. № 8(117) С. 62–80.

Виктория Николаевна Сизова,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: svnn@inbox.ru

Состояние и перспективы института уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве

Аннотация

Продолжающаяся сегодня дискуссия о целесообразности, научной и практической обусловленности развивается как на законодательном уровне, так и в научных кругах, что свидетельствует о назревшей потребности в решении данного вопроса с учетом складывающихся современных потребностей общества и государства в эффективном противодействии криминальным угрозам и вызовам. Важным обстоятельством является нахождение положений об уголовной ответственности юридических лиц в законодательстве многих зарубежных государств. Однако увеличение количества стран, в которых на законодательном уровне приняты подобные нормы, напрямую связано с появлением новых для личности, общества и государства криминальных вызовов.

На сегодняшний день не в полной мере разработаны эффективные правовые инструменты противодействия возникающим криминальным угрозам, в связи с чем актуальным является выработка соответствующего законодательного решения о реализации уголовной ответственности юридических лиц для осуществления целенаправленного и действенного воплощения в жизнь декларируемых положений российской уголовной политики по противодействию криминальным угрозам личности, обществу и государству.

Ключевые слова и словосочетания: *российское уголовное законодательство; уголовно-правовые нормы; уголовная ответственность; юридические лица; криминальные угрозы; личность; общество; государство.*

Приступая к рассмотрению вопроса о роли и значимости исследуемого института в общей системе противодействия преступности, прежде всего необходимо отметить криминологический взгляд

на современные сферы безопасности России. В частности, ученые, занимающиеся изучением вопросов, связанных с противодействием криминальным угрозам, отмечают, что с учетом происходящих изменений и переориентаций в экономической сфере сегодня, появлением ранее неизвестных виртуальных форм совершения преступных деяний преступность все более становится глобальной и международной, а представители организованных преступных групп, используя нестабильную ситуацию в политике и экономике, прилагают новые усилия и развивают новые направления своей преступной деятельности [1, с. 85].

Полагаем, что создание эффективных условий для обеспечения безопасности личности, общества и государства сегодня представляет собой важнейшее направление российской уголовно-правовой политики. Россия перманентно сталкивается с различными угрозами – внутри- и внешнеполитическими, информационными, духовно-культурными, экологическими, экономическими, в связи с чем особое значение придается вопросу о целесообразности принятия положительного решения о возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, что послужит достаточно эффективным средством противодействия современным криминальным угрозам.

Вместе с тем нельзя не отметить позицию противников включения института уголовной ответственности юридических лиц в систему уголовного законодательства, которые указывают на искусственно созданную потребность в решении вопроса, уже нашедшего свое закрепление в административном законодательстве, предусматривающем такую ответственность [6]. Однако, по справедливому замечанию А. В. Федорова, с этим сложно согласиться, поскольку речь в данном случае идет о разноуровневой системе ответственности – уголовно-правовой и административно-правовой.

В юридической литературе отмечается сегодня, что совершенно не ясны причины существующей возможности привлечения к гражданской и административной ответственности и физических и юридических лиц, тогда как к уголовной привлекаются исключительно лица физические. Причем эта разница, которая существует на сегодняшний день между административными правонарушениями и уголовными преступлениями, не является существенной [2].

Автор разделяет точку зрения ученых-юристов, указывающих на то обстоятельство, что сегодня вопрос об уголовной ответственности юридических лиц переходит от уровня дискуссионного и достигает уровня, на котором требуется выработка конкретных предложений по нахождению исследуемого института в уже сло-

жившейся уголовно-правовой системе [4, с. 64]. Кроме того, Следственный комитет Российской Федерации ранее предложил проект соответствующего законодательного акта [5].

Следует отметить, что число сторонников введения уголовной ответственности юридических лиц увеличивается. Одной из причин является очевидная неспособность современного административного законодательства эффективно защищать публичные интересы и права бизнеса и граждан от незаконных действий корпораций, направленных на извлечение прибыли любой ценой. Кроме того, вызывает сомнения всесторонность и объективность оценки деяния, совершенного юридическим лицом, с учетом отсутствия возможности в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. К тому же привлечение юридических лиц к ответственности лишь по окончании процесса в отношении физических лиц способствует их возможному уклонению от ответственности.

Доводы сторонников уголовной ответственности юридических лиц основываются также на том, что, как правило, обнаружение факта совершения юридическим лицом того или иного правонарушения происходит при расследовании уголовных дел, в которых вина вменяется физическому лицу, совершившему данное деяние, руководствуясь интересами определенного юридического лица, что свидетельствует о целесообразности осуществления единого расследования и привлечения к ответственности виновных в совершении противоправного деяния [6]. Немаловажным является и то обстоятельство, что по делам об административных правонарушениях практически не предусмотрено международное сотрудничество, поскольку международно-правовые нормы направлены на дела о преступлениях. И это при том, что противодействие различным видам противоправной деятельности юридических лиц вряд ли будет эффективным без международного сотрудничества в данной сфере, поскольку договоры о правовой помощи, межправительственные соглашения и уставы международных организаций позволяют максимально эффективно реализовывать взаимодействие по данным вопросам именно применительно к борьбе с преступной деятельностью [3, с. 35].

Отметим, что указание на институт уголовной ответственности юридических лиц содержится в некоторых международных конвенциях¹. Кроме того, в требование Группы разработки финансовых

¹ Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (CETS № 198). Варшава, 16 мая 2005 г. [Электронный ресурс]: ратифицирована Федеральным законом

мер борьбы с отмыванием денег¹ включено указание на рекомендательный характер относительно исследуемого института.

Таким образом, процессы, происходящие сегодня в российском обществе обусловлены значительными изменениями во внешнеполитической, экономической, социальной и иных сферах, что с неизбежностью приводит к трансформации преступности. Так, в частности, появились ее новые виды (в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и т. п.), существенно модернизировались и уже традиционные виды преступности (коррупционная, организованная). Совершают данные преступные деяния и юридические лица, совершенствуя и трансформируя свою деятельность настолько, что сегодня становится очевидной потребность в выработке более эффективных решений, связанных с привлечением их к ответственности. Следует отметить, что данная ситуация сложилась в ряде зарубежных государств, в которых рассматриваемый институт уже сформирован. Исходя из вышеизложенного, совершенно очевидной становится потребность в нормативно-правовом установлении уголовной ответственности юридических лиц.

Список литературы:

1. *Гринько С. Д.* Противодействие криминальным угрозам экономической безопасности России // *Право и государство: теория и практика.* 2019. № 9(177). С. 84–85.

2. Заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации Александр Федоров: Уголовная ответственность юридических лиц имеет важное значение для обеспечения национальных интересов [Электронный ресурс] // *Зебра-ТВ: сетевое изд.* 2022. 7 июня. URL: zebra-tv.ru/novosti/spetsproekty/zampred-federalnogo-sledkoma-aleksandr-fyedorov-ugolovnaya-otvetstvennost-yuridicheskikh-lits-imeet/ (дата обращения: 19.10.2022).

от 26 июля 2017 г. № 183-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.04.2020); Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [Электронный ресурс]: вступила в силу для Рос. Федерации 17 апреля 2012 г. // *СЗ РФ.* 2012. № 17. Ст. 1899.

¹ Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ, *The Financial Action Task Force, FATF*) – межправительственная организация, в задачи которой входит выработка международных стандартов по противодействию легализации преступных доходов. Кроме того, ФАТФ занимается оценкой законодательства и национальных стандартов в этой области и их соответствия принятым международным нормам. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LEX RUSSICA. 2016. № 12(121). С. 32–40.

4. Минин Р. В. Проблема формирования концепции уголовной ответственности юридических лиц в России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1(47). С. 62–68.

5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] // Следственный комитет Рос. Федерации. URL: <http://sledcom.ru/document/1134> (дата обращения: 19.10.2022).

6. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления: ежегод. науч. чтения памяти проф. С. Н. Братуся // Журнал российского права. 2015. С. 55–63.

Юлия Николаевна Спиридонова,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности
Вологодский институт права и экономики ФСИН России

О реформировании дознания в уголовном судопроизводстве

Аннотация

Законодательная регламентация дознания претерпевала значительные изменения в истории отечественного уголовного судопроизводства, тем не менее оптимальный вариант данного вида деятельности органов дознания до сих пор не разработан. В статье анализируются мнения относительно направлений реформирования дознания, содержатся предложения по изменению норм, регламентирующих процессуальный статус дознавателя и органа дознания.

Ключевые слова и словосочетания: органы дознания; дознание; сокращенное производство; дознаватель; предварительное расследование.

Как известно, преступления небольшой и средней тяжести занимают значительную часть среди иных видов преступлений. Так, в 2021 г. судами Российской Федерации было рассмотрено 595 206 уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести и только 174 742 уголовных дел – о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Высокую значимость для достижения целей уголовного судопроизводства и обеспечения прав его участников имеет оперативность расследования уголовных дел. Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, которое следовало бы упростить и укоротить по сравнению с предварительным расследованием, в текущий момент не вполне отвечает данным требованиям. Рассматриваемая проблема обостряется нехваткой кадров в специализированных подразделениях дознания и, соответственно, высокой нагрузкой на штатных дознавателей.

Ученые предлагают различные пути оптимизации досудебного производства, такие как ликвидация стадии возбуждения уголовного дела; разработка нового сокращенного производства, схожего с ранее успешно применявшейся протокольной формой досудебной подготовки материалов.

Так, Л. А. Головки, анализируя уголовно-процессуальную реформу в Казахстане, приводит классическую континентальную схему – «полицейское дознание», проводимое после регистрации сообщения о преступлении, после которого прокурор либо возбуждает публичное обвинение перед судебной властью, либо отказывает в этом, либо применяет альтернативные меры реакции [1, с. 13].

В. Лазарева и Л. Ярыгина, изучая историю развития дознания в отечественном законодательстве, пришли к выводу, что существующая сокращенная форма дознания, являясь суррогатом современного процессуального дознания и исторического (непроцессуального), разрушает систему предварительного расследования и ставит под сомнение основы теории доказательств, поскольку доказательства при сокращенном дознании могут собираться без производства следственных действий, т. е. без процедуры, гарантирующей достоверность их содержания [3, с. 108]. На наш взгляд, указанные правила расследования усугубляются еще тем, что в суде сведения, полученные таким образом, также не проверяются, поскольку рассмотрение дела происходит в особом порядке, по сути, без проведения судебного следствия. Упомянутые авторы предлагают либо разработать новый вид дознания на основе дознания как формы предварительного расследования за счет сокращения перечня производимых следственных действий, либо отказаться от предварительного расследования в форме дознания, заменив его неким подобием протокольной формы досудебной подготовки материалов.

И. Губарев предлагает новую модель дознания в сокращенной форме: расследование производится в течение 48 часов путем производства только тех процессуальных и следственных действий, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату доказательств, и 72 часа дается на судебное разбирательство. При этом автор предлагает расширить круг лиц, уполномоченных на производство расследования в сокращенной форме по преступлениям небольшой и средней тяжести, и включить в перечень участников уголовного судопроизводства «иное должностное лицо органа дознания», под которым подразумевается должностное лицо органа дознания (кроме дознавателя), которому начальником органа дознания поручено принятие процессуальных решений по результатам проверки сообщения о преступлении, производство расследования в сокращенной форме и производство иных процессуальных действий [2, с. 14].

Полагаем, что включение подобного субъекта в перечень участников со стороны обвинения является излишним и будет перегружать и без того широкий и запутанный перечень лиц, имеющих отношение

к органам дознания и дознанию. В соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ дознаватель – это лицо, полномочное или уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Под лицом, «уполномоченным начальником органа дознания», понимаются все остальные сотрудники органов дознания, не являющиеся дознавателями по должности (участковые уполномоченные, оперуполномоченные и иные должностные лица). Для фиксации факта передачи полномочий достаточно резолюции начальника органа дознания на документе (к примеру, на заявлении о преступлении). Кроме того, в этой резолюции указываются конкретные делегируемые процессуальные полномочия применительно к конкретной ситуации (произвести проверку сообщения о преступлении и принять процессуальное решение, осуществить расследование уголовного дела в форме дознания и пр.). Другой вопрос, что действующая конструкция п. 7 ст. 5 УПК РФ вызывает некоторые нарекания. Говоря о полномочиях дознавателя, законодатель указывает лишь одно из них – предварительное расследование в форме дознания, про остальные – указывается лишь «иные полномочия, предусмотренные УПК РФ», хотя «иные полномочия» (например, проверка сообщений о преступлениях) отнимают не меньше рабочего времени дознавателя. Ситуация осложняется и тем, что ч. 2 ст. 40 УПК РФ также не содержит исчерпывающего перечня основных полномочий органов дознания, т. е. тех полномочий, которые и делегируются дознавателю. В указанной норме среди полномочий органов дознания указаны лишь дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, и выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, а в п. 3 ч. 2 ст. 40 УПК РФ говорится об «иных полномочиях».

Очевидно, что перечислять в данной норме все предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством полномочия органов дознания нецелесообразно, но полагаем, что основные из них указать необходимо.

На наш взгляд, следует дополнить ч. 2 ст. 40 УПК РФ пунктами, которые будут содержать такие полномочия, как прием, регистрация, проверка сообщений о преступлениях и принятие по ним процессуальных решений, а также выполнение поручений следователей и дознавателей по находящимся у них в производстве уголовным делам.

Полагаем, что реформирование и упрощение процедуры дознания позволит более широко использовать данную форму расследования и подключать к данному виду производства широкий круг

должностных лиц органов дознания, что снизит нагрузку на штатных дознавателей, которые смогут сконцентрироваться на расследовании многоэпизодных сложных в доказывании уголовных дел, а также дел, по которым лицо, совершившее преступление, не установлено.

Необходимость реформирования дознания очевидна. Приведение законодательной регламентации дознания в соответствие с его этимологическим значением позволит значительно оптимизировать досудебное производство.

Список литературы:

1. *Головки Л. А.* Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 10–13.

2. *Губарев И. С.* Теоретико-правовая модель сокращенного досудебного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 32 с.

3. *Лазарева В., Ярыгина Л.* Полицейское дознание как базовая модель упрощенного досудебного производства // Уголовное право. 2016. № 4. С. 101–109.

Илья Александрович Тараканов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета
Владимирский юридический институт ФСИИ России
E-mail: il8@list.ru

Институт необходимой обороны: проблемы правоприменения и законодательного совершенствования

Аннотация

Статья посвящена особенностям нормативного закрепления права на необходимую оборону в отечественном законодательстве и специфике применения норм института необходимой обороны. Автором анализируются положения ст. 37 УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» с учетом изменений, внесенных постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 11. В результате проведенного исследования определены направления дальнейшего совершенствования института необходимой обороны и практики его применения, в частности, в отношении расширения диапазона ситуаций, при которых обороняющееся лицо имеет право причинить любой вред посягающему, а также в отношении превентивного причинения вреда в ситуации угрозы посягательства.

Ключевые слова и словосочетания: *необходимая оборона; общественно опасное посягательство; причинение вреда; пределы необходимой обороны; посягающий; обороняющийся; провокация необходимой обороны.*

Право на необходимую оборону является одним из наиболее важных и неотъемлемых прав любого человека. Каждый может оказаться в ситуации, при которой придется защищаться от общественно опасного посягательства, а равно защищать других лиц, общественные и государственные интересы. Для этого государство наделяет каждого человека правом причинения вреда посягающему лицу в целях пресечения его нападения. Фактически необходимая обо-

рона выступает одним из законных способов защиты прав и свобод, предусмотренных ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации.

Однако, чтобы причинение вреда при оборонительных действиях не стало преступным, данные действия должны находиться в определенных рамках, установленных уголовным законодательством. В частности, ст. 37 УК РФ определяет сущность и содержание необходимой обороны, ее пределов (а равно их отсутствия), специфику реализации права на защиту путем причинения вреда посягающему.

При этом следует признать, что положения, касающиеся регламентации оборонительных действий, сформулированы в уголовном законодательстве весьма лаконично. Так, ч. 1 ст. 37 УК РФ определяет понятие необходимой обороны и круг объектов ее защиты. Также в указанной части статьи закреплено положение об отсутствии пределов причинения вреда при защите от посягательства, представляющего опасность для жизни обороняющегося или другого лица.

В ч. 2 ст. 37 УК РФ содержится указание на такую ярко выраженную оценочную категорию, как превышение пределов необходимой обороны. Системное толкование текста указанной части статьи позволяет сделать вывод о том, что определять наличие или отсутствие такого превышения необходимо во всех случаях оборонительных действий, не связанных с защитой от посягательства на жизнь. Кроме этого, согласно ч. 2.1 ст. 37 УК РФ невозможно превысить пределы необходимой обороны от такого неожиданного посягательства, при котором у обороняющегося отсутствовала возможность объективно оценить характер и степень его общественной опасности.

Наконец, ч. 3 рассматриваемой статьи закрепляет равенство всех без исключения при реализации права на необходимую оборону вне зависимости от уровня физической, боевой, специальной или иной подготовки, а равно от возможности избежать посягательства или воспользоваться помощью других лиц.

Ряд условий правомерности необходимой обороны, таких, например, как наличность и действительность посягательства, своевременность оборонительных действий, критерии превышения пределов необходимой обороны, не находят своего отражения в ст. 37 УК РФ. Поэтому в целях обеспечения единообразного правоприменения они получили свое закрепление в разъяснениях высшей судебной инстанции, в частности – постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой

обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹.

Следует отметить, что разъяснения, закрепленные в указанном постановлении, являются весьма удачными, поскольку в течение почти десяти лет в его текст не было внесено ни одного изменения. Однако возникшие проблемы как теоретического, так и прикладного характера обусловили необходимость дополнения имеющихся разъяснений новыми положениями. В результате ряд изменений был внесен постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление"»².

Необходимо признать, что внесенные изменения во многом обусловлены необходимостью решения проблем, возникавших в правоприменительной деятельности при оценке правомерности оборонительных действий. В связи с этим представляет интерес рассмотрение каждого из внесенных изменений в отдельности с позиций совершенствования правовой регламентации института необходимой обороны и практики его применения.

Первое изменение, внесенное в п. 3 указанного постановления, конкретизировало, что посягательство в виде незаконного проникновения в жилище, совершаемого против воли проживающего там лица, может быть пресечено путем причинения вреда в состоянии необходимой обороны.

Следует с положительной стороны оценить внесенное изменение, поскольку оно позволяет добиться единообразия правоприменительной деятельности при оценке правомерности оборонительных действий, связанных с защитой неприкосновенности жилища от посягательства в виде незаконного проникновения.

В то же время представляется, что при обороне от указанного посягательства пределы обороны должны отсутствовать и обороняющийся вправе причинить посягающему любой вред, вплоть до при-

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 // Рос. газ. 2012. № 227.

² О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 мая 2022 г. № 11 // Рос. газ. 2022. № 129.

чинения смерти. Следует согласиться с мнением С. В. Замалеевой о том, что незаконное проникновение в жилище происходит, как правило, внезапно для проживающих, вследствие чего объективно оценить ситуацию не представляется возможным, а любое промедление существенно увеличивает риск причинения им вреда [1, с. 252].

Автором ранее уже предлагалось наделить обороняющееся лицо правом причинения любого вреда при защите неприкосновенности жилища, разместив соответствующие разъяснения в п. 11 рассматриваемого постановления [5, с. 92]. Также были сформулированы типичные ситуации незаконного проникновения в жилище (как открытого, так и тайного), при которых пределы необходимой обороны должны отсутствовать [2, с. 378].

Следующее из внесенных изменений было связано с закреплением возможности оборонительных действий в ситуации, когда посягательство еще не осуществляется, но возникла реальная угроза его совершения. В результате п. 8 рассматриваемого постановления был дополнен соответствующим разъяснением, прямо указывающим на то, что в подобных ситуациях может иметь место состояние необходимой обороны.

В качестве признаков возникновения подобной ситуации были указаны высказывание угрозы применения насилия, которую оборонявшийся воспринимает как реально осуществимую, а также направление оружия в сторону оборонявшегося лица.

Указанное изменение следует оценить весьма положительно, поскольку оно позволяет существенно повысить эффективность упреждающих оборонительных действий. Что же касается демонстрации оружия, то автором ранее уже высказывалось мнение о том, что такая демонстрация означает возникновение состояния необходимой обороны, при котором любой причиненный вред будет признан правомерным, независимо от того, пригодно ли данное оружие для реального посягательства и имело ли посягающее лицо умысел на его фактическое применение [6, с. 68].

Еще одно изменение, закрепленное в п. 9 рассматриваемого постановления, коснулось конкретизации сущности провокации необходимой обороны. Пленум Верховного Суда Российской Федерации прямо указал на то, что правомерные действия лица, в том числе направленные на пресечение нарушения общественного порядка, не могут быть признаны указанной провокацией.

Следует высоко оценить практическую значимость данного дополнения, которое позволило провести четкую грань между провоцирующим поведением лица, пытающегося вызвать агрессию со стороны оппонента для возникновения возможности причинения

ему вреда, и действиями обороняющегося, встающего на пути посягающего для пресечения его нападения, пусть даже изначально оно никоим образом его не затрагивало. Критериями разграничения выступает также то, что провокация обладает противоправным или аморальным характером, обусловлена мотивами мести, зависти, ревности или иных низменных побуждений [4, с. 133], а правомерные действия, направленные на пресечение посягательства, пусть даже сопряженные с намеренным вызовом нападения, имеют своей целью защиту интересов других лиц, общества или государства [3, с. 152].

И еще одно дополнение рассматриваемого постановления (п. 13) затронуло вопрос соблюдения принципа презумпции невиновности при расследовании уголовных дел, связанных с ситуацией необходимой обороны. Пленум Верховного Суда Российской Федерации обратил особое внимание на то, что бремя доказывания виновности лица и опровержения доводов защиты лежит на стороне обвинения, а все неустранимые сомнения должны толковаться в пользу предполагаемого оборонявшегося. Данное указание представляется актуальным, особенно с учетом обвинительного уклона, который, как отмечают исследователи, базируется на наступивших последствиях в виде смерти или тяжкого вреда здоровью посягавшего [7, с. 334].

Внесенные изменения представляются весьма обоснованными и обусловленными потребностями правоприменения. Однако следует заметить, что институт необходимой обороны нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Прежде всего необходимо расширять диапазон ситуаций, в которых обороняющееся лицо имеет право причинить любой вред посягающему. Иными словами, в данных ситуациях отсутствуют пределы необходимой обороны и их превысить невозможно. В настоящее время законодательно закреплено две таких ситуации. Первая – подразумевает наличие посягательства, опасного для жизни обороняющегося или других лиц, вторая – возникает при внезапном посягательстве, вследствие неожиданности которого обороняющийся не может объективно оценить его характер и степень общественной опасности. Представляется, что пределы необходимой обороны должны отсутствовать и при защите от посягательств на здоровье, физическую неприкосновенность, половую неприкосновенность и половую свободу личности. Также целесообразно наделить обороняющегося правом причинения любого вреда посягающему лицу, нарушившему неприкосновенность жилища в результате незаконного проникновения. Исключение составляет лишь ситуация, при которой изблеченный посягающий пытается

скрыться, покидая жилище, поскольку в подобных ситуациях причинение ему вреда оценивается с учетом положений ст. 38 УК РФ, регламентирующей вопросы причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Кроме того, необходимо продолжать совершенствование обеспечения права обороняющегося на превентивное причинение вреда в ситуации угрозы посягательства. В дополнительных разъяснениях нуждаются признаки, свидетельствующие о том, что возникла явная угроза посягательства, при которой лицо готово перейти к совершению нападения. Особого внимания заслуживает ситуация, при которой посягающий высказывает угрозы, не имея умысла на их осуществление. Представляется, что в подобных случаях обороняющийся имеет право на причинение вреда с момента высказывания соответствующей угрозы независимо от того, имел ли он основания опасаться осуществления посягательства. Заставлять обороняющегося «оптимистично» надеяться, что посягающий «шутит» – означает существенно ограничить его право на необходимую оборону. В связи с этим в дальнейшей проработке нуждаются вопросы квалификации мнимой обороны с извинительной ошибкой.

В заключение следует отметить, что право на необходимую оборону, равно как и другие права и свободы человека и гражданина, согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации обеспечивается правосудием. Поэтому справедливая и объективная оценка действий, совершенных лицом в ситуации необходимой обороны, позволит обеспечить реализацию им указанного права и не допустить необоснованного привлечения его к уголовной ответственности.

Список литературы:

1. *Замалева С. В.* Необходимая оборона лица от посягательства при незаконном проникновении в жилище // *Право и государство: теория и практика.* 2019. № 12(180). С. 252–253.

2. Защита от общественно опасных посягательств, сопряженных с нарушением неприкосновенности жилища: особенности правовой оценки условий необходимой обороны / В. В. Меркурьев [и др.] // *Вопросы российского и международного права.* 2022. Т. 12. № 2–1. С. 370–382.

3. *Меркурьев В. В., Тараканов И. А.* Необходимая оборона: особенности отграничения провокации обороны от правомерных оборонительных действий // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2020. № 5. С. 148–154.

4. *Пикин И. В., Тараканов И. А.* Понятие и сущность провокации необходимой обороны // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 38. № 2. С. 131–134.

5. *Тараканов И. А.* Необходимая оборона: к вопросу о совершенствовании практики применения положений статьи 37 УК РФ // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 3(9). С. 89–92.

6. *Тараканов И. А.* Необходимая оборона: особенности уголовно-правовой оценки оборонительных действий от угрозы имитацией огнестрельного оружия // *Ius Publicum et Privatum*. 2020. № 4(9). С. 65–69.

7. Юридическая оценка необходимой обороны по уголовному законодательству РФ: теория и практика / И. А. Журавлева [и др.] // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 1-1. С. 326–338.

Лариса Геннадьевна Татьяна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и правоохранительной деятельности
Удмуртский государственный университет
E-mail: larisa-lisa@mail.ru

Обеспечение прав сторон при ознакомлении с материалами уголовного дела при окончании предварительного следствия

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, возникающие при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия. Обосновывается необходимость обязать адвокатов-защитников обеспечить своевременность ознакомления с материалами уголовного дела в целях исключения необоснованного увеличения срока предварительного расследования и ухудшения положения обвиняемого.

Ключевые слова и словосочетания: права; ознакомление; срок; стороны; материалы уголовного дела; защита; предварительное расследование; интерес.

Ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия является безусловным правом представителей конфликтующих сторон – защиты и обвинения. Предполагается, что оно обеспечивает реализацию принципа состязательности, поскольку стороны изучают доказательства, имеющиеся в материалах уголовного дела, что позволяет им подготовиться к отстаиванию своей позиции. Однако следует отметить, что в материалах уголовного дела содержатся доказательства, которые собраны органами предварительного расследования для обоснования позиции, нашедшей отражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в последующем в обвинительном заключении. Доказательства стороны защиты не всегда содержатся в материалах уголовного дела. Безусловно, в них имеется характеризующий материал, на который может ссылаться сторона, представляя положительные характеристики, но доказательства, которыми сторона защиты будет оспаривать позицию обвинения, чаще всего отсутствуют и предъявляются уже в ходе судебного заседания. Таким образом происходит перекося в обеспечении состязательности,

когда одна из сторон, зная доказательства, которыми апеллирует другая сторона, не предоставляет ей возможности ознакомиться своевременно со своими доказательствами, которые представляет в судебном заседании, изначально нарушая возможность другой стороны подготовиться к их оспариванию. Состязательность может быть только в том случае, когда стороны обладают реально равными правами и возможностями. Рассматривать состязательность при обеспечении реализации права только одной стороны знакомиться со всеми материалами уголовного дела представляется недопустимым.

В результате проведенных интервью адвокатов-защитников о непредоставлении материалов защиты в ходе предварительного следствия были высказаны две причины: первая – отказ следователей в приобщении представленных материалов к материалам уголовного дела либо отказ в удовлетворении ходатайств, направленных на возможность получения доказательств; вторая – нежелание заранее представлять доказательства, чтобы в судебном заседании было больше возможностей отстоять свою позицию.

Считаем, что в целях обеспечения состязательности в судебном заседании стороны должны быть ознакомлены со всеми доказательствами, представляемыми обеими сторонами. В случае непредоставления стороной защиты своих материалов в ходе предварительного расследования она должна будет заявить ходатайство о проведении предварительного слушания в связи с необходимостью предоставления новых доказательств. Полагаем, что только после рассмотрения представленных доказательств на предварительном слушании и признания их возможными для приобщения к материалам уголовного дела новые доказательства могут быть исследованы в судебном заседании. Предоставление новых доказательств непосредственно в ходе судебного заседания представляется недопустимым, поскольку нарушает права противоположной стороны на подготовку к их опровержению. У сторон достаточно времени в ходе предварительного следствия и подготовки дела к судебному заседанию для обоснования своей позиции и представления доказательств до начала судебного заседания, поэтому заявление о новых случайно появившихся или обнаруженных доказательствах не поддается логическому объяснению. Состязательность может быть только при абсолютном равенстве прав сторон в судебном заседании, связанном с получением идентичной информации. Несвоевременное представление стороной доказательств нарушает право противоположной стороны, в связи с чем ходатайство о приобщении нового доказательства не может быть удовлетворено либо уголовное дело должно быть возвращено прокурору.

Окончив производство следственных действий в ходе предварительного следствия, следователь объявляет о начале ознакомления с материалами уголовного дела. В этой связи представляет интерес позиция А. А. Резяпова, который предлагает производство, связанное с окончанием предварительного следствия, выделить в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса [2, с. 10–11]. Учитывая сроки производства, субъектный состав, правоотношения между участниками, задачи указанного этапа, можно предположить, что указанная позиция имеет право на существование, однако процессуальный акт, которым завершается деятельность предварительного расследования, составляется после окончания ознакомления с материалами уголовного дела, что исключает выделение в качестве самостоятельной стадии одного из этапов предварительного расследования.

Ознакомление с материалами уголовного дела представителей стороны обвинения должно быть завершено до начала ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого, его защитника, а в случае если обвиняемый – несовершеннолетний, то и его законного представителя. В связи с чем одним из проблемных вопросов при ознакомлении с материалами уголовного дела являются сроки ознакомления. Законодатель очень интересно обозначил срок производства стадии предварительного расследования, разделив его на несколько частей:

- 1) срок предварительного расследования уголовного дела;
- 2) срок ознакомления с материалами уголовного дела;
- 3) срок изучения материалов прокурором и принятие им решения.

При этом законодатель первоначальный срок исчисляет отдельно от срока ознакомления с материалами уголовного дела и срока изучения уголовного дела прокурором, но в итоге все сроки включает в срок предварительного расследования.

Неоправданная длительность срока ознакомления с материалами уголовного дела влияет на его конечный результат, учитывая сроки давности по уголовным делам. Так, по преступлениям небольшой и средней тяжести производство по уголовному делу может быть завершено в стадии предварительного расследования до окончания ознакомления с материалами уголовного дела. Обвиняемый может быть заинтересован в таком результате, но при этом права потерпевшего будут нарушены. Ученые предлагали установить оптимальный срок окончания предварительного следствия [1, с. 14]. Необходимо установить такую форму ознакомления с материалами уголовного дела, которая бы не позволяла указанный период использовать в целях затягивания процесса.

В случае если по уголовному делу привлекается только один обвиняемый, то его ознакомление должно быть ежедневным. Обвиняемый может знакомиться с материалами уголовного дела в отсутствие адвока-

та-защитника, однако если обвиняемый страдает различными физическими недостатками, которые ограничивают его способность самостоятельно изучать материал, то ознакомление должно проводиться с участием адвоката-защитника. Бесспорно, что участие адвоката-защитника должно быть обязательным при изучении материалов уголовного дела обвиняемым, имеющим психические расстройства непсихотического уровня. Несовершеннолетний обвиняемый может ознакомиться с материалами уголовного дела при участии законного представителя, в случае если он и его защитник против этого не возражают.

В отношении адвоката-защитника следует установить правило, согласно которому его следует обязать своевременно знакомиться с материалами уголовного дела независимо от участия в других процессах, отпуска и т. п. Клиент не может быть поставлен в сложное положение в связи с занятостью своего защитника. Адвокат может привлечь по согласованию с обвиняемым для изучения материалов уголовного дела другого адвоката либо помощника, но приостановление процесса ознакомления с материалами уголовного дела по вине адвоката-защитника не должно быть допустимым. Обвиняемому должна быть разъяснена недопустимость затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела. В связи с чем следует позволить снимать только те копии путем переписывания протоколов, которые имеют доказательственное значения, документы технического содержания либо связанные с принятием различных промежуточных решений, не влияющие на процесс доказывания, не должны подвергаться указанному копированию, поскольку они никак не отразятся на последующем принятии решения по существу.

При ознакомлении с материалами уголовного дела группы обвиняемых, проходящих по уголовному делу, следует учитывать следующие моменты.

При наличии обвиняемых, содержащихся под стражей, их ознакомление должно проводиться ежедневно, что связано с условиями режима содержания указанных лиц. При ознакомлении с материалами уголовного дела следует обязать обвиняемого, к которому применены иные меры пресечения, являться для ознакомления с уголовным делом в назначенное время. Полагаем, что не следует учитывать в качестве уважительной причину неявки нахождение на работе, учебе и т. п., поскольку таким образом будет нарушаться данное лицом обязательство о своевременной явке по вызову. Исключение составляет заболевание, которое должно быть подтверждено официальными документами.

По сложносоставным уголовным делам обвиняемому следует представить для ознакомления все материалы уголовного дела, но неце-

лесообразно разрешать снимать копии по тем материалам соединенного уголовного дела, которые не имеют отношения к деятельности конкретного обвиняемого, поскольку таким образом нарушаются права участников того уголовного дела, к которому не все обвиняемые имеют отношение.

Применительно к потерпевшим, гражданским истцам, гражданским ответчикам и их представителям при ознакомлении с материалами уголовного дела им должны быть представлены только те материалы уголовного дела, по которым они проходят в качестве одного из указанных участников. Ознакомление их с другими материалами уголовного дела нецелесообразно, так как они не связаны с другими преступлениями.

При заявлении ходатайств, которые следователь считает необходимым удовлетворить, следует изначально завершить ознакомление с материалами уголовного дела всех участников, после чего выполнить следственные действия и ознакомить с новыми документами. Неоднократное приостановление ознакомления для выполнения заявленных ходатайств представляется недопустимым, поскольку может повлиять на сроки предварительного следствия. Необходимость их продления приведет к неоправданному увеличению срока предварительного расследования.

По окончании ознакомления с материалами уголовного дела протокол ознакомления должен быть подписан обвиняемым и его защитником, в отдельных случаях – законным представителем и адвокатом. Подобный подход обеспечит согласованность позиции обвиняемого и его защитника, позволит избежать заявления о некачественном ознакомлении с материалами уголовного дела в связи с невозможностью обсудить свою позицию с адвокатом-защитником. Предложенный порядок призван сократить время ознакомления с материалами уголовного дела и исключить возможность адвоката затягивать указанный процесс, ссылаясь на занятость, что обеспечит защиту прав как потерпевших, так и обвиняемых.

Список литературы:

1. *Мордвинов А. М.* Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 30 с.
2. *Резятов А. А.* Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 30 с.

Павел Михайлович Титов,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
Уральский юридический институт МВД России
E-mail: titov1995@ya.ru

Андрей Сергеевич Осипов,
заместитель начальника (по оперативной работе)
отдела полиции № 3
УМВД России по г. Екатеринбург
E-mail: aosipov26@mvd.ru

Особенности квалификации неправомерного завладения предоставляемым для краткосрочной аренды автомобилем без цели хищения

Аннотация

В статье рассматривается одна из актуальных проблем квалификации неправомерного завладения автомобилем каршеринга при оформлении договора аренды, используя аккаунт, зарегистрированный на третье лицо, без его согласия. Приведены не только теоретические аспекты данной проблемы, но и примеры из правоприменительной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное право; особенности квалификации; завладение; аренда; хищение; каршеринг; аренда автомобилей.

Сегодня в России на высоком уровне развиваются экономические направления нового типа – это коммерческие сервисы каршеринга. В настоящее время идет его активное вливание в реалии нынешней экономической формации. Так, доля автомобилей каршеринга, по экспертным оценкам, к 2025 г. составит 10 % от всего отечественного автопарка¹. Сейчас порядка 85 % всего автопарка

¹ Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 апреля 2018 г. № 831-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сервисов каршеринга сосредоточено в г. Москве [6]. Остальные 15 % находятся в крупных городах, таких как Санкт-Петербург, Екатеринбург и др., что говорит о популярности идеи краткосрочной аренды автомобиля с возможностью по минутной тарификации и быстрой оплаты без посещения офиса каршеринга. Для того чтобы воспользоваться каршерингом, клиенту необходимо присоединиться к договору аренды путем предоставления фотографии паспорта гражданина Российской Федерации или паспорта гражданина стран СНГ, действующего водительского удостоверения, личной фотографии с развернутым паспортом, абонентского номера, адреса электронной почты. В случае одобрения после проверки предоставленных сведений клиент получает право воспользоваться автомобилем посредством использования интернет-сайта либо мобильного приложения.

Предоставление транспортного средства при данном виде аренды осуществляется дистанционно, без личного присутствия арендодателя. Данное обстоятельство, как следует из правоприменительной практики, служит поводом для появления умысла у некоторых потенциальных клиентов на сокрытие своей личности при использовании предмета аренды, желая воспользоваться услугой без оплаты. Чаще всего такие лица используют аккаунт, который зарегистрирован на третье лицо, без согласия последнего.

В информационно-телекоммуникационных сетях сложился теневой рынок регистрационных данных пользователей сервисов каршеринга. Ядром проблемы выступает дистанционный характер заключения и исполнения договора услуг каршеринга через мобильное приложение на телефоне без физического участия представителя сервиса каршеринга, что не позволяет во всех случаях достоверно идентифицировать пользователя сервиса [2, с. 33] и предопределило увеличение числа регистраций в сервисах каршеринга с использованием персональных данных граждан без их согласия либо с использованием подложных документов [1, с. 45]. Параллельно в условиях недостаточного уровня информационной безопасности мобильных приложений сервисов каршеринга наблюдается рост количества фактов неправомерного доступа к ним для несанкционированного использования [3]. Данные факты выявляются арендодателем после возникновения задолженности по оплате аренды. Выяснив, что автомобилем управляло неизвестное лицо, он обращается с заявлением в правоохранительные органы.

В современной правоприменительной практике процессуальные решения по деяниям рассматриваемого состава преступления зачастую противоречат друг другу. Таким образом, состав престу-

пления, образующийся в результате движения транспортного средства, «не движется» к единому правильному толкованию.

Рассмотрим проблемные вопросы, возникающие, как правило, при осуществлении неправомерного доступа в салон арендуемого автомобиля путем использования специального мобильного приложения. Отметим, что при незаконном завладении автомобилем путем механического повреждения дверей и замка зажигания наличие проблемных вопросов при квалификации не наблюдается.

Рассмотрим вышеобозначенную проблему на примере материала, находящегося на рассмотрении в отделе полиции № 3 УМВД России по г. Екатеринбург.

В октябре 2021 г. в ходе мониторинга программного обеспечения сотрудником сервиса по предоставлению услуг каршеринга установлено, что автомобиль «Б» находится в длительной аренде у Р., стоимость аренды автомобиля в сумме 13 090 руб. не оплачена. После обнаружения признаков использования при аренде чужого аккаунта представитель организации обратился с заявлением в полицию.

В ходе проверки сообщения о преступлении установлено, что 6 октября 2021 г. Б., 2004 года рождения, и Я., 2002 года рождения, в сети Интернет приобрели аккаунт сервиса по аренде, зарегистрированный на третье лицо, без его согласия. Заведомо зная о том, что не имеют законных прав на управление, владение, пользование и распоряжение автомобилем, умышленно, осознавая общественно опасный характер своих действий, они воспользовались услугами, получив доступ, и поочередно управляли автомобилем «Б». 7 октября 2021 г. автомобиль задержан сотрудниками полиции. Б. и Я. в ходе опроса пояснили, что сделали это, желая покататься на автомобиле, не оплачивая стоимость аренды автомобиля.

Учитывая, что в деянии несовершеннолетних Б. и Я. усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ, материал проверки для принятия решения направлен в один из следственных отделов СУ СК России по Свердловской области. Сотрудниками следственного отдела признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 166 УК РФ, не усмотрены. В обоснование своего решения они привели следующие доводы: организация, предоставляющая услуги каршеринга, на интернет-сайте и в мобильном приложении разместила оферту о предоставлении автомобилей для краткосрочной аренды. Б. и Я., используя аккаунт третьего лица, получили доступ к автомобилю и совершили на нем поездку. Таким образом организация сама предоставила доступ указанным лицам к автомобилю, и, следова-

тельно, выбытие автомобиля из владения организации произошло по ее воле. В связи с этим деяние Б. и Я. следует квалифицировать как причинение имущественного ущерба путем обмана при отсутствии признаков хищения. Ущерб же образуется в результате расходования топлива и износа деталей автомобиля.

Иное решение по схожей ситуации принято Орджоникидзевским районным судом г. Екатеринбурга при вынесении приговора 20 мая 2020 г. по делу № 1-204/20 [4].

Так, 12 июня 2019 г. до 18 часов 30 минут Ибрагимов А. З., находясь на территории города Екатеринбурга, зная, что его знакомый П.М.О. является клиентом ООО «Каршеринг Россия» и имеет доступ к управлению автомобилями указанной компании, взятыми в краткосрочную аренду на основе поминутной тарификации для целей, не связанных с предпринимательской деятельностью, в соответствии с Правилами и Инструкцией ООО «Каршеринг Россия», решил неправомерно завладеть автомобилем «Хендэ Солярис», принадлежащим ООО «ЛизПлан Рус», находящимся в законном пользовании ООО «Каршеринг Россия», а именно на основании договора аренды от 13 января 2017 г., без цели его хищения. С целью осуществления своего преступного умысла Ибрагимов А. З., воспользовавшись тем, что в принадлежащем ему сотовом телефоне установлено приложение «Делимобиль», в котором имеется аккаунт, зарегистрированный на П.М.О., будучи осведомленным о правилах и инструкции по использованию мобильного приложения «Делимобиль», не имея соответствующих документов, в том числе договора аренды с ООО «Каршеринг Россия», а также не получив соответствующего разрешения от собственника ООО «ЛизПлан Рус», дающего ему право на управление автомобилями данной компании, а также тем, что рядом с ним П.М.О. нет, зашел в указанное приложение, в котором заказал автомобиль марки «Хендэ Солярис», принадлежащий ООО «ЛизПлан Рус», расположенный во дворе дома № 2 по ул. Краснофлотцев в Орджоникидзевском административном районе города Екатеринбурга. После этого 12 июня 2019 г. около 18 часов 30 минут Ибрагимов А. З., реализуя свой преступный умысел, направленный на неправомерное завладение чужим транспортным средством, пришел по вышеуказанному адресу, где увидел автомобиль «Хендэ Солярис», принадлежащий ООО «ЛизПлан Рус», при этом зная, что действует противоправно и не имеет законных прав на управление, владение, пользование и распоряжение указанным автомобилем, разблокировал его двери, сел на водительское сиденье вышеуказанного автомобиля и при помощи ключа, находящегося в замке зажигания, привел двигатель

в рабочее состояние. После чего Ибрагимов А. З. на вышеуказанном автомобиле поехал по улицам города Екатеринбургa.

Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбургa квалифицировал действия подсудимого Ибрагимова А. З. по ч. 1 ст. 166 УК РФ как угон, т. е. как неправомерное завладение автомобилем без цели хищения.

Аналогичное решение принято Прикубанским районным судом г. Краснодара по уголовному делу № 1-210/2019 [5].

Так, 7 октября 2018 г. Котов В. А. узнал о краткосрочной аренде автомобилей с помощью приложения «Делимобиль», при этом у него возник умысел, направленный на неправомерное завладение без цели хищения автомобилем, принадлежащим ООО «Каршеринг Россия». Реализуя задуманное, посредством мобильного приложения «Делимобиль» Котов В. А. обнаружил автомобиль «Хендай». После чего умышленно, осознавая противоправный характер своих действий, желая наступления общественно опасных последствий, без цели хищения, Котов В. А. при помощи мобильного приложения «Делимобиль», установленного в находящемся при нем мобильном телефоне, используя учетную запись системы регистрации с внесенными в нее заранее заведомо ложными сведениями о владельце, открыл левую переднюю дверь, через которую проник в салон автомобиля. Затем, воспользовавшись ключом, находившемся в замке зажигания, Котов В. А. привел двигатель автомобиля в действие. Реализуя свой преступный умысел, направленный на неправомерное завладение транспортным средством, без цели хищения, без соответствующего разрешения, Котов В. А. стал передвигаться на указанном автомобиле, намереваясь впоследствии вернуть автомобиль. В дальнейшем Котов В. А. автомобиль поставил на парковку, сам с места происшествия скрылся.

Прикубанский районный суд г. Краснодара квалифицировал действия подсудимого Котова В. А. по ч. 1 ст. 166 УК РФ, т. е. как неправомерное завладение автомобилем без цели хищения (угон).

Мнение следственного отдела СУ СК России по Свердловской области отличается от решения судов: наличие оферты, адресованной арендодателем, исключает неправомерность завладения автомобилем даже в случае использования аккаунта третьего лица без его согласия. Ведь собственник автомобиля в данном случае сам предоставляет доступ к транспортному средству. Ключевым моментом в данном случае является неправомерность завладения.

На наш взгляд, данная ситуация является достаточно спорной.

При заключении договоров организации, оказывающие услуги краткосрочной аренды автомобилей, руководствуются ст. 428 ГК РФ «Договор присоединения».

Согласно данной статье договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом. Арендатор при присоединении к договору полностью и в целом принимает условия аренды, определенные арендодателем, в числе которых значатся следующие:

- оформляя договор, пользователь подтверждает, что он ознакомился с настоящим Договором и документами об использовании Сервиса, предоставил действительные данные в целях заключения и исполнения Договора, подтверждает, что все действия, совершенные с Учетной записью Пользователя, совершены Пользователем;
- заключение договора от имени третьего лица и без его согласия является нарушением установленных арендодателем условий, что образует неправомерность завладения транспортным средством.

Таким образом, при оформлении договора аренды от имени третьего лица, наличии умысла на неправомерное завладение транспортным средством без цели его хищения образуется состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 166 УК РФ.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам:

1. В правоприменительной практике возникают сложности при квалификации неправомерного завладения автомобилями каршеринга без цели хищения с учетом способа заключения договора аренды и предоставления доступа к автомобилю.

2. Дистанционная идентификация пользователя услуг с использованием мобильного приложения, регистрация в котором требует предоставления персональных данных пользователя, в части определения наличия неправомерности завладения транспортным средством трактуется правоприменителями по-разному.

Список литературы:

1. *Бажина М. А., Косьяненко Е. М.* Правовые аспекты обработки персональных данных в сфере транспортного обеспечения физических лиц // Бизнес, менеджмент и право. 2019. № 2. С. 45–49.

2. *Бубновская Т. А., Суворов Ю. Б.* К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32–36.

3. «Лаборатория Касперского» обнаружила потенциальные угрозы в каршеринговых приложениях [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/MNdUv> (дата обращения: 29.08.2022).

4. Приговор № 1-204/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 1-204/2020 [Электронный ресурс]: Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JPjbMgDBmUm8/> (дата обращения: 29.08.2022).

5. Приговор № 1-210/2019 от 3 декабря 2019 г. по делу № 1-210/2019 [Электронный ресурс]: Тбилисский районный суд Краснодарского края. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XslVY3nmparw/> (дата обращения: 29.08.2022).

6. Рынок каршеринга в России [Электронный ресурс]: презентация / Сбербанк России. 2019. URL: <https://clck.ru/MNeAw> (дата обращения: 29.08.2022).

Елена Юрьевна Титушкина,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России

Алексей Иванович Белов,
слушатель факультета подготовки
руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
Академия управления МВД России

Организационно-правовые основы уголовной политики в сфере защиты легального оборота подконтрольных веществ и пути их совершенствования

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы организационно-правовых основ уголовной политики Российской Федерации в сфере защиты легального оборота подконтрольных веществ, а также предлагаются пути их решения. Авторами проводится комплексный анализ законодательства Российской Федерации, регулирующего оборот прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ.

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовная политика; легальный оборот; подконтрольные вещества; прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ.*

В Российской Федерации, как и во всем мире, проблемы распространения наркомании являются прямой угрозой здоровью населения, правопорядку и национальной безопасности государства. Согласно статистике, круг потребителей наркотиков в основной своей массе включает молодых людей трудоспособного возраста. Немедицинское потребление наркотиков вызывает у человека стойкую и непреодолимую зависимость от них, разрушая в наркопотребителе моральные принципы, толкая на совершение новых преступлений для приобретения наркотиков, а также на правонарушения в состоянии опьянения. Помимо пагубного воздействия на организм человека, наркозависимость несет в себе и разрыв многочисленных социальных связей, вымывая из общества потенциальных активных его членов.

Все более изощренными становятся способы незаконного производства и сбыта как наркотических средств, так и различных психотропных веществ. Современный наркобизнес почти полностью ушел в «скрытый сегмент» глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет в целях конспирации сделок по приобретению и продаже наркотиков, обмена сообщениями через защищенные каналы связи различных приложений для общения, проведения расчетов посредством криптовалют, бесконтактного сбыта потребителям наркотических средств и психотропных веществ. Периодически на рынке появляются новые виды психоактивных веществ, которые, не входя в утвержденный перечень наркотических средств и психотропных веществ, не могут быть признаны предметами преступлений.

Вышеуказанные обстоятельства диктуют острую необходимость в мобилизации всех имеющихся ресурсов общества и государства для эффективного противостояния наркоугрозе, последовательной борьбе с незаконным распространением и немедицинским потреблением запрещенных веществ.

В свете указанной проблемы уголовная политика Российской Федерации призвана обеспечивать гармоничное сочетание интересов как государства и общества в целом, так и отдельных его членов, создавать условия для сбалансированного функционирования механизмов по защите национальной безопасности страны, обеспечения прогрессивного развития личности, общества и государства.

Уголовная политика – это важная и неотъемлемая составляющая часть государственной политики. Следует отметить, что само понятие «уголовная политика» в действующих нормативных правовых актах не закреплено. Нет единого подхода к определению уголовной политики и среди ученых и исследователей.

Профессор Н. А. Беляев писал: «Политика ... государства, направленная на борьбу с общественно опасными деяниями, называется уголовной политикой» [1, с. 118].

Профессор И. А. Исмаилов дал следующее определение понятию уголовной политики – «направление деятельности государства, осуществляемое на уровне политического руководства, управления, принятия и реализации конкретных решений и имеющее основным назначением определение и проведение в жизнь задач, форм и содержания целенаправленных мер борьбы с преступностью (воздействия на нее), организацию и обеспечение оптимального функционирования и развития этой системы на надлежащей идеологической, правовой, информационной, ресурсной базе и во взаимодействии с другими социальными системам» [3, с. 124].

Ввиду того, что единый подход к понятию уголовной политики выработан не был, Г. М. Миньковский предложил определение, объединяющее различающиеся точки зрения, – «как бы ни именовались направления деятельности государства и общества, связанные с борьбой с преступностью, – речь идет о важнейшей составной части внутренней политики, обеспечивающей эффективное функционирование экономической, идеологической и социальной политики» [3, с. 7].

Мы разделяем точку зрения С. С. Босхолова, который, в развитие мысли Г. М. Миньковского, отмечал: «Главное, таким образом, состоит не в том, чтобы в максимально точных и полных формулировках дать определение предмета и содержания уголовной политики, а в том, чтобы, во-первых, за этим понятием были видны государственная политика, стратегия и тактика борьбы с преступностью, четко прослеживалась политика и идеология в государственной сфере; во-вторых, во главу угла борьбы с преступностью было поставлено право, которое, по сути дела, и есть сама воплощенная политика, реализующая ценности правового государства: безопасность личности, общества и государства; права и свободы человека и гражданина; законность, гуманизм и справедливость. Наконец, в-третьих, в понятии должен быть учтен комплексный, многоаспектный характер уголовной политики и, в частности, отражены ее концептуальный, правоприменительный уровни» [2, с. 32].

Таким образом, с учетом указанных методологических требований, нам представляется, что под уголовной политикой следует понимать государственную политику, направленную на борьбу с преступностью, выраженную в нормативных правовых актах: как в законах и Указах Президента Российской Федерации, так и в постановлениях Правительства Российской Федерации, которые имеют директивное значение.

Говоря о содержании уголовной политики, следует отметить, что существует необходимость постановки таких целей и задач, выбор таких средств, методов и форм борьбы с преступностью, которые были бы правовыми и опирались на систему конституционных и федеральных законов Российской Федерации и подзаконных актов, принятых на основе этих законов. Также необходимо сказать о факторе эффективности, имея в виду то, что затраты государства, направленные на борьбу с преступностью, не должны превышать достигаемый эффект.

Опираясь на вышеперечисленные научные изыскания и собственные выводы, вполне очевидным представляется следующий постулат: право является отправной точкой уголовной политики.

Именно от того, насколько в системе действующих нормативных правовых актов устранены пробелы и коллизии законодательства, исключены предпосылки прямо диаметральных вариантов толкования, зависит конечный результат, который выражается в торжестве права и закона.

Переходя от методолого-теоретической стороны вопроса к сугубо практической, следует обратить внимание на официальные статистические показатели. Так, согласно сведениям по форме № 173¹ за период с 2017 по 2021 годы прослеживается многократное увеличение количества изымаемых прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ (далее – прекурсоров) (Рис. 1).

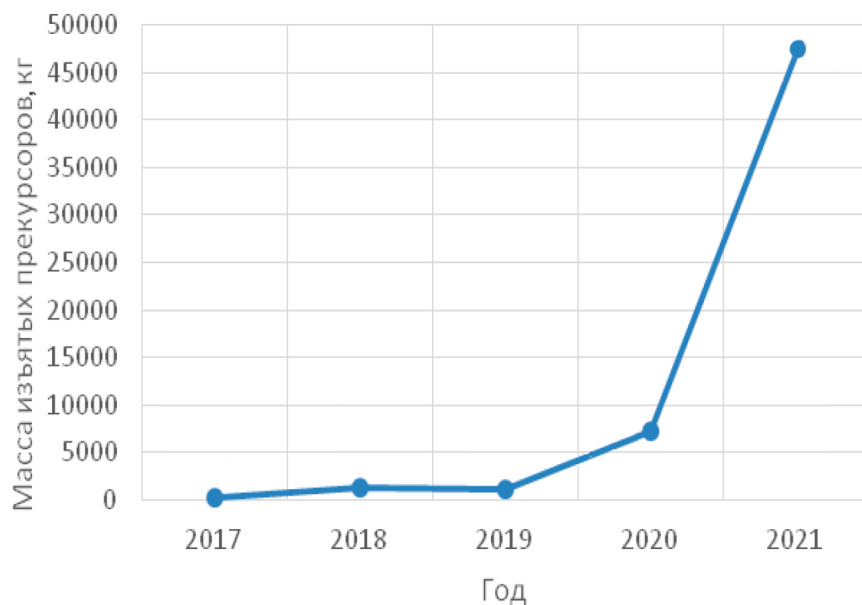

Рис. 1. Динамика изъятия прекурсоров

¹ Об утверждении форм межведомственной статистической отчетности о результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков [Электронный ресурс]: приказ МВД России, Минобороны России, Минздрава России, Минпросвещения России, ФСБ России, Росгвардии России, ФСИН России, ФТС России, Генпрокуратуры России, СК России, от 9 июля 2021 г. № 521/402/748/433/259/262/598/586/367/106. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Исходя из статистических данных, объем изымаемых прекурсоров за пять лет вырос больше, чем в 196 раз, количество ликвидированных нарколабораторий кратно увеличилось, а количество выявленных фактов контрабанды прекурсоров существенно не изменилось. Это свидетельствует о том, что рынок производных для запрещенных к свободному гражданскому обороту веществ наполняется из внутрироссийской сырьевой базы. Данные обстоятельства перераспределили смещение российского рынка наркотических средств в пользу синтетических наркотических средств, производимых вблизи мест их распространения. Выявленная устойчивая тенденция не может не беспокоить и требует скорейшего принятия организационно-правовых мер.

Рассматривая положения постановления Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (далее – Постановление) и структуру изымаемых видов прекурсоров, мы видим, что существенную долю изымаемых из незаконного оборота прекурсоров составляют вещества, оборот которых в нашей стране ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и заключенными международными договорами (список IV Постановления), например, ангидрид уксусной кислоты и бензальдегид, которые включены самостоятельными позициями в таблицу I прекурсоров. Особыми мерами контроля в отношении указанных прекурсоров в соответствии со ст. 30 Федерального закона Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 3 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – Федеральный закон) являются: выдача лицензий на деятельность, связанную с производством, хранением, переработкой, приобретением, реализацией и использованием прекурсоров; установление определенных ограничений на допуск лиц к работам, связанным с прекурсорами; установление четких правил для производства, хранения, реализации и приобретения, переработки и использования, перевозки и уничтожения прекурсоров; нормативное закрепление требований об отчетности к деятельности, относящейся к обороту прекурсоров; лицензирование внешних торговых операций с прекурсорами; установление жестких требований к обеспечению безопасности деятельности, непосредственно связанной с оборотом прекурсоров; полное исключение доступа к прекурсорам

посторонних лиц; регистрация любых операций с прекурсорами в журналах установленной формы.

Еще одной существенной составляющей пласта изымаемых из незаконного оборота прекурсоров являются серная и соляная кислоты в соответствующих концентрациях. Данные прекурсоры включены самостоятельными позициями в Постановление в таблицу III, где приведены те вещества и химические соединения, свободный оборот которых в России ограничен. Кроме того, в отношении них допустим ряд исключений в части мер государственного контроля. Исчерпывающий перечень мер контроля в отношении прекурсоров указанной категории составляет: установление требований к отчетности о деятельности, напрямую связанной с оборотом прекурсоров; лицензирование внешних торговых операций с прекурсорами; установление требований к обеспечению безопасности деятельности, связанной с оборотом прекурсоров; исключение доступа к прекурсорам посторонних лиц; регистрация операций с прекурсорами в специальных журналах.

Очевидно, что существующие в настоящее время меры контроля за оборотом подконтрольных веществ не обеспечивают должного уровня защиты как личности, так и общества и государства в целом. Нельзя не согласиться с мнением А. И. Коробеева, который под криминализацией понимал процедуру «выявления опасных для личности, общества и государства деяний и признание их преступными путем установления в уголовном законе запрета на их совершение» [4]. Видя назревавшую проблему и исчерпав ресурсы и предупредительные потенциалы дисциплинарной, гражданско-правовой и административно-правовой видов ответственности, еще в 2012 г. законодатель криминализировал действия, связанные с незаконным оборотом прекурсоров, которые включены самостоятельными позициями как в список I Постановления, так и в список IV таблицу I перечня психотропных веществ, наркотических средств, их прекурсоров. Соответствующие изменения были внесены в УК РФ, и положения ст. 228.3, 228.4 и 229.1 вступили в действие.

Полагаем, что для пресечения утечки прекурсоров списка IV таблицы III Перечня психотропных веществ, наркотических средств, их прекурсоров из легального оборота в незаконный предупредительный потенциал возможных мер еще не исчерпан. При этом сбалансированный подход к интересам как государства, так и предприятий химической промышленности и лиц, вовлеченных в процесс производства, реализации, переработки

и использования прекурсоров, позволит существенно повысить результативность борьбы с наркоугрозой.

Так, предлагаем в качестве возможного решения рассмотреть вопрос о маркировке прекурсоров с использованием программных продуктов, аналогичных уже успешно действующим ЕГАИС «Алкоголь», ЕГАИС «Лес» и др., что позволит беспрепятственно отслеживать движение прекурсоров от производителя до конечного реализатора. Данный вариант целесообразно опробовать в качестве пилотного проекта, и в случае положительного результата внести изменения в нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность, связанную с оборотом прекурсоров.

Еще одним альтернативным решением может быть внесение изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2021 г. № 1846 «О представлении сведений о деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, и регистрации операций, связанных с их оборотом, и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации» (вместе с Правилами представления отчетов о деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, Правилами ведения и хранения специальных журналов регистрации операций, связанных с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ).

Как ранее уже отмечалось, в п. 4 ст. 30 Федерального закона к мерам контроля за оборотом прекурсоров также относят установление требований к отчетности о деятельности, непосредственно связанной с оборотом прекурсоров. Согласно ч. 2 «Правил представления отчетов...», отчетность предусматривается для юридических лиц, осуществляющих производство, использование и реализацию прекурсоров, внесенных в список I Перечня Постановления, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство прекурсоров, находящихся в списке IV Перечня, а также использование и реализацию прекурсоров, которые внесены в таблицы I и II списка IV Перечня. Включение таблицы III списка IV Перечня в отчетность об использовании и реализации прекурсоров наравне с таблицами I и II, безусловно, позволит усилить контроль за прекурсорами данной категории, такими как серная и соляная кислоты в соответствующих концентрациях.

Предложенные изменения призваны повысить прозрачность рынка оборота прекурсоров и способствовать систематизации

учета, при этом не потребовав реализации дополнительных контрольно-надзорных мер и существенно не увеличив нагрузку на бизнес.

Список литературы:

1. *Беляев Н. А.* Понятие советского исправительно-трудового права и основные принципы советской исправительно-трудовой политики // Вестник ЛГУ. Сер. «Экономика, философия, право». 1958. № 5. Вып. 1. С. 111–119.
2. *Босхолов С. С.* Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. Москва, 1999. 293 с.
3. *Исмаилов И. А.* Преступность и уголовная политика. Актуальные проблемы организации борьбы с преступностью / под ред. и с предисл. Г. М. Миньковского. Баку, 1990. 306 с.
4. Полный курс уголовного права: в 5-ти т. / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург, 2008. Т. 1. 1133 с.

Светлана Сергеевна Тихонова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
E-mail: sstikhonova@yandex.ru

Концептуальная проработанность вторичного (текущего) уголовного законодательства: состояние и перспективы

Аннотация

В статье на примере пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов, положенных в основу законодательных изменений УК РФ в 2017–2022 гг., анализируется отражение в рассматриваемых сопроводительных документах практической обусловленности соответствующей законодательной инициативы статистическими данными правоприменительной практики, критикуется обращение субъектов права законодательной инициативы к резонансным событиям как поводу для внесения изменений и дополнений в УК РФ, а также формальное представление в сопроводительных документах к проектам вторичных (текущих) уголовных законов статистических данных, не имеющих связи с заявленными целями законопроекта. Кроме того, автор подчеркивает целесообразность введения нормативного требования о развернутом описании в отраслевой концепции законопроекта правовых и организационных мер государственного реагирования, применявшихся для устранения выявленной субъектом права законодательной инициативы проблемы правового регулирования, но доказавших свою неэффективность, чем подтверждается потребность в изменениях уголовного законодательства.

Ключевые слова и словосочетания: *законопроект; пояснительная записка; статистические данные; правоприменительная практика; проблема правового регулирования; уголовный закон.*

Концептуальная проработанность вторичных (текущих) уголовных законов, т. е. законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ, напрямую влияет на качество предлагаемых правоприменителю моделей уголовно-правового регулирования, что актуа-

лизирует оценку текущего состояния законотворческой практики в уголовно-правовой сфере на предмет выявления проблем с разработкой концепций соответствующих законопроектов.

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 105 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 15 декабря 2020 г.)¹ концепция законопроекта излагается в таком сопроводительном документе к нему, как пояснительная записка.

Однако, оценивая содержание пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов, нередко можно обнаружить в них исключительно пересказ текста самого законопроекта и отсутствие какой-либо информации о наличии проблемы правового регулирования, для устранения которой предлагается принять соответствующий законопроект (например, пояснительная записка к законопроекту № 130406-8², воплотившемуся в Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ, пояснительная записка к законопроекту № 26265-7³, послужившему основанием для принятия Федерального закона от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ, и т. д.).

В отличие от политиков, утверждающих, что они должны принимать наиболее эффективные законодательные решения в режиме немедленного реагирования, ученые резко критикуют «ужесточение наказания после каждого резонансного преступления» [8, с. 9]. В этой связи не выдерживают критики квази-концепции вторичных (текущих) уголовных законов, изложенные в пояснительных записках, содержащих единичные примеры из правоприменительной практики. Одним из подобных антипримеров может служить пояснительная записка к законопроекту № 292046-3 «О внесении дополнения в статью 124 Уголовного кодекса Российской Федерации...»⁴, где резонансный частный случай не оказания медицинской помощи

¹ О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Рос. Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II // СЗ РФ. 2020. № 51. Ст. 8372.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 130406-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8> (дата обращения: 11.09.2022).

³ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 26265-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/26265-7> (дата обращения: 11.09.2022).

⁴ О внесении дополнения в статью 124 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 292046-3. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/292046-3> (дата обращения: 11.09.2022).

больной Р. врачом Е. был положен в основу законодательного предложения группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации об изменении наказуемости деяния всех медицинских работников в России.

В силу того, что концептуальная проработанность вторичных (текущих) уголовных законов предполагает выявление реально существующей проблемы правового регулирования, требующей принятия устраняющего ее законодательного решения, акцент в пояснительных записках к соответствующим законопроектам должен быть поставлен на статистических данных общероссийской правоприменительной практики, какие даже не следует «разбавлять» описанием конкретных жизненных ситуаций. Однако, например, соответствующая информация ни в каком виде не представлена ни в пояснительной записке к законопроекту № 1248305-7¹, воплотившемуся в Федеральный закон от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ, ни в пояснительной записке к законопроекту № 464757-7², воплотившемуся в Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ, ни в пояснительной записке к законопроекту № 80714-8³, воплотившемуся в Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 49-ФЗ. В Пояснительной записке к законопроекту № 103-503-8⁴, послужившему основанием для принятия Федерального закона от 28 июня 2022 г. № 200-ФЗ, вместо статистических данных правоприменительной практики представлены выдержки из трех документов высших судебных инстанций России, которыми соответствующая практика должна формироваться: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2019 г. № 3357-О; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2020 г. № 78-УДП20-6-КЗ.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 1248305-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (дата обращения: 11.09.2022).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 464757-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 11.09.2022).

³ О внесении изменения в статью 76-1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 80714-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80714-8> (дата обращения: 11.09.2022).

⁴ О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 103503-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/103503-8> (дата обращения: 11.09.2022).

Есть и примеры, когда в сопроводительных документах к проектам вторичных (текущих) уголовных законов констатируется отсутствие правоприменительной практики по рассматриваемым вопросам.

Так, в пояснительной записке к законопроекту № 1143531-7¹, воплотившемуся в Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 293-ФЗ «О внесении изменений в статью 171¹ Уголовного кодекса Российской Федерации», оговаривается, что «ввиду новизны отношений в сфере обязательной маркировки товаров средствами идентификации судебная практика по привлечению к ответственности за нарушение требований об обязательной маркировке средствами идентификации по объективным причинам к настоящему времени не сложена». Тем не менее отстаивается необходимость «криминализации нарушений требований в сфере маркировки товаров средствами идентификации...».

В пояснительной записке к законопроекту № 106973-8², воплотившемуся в Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 345-ФЗ «О внесении изменения в статью 200⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации», в качестве проблемы обозначается, что «диспозиция статьи 200⁴ УК РФ в действующей редакции является слишком широкой». Цель законопроекта заявлена следующим образом – «минимизировать риски необоснованного уголовного преследования за нарушение соответствующего законодательства». Никаких реальных случаев подобного нарушения субъектом права законодательной инициативы выявлено не было, поскольку речь в Пояснительной записке идет исключительно о «рисках».

Как уже отмечалось выше, целевое назначение статистических данных правоприменительной практики – подтверждение существования проблемы правового регулирования, ради ликвидации которой разрабатывался законопроект. Однако в сопроводительных документах к проектам вторичных (текущих) уголовных законов встречаются случаи, когда данная информация представлена, но она не имеет никакой связи с соответствующей проблемой и заявленными целями законопроекта, что свидетельствует либо о недостаточной компетентности лиц, готовящих соответствующие сопроводительные документы от имени субъектов права зако-

¹ О внесении изменений в статью 171-1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 1143531-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1143531-7> (дата обращения: 11.09.2022).

² О внесении изменения в статью 200⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 106973-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/106973-8> (дата обращения: 11.09.2022).

нодательной инициативы, либо об определенном «лукавстве» данных лиц.

Так, в пояснительной записке к законопроекту № 388776-7¹, послужившему основанием для принятия Федерального закона от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних», содержатся данные за два года о количестве уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также данные за год о количестве детей в возрасте до 10 лет, подвергшихся сексуальному насилию. Однако, отталкиваясь от заявленных целей законопроекта (расширить круг лиц, предусмотренный в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, ввести повышенную уголовную ответственность за «понууждение несовершеннолетних к действиям сексуального характера, если такие действия совершаются лицами, имеющими судимость за преступления против половой неприкосновенности», и «понууждение детей к действиям сексуального характера с использованием сети Интернет»), необходимо было представить в пояснительной записке к данному законопроекту совсем иные сведения: о количестве случаев совершения половых посягательств на несовершеннолетних специальными субъектами, предлагающимися для введения в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ; о количестве случаев понуждения несовершеннолетних к действиям сексуального характера лицами, имеющими судимость за преступления против половой неприкосновенности; о количестве случаев понуждения несовершеннолетних к действиям сексуального характера специальным способом – с использованием сети Интернет. Их отсутствие вызывает вполне обоснованное недоверие к достоверности излагаемых в пояснительной записке к рассматриваемому законопроекту выводов.

В пояснительной записке к законопроекту № 9712-8², послужившему основанием для принятия Федерального закона

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 388776-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 11.09.2022).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 9712-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/9712-8> (дата обращения: 11.09.2022).

от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части уточнения ответственности за уничтожение или повреждение лесных насаждений, а также за распространение заведомо ложной информации об исполнении госорганами РФ своих полномочий и за действия, направленные на дискредитацию исполнения госорганами своих полномочий)», представлены данные за три года о количестве лесных пожаров в Российской Федерации и причиненном ими ущербе. Однако представленные данные никак не связаны с целями законопроекта – дикриминализовать все случаи уничтожения лесных насаждений в результате неосторожного обращения с источниками повышенной опасности, если сумма ущерба составляет менее 10 000 руб., и повысить уголовную ответственность за все аналогичные случаи, если сумма ущерба составляет не менее 10 000 руб. Как минимум, разработчикам законопроекта нужно было оперировать статистическими данными о привлечении к административной и уголовной ответственности за описываемые деяния. Оценить же исходя из представленной статистической информации, существовала ли объективная потребность для возникновения соответствующей законотворческой идеи, невозможно.

Нельзя не отметить, что обращение к статистическим данным правоприменительной практики как источнику достоверной информации нередко вызывает у представителей уголовно-правовой науки критику. Так, учеными отмечается, что «уголовная и судебная статистики в значительной мере отражают не саму преступность, а практику реагирования потерпевших, а также правоохранительных органов на преступления» [11, с. 34]. Каким образом повысить уровень достоверности официальных статистических данных, чтобы их учет в процессе вторичного уголовного законотворчества не становился сам по себе рискогенным фактором – сложный вопрос, находящийся за пределами настоящего исследования. Тем не менее недостатки статистического учета не должны влечь отказ от использования официальных статистических данных правоприменительной практики.

И речь не идет только о данных правоприменительной практики по уголовным делам. В случаях когда законодательная инициатива предполагает введение отсутствовавшего ранее уголовно-правового регулирования, в пояснительной записке могут быть представлены официальные данные судебной практики по делам об административных, гражданско-правовых

правонарушениях и т. д. В качестве примера можно обратиться к пояснительной записке к законопроекту № 130391-8¹, воплотившемуся в Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ о дополнении УК РФ статьей 264³. В указанном сопроводительном документе приводятся официальные статистические данные за 2019–2021 гг. о количестве рассмотренных судами административных дел об управлении транспортными средствами лицами, лишенными права управления, в том числе находящимися в состоянии опьянения.

Однако применительно к антиобщественным деяниям, не являющимся преступлениями, следует помнить о том, что их распространенность, подтвержденная статистическими данными, сама по себе не может выступать основанием для перевода их в разряд уголовно наказуемых, поскольку базовый принцип криминализации предполагает, что криминализируемое деяние должно обладать еще и значительной общественной опасностью [10, с.108–128].

Указанный принцип криминализации находит многократное подтверждение в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Так, согласно п. 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 г. № 6-П «государство вправе устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств» [1]. В п. 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 270-О говорится о том, что «уголовный закон, будучи в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения, распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности... оказывается недостаточным» [7]. В Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П [2], 17 июня 2014 г. № 18-П [3], 16 июля 2015 г. № 22-П [4] и 25 апреля 2018 г. № 17-П [6] подчеркивается, что уголовное законодательство является «по своей правовой при-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 130391-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130391-8> (дата обращения: 11.09.2022).

роде крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности». Согласно п. 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П [5] «федеральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств».

Таким образом, во всех перечисленных решениях Конституционного Суда Российской Федерации указывается на необходимость устранять негативные социальные явления без обращения к уголовному законодательству и лишь в крайнем случае использовать механизм уголовной ответственности, чтобы не возникло негативное состояние избыточной (неуместной) криминализации «псевдопреступлений» [9, с. 603]. При этом Конституционный Суд Российской Федерации называет только «иные правовые средства» или «правовые нормы иной отраслевой принадлежности», которые следует использовать взамен уголовно-правовых. Однако нельзя забывать и об организационных мерах, эффект от применения которых может быть значительно выше. К числу данных мер могут быть отнесены меры «оперативного управленческого реагирования» [12, с. 231], в том числе увеличение численности сотрудников и улучшение материальной оснащенности определенных подразделений, информатизация определенных видов деятельности и т. д.

Однако ни в одной из 11-ти пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов, воплотившихся в законы о внесении изменений и дополнений в УК РФ в 2022 г., нет упоминания о подобных мерах, предпринимавшихся для устранения обозначенных субъектами права законодательной инициативы проблем правового регулирования. И, безусловно, этот недостаток концептуальной проработанности вторич-

ных (текущих) уголовных законов проявился не только в текущем году. Например, пояснительная записка к законопроекту № 1165661-7, воплотившемуся в Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284¹ Уголовного кодекса Российской Федерации»¹, обозначает следующую проблему правового регулирования – отсутствие уголовной ответственности за участие в мероприятиях, организуемых иностранными неправительственными организациями, деятельность которых признана нежелательной на территории России. Однако отмеченные в данном документе многочисленные факты вмешательства иностранных государств во внутренние дела России, установленные «компетентными органами», не сопровождаются какими-либо статистическими данными, как нет в нем и данных о попытках предпринять меры правового и организационного реагирования на соответствующие «многочисленные факты».

В этой связи применительно к законопроектам в уголовно-правовой сфере следовало бы ввести нормативное требование включать в состав информации, образующей концепцию проекта вторичного (текущего) уголовного закона, перечень принятых для устранения проблемы правового регулирования мер государственного реагирования, не связанных с изменением или дополнением кодифицированного уголовного закона. Без такого требования инициативно разработчики концепций вторичных (текущих) уголовных законов, к сожалению, не задумываются о целесообразности использования попыток исправления проблемы правового регулирования без новеллизации УК РФ.

Высказанные автором предложения относительно наполнения пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов реальным содержанием, подтверждающим с опорой на статистические данные правоприменительной практики существование проблемы правового регулирования, а также невозможность ее разрешения без изменения УК РФ, призваны повысить концептуальную проработанность вводимых в УК РФ законодательных моделей уголовно-правового регулирования и оптимизировать процесс вторичного (текущего) уголовного законодательства, что позитивно скажется на качестве нормативного материала, используемого правоприменителем.

¹ О внесении изменения в статью 284-1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 1165661-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1165661-7> (дата обращения: 11.09.2022).

Список литературы:

1. По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 25 апреля 2001 г. № 6-П // Вестник Конституционного суда Рос. Федерации. 2001. № 5.

2. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 июня 2014 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. По делу о проверке конституционности положения статьи 225.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 июля 2015 г. № 22-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71509066/> (дата обращения: 11.09.2022).

6. По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 25 апреля 2018 г. № 17-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 10 июля

2003 г. № 270-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

8. *Корецкий Д. А.* «Новая нормальность» в общественном сознании и юриспруденции: норма или патология? // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации: материалы Всерос. науч.-теорет. конф.: в 2-х ч. / Ростов-на-Дону, 2017. Ч. 2. 160 с.

9. *Курсаев А. В.* Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 600–607.

10. *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. Москва, 2009. 579 с.

11. Преступность в России и проблемы борьбы с ней / Редкол.: Ю. Н. Аргунова [и др.]; отв. ред.: А. И. Долгова. Москва, 2001. 244 с.

12. *Сосенков Ф. С.* Национальная безопасность России в условиях кризисных политико-правовых процессов: экономические, политические, социальные угрозы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2(54). С. 229–231.

Вячеслав Владимирович Урбан,
кандидат юридических наук,
ученый секретарь ученого совета
Академия управления МВД России
E-mail: urban_vv@mail.ru

Оперативно-розыскная политика: определение понятия и сущности

Аннотация

В статье предпринята попытка осмысления понятия и сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации на основе анализа имеющихся в науке и законодательной практике подходов к их определению.

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-розыскная политика; противодействие преступности; правовое регулирование.*

В настоящее время среди ученых-специалистов в области оперативно-розыскной деятельности актуализовалась и набирает популярность тенденция исследования вопросов, связанных с оперативно-розыскной политикой. Показательным примером этого является проведение международной научно-практической конференции «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Н. А. Стручкова)», одна из секций которой носила название оперативно-розыскной политики.

При этом в научной среде нет однозначного ответа на вопрос о том, что же понимать под оперативно-розыскной политикой. Данное обстоятельство, в свою очередь, приводит к тому, что автор, рассуждая терминологически об одном и том же, может в сущностном понимании рассматривать совершенно разные вещи. В этой связи представляется целесообразным предпринять попытку анализа и предложить авторское видение данного вопроса.

Этимологически термин «политика» произошел от греческого *politike*, что означает искусство управления государством. В настоящее время определений политики существует множество. В частности, проводя анализ современного российского законодательства можно увидеть, что единого представления о сущности политики нет. Нормативные правовые акты, регламентирующие различные

направления государственной политики, содержат разноплановые подходы к ее определению, такие как:

- деятельность государства по организации и осуществлению¹;
- совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности ... а также сама деятельность государства²;
- комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера³ и др.

Из приведенных определений видно, что политика представляет собой деятельность государства, что само по себе представляется вполне очевидным. Однако содержание данной деятельности определяется различно.

Несмотря на то что единого понятия политики не выработано, практически все имеющиеся определения сводятся к тому, что политика – это в первую очередь управление, воздействие на те или иные общественные отношения.

Рассматривая оперативно-розыскную политику, равно как и любую другую, следует отметить, что одним из ключевых элементов понятия является ее цель. Без правильного научно-обоснованного адекватного характеру регулируемых правоотношений определения цели оперативно-розыскной политики представляются бесперспективными любые попытки организационной настройки данной системы.

Полагаем, что вполне допустимо выделить определенную иерархию целей. Здесь следует отметить, что общая цель едина для всех направлений политики государства и заключается в обеспечении экономического, социального, культурного и иных направлений развития страны. При этом каждое из направлений государственной политики имеет свое собственное уникальное назначение и, соответственно, свою специфическую цель.

Так, цель уголовной политики, включающей в себя в качестве структурного элемента оперативно-розыскную политику, по нашему мнению, заключается в государственном воздействии на общественные отношения в сфере борьбы с преступностью.

При этом система мер государственного воздействия в значительной мере разнообразна. Так, она включает различные спо-

¹ Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Рос. газ. 2014. № 298.

² Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. Верховным Советом Рос. Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Рос. газ. 1992. № 248.

³ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Рос. газ. 2021. № 1.

собы воздействия на регулируемые общественные отношения. К ним, в частности, можно отнести экономические, правовые, социальные, идеологические, культурные, организационные и иные меры. Однако, учитывая специфику регулируемых общественных отношений, наиболее целесообразным представляется вести речь исключительно о правовых мерах государственного воздействия. Соответственно, под целью уголовной политики мы понимаем именно систему мер правового воздействия на общественные отношения в сфере борьбы с преступностью.

Учитывая, что структурными элементами уголовной политики, помимо оперативно-розыскной, выступают также уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная и иные¹, следует определить критерии их разделения. Представляется, что основным критерием является предмет правового регулирования, на что обращается внимание рядом исследователей [2, 3, 4]. Так, оперативно-розыскная политика направлена на регулирование общественных отношений, связанных с организацией и осуществлением оперативно-розыскной деятельности, и заключается в определении назначения и содержания оперативно-розыскной деятельности, разработке и реализации стратегии и тактики ее осуществления уполномоченными государственными органами [1].

Как было отмечено выше, суть политики – управление общественными процессами посредством воздействия на те или иные общественные отношения. Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть следующую дефиницию: оперативно-розыскная политика представляет собой систему мер правового воздействия на общественные отношения в оперативно-розыскной сфере.

Цель данной политики соответствует как общей, так и специальной цели уголовной политики. При этом специфической целью данного направления уголовной политики выступает обеспечение выявления и документирования фактов преступной деятельности, информацию о которых невозможно получить уголовно-процессуальным путем.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что сущность оперативно-розыскной политики состоит в правовом воздействии уполномоченных властных субъектов на организацию деятельности в сфере выявления и документирования

¹ Единого мнения по количеству структурных элементов уголовной политики к настоящему мнению в научной среде не выработано.

информации о преступлениях, которую невозможно получить путем проведения следственных и иных процессуальных действий, регламентированных нормами уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы:

1. *Атмажитов В. М.* О сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Академическая мысль: сетевое изд. 2020. № 4(13). С. 34–37.
2. *Беляева Л. И., Павличенко Н. В.* Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60). С. 19–24.
3. *Захарцев С. И., Сальников В. П.* Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 95–110.
4. *Кузнецов Е. В.* Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 282 с.

Валерий Филиппович Цепелев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России
E-mail: v_tsepelev@rambler.ru

Константин Валерьевич Цепелев,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник НИИ
Университет прокуратуры Российской Федерации
E-mail: c_tsepelev@rambler.ru

Административная преюдиция как условие привлечения к уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции следственно-судебной практики привлечения к уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Авторами высказывается и обосновывается предложение о применении административной преюдиции в ч. 1 ст. 280 УК РФ по аналогии с ч. 1 ст. 282 УК РФ в целях дифференциации уголовной ответственности и экономии уголовной репрессии.

***Ключевые слова и словосочетания:** публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; административная преюдиция; экстремизм; экстремистская деятельность.*

В ст. 280 УК РФ установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Понятие такой деятельности сформулировано в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», оно содержит в себе обширный спектр действий, являющихся противоправными, которые, в свою очередь, направлены на нарушение основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, а также создают угрозу для безопасности и целостности государства. Вместе с этим необходимо отметить, что

публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности могут выражаться в различных действиях, направленных на побуждение других лиц к занятию деятельностью, носящей экстремистский характер. Данные действия могут быть выражены как в письменной, так и в устной форме, а также посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2017 г. за совершение преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, было возбуждено 310 уголовных дел, по которым выявлено 215 лиц [7]; в 2018 г. – 269 дел, 204 лица [8]; в 2019 г. – 278 дел, 193 лица [9]; в 2020 г. – 367 дел, 265 лиц [10]; в 2021 г. – 486 дел, 377 лиц [11]. В то же время, по данным судебной статистики, в 2017 г. за совершение преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, осуждено 170 лиц [2]; в 2018 г. – 159 лиц [3]; в 2019 г. – 145 лиц [4]; в 2020 г. – 147 лиц [5]; в 2021 г. – 255 лиц [6]. Как видно, статистика свидетельствует о неоднозначности имеющихся изменений. Давая оценку представленным показателям, отметим, что приведенные данные свидетельствуют о противоречивых тенденциях: с одной стороны, к увеличению количества возбужденных уголовных дел и привлекаемых по ним лиц, с другой – к сокращению, за исключением показателей 2021 г., количества осужденных за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Вместе с тем в правоприменительной практике имеют место случаи привлечения к уголовной ответственности по ст. 280 УК РФ за действия, не представляющие высокой степени общественной опасности.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Ульяновска от 6 февраля 2018 г. Макарова А. В. осуждена по ч. 1 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Судом установлено, что обвиняемая, находясь в торговом центре, раздавала его посетителям листовки, содержащие призывы к действиям, направленным на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, а также высказывания, направленные на возбуждение ненависти либо вражды в отношении социальной группы – представителей российской власти [1].

Следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации имеются некоторые разъяснения по ряду уголовных дел, имеющих экстремистскую направленность, при анализе которых можно сделать вывод о том, что их содержание раскрывает как необходимость осуществления охраны публичных интересов, так и стремление обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина, которые строго регламентируются Конституцией Российской Федерации. К таким правам можно отнести свободу слова, мысли, свободу совести, производство и распространение

информации не запрещенным законом способом, мирные собрания, шествия, пикетирование.

Учитывая указания высшей судебной инстанции относительно ст. 282 УК РФ, важно обратить внимание на такие признаки, как характер и степень общественной опасности содеянного, а также на положения о малозначительности деяния, отраженном в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Это требуется для проведения качественной и точной правовой оценки действий, содержащихся в диспозиции данной статьи, а именно возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека или группы лиц.

Так, проводя анализ и решая проблему, затрагивающую вопрос малозначительности деяния, т. е. относимости данного деяния к категории малозначительности, отличительным признаком которой является отсутствие общественной опасности для личности и общества в целом, необходимо учитывать, в частности, размер и состав аудитории, у которой находилась в доступе соответствующая информация, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию¹.

Полагая возможным распространить обозначенные подходы Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся оценки характера и степени общественной опасности деяния лица, в действиях которого наличествуют признаки преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, мы считаем обоснованным использование административной преюдиции в указанной уголовно-правовой норме. Это будет способствовать либерализации уголовного законодательства и соответствовать характеру и степени общественной опасности публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности в рассматриваемой сфере.

Аналогичное обоснование вносимых изменений использовал законодатель при внесении изменений в ст. 282 УК РФ².

Таким образом, в пояснительной записке к соответствующему законопроекту отмечено, что внесенными изменениями в ч. 1 ст. 282 УК РФ (привлечением лица к уголовной ответственности после совершения в течение года деяния, за которое данное

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лицо ранее было подвергнуто административной ответственности) предпринята попытка исключения случая привлечения лица к уголовной ответственности за те деяния, которые не представляют значительной угрозы для безопасности государства, основ конституционного строя, совершенные при этом однократно.

На основании вышеизложенного полагаем целесообразным использовать административную преюдицию в ч. 1 ст. 280 УК РФ, сконструировав состав преступления по аналогии с ч. 1 ст. 282 УК РФ. Предлагаемый вариант дополнений УК РФ вполне соответствует концептуальным положениям современной уголовной политики Российской Федерации, поскольку в результате своевременного предварительного привлечения к административной ответственности дает возможность предупредить совершение преступления экстремистской направленности, т. е. содержит так называемую «двойную превенцию»; способствует дифференциации уголовной ответственности за совершенное преступление экстремистской направленности, так как наказание в санкции уголовно-правовых норм с административной преюдицией, как правило, значительно мягче; основывается на принципе экономии уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших преступления экстремистской направленности после предварительного привлечения к административной ответственности.

Список литературы:

1. Приговор № 1-279/2017 1-6/2018 от 6 февраля 2018 г. по делу № 1-279/2017 [Электронный ресурс]: Ленинский районный суд г. Ульяновска (Ульяновская область) URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6lmLa1fqzwh> (дата обращения: 12.04.2022).
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 12.04.2022).
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 12.04.2022).

4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 12.04.2022).

5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 12.04.2022).

6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 12.04.2022).

7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года // ГИАЦ МВД России.

8. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года // ГИАЦ МВД России.

9. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года // ГИАЦ МВД России.

10. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года // ГИАЦ МВД России.

11. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года // ГИАЦ МВД России.

Радий Владимирович Шишкин,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России
E-mail: lvovich.1990@mail.ru.

Правовые основы деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся правовых основ деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка. Проведен анализ нормативных правовых актов, формирующих правовую основу деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений в сфере потребительского рынка. В целях повышения эффективности деятельности органов внутренних дел по данному направлению автор предлагает внести изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел; предупреждение преступлений; сфера потребительского рынка; экономическая сфера; организация деятельности; экономическая безопасность.

Устойчивость развития любого государства обусловлена экономикой, обеспечением ее безопасности, развитием рыночных отношений, в том числе в сфере потребительского рынка. В этой связи органам внутренних дел как основному субъекту предупредительной деятельности отводится одна из главных функций – предупреждение преступлений, в том числе в сфере потребительского рынка.

Сотрудники органов внутренних дел в своей деятельности, связанной с предупреждением преступлений, руководствуются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ о полиции), который гласит, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Деятельность органов внутренних дел также регулируется нормами различных отраслей права, например, уголовного,

уголовно-процессуального, административного и др. При осуществлении оперативного сопровождения уголовных дел и их расследовании деятельность оперативных подразделений ОВД регулируется Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Отметим, что понятие «предупреждение преступлений» и его содержание не нашло своего отражения ни в одном нормативном правовом акте на федеральном уровне. В этой связи не установлен перечень субъектов предупреждения преступлений, которые должны заниматься данной деятельностью. Вместе с тем в юридической литературе, различных криминологических источниках, научных статьях и диссертационных исследованиях, а также ведомственных нормативных правовых актах и законах субъектов федерации деятельность по предупреждению преступлений и ее отдельные аспекты подробно проанализированы.

Так, приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» дано определение предупреждению преступлений, которое непосредственно связано со спецификой и деятельностью органов внутренних дел и возложенными на них задачами – это деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением.

Кроме того, данным приказом установлены формы предупреждения преступлений, которые выражены:

- в профилактическом воздействии на лиц с противоправным поведением, оказании содействия представителям государственных, контролирующих органов и сотрудникам подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в проведении проверок, установлении и задержании лиц, осуществляющих противоправную деятельность в сфере экономики;

- в осуществлении анализа состояния преступности экономической направленности, по результатам которого принимаются меры, направленные на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, в том числе в сфере потребительского рынка;

- в выявлении, документировании преступлений и анализе состояния правопорядка в сфере потребительского рынка, а также принятии участия в освещении в СМИ вопросов защиты прав потребителей и борьбы с преступлениями на потребительском рынке.

Перед органами внутренних дел в сфере предупреждения преступлений, в том числе потребительского рынка, поставлены задачи:

- по выработке стратегического подхода уголовной политики в борьбе с преступностью в экономической сфере потребительского рынка;

- по обеспечению конституционных прав и свобод граждан, собственности от преступных посягательств;

- по выявлению, предупреждению, пресечению преступлений и профилактике правонарушений, в том числе в сфере потребительского рынка;

- по осуществлению координации деятельности подразделений органов внутренних дел, контролю за выполнением поставленных задач в сфере профилактики преступлений в экономической сфере потребительского рынка;

- по совершенствованию нормотворчества и правового регулирования деятельности органов внутренних дел;

- по изучению и анализу причин и условий, создающих почву для появления в обществе лиц, склонных к совершению преступлений.

Вместе с тем основная доля нагрузки в деятельности по раскрытию преступлений, совершаемых в экономической сфере, приходится на МВД России и его структурные подразделения.

В соответствии с данными официальной статистики ГИАЦ МВД России за январь – декабрь 2021 г. на 11,6 % увеличилось число совершаемых преступлений в экономической сфере по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Преступлений в сфере потребительского рынка в 2021 г. выявлено 8 085 [1]. Однако за 10 месяцев 2022 г. преступлений в сфере потребительского рынка уже выявлено на 11,9 % больше, их количество составило 8 553 [2].

Основная нагрузка по выявлению преступлений и их предупреждению лежит на Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, которое является структурным подразделением Министерства с правом оперативного сопровождения при расследовании уголовных дел по экономическим преступлениям, в том числе совершаемым в сфере потребительского рынка.

На данное подразделение возложены следующие функции:

- изучение и обобщение анализа состояния преступности в сфере экономики, причин ее возникновения и условий, способствующих их проявлению, факторов, влияющих на преступления в данной области, прогнозирование развития криминальной ситуации и ее возможного влияния на сферу потребительского рынка;

– выработка предложений МВД России об установлении приоритетов и направлений деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями на всех уровнях в системе Министерства. В том числе подготовка предложений, информационных материалов, проектов Федеральных законов и других нормативных правовых актов о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство, направленных на предупреждение преступлений экономической сферы;

– разработка и внедрение в практическую деятельность органов внутренних дел новых комплексных планов по проведению оперативно-профилактических мероприятий и других мер, направленных на эффективности деятельности борьбы с преступлениями в экономической сфере потребительского рынка.

Реализация основных направлений данной деятельности на уровне субъектов Российской Федерации лежит на подразделениях УЭБиПК территориальных органов МВД России.

В сферу деятельности региональных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции входит:

– анализ криминальной ситуации о динамике незаконной предпринимательской деятельности, незаконного использования товарного знака, подделки документов на право осуществления коммерческой деятельности и др.;

– изучение и распространение регионального опыта выявления, пресечения и раскрываемости преступлений, совершаемых в сфере экономики;

– прогнозирование дальнейшего развития криминальной обстановки в экономической сфере;

– планирование мероприятий по предупреждению преступлений данной категории.

Деятельность органов внутренних дел по выявлению преступлений на потребительском рынке в целом реализуется через деятельность территориальных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции во взаимодействии с другими правоохранительными и контролирующими органами, в том числе через проведение совместных с субъектами предупреждения преступлений оперативно-профилактических мероприятий под условными названиями, например, «Рынок», «Табак», «Налог», «Алкоголь» и др.

В системе государственной политики предупреждения преступлений органам внутренних дел отводится одна из важнейших ролей в данной сфере деятельности. Для достижения стратегических целей в сфере предупреждения преступлений, совершаемых

на потребительском рынке необходимо особое внимание уделить следующим направлениям:

- изучению криминальной ситуации и динамики преступности в экономической сфере;
- выработке новых форм и методов с внедрением в практическую деятельность положительных тенденций в данной сфере;
- разработке комплекса социальных программ на территории Российской Федерации совместно с правоохранительными и контролирующими органами субъектов федерации, направленных на подрыв экономической основы преступности в сфере потребительского рынка и ее деятельности в масштабах страны;
- выявлению, пресечению каналов незаконной поставки товаров иностранного производства, не прошедших проверку на безопасность и качество;
- привлечению к ответственности лиц, распространяющих контрафактный товар иностранного производителя на объектах потребительского рынка России;
- обеспечению экономической безопасности российского государства;
- взаимодействию со всеми правоохранительными и контролирующими органами в предупреждении преступлений, связанных с потребительским рынком, для стабилизации оперативной ситуации в сфере экономических отношений;
- взаимодействию со средствами массовой информации и выработке основных положений информационного обеспечения населения о результатах деятельности ОВД по предупреждению преступлений в сфере потребительского рынка;
- организации международного сотрудничества с правоохранительными органами иностранных государств по борьбе с преступностью, в том числе в сфере потребительского рынка.

Таким образом, анализ правовых норм регулирования деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка, показал, что среди основополагающих мер предупреждения существует ряд нерешенных проблем, связанных с правовым регулированием данной деятельности.

Во-первых, органы внутренних дел не могут в полной мере реагировать на посягательства в экономической сфере деятельности государства, в том числе связанной с потребительским рынком, так как законодательно не определено, кто же занимается обеспечением экономической безопасности. Тем не менее в системе МВД России имеется структурное подразделение по борьбе с экономическими

преступлениями – ГУЭБиПК, деятельность которого направлена прежде всего на экономическую безопасность государства. В таком случае, полагаем, что задача по обеспечению экономической безопасности государства должна относиться к сфере внутренних дел.

В ФЗ «О полиции» в перечне основных направлений деятельности не упоминается «обеспечение экономической безопасности», в то время как значатся обеспечение правопорядка в общественных местах и обеспечение безопасности дорожного движения. Вместе с тем в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» говорится об обеспечении экономической безопасности. В целях совершенствования деятельности по предупреждению преступлений, в том числе на потребительском рынке, автор предлагает внести следующие изменения в ФЗ «О полиции»: ст. 2 «Основные направления деятельности полиции» дополнить п. 13 следующего содержания: «обеспечение экономической безопасности».

Во-вторых, отсутствует определение понятия «потребительский рынок» и соответствующий федеральный закон. Считаем, что необходимо принять Закон «О потребительском рынке в условиях цифровой экономики», который бы содержал данное понятие.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 год. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 23.11.2022).
2. Состояние преступности в России за январь – октябрь 2022 года. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/33913311/> (дата обращения: 03.12.2022).
3. *Токарев Е. В.* Концептуальные вопросы организации борьбы с экономической преступностью и перестройки службы БХСС. Москва, 1990. 20 с.

Аслан Жумалиевич Ахметов,
слушатель факультета
подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
Академия управления МВД России
E-mail: akhmetoff13@mail.ru

Трансграничная и транснациональная преступность: соотношение понятий

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов разграничения понятий «трансграничная преступность» и «транснациональная преступность», обоснованности применения данных понятий в качестве обозначающих идентичные криминальные явления в отечественной научной и правовой литературе. Приведены результаты исследования данной понятийной категории с позиции теории, нормативных актов, лексического анализа, а также связи с практической деятельностью правоохранительных органов.

Ключевые слова и словосочетания: *трансграничная преступность; транснациональная преступность; преступления международного характера; конвенционные преступления.*

Точное и грамотное использование юридической терминологии имеет большое значение не только для научного осмысления процессов и явлений, происходящих в общественной жизни, но и для правоприменительной деятельности. Одним из спорных вопросов организации и осуществления деятельности по противодействию международной преступности является неоднозначность трактовки понятий трансграничной и транснациональной преступности.

Анализ научной литературы, связанной с понятиями трансграничной и транснациональной преступности, указывает на смешение указанных юридических категорий одними авторами и разделение другими. В частности, в статье А. Е. Шалагина «Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия» транснациональные преступления в качестве разъяснения обозначаются так же, как трансграничные [6]. Статья А. Л. Берестовенко «Институциональные факторы политики России по противодействию международной трансграничной транснациональной преступности» не содержит дифференциации данных терминологических катего-

рий, они приводятся в качестве прилагательных разных разрядов как не обозначающих однородную характеристику явления [2]. Напротив, в статье И. В. Азаровой «Основные меры совершенствования системы предупреждения преступности в России и других странах – участниках СНГ с учетом необходимости решения проблем коллективной безопасности» обозначается самостоятельность рассматриваемых терминов путем их одновременного использования для разделения явлений преступности [1].

В сложившейся практике употребления названных юридических терминов как идентичных друг другу необходимо оценить оправданность такого замещения либо уравнивания понятий. Попытка изменения общепринятой устоявшейся терминологии многим кажется безосновательной, нецелесообразной. Однако в данном конкретном случае замещение указанных понятий имеет характер профессионального рутинного оборота слов в юридической сфере деятельности и приводимые выше примеры отождествления понятий в контексте изучения системообразующих элементов преступности – преступлений, подпадающих под критерии их выделения в категорию транснациональных, представляется не вполне приемлемым.

Транснациональный характер преступления согласно Конвенции ООН¹ определяется следующими критериями:

- преступление совершено в более чем одном государстве;
- преступление совершено в одном государстве, но существенная часть его руководства, планирования, подготовки или контроля – в другом государстве;
- преступление совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет свою преступную деятельность в более чем одном государстве;
- преступление совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

В отечественной науке транснациональные преступления отнесены к уголовным преступлениям международного характера или «конвенционным». Это обусловлено участием Российской Федерации в международно-правовых конвенциях, предписывающих криминализацию тех или иных деяний. Так, А. П. Спиридоновым и В. В. Бабуриным предлагается классификация, согласно кото-

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]: принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рой преступления, являющиеся предметом международного права, выделены в две группы: международные преступления и преступления международного характера, в том числе транснациональные преступления, предусмотренные специальными международными конвенциями [4]. Приведенная классификация представляется наиболее обоснованной с позиции определения места транснациональных преступлений в системе международного уголовного права.

И. В. Годуновым под транснациональными преступлениями предложено понимать преступления, которые посягают на общественные отношения, интересы или блага, охраняемые уголовным законодательством двух и более государств, и субъектами которых являются иностранные граждане, имеющие целью, как правило, получение финансовой прибыли или приобретение власти [3].

Ю. В. Трунцевский определяет транснациональную преступность как общественно опасное (уголовно-наказуемое) явление, выражающееся в функционировании преступных групп (сообществ), имеющих сложную структуру, проявляющих себя на территории нескольких государств, использующих благоприятную рыночную конъюнктуру для получения незаконных доходов и сверхприбыли [5].

Исходя из приведенных определений и критериев, применительно к цели настоящей статьи, основным является положение о распространении процесса, организации, последствий совершения транснационального преступления на территории более чем одного государства с целью получения незаконных имущественных выгод.

Составной элемент понятия «транснациональный» обозначает выходящий за пределы страны, связанный с деятельностью международных, в том числе региональных организаций. Обоснованно полагать, что приведенные выше определения охватывают основную характеризующую данного явления – посягательство преступления на общественные отношения и внутри одной страны, и за ее пределами. Практически аналогичным является значение английского слова «*transnational*», используемого для обозначения предпринимательской деятельности, осуществляемой более чем в одной стране.

Относительно понятия трансграничной преступности нельзя отрицать того факта, что используемые в нем составные элементы призваны также отражать или характеризовать содержательную сторону явления. Факт случайного использования сочетания слов явно исключен, так как обозначение конкретного явления или процесса, касательно юридической сферы, не допускает случайности в выборе терминологии. Из значения слова «трансграничный» следует – связанный с пересечением границ, выходящий за пределы государства.

Сходное значение слов «транснациональный» и «трансграничный» заключается в части определения «выходит за пределы», что достигается использованием приставки «транс». При этом понятие «национальный» отождествляется в литературе со словом «государственный» применительно к процессам и явлениям, в отношении которых требуется обозначить их политический или управленческий характер на территории конкретного государства (нации), т. е. понятие «транснациональный» ориентировано на качественную характеристику предмета, явления, процесса, распространяющегося именно на территориальное пространство, занимаемое двумя и более государствами (нациями). Ключевой же категорией понятия «трансграничный» является «граница» применительно к государству, обозначающая его предел в пространстве. Следовательно, такое понятие, как «трансграничный» характеризует процессы и явления, происходящие в двух и более государствах через границу. Их основной характеристикой или условием существования является связь с государственной границей, в частности, ее физическое пересечение. Так же и английское слово «*trans-border*» (трансграничный) имеет значение «пересекающий границу между двумя и более странами».

Употребление понятий «трансграничная преступность», «трансграничное преступление» в юридической и научной литературе не является столь распространенным, как нормативно определенный термин «транснациональная преступность», традиционно используемый для обозначения масштабности преступной деятельности, формы ее осуществления, выражения ее характера, что вполне обоснованно как с научной, так и с правовой позиции. Однако применение понятия трансграничной преступности не может быть вызвано востребованностью дополнительного юридического термина для дублирующего обозначения одних и тех же явлений преступности, так как оно носит вполне самостоятельный юридический смысл и служит для характеристики определенной категории преступности. Его востребованность заключена в необходимости обозначения или идентификации преступлений, объединенных одним общим признаком, и отнесения их к одной специфической группе. Таким признаком является пересечение границ, которому авторами научных публикаций не придается внимания и отдельного контекстного значения в процессе применения термина «трансграничная преступность (преступление)» в качестве замещающего понятие «транснациональная преступность (преступление)». Но в исследованиях Е. Н. Яковца по вопросам трансграничной преступности данное понятие связывается с деятельностью пограничных органов, с приграничными зонами

государств, таможенной деятельностью [7]. Работы ученого в ракурсе настоящей статьи, определяющие ключевую позицию о деятельности государственных органов по контролю перемещений через государственную и таможенную границы в борьбе с трансграничными преступлениями, вносят существенную долю определенности в исследуемый вопрос как в части использования понятий, так и в части особенностей группы преступлений, которые могут быть объединены характеристикой трансграничности.

В этой связи следует отметить, что наиболее подходящим смысловому содержанию понятия «трансграничная преступность» является следующее определение: «деятельность физических и юридических лиц, других организаций и структур, осуществляемая в преступных целях на территории нескольких государств в форме незаконного перемещения через государственную и таможенную границу мигрантов, наркотических средств, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и иных средств террористической деятельности» [4]. Вместе с тем приведенным определением ограничен перечень незаконных действий, совершение которых связано с нелегальным перемещением через государственную границу, как признак трансграничности. В то же время на нормативно-правовом уровне к таким преступлениям отнесены: незаконная миграция, контрабанда оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, материальных и культурных ценностей, а также незаконная добыча и реализация водных биологических ресурсов¹. Более того, с практической позиции и с учетом критерия пересечения границы к данной группе преступлений, помимо перечисленных, логично отнести все преступления, связанные с незаконным ввозом (вывозом) материальных объектов, которые с позиции теории отечественного уголовного права стали предметами преступлений за границей: фальсифицированные лекарственные средства, легализованные денежные средства, валюта, поддельные денежные средства, поддельные документы, похищенное имущество, незаконно добытые драгоценные камни (драгоценные металлы, полезные ископаемые), контрафактные потребительские товары и пр.

В развитие мысли о пересечении границы как условия совершения трансграничного преступления также необходимо привести и понятие «трансграничная организованная преступность», опреде-

¹ Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 25 апреля 2018 г. № 174. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ляемое модельным законом о пограничной безопасности как «вида организованной преступности, осуществляемого в пограничных пространствах двух и более государств и сопряженного с систематическим (регулярным) противоправным пересечением государственной границы»¹.

Таким образом, основываясь на интерпретации значений слов, раскрытии содержательной составляющей понятия и явления транснациональной преступности, научных исследованиях, целесообразно предположить, что критерий пересечения государственной (таможенной) границы позволяет из совокупности транснациональных преступлений определить или выделить преступления трансграничные. Иными словами, трансграничные преступления являются разновидностью транснациональных преступлений в той мере, когда их совершение сопровождается физическим пересечением государственной (таможенной) границы либо исключает возможность совершения конкретного преступления без такового пересечения границы. Соответственно, понятие «трансграничная преступность» по своему значению в правовом смысле уже, чем понятие «транснациональная преступность», и фактически является ее более обобщенным структурным элементом. Именно поэтому отождествление изучаемых терминов недопустимо, поскольку безосновательно расширяет круг трансграничных преступлений и фактически подменяет одно понятие другим, нивелируя самостоятельное понятийное и смысловое значения.

С учетом приведенных доводов целесообразно предположить, что любые преступные деяния, классифицированные ООН как транснациональные преступления и совершение которых сопряжено с физическим перемещением через государственную границу либо невозможно без ее пересечения, следует относить к числу трансграничных.

Список литературы:

1. *Азарова И. В.* Основные меры совершенствования системы предупреждения преступности в России и других странах – участниках СНГ с учетом необходимости решения проблем коллективной безопасности // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии.* 2017. № 3-1. С. 88–95.

¹ Модельный закон о пограничной безопасности [Электронный ресурс]: принят в г. Санкт-Петербурге 28 октября 2010 г. на 35-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Берестовенко А. Л.* Институциональные факторы политики России по противодействию международной трансграничной транснациональной преступности // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 5. С. 104–116.

3. *Годунов И. В.* Транснациональная организованная преступность в России: пути и формы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. 604 с.

4. *Спиридонов А. П., Бабурин В. В.* Виды преступлений в международном уголовном праве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2(45). С. 3–7.

5. *Трунцевский Ю. В.* Понятие транснационального преступления // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 3. С. 9–12.

6. *Шалагин А. Е.* Транснациональная преступность: понятие признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 138–142.

7. *Яковец Е. Н.* Проблемы противодействия трансграничной преступности в рамках содружества независимых государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 1. С. 15–18.

Гаджикурбан Расулович Баркаев,
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: barkaevk@mail.ru

Административный надзор как способ борьбы с рецидивом преступлений

Аннотация

В статье рассмотрен институт административного надзора как способ борьбы с рецидивом преступлений. Проведен анализ эффективности административного надзора в рамках уголовной политики России в предупреждении рецидивной преступности.

Ключевые слова и словосочетания: административный надзор; поднадзорное лицо; рецидивная преступность; рецидивист; превенция.

В январе 2022 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал закон¹ об ужесточении наказания для педофилов-рецидивистов. Так, изменились редакции ст. 131 и 132 УК РФ в части дополнения данных статей отягчающим обстоятельством: если данные преступления совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Причиной такой жесткой реакции государства стало то, что преступления такого характера имеют большую общественную опасность и вызывают резонанс в обществе, которое ждет от правоохранительных органов надлежащего и справедливого реагирования на противоправное поведение ввиду причинения большого вреда потерпевшему и обществу в целом.

Рецидив преступлений занимает не только особое место среди преступности, но и является своего рода индикатором проводимой уголовной политики [3]. Фактический рецидив преступлений был предложен в качестве одного из видов рецидива Б. С. Утевским в 1927 г. в связи с обострением в СССР борьбы с профессиональной

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступностью [7]. Под ним понимают систематическое совершение преступлений лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление.

В уголовном законодательстве советского периода дефиниция рецидива преступлений впервые закреплена Основами уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. До этого в нормативных актах использовались понятия «рецидивист», «профессиональный преступник», «лицо, уже отбывавшее наказание», «повторное совершение преступления», «в виде промысла» и др. С 1929 г. по 1958 г. в уголовном законодательстве не использовался термин «рецидивист».

В УК РФ в редакции от 1996 г. в ч. 1 ст. 18 дано определение рецидиву преступлений – это совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление.

Обратимся к официальной статистике для оценки уровня рецидивной преступности в России.

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений и установленных лиц, их совершивших, в период с 2017 г. по 2021 г. (согласно данным ГИАЦ МВД России [6])

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Зарегистрировано преступлений	2 058 476	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404
Раскрыто преступлений	1 117 801	1 087 983	1 052 441	1 031 987	1 030 708
Выявлено лиц, совершивших преступления	967 103	931 107	884 661	852 506	848 320
Ранее судимыми являются	273 379	270 988	261 941	255 296	255 502
Признаны опасным и особо опасным рецидивом	21 505	19 950	19 564	19 068	18 681

**Количество лиц, осужденных
за совершение преступлений при рецидиве, в период с 2017 г. по 2021 г.
(согласно данным Судебного департамента
Верховного Суда Российской Федерации [5])**

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Количество осужденных лиц	697 054	658 291	598 214	530 998	565 317
При рецидиве (из общего числа)	98 199	98 752	93 315	88 144	86 646
При опасном рецидиве (из общего числа)	16 546	14 980	13 468	11 870	12 810
При особо опасном рецидиве (из общего числа)	6 568	6 261	5 443	4 668	4 903

К. Маркс писал, что государство должно видеть в человеке, совершившем преступление, «нечто большее, чем правонарушителя... Разве каждый из граждан не связан с государством тысячью жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все эти нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал какой-нибудь один нерв? Государство должно видеть и в нарушителе... живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и наконец, самое главное – гражданина государства» [4, с. 132].

Общественную опасность представляют все лица, совершившие преступления, но степень общественной опасности преступников различна в зависимости от содержания, глубины и стойкости антиобщественной ориентации личности.

Социальная сущность рецидивиста, как правило, свидетельствует о большей общественной опасности личности преступника, его устойчивой антиобщественной жизненной позиции, а нередко и сформированном у него преступном профессионализме. У рецидивистов каждое вновь совершаемое преступление укрепляет антиобщественную ориентацию и облегчает совершение последующего

преступления, убирая или уменьшая и без того ничтожные препятствия к реализации преступных намерений. Таким образом, данная категория лиц нуждается в пристальном внимании со стороны государства. В руках государства есть так называемый дамоклов меч, который постоянно угрожающе нависает над рецидивистом в виде административного надзора и предусмотренной уголовной ответственности за уклонение от выполнения его требований.

Сегодня институт административного надзора регламентируется Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – ФЗ об административном надзоре), положениями которого определена основная задача административного надзора, а именно предупреждение совершения преступлений со стороны лиц наиболее социально опасных категорий, к которым относятся ранее судимые за совершение тяжкого, особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего и других, а также оказание на них индивидуального профилактического воздействия¹.

Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, по сути, являлся и является единственным правовым рычагом в противодействии рецидивной преступности.

В истории становления России как правового государства в период 90-х гг. забвение института административного надзора и в целом профилактики совершения преступлений связывают с небывалым ростом преступности. Такое мнение небезосновательно, так как с 1989 г. по 1993 г. ежегодный темп прироста зарегистрированной преступности в среднем составил по России 18,3 %, в том числе: тяжких преступлений – 27,0 %; умышленных убийств – 28,8 %; тяжких телесных повреждений – 20,3 %; разбоев – 44 %; грабежей – 36,3 %; краж государственного и личного имущества – 27,3 %; вымогательство – 163 % или в 8 раз (с 1521 до 11426).

Как верно отметил А. С. Вельмин, «основной причиной забвения административного надзора в этот период стал небывалый рост преступности, который заставил органы охраны правопорядка сосредоточить свои усилия не на профилактике преступлений, а на непосредственной борьбе с ними» [1, с. 24]. Н. В. Витрук полагал, что «под лозунгом либерализации жизни, свободы и прав человека, в частности, невмешательства в частную жизнь, была разва-

¹ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лена система социальной и специальной профилактики в борьбе с преступностью и другими правонарушениями» [2, с. 376].

С течением времени теории и практики права пришли к пониманию того, что профилактика преступлений является мощным средством в борьбе с преступностью. Именно поэтому в 2011 г. в правовое поле был возвращен институт административного надзора, в пояснительной записке к регламентирующему закону которого прописано, что необходимость его принятия определяется осложнением криминальной ситуации в России, а также важностью предупреждения повторных преступлений в общей системе мер борьбы с преступностью¹.

Стоит отметить, что применение административного надзора на протяжении более 11 лет дает нам возможность оценить результативности в борьбе с рецидивной преступностью посредством статистики.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России [6], наблюдается тенденция к росту количества рецидивной преступности в период с 2011 г. по 2021 г. Так, в 2011 г. процент совершенных преступлений (от общего количества) лицами, ранее совершавшими преступления, составлял 40 %, из них ранее судимыми – 28 %, а в 2021 г. процент совершенных преступлений (от общего количества) лицами, ранее совершавшими преступления, составлял уже 60 %, из них ранее судимыми – 30 %. Также стоит заметить, что общее количество зарегистрированных преступлений в 2011 г. составляло 2 404 807, а в 2021 г. – 2 004 404.

Кроме того, следует отметить, что правоохранительные органы стали активно применять административный надзор как уголовно-правое средство предупреждения рецидивной преступности. Об этом свидетельствуют данные ГИАЦ МВД России [6]: в 2012 г. под административным надзором состояло 42 080 лиц, в 2013 г. – 60 239, в 2014 г. – 73 720, в 2015 г. – 180 276, в 2016 г. – 100 270, в 2017 г. – 106 106, в 2018 г. – 110 547, в 2019 г. – 113 172, в 2020 г. – 116 120, 2021 г. – 117 983 лица. Таким образом, нет основания говорить о бланкетном характере данного института и неактивном применении его на практике в борьбе с рецидивной преступностью.

В свою очередь, статистика может свидетельствовать о несостоятельности административного надзора ввиду того, что только в 2017 г. число лиц, состоящих под административным надзором, в отношении

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 151934-4 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которых возбуждены уголовные дела, составляло 22 961, в 2018 г. – 24 549, в 2019 г. – 25 485, в 2020 г. – 25 942, в 2021 г. – 27 090 лиц [6]. Исходя из данных чисел, в 2017 г. в процентном соотношении от общего числа лиц, состоящих под административным надзором, вновь совершили преступления 21 %, в 2018 г. – 23 %, в 2019 г. – 22 %, в 2020 г. – 22 %, в 2021 г. – 22 %.

Сухая статистика дает нам возможность наглядно увидеть, что, несмотря на установленные ограничения в рамках надзора и пристального внимания со стороны органов внутренних дел, поднадзорные лица вновь совершают преступления и на путь исправления не становятся.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существуют проблемы правоприменительной практики по применению института административного надзора в борьбе с рецидивной преступностью, его относительно неэффективного воздействия на поднадзорных лиц в первую очередь в предупреждении совершения преступлений и социальной адаптации после освобождения из мест лишения свободы.

Список литературы:

1. *Вельмин А. С.* Историко-юридический анализ проблем возрождения административного надзора в современной России // История государства и права. 2012. № 23. С. 23–26.
2. *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. Москва, 2008. 448 с.
3. *Карташов С. В.* Общественная опасность рецидива преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 13. С. 111–121.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50-ти т. 2-е изд. Москва, 1955. Т. 1. 698 с.
5. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2021 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 23.10.2022).
6. Сводный отчет по России о результатах работы территориальных органов МВД России по осуществлению административного надзора (Ф.1-ЕГС (596)) // ГИАЦ МВД России.
7. *Утевский Б. С.* Преступность и рецидив // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив). Москва, 1927. С. 32–34.

Дарья Владимировна Бобровская,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: bobrovskaya.darya@yandex.ru

Источники уголовно-процессуального права Российской Федерации: постановка проблемы

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема дефиниции «источник уголовно-процессуального права». Производится описание проблем, связанных с применением в практической деятельности судебных решений.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный процесс; источники права; форма права; коллизии практического применения права.*

В качестве источников уголовно-процессуального права общепринято понимать Конституцию Российской Федерации, основанной на ней УПК РФ, а также международные правовые акты, не противоречащие национальному законодательству. Однако современные реалии развития уголовно-процессуального законодательства показывают, что официальное признание в качестве источника права только нормативного правового акта порождает ряд проблем, связанных с пробелами в законодательстве, что закономерно негативно отражается на правоприменительной практике. В связи с этим идея о множественности источников уголовно-процессуального права приобретает все большую актуальность. Вместе с тем указанная проблема имеет общетеоретический характер и непосредственную связь с общей теорией права, которая, являясь методологической базой для всех отраслей права, в том числе уголовно-процессуального, также не содержит в себе исчерпывающего определения источника права и не позволяет не только аргументировать наличие системы источников права, но даже однозначно определить их круг. При этом, если одни авторы предлагают считать в качестве источников права только законы, то другие – указывают на возможность включения в число источников в том числе и подзаконных актов. В свою очередь, существуют научные позиции о возможности включения в данный перечень и решений органов судебной власти [4].

Одна из причин сложившейся ситуации кроется в существовании нескольких подходов к соотношению понятий «форма права» и «источник права». Исходя из социальной природы права как регулятора общественных отношений, в научной литературе выделяют три подхода к определению понятия «источник права».

Первый подход – монистический, сущность которого заключается в том, что дефиниции «источник права» и «внешняя форма выражения права» находятся в отношении тождества. Основным положением является утверждение о том, что существование формы без содержания невозможно, так как результат правотворческой деятельности законодателя имеет обязательное закрепление в виде закона. Иными словами, с точки зрения монизма источник права и его внешняя форма выражения неотделимы друг от друга.

Противоположная точка зрения изложена в так называемом «плюралистическом» подходе, основным положением которого является идея о полисемантизме категории «источник права». Сторонники данного подхода выделяют внутреннюю форму права, содержащую феномены, предшествующие появлению внешней формы права в виде итогового документа – «формального источника права».

Третий подход характеризуется тем, что в качестве источника права рассматривается воля субъекта правотворчества, который формирует юридическую норму, основываясь на имеющихся предпосылках или «истоках права». В свою очередь, формализованный документ, содержащий в себе правотворческую волю субъекта, является внешней формой выражения права и несет в себе функции по содержанию и организации норм права.

Вместе с тем в литературе можно встретить смешение данных подходов, что свидетельствует о существующей неопределенности категории «источник права» [5]. Отсутствие единого научного подхода в теории общего права неминуемо ведет к разночтениям в отраслевых юридических науках, что, безусловно, негативно сказывается на регулировании общественных отношений.

Помимо теоретического аспекта проблемы, следует указать и практический, который раскрывается посредством анализа уголовно-процессуальной деятельности.

Так, в настоящее время не решен вопрос о положении решений органов судебной власти в системе источников уголовно-процессуального права. Например, Конституционный Суд Российской Федерации, являясь органом судебной власти и не будучи наделенным полномочиями по осуществлению правотворческой деятельности, очевидно, не вправе в своих решениях формулировать правовые

нормы, в том числе уголовно-процессуальные. Его решения являются в большей степени актами толкования права. Вместе с тем, хотя Конституционный Суд Российской Федерации не обладает правом установления порядка уголовного судопроизводства, у него есть правомочие на формирование правовых позиций, являющихся обязательными для правоприменителя. Отсюда возникает вопрос об определении правовой природы указанных решений. Существующие в научной литературе мнения о возможности их отнесения к судебным прецедентам также не позволяют прийти к однозначному решению, поскольку решения Конституционного суда Российской Федерации не обладают всеми формальными признаками судебного прецедента. При этом в условиях динамичного развития общества, изменения законодательства, в том числе уголовно-процессуального, нельзя игнорировать значительную роль Конституционного Суда Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства. Принимаемые им решения являются обязательными для органов предварительного расследования и суда, они прочно вошли в правовую систему Российской Федерации и стали ее неотъемлемой частью [3].

Еще одной проблемой теории уголовного процесса и практики уголовного судопроизводства является отсутствие определенности при реализации решений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые также не являются официально признанными источниками уголовно-процессуального права. Вместе с тем возможность включения указанных решений в перечень источников права уже долгое время обсуждается в научных кругах. Для этого есть ряд оснований: во-первых, способность упорядочивать, унифицировать практику, способствовать правильному правоприменению в соответствии с национальным законодательством, а также принципами и нормами международного права [1]; во-вторых, судебная деятельность способствует устранению противоречий и пробелов законодательства посредством применения таких инструментов, как аналогия права и аналогия закона. Таким образом, решения органов судебной власти оказывают значительное влияние на правоприменительную практику, поскольку не только восполняют пробелы законодательства, но и являются ориентиром для нижестоящих судов при принятии ими решений [6].

Анализ указанных выше положений позволяет сделать вывод, что решения Конституционного Суда Российской Федерации и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации оказывают существенное влияние на регулирование правоотношений в сфере уголовного судопроизводства. Неопределенность их позиции в системе источников права является вопросом, требу-

ющим разрешения. Данное высказывание в равной степени справедливо для подзаконных актов: указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, которые хотя и не содержат уголовно-процессуальных норм, но регулируют часть отношений, складывающихся в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. При этом стоит отметить, что судебная практика и так называемые ведомственные нормативные акты в качестве регуляторов общественных отношений по сравнению с законодательными актами обладают способностью к быстрому реагированию на изменения, происходящие в обществе, что позволяет стабилизировать общественный порядок в кратчайшие сроки [2].

На основании вышеизложенного представляется объективно оправданной задача проведения комплексного исследования системы источников уголовно-процессуального права с точки зрения современного состояния правовых реалий развития уголовного процесса.

Список литературы:

1. *Демидов В. В.* О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Рос. Федерации. URL: <http://www.supcourt.ru/files/11552/> (дата обращения: 01.10.2022).

2. *Ильютченко Н. В.* Трансформация источников уголовно-процессуального права в период пандемии [Электронный ресурс] // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-istochnikov-ugolovno-protsessualnogo-prava-v-period-pandemii> (дата обращения: 01.10.2022).

3. *Митькова Ю. С.* Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации и их значение для уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4(55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-resheniy-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoj-federatsii-i-ih-znachenie-dlya-ugolovnogogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 01.10.2022).

4. *Сидоров В. П.* К вопросу об источниках и формах права // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istochnikah-i-formah-prava> (дата обращения: 28.09.2022).

5. *Стирин М. Ю.* Основные подходы к пониманию источника права [Электронный ресурс] // Юридический вестник Самарского ун-та. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-podhody-k-ponimaniyu-istochnika-prava> (дата обращения: 01.10.2022).

6. *Фролова А. А.* Судебная практика как факультативный источник права [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного ун-та. Серия: Право. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kak-fakultativnyy-istochnik-prava> (дата обращения: 01.10.2022).

Маргарита Владимировна Бобровская,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: margachan@yandex.ru

Проблемы определения субъекта в преступлениях, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности

Аннотация

В статье рассматриваются уголовно-правовые нормы, выступающие в качестве гарантий обеспечения права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также проблемы в толковании составов преступлений, субъектом которых могут выступать медицинские работники в связи со своей профессиональной деятельностью.

Ключевые слова и словосочетания: *субъект преступления; медицинские работники; преступления в сфере профессиональной деятельности; уголовно-правовые гарантии; право на охрану здоровья и медицинскую помощь.*

В соответствии со ст. 41 Конституции Российской Федерации право на охрану здоровья и медицинскую помощь является неотъемлемым правом человека и гражданина и гарантируется государством.

К деятельности медицинских работников предъявляются определенные требования как юридического, так и нравственного характера, поскольку работа врача – это не только профессия, но и призвание [9].

Особый статус данных лиц вызывает повышенное внимание общественности в случае совершения ими преступлений, например, как в деле работников калининградского родильного дома № 4 Сушкевич и Белой [1; 7]. Данный интерес обусловлен высокой степенью соприкосновенности каждого человека со сферой медицинского обслуживания: граждане регулярно обращаются в учреждения здравоохранения и частные медицинские организации за получением квалифицированной помощи. Желание иметь уверенность в отсутствии неблагоприятных последствий для себя и своих близких в результате оказания им медицинских услуг является естественным.

При этом Следственным Комитетом Российской Федерации была установлена неутешительная тенденция: «смертельные ошибки происходят все чаще, расследование таких дел затягивается на долгие годы», а «судебные приговоры поражают своей мягкостью» [8]. На фоне этого высказывание министра здравоохранения М. А. Мурашко [6] о необходимости декриминализации врачебной деятельности вызывает закономерные опасения, ведь уровень доверия населения к врачам в России и без этого относительно невысок. По данным опроса, проведенного Левада-Центр¹ в период с 27 января по 2 февраля 2022 г., только 53 % опрошенных россиян поддерживают утверждение о том, что врачам в России можно доверять. При этом абсолютно согласны с данным утверждением менее половины лиц, поддержавших его (20 %) [2].

Указанные данные позволяют сделать вывод о том, что вопрос гарантий обеспечения права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, в том числе средствами уголовного закона, требует дальнейшей проработки.

В качестве основной отраслевой гарантии в уголовном праве выступает установление уголовно-правового запрета, конкретизированного в нормах Особенной части УК РФ (п. «з», «м» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 109, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 117, ч. 2 ст. 118, ч. 2 ст. 120, ч. 4 ст. 122, ст. 123, ст. 124, ст. 125, п. «а» ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 128, ст. 137, ст. 155, ст. 201, ст. 219, ст. 228², ст. 230¹, ст. 230², ст. 233, ст. 234, ст. 235, ст. 235¹, ст. 236, ст. 237, ст. 238, ст. 238¹, ст. 285, ст. 290, ст. 291.1, ст. 292, ст. 293). Состав преступления отражает условия, в которых субъект подлежит привлечению к уголовной ответственности, а следовательно, устанавливает границы правомерного поведения того или иного субъекта общественных отношений.

Не во всех из указанных составов преступлений медицинские работники выступают в качестве специального субъекта, поскольку среди приведенного выше списка присутствуют общеуголовные преступления, не требующие наличия у субъекта дополнительных (специальных) качеств.

Рассматривая всю совокупность преступлений, субъектом которых могут выступать медицинские работники, необходимо обратить внимание на следующие основания классификации: объект преступного посягательства, законодательная конструкция объективной стороны состава преступления, форма вины.

¹ Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Рассматриваемые составы преступления преимущественно содержатся в разделе VII УК РФ (14), при этом большую их часть составляют преступления, посягающие на жизнь и здоровье человека (10). В разделе IX УК РФ содержится чуть меньшее количество составов (12), видовым объектом преступления для которых в основном выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения и общественную нравственность (11), между тем непосредственным объектом посягательства данных составов могут выступать жизнь и здоровье человека (например, в ст. 235 УК РФ).

Таким образом, преступления, совершаемые медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности, обладают высокой общественной опасностью, поскольку посягают на общественные отношения, стоящие на вершине иерархии ценностей, охраняемых уголовным законом.

Следует отметить тот факт, что большая часть рассматриваемых составов (27) совершается с прямым или косвенным умыслом. Большая часть данных преступлений по законодательной конструкции объективной стороны являются формальными (17). При этом все составы преступлений, совершаемых по неосторожности (5), по законодательной конструкции объективной стороны являются материальными, т. е. требуют наступления общественно опасных последствий. Данное обстоятельство свидетельствует в том числе о характере общественной опасности данных деяний.

Как было отмечено ранее, не во всех нормах Особенной части УК РФ медицинские работники выступают в качестве специального субъекта. Зачастую субъектом данных составов преступлений выступает либо общий субъект (например, ст. 233 УК РФ), либо специальный субъект, включающий в себя в том числе и медицинских работников (например, ч. 2 ст. 109 УК РФ).

Тем не менее в тех статьях Особенной части УК РФ, в которых медицинские работники выступают специальным субъектом преступления (ч. 4 ст. 122, ст. 123, ст. 124, ст. 128 УК РФ), нет прямого указания на данный признак, что порождает определенные дискуссии как среди правоприменителей, так и ученых-юристов.

Так, в ч. 4 ст. 122 УК РФ законодатель устанавливает в качестве специального признака субъекта «ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей», что указывает на обязанность соблюдения нормативных требований санитарии и гигиены при осуществлении деятельности лица. Например, передача ВИЧ возможна во время медицинских инвазивных процедур при нарушении правил дезинфекции и стерилизации медицинского инструментария, контаминированного вирусом ВИЧ.

Тем не менее заражение ВИЧ не исключено и при осуществлении немедицинских инвазивных процедур (нанесение татуировок, косметических процедур) [5].

Аналогичным образом в ст. 124 УК РФ субъектом преступления выступает лицо, обязанное оказывать помощь больному в силу закона или специального правила, но не оказавшее ее в отсутствие у него уважительных причин. Логично предположить, что под помощью больному подразумевается именно медицинская помощь, оказывать которую вменено в обязанность только лицам, которые являются медицинскими работниками в силу наличия трудовых отношений между ними и какой-либо медицинской организацией, либо лицам, которые в установленном законом порядке занимаются частной медицинской практикой. Вместе с тем некоторые авторы [4; 10] придерживаются мнения о том, что ответственности по данному составу преступления подлежат не только медицинские работники, так как закон предусматривает обязанность оказания первой доврачебной помощи и иными лицами: сотрудниками полиции¹, сотрудниками, военнослужащими и работниками Государственной противопожарной службы², спасателями аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб³. С данной позицией нельзя не согласиться в связи с тем, что в законе действительно нет указаний на конкретный вид помощи, неоказание которой образует состав данного преступления.

В ст. 123 УК РФ в качестве специального признака субъекта преступления законодатель устанавливает отсутствие у лица, незаконно производящего искусственное прерывание беременности, высшего медицинского образования соответствующего профиля, что не исключает возможности того, что данное лицо все же обладает средним профессиональным медицинским образованием (например, акушер⁴). В то же время данное лицо может не обладать медицинскими знаниями вообще или же не иметь отношения к какой-либо медицинской организации.

¹ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

³ Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей: Федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3503.

⁴ Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников: приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1183н // Рос. газ. 2013. № 65.

Ст. 128 УК РФ устанавливает ответственность за незаконную госпитализацию лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. В данном случае речь идет о нарушении установленного законом порядка госпитализации лица в указанные учреждения при отсутствии добровольного согласия данного лица или его родителя, иного законного представителя¹. Закон определяет следующие основания для госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях: наличие у лица психического расстройства и решение врача-психиатра о проведении психиатрического обследования или лечения в стационарных условиях либо постановление судьи. Тем не менее судья не может выступать в качестве субъекта указанного состава преступления, поскольку будет подлежать уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ. Это означает, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, будет выступать специальный субъект – медицинский работник, а именно врач-психиатр. Данное утверждение справедливо по отношению к составу, предусмотренному ч. 2 ст. 128 УК РФ. Первая часть рассматриваемого состава наличие специальных признаков субъекта не предусматривает, в связи с чем некоторые авторы [3] придерживаются мнения о том, что по данному составу может быть привлечено любое лицо, например, родственники потерпевшего или иные заинтересованные лица.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в УК РФ отсутствуют составы преступлений, в которых медицинские работники выступают в качестве специального субъекта преступления. Данное обстоятельство не позволяет сделать однозначного вывода о составе и качестве отраслевых гарантий обеспечения права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь и обуславливает необходимость дальнейшей проработки данного вопроса.

Список литературы:

1. Врачи Сушкевич и Белая получили реальные сроки по делу об убийстве младенца здравоохранения [Электронный ресурс] // РИА Новости: сетевое изд. 2022. 6 сентября. URL: <https://ria.ru/20220906/vrachi-1814854527.html> (дата обращения: 24.10.2022).

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон Рос. Федерации: по состоянию на 2 ноября 2022 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1992. № 33. Ст. 1913.

2. Доверие системе здравоохранения [Электронный ресурс] // АНО «Левада-Центр»¹: аналитический центр Юрия Левады. 2022. 16 февраля. URL: <https://www.levada.ru/2022/02/16/doverie-sisteme-zdravoohraneniya/> (дата обращения: 28.09.2022).

3. *Жинкин А. А.* Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ): некоторые проблемы квалификации и законодательной регламентации [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnyaya-gospitalizatsiya-v-meditsinskuyu-organizatsiyu-okazyvayuschuyu-psihiatricheskuyu-pomosch-v-statsionarnyh-usloviyah-st> (дата обращения: 02.11.2022).

4. *Мамонтов Д. Ю.* Сотрудник полиции как субъект неоказания помощи больному // Закон и право. 2018. № 11. С. 80–82.

5. Медицинское уголовное право: монография / А. И. Парог, Т. Г. Понятовская, А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин; отв. ред. А. И. Парог. Москва, 2022. 565 с.

6. Мурашко выступил за декриминализацию врачебной деятельности [Электронный ресурс] // РБК: сетевое изд. 2022. 25 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/09/2022/632f81509a79475ecf93cfe1> (дата обращения: 28.09.2022).

7. Российских врачей осудили за убийство младенца. Почему они пошли на преступление? [Электронный ресурс] // LENTA.RU: сетевое изд. 2022. 7 июля. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/09/07/prigovor/> (дата обращения: 24.10.2022).

8. СКР: В РФ расследуют десятки смертей пациентов из-за халатности врачей [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2012. 29 октября. URL: <http://www.rg.ru/2012/10/29/vrachi-site.html> (дата обращения: 28.09.2022).

9. *Циммерман Я. С.* Врачебное кредо [Электронный ресурс] // Клиническая медицина. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vrachebnoe-kredo> (дата обращения: 01.11.2022).

10. *Щетинина Н. В.* Неоказание помощи больному: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2019. № 1(81). С. 143–149.

¹ Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Светлана Игоревна Бякина,
инспектор учебного отдела
Самарский юридический институт ФСИИ России
E-mail: lana.byakina@bk.ru

**Меры воздействия на осужденных к штрафу,
имеющих обязанность пройти лечение от наркомании
и медицинскую и (или) социальную реабилитацию:
постановка проблемы**

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем применения мер воздействия к одной из немногочисленных категорий, контролируемых уголовно-исполнительными инспекциями – осужденные к штрафу, признанные больными наркоманией и обязанные пройти соответствующий курс лечения от данного заболевания. Воспитательное воздействие на таких осужденных, а именно его правовое регулирование, не позволяет в полном объеме стремиться к достижению цели исправления осужденных, обозначенной в уголовно-исполнительном законодательстве. Автор приходит к выводу о том, что меры воздействия на рассматриваемых граждан нуждаются в совершенствовании.

Ключевые слова и словосочетания: *штраф; осужденные; наркомания; воспитательное воздействие; исправление осужденных.*

На сегодняшний день в России, как и в большинстве других стран мира, угрозой национальной безопасности представляет такая серьезная проблема, как наркомания. Непрерывно увеличивается объем незаконного оборота высококонцентрированных и синтетических наркотических средств, психотропных веществ, все чаще к подобным правонарушениям привлекаются несовершеннолетние, женщины, безработные. В связи с этим российское государство уделяет особое внимание противодействию наркопреступности: регулярно разрабатываются и принимаются документы стратегического планирования, направленные на борьбу с таким негативным социальным явлением. В частности, в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 июля 2010 г. № 690, в качестве концептуальной идеи

указывается существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков¹.

В свою очередь, осужденные к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, с одной стороны, являются частью социума, проживают фактически в свободных условиях, что определяется сущностной стороной самих наказаний и мер. С другой стороны, такие граждане могут представлять повышенную общественную опасность для правоопуслушного населения, в особенности лица, страдающие наркоманией. Как правило, они живут в состоянии острой потребности в употреблении подобных веществ и стремятся ее удовлетворить любыми способами [1, с. 8]. Данное обстоятельство негативным образом отражается и на ближнем окружении лиц, страдающих наркотической зависимостью, и в итоге может привести к совершению рецидивных преступлений.

Согласно ст. 72.1 УК РФ при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы). Функцию контроля за исполнением подобной обязанности осуществляют уголовно-исполнительные инспекции Федеральной службы исполнения наказаний (далее – УИИ).

Проанализировав ведомственные статистические данные, можно констатировать, что численность рассматриваемой категории за последние годы существенно увеличилась. Так, если в 2014 г. на конец отчетного периода на учете УИИ состояло 42 осужденных к штрафу, имеющих обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию в соответствии со ст. 72.1 УК РФ, то в 2021 г. – уже 746 осужденных [5].

Небезынтересны в этом контексте данные о количестве возбужденных уголовных дел в отношении таких осужденных после вынесения приговора суда. Отметим, что мы анализируем количество возбужденных уголовных дел до и после постановки на учет уголовно-исполнительных инспекций. В 2014 г. не возбуждено ни одного уголовного дела после осуждения в отношении осужденных к штрафу, имеющих обязанность пройти лечение от наркомании, в 2015 г. данный показатель составил 1, в 2016 г. – 4, в 2017 г. – 7, в 2018 г. –

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

26, в 2019 г. – 32, в 2020 г. – 43, а в 2021 г. – 55 [2]. Можно сделать вывод о том, что увеличение криминальной активности граждан, проходящих по данному виду учета в УИИ, находится в корреляционной зависимости с ростом их численности. Следовательно, целесообразным представляется проведение определенных мероприятий по профилактике преступлений с их стороны.

Изучение отдельных нормативных актов позволяет с уверенностью говорить о недостаточности правовых средств воздействия на таких нарушителей. Так, в случае если лицо не приступило к лечению, отказалось от него, не выполняет предписания врачей, не посещает или самовольно покидает медицинскую организацию, осуществляющую реабилитацию, употребляет наркотические средства или психотропные вещества, злоупотребляет спиртными напитками, сотрудник инспекции обязан вызвать гражданина либо посетить его по месту жительства (по месту прохождения им лечения от наркомании) и провести профилактическую беседу¹, а каких-либо иных мер ответственности не предусмотрено.

Отсутствие определенных рычагов влияния у сотрудников УИИ на рассматриваемую категорию граждан, не исполняющих приговор суда, негативно влияет на отношение осужденных, признанных больными наркоманией, к назначенному им лечению. Данный факт отмечал ряд ученых в своих научных трудах [3]. Несмотря на это, конкретных вариантов решения указанной проблемы не предлагалось.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2016 г. подчеркивается, что уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации лицом, на которое судом возложены такие обязанности в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9.1 КоАП РФ. Вместе с тем должностные лица УИИ не правомочны составлять протокол по данным нарушениям и могут лишь направлять сведения о таких фактах уполномоченному должностному лицу [4].

¹ Об утверждении Порядка осуществления контроля за исполнением осужденными, признанными больными наркоманией, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию [Электронный ресурс]: приказ Минюста России и Минздрава России от 3 февраля 2020 г. № 7/59 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002100025> (дата обращения: 10.02.2020).

Полагаем, что проведение такой процедуры ввиду загруженности сотрудников достаточно осложнено, а межведомственное взаимодействие с заинтересованными органами отлажено далеко не во всех субъектах Российской Федерации.

На основании вышеизложенного считаем особенно актуальной описанную нами проблему, решение которой связано с изысканием приемлемых вариантов устранения пробелов законодательства в сфере правовой регламентации контроля, осуществляемого УИИ, за осужденными к штрафу, признанными больными наркоманией и обязанными пройти соответствующее лечение и реабилитацию на основании ст. 72.1 УК РФ. Ее решение возможно посредством проведения комплексного научного исследования, охватывающего деятельность не только уголовно-исполнительной системы, но и органов принудительного исполнения, а также учреждений системы здравоохранения.

Список литературы:

1. *Алиев В. М.* Личность осужденных-наркоманов и индивидуально-воспитательное воздействие на них в ИТУ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1990. 23 с.
2. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий УИС за четвертый квартал 2014 г., 2015 г., 2016 г., 2017 г., 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г.: форма ФСИН-1 (квартальная) // ФСИН России.
3. *Кузина Е. В.* Возможность применения мер поощрения и взыскания в отношении осужденных к обязательным работам и штрафу, в том числе признанных больными наркоманией // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15 (1–4). № 4. С. 407–410.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации от 13 апреля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2016. № 11 (начало), № 12 (окончание).
5. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях [Электронный ресурс]: статистические данные // Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 21.08.2022).

Дмитрий Владимирович Жоков,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя
E-mail: boing86@rambler.ru

Уголовная политика России в сфере защиты несовершеннолетних как жертв преступлений неформального объединения АУЕ: состояние и перспективы

Аннотация

В статье рассматривается проблема характера и активного распространения во многих субъектах Российской Федерации криминального движения АУЕ не только в молодежной среде, но и в обществе в целом. На основе проведенного анализа научных работ авторов, публикаций, освещающих проблему подростковой делинквентной субкультуры, мы пришли к выводу, что данное явление искусственно создано для агрессивного развития у несовершеннолетних антисоциальных тенденций и сопротивления государству и обществу. Такие молодежные движения требуют повышенного внимания со стороны органов охраны правопорядка, общественности, семей и способов предотвращения их распространения. Отметим, что в целях борьбы с этим явлением среди несовершеннолетних необходимо разработать специальные нормы и стандарты.

Ключевые слова и словосочетания: АУЕ; Арестантское уголовное единство; Арестантское уркаганское единство; криминальное молодежное движение; несовершеннолетний; преступность; сообщества.

Уголовная политика нашей страны на современном этапе – это комплексная деятельность государства, направленная на обеспечение действенной защиты граждан и всего общества от преступности и преступной деятельности в целом. В этой связи отметим, что уголовная политика включает в себя разработку целей и задач, а также предусматривает применение средств и действенных методов борьбы с преступностью.

Сложившаяся ситуация иллюстрирует новые вызовы, стоящие перед российским обществом, а именно перед категорией населения, наиболее подверженной криминальному влиянию, т. е. перед молодым поколением. Одним из таких вызовов выступает активировавшееся экстремистское международное общественное движение, определенное в решении Верховного Суда Российской Федерации как «Арестантское уголовное единство», известное в молодежном контексте как АУЕ, которое, по мнению депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 8-го созыва Яны Лантратовой, контролирует детей на территории более чем в 18 регионов России [11].

В историческом генезисе данного понятия аббревиатура «АУЕ» понимается по-разному и имеет несколько значений. Один из них приведен в решении Верховного Суда Российской Федерации. Второй – толкует АУЕ как «Арестантский уклад един». Третий подход понимает данный термин как «Арестантское уркаганское единство».

Экстремистские преступления и массовые беспорядки совершаются членами АУЕ в рамках осуществления деятельности и в ее интересах. Деятельность рассматриваемого экстремистского движения, как показывает практика, основанная на преступной и экстремистской идеологии, представляет реальную угрозу как жизни, так и здоровью граждан нашей страны, обществу и государству. Отметим, что отсутствие внимания к данной проблеме со стороны правоохранительных органов позволило АУЕ завербовать сотни тысяч людей, составляющих категорию молодежи (подростков, юношей и девушек), и укорениться в информационном и сетевом пространстве, что вызвало определенные трудности в выявлении и пресечении данных деяний.

17 августа 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации признал АУЕ экстремистской организацией: в его решении АУЕ характеризуется как хорошо структурированная и контролируемая организация – экстремистское молодежное движение. С этого времени деятельность, связанная с организацией АУЕ, была запрещена в нашей стране. Действия лиц, причисляющих себя к движению АУЕ, наказываются по ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», которая предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет и штраф до 700 000 руб. Сторонников АУЕ сравнивают со сторонниками фашизма или радикальных исламистов.

Ст. 282.1 УК РФ обобщает организационный и идеологический элементы и включает в себя в том числе публичные призывы. Этот шаг представляется целесообразным, но недостаточно эффектив-

ным, поскольку у АУЕ нет официальных лидеров или представителей [9, с. 157].

По данным судебного эксперта, специалиста по религиозным и экстремистским сообществам И. В. Иванишко, «за три года правоохранительными органами была пресечена противоправная деятельность 31 организации АУЕ, к ответственности привлечено 470 человек из этих банд» [2].

Достаточно часто члены АУЕ, опираясь на поддержку криминальных авторитетов и элементов, вводят «налог» с учащихся образовательных организаций. Члены группировок АУЕ требуют от своих сверстников платить деньги, аргументируя это «помощью своим товарищам в тюрьме», и используют любые средства для вовлечения лиц, не достигших совершеннолетия, в незаконную деятельность, побуждая их к совершению преступлений.

Идеология группировок АУЕ пропагандирует насилие, отказ от традиционной морали и всех форм управления. Члены движения выступают за идею борьбы с правоохранительными органами и властями на всех уровнях. Согласно статистическим материалам Генпрокуратуры, АУЕ имеет более 34 000 активных последователей в 40 регионах России, из них 40 % составляют подростки возрастной категории 13–17 лет [12].

Движение «Арестантский уклад един» представлено в России от Москвы и Санкт-Петербурга до Калининграда и Приморского края. Однако оно распространилось и на страны бывшего Советского Союза (СНГ) и получило соответствующий международный статус. В динамике последних лет популярность АУЕ в России выросла. Одна из крупнейших социальных сетей в России насчитывает 39 000 групп АУЕ с суммарной численностью более чем 6,5 млн участников. Однако самые крупные онлайн-сообщества создаются и управляются из Украины. В публицистике АУЕ «распространяется идеологический материал – экстремистские идеи, а также призывы к совершению насильственных действий против сил охраны порядка и безопасности» [12].

В Азербайджане в социальных сетях существует более 40 групп АУЕ, в Армении – 22, в Грузии – 7, а в Республике Казахстан – около 60 000 интернет-пользователей интересуются идеологией АУЕ [12].

Генеральный прокурор Российской Федерации провел координационное совещание руководителей правоохранительных органов по вопросам предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершаемых лицами, не достигшими возраста совершеннолетия, и в отношении них [3]. Злободневной и актуальной стала проблема бесконтрольной передачи негативной информа-

ции через каналы сети Интернет. Следует отметить, что с его помощью дети вовлекаются в преступность и деструктивные молодежные движения и, как следствие, становятся жертвами преступлений.

В социальной сети «ВКонтакте» было создано несколько сообществ с постами на следующие темы: пропаганда воровской романтики и криминального образа жизни, воровские идеи и криминальное мировоззрение. В 2017 г. некоторые российские и украинские интернет-магазины предлагали своим посетителям товары с символикой АУЕ [1]. В августе 2018 г. двое жителей Екатеринбурга были арестованы в связи с выдвинутым против них обвинением по делу об «экстремистском сообществе АУЕ» в социальной сети «ВКонтакте». Им были предъявлены обвинения по ст. 280 УК РФ («О призывах к экстремизму через Интернет») и ст. 282.1 («Организация экстремистского сообщества»). Обвиняемые граждане утверждали, что они не связаны с преступным сообществом и занимаются только извлечением прибыли.

Существует пошаговая (неформальная) модель вовлечения подростков в криминальную среду (субкультура АУЕ):

1. Знакомство с материалами сайта: представление материала на сайте обезличено, пользователи не идентифицируются, а целью является побуждение интереса к содержанию сайта.

2. Регистрация на интернет-сайте: пользователя сподвигают зарегистрироваться на сайте, используя различные приемы, такие как «Этот сайт для настоящих парней» и т. д.

3. Разговор о человеческих ценностях: о правилах поведения настоящих мужчин и женщин (честность и верность словам, дружьям), пропаганда здорового образа жизни (отказ от алкоголя, сигарет, наркотиков).

4. Замена традиционных ценностей социума идеологией преступного мира. Публикация сайта начинается с утверждений, с которыми сложно не согласиться (например, о родителях); за этим следует изменение сознания подростка, приоритеты которого в конечном итоге склоняются в пользу криминальной субкультуры.

5. Развитие готовности игнорировать и нарушать законные права других людей, пренебрегать их жизнью и здоровьем, ценностями и нормами общества.

Вышесказанное лишь подтверждает тот факт, что рассматриваемое движение все больше захватывает информационно-телекоммуникационную среду и становится серьезной угрозой для молодого поколения, так как большинство граждан несовершеннолетнего возраста по своей природе доверчивы и склонны верить всему, что видят в Интернете. В силу своего юного возраста, отсутствия необ-

ходимого жизненного опыта и медиаграмотности дети часто не распознают используемых против них манипуляций (рекламу и другую информацию, убеждение, соблазнение, вовлечение и т. д.). Интернет часто используется как инструмент для подготовки совершения преступлений несовершеннолетним.

Отметим, что движение АУЕ зародилось в местах лишения свободы и до 2000 г. было локализовано, имело влияние только в исправительных учреждениях, пропагандировало отказ от традиционных моральных ценностей и принципов, содержало романтизацию преступного образа жизни и т. д. Члены АУЕ призывали своих сторонников к актам вандализма, нападению на силовиков и сожжению административных зданий. Отметим, что после 2000 г. идеология АУЕ и сами ее члены появились на периферии: в деревнях, поселках, районах и малых городах, удаленных от крупных территориальных центров, где детей вербовали и облагали налогом, призывали вступить в их ряды.

По данным органов, осуществляющих следствие, движение начало активно распространяться из Забайкальского края в Иркутскую и Оренбургскую области и Республику Бурятия. АУЕ впервые получило известность в России в 2011 г., когда в Забайкальском крае была задержана банда из 20 человек за нападение на частную компанию. Преступниками были подростки и молодые люди в возрасте от 15 до 22 лет из благополучных семей, которые были увлечены идеями АУЕ [12].

Деятельность и методы работы банд АУЕ довольно просты. Одна из главных их особенностей заключается в том, что членами их банд являются подростки, что дает им чувство безнаказанности. Кроме того, эта безнаказанность в силу их возраста используется как средство запугивания и защиты, когда их ловит полиция. Кодекс АУЕ запрещает любое сотрудничество или помощь органам правопорядка, полиции и другим структурам власти.

Во всех сферах своей деятельности АУЕ сначала пытается вербовать детей и собирать с них «налоги», выстраивая параллельную иерархическую структуру власти и порядка, основанную на идеях взрослых криминальных структур [1]. Отметим, что идея такого «налога» повторяет систему социального страхования: деньги, собранные с детей сейчас, отдаются тем, кто находится в местах лишения свободы, а в будущем члены АУЕ, отдавшие деньги сейчас, получают деньги от других (более молодых членов АУЕ), находясь в местах лишения свободы.

Одна из известных акций движения АУЕ состоялась в марте 2015 г. Пятнадцать членов движения призывали 137 заключенных

Ангарской колонии для несовершеннолетних к восстанию и сопротивлению администрации учреждения.

В декабре 2015 г. в официальном документе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека говорилось, что «в Забайкальском крае на протяжении многих лет распространяется криминальная субкультура «АУЕ», члены которой вербуют (вовлекают) детей в преступную деятельность и занимаются вымогательством в образовательных учреждениях». Правоохранительным органам было поручено «принять срочные и исчерпывающие меры по искоренению преступной субкультуры «АУЕ» и привлечению к ответственности как ее участников, так и покровителей» [10].

В июне 2018 г. представители АУЕ пытались спровоцировать массовые беспорядки в другой колонии для несовершеннолетних – в Канске (Красноярский край) с целью заставить руководство колонии признать и установить криминальные законы в зоне – так называемое «перекрашивание (очернение) зоны».

Мотивы, которые привлекают подростков в движение АУЕ – очень разные. Одни руководствуются пропагандой и преступным романтизмом, другие – страхом и принуждением. В любом случае приверженность к криминальной субкультуре часто приводит к различным преступлениям.

3 марта 2020 г. несовершеннолетние граждане, 14-летний и 12-летний фанаты АУЕ, избили и изнасиловали 8-летнего ребенка, который, по их мнению, действовал в нарушение правил игры «Правда или действие». Младший насильник отделался лишь легким испугом, так как не достиг возраста уголовной ответственности.

16 марта 2020 г. несколько отрядов полиции пришлось вызвать в торговый центр в городе Каменске-Уральском Свердловской области, потому что агрессивные подростки нападали на людей. Когда прибыла полиция, около десятка сторонников АУЕ, следуя идеологии движения, набросились на них с кулаками.

Ряд исследователей отмечают, что в 1950-х и 1960-х гг. в Советском Союзе, несмотря на то что самой аббревиатуры АУЕ не существовало, определенное количество подростков и детей подчинялись этим «воровским обычаям», отраженным в преемственности понятий, которые «передавались из класса в класс, из поколения в поколение» [1].

В эпоху свободного доступа к сети Интернет распространение правил и законов АУЕ стало осуществлять намного проще. Крайне мало известно о том, что происходит сегодня в детских колониях или центрах временного содержания несовершеннолетних, откуда

АУЕ идет полным потоком. Основная причина этого кроется в том, что этот феномен никто специально не исследует.

Что касается цикличности подростковой преступности, то некоторые эксперты, например, В. С. Овчинский, изучающий деятельность молодежных банд в России с 1980-х гг., утверждает, что подростковая преступность растет 20-летними циклами, вызванными периодическим ослаблением уголовной политики и соответствующего законодательства, а также распространением «воровского романтизма» [4].

Д. В. Громов в своих трудах отмечал, что «феномен АУЕ двухуровневый» [1]:

– первый уровень – неблагополучные населенные пункты, часто расположенные рядом с местами лишения свободы, где «могут развиваться структуры по типу АУЕ»;

– второй уровень – это «онлайн-процессы», которые слабо связаны с реальным обществом и образуют «определенный интернет-фольклор».

И. В. Иванишко, специалист по религиозным и экстремистским сообществам, выделяет три типа лиц, приписываемых к движению [1]:

1) настоящие представители АУЕ, имеющие собственный криминальный опыт, фактически являются полноценными членами ОПГ, состоят на учете в отделе ОВД по делам несовершеннолетних или ранее находились в воспитательной колонии для несовершеннолетних;

2) подражатели, которых настоящие воспринимают негативно, потому что они делают татуировки, указывающие на то, что они сидели в тюрьме. Среди них есть молодые хулиганы, которые хотят бороться с системой и поэтому стремятся присоединиться к определенной самой влиятельной социальной группе молодежи, терроризирующей школу, занимаясь вымогательством под видом сбора денег;

3) «диванные» участники – те, которые постоянно сидят в социальных сетях, заучивают определенные термины, а затем выкладывают фотографии.

АУЕ существует и за пределами СНГ: молодежные банды разной степени серьезности наблюдаются в США, Великобритании, Мексике и других странах.

Британские власти обнаружили, что 27 000 несовершеннолетних в стране вовлечены в преступные сети – сообщества. Молодых людей вербуют закоренелые преступники. По словам Энн Лонгфилд из Комиссии по делам детей, подростки, пережившие домаш-

нее насилие и родительское пренебрежение, дети с неустойчивой психикой чаще вступают в банды [7].

На основании вышеизложенного следует отметить, что криминальная ситуация в стране не улучшается, а уровень отдельных видов преступлений динамичен и остается достаточно высоким. Возникает извечный русский вопрос: кто виноват и что делать?

В рамках уголовной политики может быть предложено изменение некоторых норм уголовного права, традиционно признаваемых если не единственным, то по крайней мере радикальным средством снижения преступности.

Большинство участников экстремистского движения АУЕ – это двое или более несовершеннолетних, совершающих преступления и антиобщественные действия под влиянием, внушением и убеждением взрослых преступников (ст. 150 и 151 УК РФ). Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует о совершении групповых преступлений вовлеченными в них подростками (таблица 1) [8].

Таблица 1

**Количество осужденных по ч. 4 ст. 150 УК РФ
в период с 2016 г. по 2021 г.**

Год	Число осужденных по основной статье	Дополнительная квалификация по приговору	
		по числу лиц	по количеству составов преступлений
2016	161	163	253
2017	167	165	214
2018	141	145	213
2019	120	130	173
2020	92	133	155
2021	110	130	174

Такие преступления представляют повышенную угрозу для общества. Неслучайно, что в ряде статей Особенной части УК РФ в качестве квалифицированных составов преступлений против несовершеннолетних указывается на их совершение в отношении двух и более лиц (ч. 4 ст. 134, ч. 3 ст. 135, ч. 2 ст. 242.2 УК и др.). В этом контексте можно применить этот принцип к ст. 150 и 151 УК РФ, дополнив их отдельным квалифицирующим составом преступления ч. 3.1 в следующей редакции: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в отношении двух или более лиц». Это будет превентивная мера в рамках уголовной политики России по защите несовершеннолетних от совершения преступлений и/или иных антиобщественных действий. Поскольку почти все преступления, совершаемые членами АУЕ, носят групповой характер, где в большинстве присутствует массовость (беспорядки, погромы, грабежи, нападения на полицейских и т. д.).

Квалифицированный состав преступления предусмотрен в ч. 4 ст. 150 УК РФ. Наиболее тяжким преступлением является участие несовершеннолетнего в групповом преступлении или в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, или совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Движение АУЕ – это именно та субкультура, преступления которой имеют не только групповой, но и национальный, расовый и религиозный подтекст.

АУЕ соответствует характеристикам экстремистской группы. Однако стратегия борьбы с этим явлением должна быть поэтапной:

1. Предотвращение маргинализации населения, находящегося на границе различных социальных групп, культур и под влиянием противоречивых друг другу норм и ценностей, например, неопределенных в существующей социальной структуре.

2. Специальный мониторинг деятельности школ-интернатов и учебных заведений, где субкультура особенно активна.

3. Обеспечение эффективного мониторинга социальных сетей.

4. Применение положений уголовного законодательства.

На данном этапе развития нашего общества проблема физического и нравственного растрепания детей вызывает большое напряжение в обществе. По сей день основным направлением уголовной политики нашего государства в этой области является защита психического и физического развития подростков от негативных влияний. Эти изменения нацелены на усиление

ответственности за преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних граждан.

Для того чтобы предотвратить попадание подростков в криминальную субкультуру, необходимо с юных лет повышать их правосознание [5]. Только соблюдая правовые требования и нормы общества, в котором они живут, можно избежать антиобщественного и антисоциального поведения. Вопрос правового воспитания является серьезным и глубоким, и важно предоставить подросткам образцы для подражания, обладающие необходимыми моральными качествами и в то же время ведущие законопослушный образ жизни [6].

Отсутствие комплексной системы воспитания – очень важная проблема. О ней много говорят, но ее до сих пор не актуализировали на национальном уровне. Полагаем, что следовало бы внедрить систему воспитания и систему морально-этического удержания через государственные образовательные организации, но для этого необходимо переосмыслить и разработать сложную социально-инженерную систему, позволяющую работать с людьми на всех этапах жизнедеятельности. Так, наставничество – один из лучших способов психолого-педагогического сопровождения подростков, склонных к употреблению алкоголя, совершению различных аморальных, антиобщественных поступков, правонарушений и т. д.

Уголовная политика охватывает данную область вполне оправданно, так как в сферу ее влияния входят:

- совершенствование уголовного законодательства;
- осуждение и наказание лиц, совершивших преступления;
- ресоциализация лиц, отбывших наказание;
- разработка действенных и своевременных мер, целей и задач

по предупреждению преступности;

- разработка средств и эффективных методов противодействия преступности (борьба с преступностью).

Стремление молодого поколения к идеалам АУЕ является следствием маргинализации населения, резкой дифференциации по доступу к стандартам современной цивилизации и появления масс бедных людей.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что движение АУЕ построено исключительно на идеологии противопоставления несовершеннолетних власти и обществу. Современным ученым еще предстоит исследовать причины, побудившие определенные силы или отдельных лиц активно использовать криминальную субкультуру для негативного воздействия на несовершеннолетних, а также найти эффективные уголовно-правовые меры в контексте современной уголовной политики России для противодействия этому явлению.

Список литературы:

1. АУЕ [Электронный ресурс] // Википедия: свободная интернет-энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%A3%D0%95#cite_note-67 (дата обращения: 01.08.2022).
2. Буккер И. В. Поддержат ли запрещенных АУЕ-шников «реальные» воры [Электронный ресурс] // Правда.Ру: сетевое изд. 2020. 2 сентября. URL: <https://www.pravda.ru/amp/society/1524337-аue/> (дата обращения: 01.08.2022).
3. В Генпрокуратуре озвучили статистику детской преступности [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 2020. 23 сентября. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/09/23/v-genprokurature-ozvuchili-statistiku-detskoj-prestupnosti.html> (дата обращения: 01.09.2022).
4. Журавлева Е. Молодые волки против старых [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: сетевое изд. 2007. 11 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2298404> (дата обращения: 25.08.2022).
5. Лубский Р. А. Государственность и патернализм в России // Философия права. 2012. № 6(55). С. 19–21.
6. Меняйло Д. В., Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 3. С. 107–111.
7. Подростковые банды заполнили Великобританию [Электронный ресурс] // NEWS.ru. 2019. 1 марта. URL: <https://news.ru/world/podrostki-deti-bandy-prestupniki-velikobritaniya/> (дата обращения: 22.08.2022).
8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016–2021 годы // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79/> (дата обращения: 30.08.2022).
9. Семочкина А. А. АУЕ – как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 154–158.
10. Совет принял Рекомендации по итогам выездного заседания в Забайкальском крае с 14 по 18 декабря [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета при Президенте Рос. Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. 2016. 8 февраля. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/sovets_prinyal_rekomendatsii_po_itogam_vyezdnogo_zasedaniya_v_zabaykalskom_krae_s_14_po_18_dekabrya/ (дата обращения: 30.08.2022).

11. *Шамсутдинова Ю.* А у нас во дворе – АУЕ: казанские школьники собирают «грев на зону» и не хотят быть «петухами» [Электронный ресурс] // Вечерняя Казань: электронное периодическое изд. 2017. 3 августа. URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/a-u-nas-vo-dvore-ae-kazanskie-shkolniki-sobirayut-grev-na-zonu-i-nepotyat-byt-petuhami.html> (дата обращения: 01.08.2022).

12. *Шарапов В.* Поклонников криминала приравнили к фашистам. Им грозит до 12 лет тюрьмы и крупные штрафы [Электронный ресурс] // LENTA.RU: сетевое изд. 2020. 17 августа. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/?ysclid=l7wbkxkb5j269407074> (дата обращения: 01.08.2022).

Владислав Николаевич Зайцев,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: police.1967@mail.ru

Злоупотребление обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования: постановка проблемы

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся порядка ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе предварительного расследования уголовного дела. Приводится обоснование необходимости исследования и совершенствования указанного порядка с целью противодействия злоупотреблению обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела.

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовный процесс; ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела; копии материалов уголовного дела; следователь.*

В современном демократическом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Обязанность государства заключается в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина.

Представляется, что государство в данном случае выступает гарантом реализации прав человека и гражданина исключительно по причине возможных нарушений таких прав и это является его обязанностью.

Одним из важнейших прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве является право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, поскольку при реализации данного права исполняется фундаментальное конституционное право человека и гражданина на защиту и получение информации.

Реализация права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве Российской Федерации не случайно осуществляется на финальном этапе предварительного расследования уголовного дела, поскольку обвиняемому предоставляется возможность изучить всю имеющуюся информа-

цию (за исключением исчерпывающего перечня документов, определенных УПК РФ), все процессуальные документы и предметы с целью дальнейшей реализации другого не менее фундаментального права – права на обжалование действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Действительно, реализация права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела на более ранних стадиях была бы нелогичной и неправильной, поскольку предоставляла бы обвиняемому неполную картину расследования уголовного дела и, как следствие, недостаточную реализацию права обвиняемого на обжалование действий должностных лиц, производивших расследование.

Вместе с тем современный мир развивается в геометрической прогрессии: более интенсивно используются средства получения информации, способы ее обработки, представления и изучения.

Нельзя не согласиться с мнением Ю. В. Гаврилина о том, что сегодня цифровой трансформации оказались подвержены не только социально-экономические, производственные, управленческие процессы, но и преступность, что проявляется в качественных и количественных изменениях ее показателей [5, с. 204].

Указанное обстоятельство, бесспорно, сказывается на существенном возрастании объемов уголовного дела. Помимо этого, с учетом возросшего количества совершенных в Российской Федерации преступлений в составе организованных преступных групп или преступных сообществ, отмечается тенденция увеличения количества обвиняемых в рамках одного уголовного дела, каждый из которых обладает одинаковыми правами, в том числе правом на ознакомление с материалами уголовного дела.

При сравнении объемов уголовного дела, скажем, 15-20-ти летней давности с современным уголовным делом той же квалификации и с тем же количеством фигурантов несложно заметить, что современное уголовное дело значительно больше по объему, в связи с чем увеличивается время ознакомления обвиняемого на этапе окончания предварительного расследования.

Однако на практике имеют место случаи, когда обвиняемый использует свое право на ознакомление с материалами уголовного дела как инструмент достижения иных целей, отличных от целей реализуемого права, предполагаемых и установленных государством.

Так, сегодня достаточно часто встречаются факты злоупотребления обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела в первую очередь путем явного затягивания срока ознакомления с целью оказания противодействия органам и поряд-

ку расследования, например, во избежание привлечения к уголовной ответственности в связи с истечением срока давности.

Вопросы процессуальных сроков уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела рассматривались в работах ряда авторов, таких как В. П. Божьев, Б. Я. Гаврилов, В. А. Михайлов, П. Я. Сокол и др.

Вопросам злоупотребления субъективным правом в уголовном судопроизводстве посветили свои работы А. В. Матвеев, П. Я. Алимамедов, Е. В. Рябцева, Д. А. Доника.

Высоко оценивая результаты исследований указанных авторов, следует отметить, что до настоящего времени глубокого анализа проблем злоупотреблений обвиняемым своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования не проводилось, ввиду чего пути противодействия данным злоупотреблениям также не получили должного освещения.

Так, одним из устоявшихся научных мнений является сохранение действующих процессуальных норм, регламентирующих порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела [2; 3; 4; 9]. Часть исследователей, к которым относится, к примеру, Н. А. Колоколов, напротив, считают, что в условиях современности необходимо модернизировать положения ст. 217 УПК РФ [7]. Иное, представляющееся автору радикальным, мнение ученых состоит в лишении стороны защиты права на ознакомление с материалами уголовного дела, в том числе в случае наличия угрозы безопасности другим участникам уголовного процесса [1; 6; 8].

На сегодняшний день рассматриваемому вопросу в УПК РФ уделен лишь фрагмент ч. 3 ст. 217 УПК РФ, где указано понятие явного затягивания времени ознакомления, однако оно не раскрыто, не определены его признаки, критерии и характеристики. Порядок действий следователя в случае явного затягивания времени ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела определен, но весьма неточно и неинформативно. Нормативная база (в том числе носящая рекомендательный характер), регламентирующая понятие «явное затягивание» времени ознакомления с материалами уголовного дела, на сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует. К сожалению, на современном этапе у должностных лиц органов предварительного расследования системы МВД России отсутствует достаточный инструментарий для решения данных задач. Неслучайно на протяжении последних лет в Государственную Думу Российской Федерации направлялись инициативы по установлению минимальных темпов ознакомления обвиняемо-

го с материалами уголовного дела на указанном этапе уголовного процесса (к примеру, 7 апреля 2016 г. депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва О. Л. Михеевым), однако они не были поддержаны, и данный вопрос в настоящее время остается нерешенным.

Вместе с тем на примерах уголовного процесса стран СНГ наблюдаются различные подходы к решению рассматриваемой проблемы. Так, в Республике Беларусь этот вопрос решен радикально: срок для ознакомления законодательно определен в два месяца вне зависимости от количества обвиняемых и объема уголовного дела¹. В Армении, напротив, какие-либо правовые основания к ограничению сроков ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела отсутствуют².

Таким образом, актуальность обращения к этой проблеме обусловлена рядом причин.

Во-первых, с течением времени в уголовном судопроизводстве России объемы уголовного дела, количество обвиняемых в уголовном деле значительно возросли, что обусловило увеличение сроков ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела, в то время как процессуально границы этих сроков не обозначены, что, в свою очередь, не может определять их разумность.

Во-вторых, законодательно не определен термин «явное затягивание» времени ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, что влечет за собой неоднозначное толкование данного термина в правоприменительной практике и, как следствие, возможное нарушение прав и свобод иных участников уголовного судопроизводства.

В-третьих, на современном этапе государством недостаточно учитываются факты злоупотребления обвиняемым своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела как способа уклонения от уголовной ответственности.

В четвертых, отсутствует достаточная нормативная база, позволяющая должностным лицам органов предварительного расследования МВД России успешно решать задачи по противодействию фактам злоупотребления обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 19.09.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 июля 1998 г. № ЗР-248 [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 19.09.2022).

Список литературы:

1. *Багаутдинов Ф.* Право на защиту: проблемы и предложения // Законность. 2001. № 7. С. 22–25.
2. *Барabanов П. К.* Реализация назначения уголовного судопроизводства при доказывании в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 244 с.
3. *Барabanов П. К.* Следует ли сохранить право ознакомления стороны защиты с материалами предварительного следствия (дознания) // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 40–44.
4. *Быков В. М.* Ознакомление следователем обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела // Российский следователь. 2013. № 12. С. 19–21.
5. *Гаврилин Ю. В.* Тенденции цифровой трансформации преступности и факторы, ее обуславливающие // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. Москва, 2020. С. 204–212.
6. *Кожневиков И. Н.* Упорядочить полномочия следователя // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 22–24.
7. *Колоколов Н. А.* Ознакомление с материалами уголовного дела. Инновации неизбежны // Российский следователь. 2014. № 10. С. 6–10.
8. *Лукичев Н. А.* Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 227 с.
9. *Рагулин А. В.* Право адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела после завершения предварительного расследования: проблемные вопросы регламентации и практической реализации // Адвокат. 2012. № 4. С. 16–25.

О проведении оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии правонарушений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней как правоприменительной формы реализации оперативно-розыскной политики

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы условий проведения оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии правонарушений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней, предложены рекомендации по совершенствованию правовой основы оперативно-розыскной деятельности в части проработки вопроса возможности законодательного закрепления оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий не только при решении задач борьбы с преступлениями, но и правонарушениями.

***Ключевые слова и словосочетания:** оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное мероприятие; условие; правонарушение; правовая основа; совершенствование; незаконный оборот полудрагоценных камней.*

Как известно, оперативно-розыскная политика представляет собой «научно обоснованную крупномасштабную деятельность стратегического характера, связанную с проведением специально уполномоченными на то оперативными подразделениями государственных органов оперативно-розыскных мероприятий и направленную на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Закона об ОРД)» [1].

При этом основной стратегической целью оперативно-розыскной политики как составной части уголовной политики является обеспечение безопасности личности, общества и государства от противоправных действий криминально настроенных лиц. Суть же такой политики прежде всего заключается в практической реализации управленческих решений для достижения обозначенной цели посредством использования оперативно-розыскных сил, средств и методов [2].

Отметим, что янтарь, нефрит, берилл, аквамарин и гелиодор включены в перечень полудрагоценных камней в целях применения ст. 7.5 КоАП РФ и ст. 191 и 255 УК РФ. При этом данные виды полудрагоценных камней, с одной стороны, не относятся к категории «драгоценные камни»¹, а с другой, входят в перечень стратегически важных ресурсов², имеют особое значение для экономической политики Российской Федерации по вопросам регулирования оборота природных ресурсов, чем объясняется актуальность темы данной статьи.

О стратегически важном значении полудрагоценных камней и государственной охраны их оборота от противоправных посягательств свидетельствуют размеры ущерба, причиняемого экономике и экологии страны. Так, в среднем ежегодно на территории Российской Федерации незаконно добывается около 15 т янтаря на сумму, превышающую 1,3 млрд руб., а доход лиц, причастных к незаконной добыче янтаря, варьируется в размере от 800 тыс. руб. до 10 млн руб. в год [3].

При этом обращают на себя особое внимание неутешительные данные статистики. По данным ГИАЦ МВД России [4], сотрудниками различных подразделений МВД России ежегодно в среднем фиксируется более 1,5 тыс. административных правонарушений по фактам совершения самовольной добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней. По линии налоговых преступлений, преступлений по линии незаконного оборота полудрагоценных камней, например, в 2020 г. было зарегистрировано 27 фактов противоправной деятельности, квалифицируемых по ст. 191 УК РФ «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга».

¹ В соответствии с Порядком отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 января 1999 г. № 8, уникальные янтарные образования в предусмотренных Федеральным законом случаях приравниваются к драгоценным камням. Основными критериями отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням являются: масса – свыше 1000 г; форма – разнообразная, фантазийная, связанная с условиями внутривольного образования янтаря; целостность – относительно монолитные по своей структуре (не менее 80 %), не содержащие сквозных раковин, визуальных трещин, угрожающих целостности образца; включения – прозрачные образцы с хорошо сохранившимися включениями флоры и фауны размерами более 10 мм; цвет – разнообразная цветовая гамма, присущая янтарю.

² Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Подобная разница между количеством совершенных административных правонарушений и преступлений, где предметом посягательства являются полудрагоценные камни, объясняется наличием административной преюдиции, при которой лицо, впервые самовольно добывшее янтарь, нефрит или иные полудрагоценные камни, привлекается не к уголовной, а к административной ответственности, предусмотренной ст. 7.5 КоАП РФ. В случае же повторного совершения данного административного правонарушения лицо привлекается к уголовной ответственности в зависимости от степени противоправного деяния: либо совершение сделки, связанной с заведомо самовольно добытыми янтарем, нефритом или иными полудрагоценными камнями, а равно их незаконные хранение, перевозка или пересылка в любом виде лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. 7.5 КоАП РФ (ч. 1 ст. 191 УК РФ); либо самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. 7.5 КоАП РФ (ч. 2 ст. 255 УК РФ).

Тем не менее статистические данные явно указывают на то, что оборот полудрагоценных камней нуждается в защите от противоправных действий лиц, которые ежедневно наносят колоссальный ущерб интересам общества и государства в целом. Как показывает изучение практики, эффективным средством нейтрализации противоправной активности криминально настроенных лиц в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней является единая слаженная система мер выявления и раскрытия преступлений посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Следует отметить одно обстоятельство, требующее пристального внимания и разрешения в целях повышения эффективности противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней. Оно связано с тем, что меры противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней не сводятся только к проведению ОРМ в целях выявления и раскрытия преступлений в указанной сфере. Сюда в том числе относятся мероприятия по выявлению и раскрытию административных правонарушений, где предметом посягательства выступают полудрагоценные камни.

Анализ практики показывает, что преступность в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней характеризуется высокой степенью организованности, профессионализма, финансирования, а также профилизацией, осведомленностью о формах и методах оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и административно-процессуальной деятельности. В связи с этим субъекты про-

тиводействия незаконному обороту полудрагоценных камней обязаны использовать все имеющиеся оперативно-розыскные, уголовно-процессуальные и административно-процессуальные методы и средства.

Как показывает практика, нормы действующего оперативно-розыскного закона позволяют проводить оперативно-розыскные мероприятия только для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. При этом в нормах данного закона не идет речи о возможности проведения ОРМ при выявлении и раскрытии административных правонарушений, в то время как в ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» основной целью оперативно-розыскной деятельности определена защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств. Данная трактовка активно обсуждалась в юридической литературе, а основная часть мнений сведена к тому, что ОРМ разрешено законом проводить только при выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений. Здесь мы видим некоторое противоречие данному законодательному предписанию. В соответствии со ст. 84 УИК РФ (Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях) в исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность, одной из задач которой является выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях не только преступлений, но и нарушений установленного порядка отбывания наказания¹.

Справедливо возникает вопрос относительно разницы между правонарушениями в исправительных учреждениях и административными правонарушениями в области охраны собственности. Это можно объяснить элементарным соблюдением принципа неотврат-

¹ Например, злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы (ст. 116 УИК РФ) – употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ; мелкое хулиганство; угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления; изготовление, хранение или передача запрещенных предметов; уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или от обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии; организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них; мужеложство, лесбиянство; организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных в настоящей статье правонарушений, а равно активное участие в них; отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин.

тимости наказания за совершенное противоправное деяние, которое, как известно, включает в себя такие понятия, как преступление и административное правонарушение.

Полагаем, что ОРМ можно проводить и при выявлении и раскрытии административных правонарушений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней с соблюдением процедурных моментов регламентации такой возможности на законодательном уровне.

Анализ практики показывает, что сотрудники оперативных подразделений в целях противодействия преступности, специализирующейся в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней, в рамках документирования организованных форм осуществления преступной деятельности нередко лишены возможности проведения ОРМ для выявления и раскрытия административных правонарушений по фактам самовольной добычи полудрагоценных камней.

Сложность заключается в том, что диспозиция ст. 7.5 КоАП РФ предусматривает наступление административной ответственности за самовольную добычу полудрагоценных камней либо транспортировку или хранение только в целях их последующего сбыта. На практике в случае задержания лиц, незаконно добывающих полудрагоценные камни, с поличным данные лица во избежание административной ответственности указывают на отсутствие в своих противоправных действиях цели на сбыт незаконно добытых полудрагоценных камней.

В связи с этим в целях документирования противоправных действий лиц необходимо проведение комплекса ОРМ для фиксации организованной преступной деятельности. Нередко преступники, зная о таких тонкостях в законодательных интерпретациях, успешно их используют. Это выглядит следующим образом: преступники незаконно добывают полудрагоценные камни, но в случае поимки в первый раз они указывают на отсутствие цели на их дальнейший сбыт; в случае привлечения к административной ответственности по ст. 7.5 КоАП РФ вовлекают в преступную деятельность новых участников, ранее не привлекавшихся к административной ответственности по ст. 7.5 КоАП РФ, мотивируя это опасностью самому быть привлеченным к уголовной ответственности за повторное совершение административного правонарушения по ст. 7.5 КоАП РФ.

Поэтому, как показывает практика, подобным действиям криминалитета необходимо противопоставить оперативно-розыскную деятельность с ее негласными формами и началами. Даже предоставление возможности оперативным сотрудникам проводить оперативные эксперименты или проверочные закупки в целях доку-

ментирования фактов самовольной добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней либо их транспортировки или хранения в целях сбыта обеспечит качественно иной уровень противодействия криминальной активности в данной области общественных отношений.

Таким образом, предлагаем рассматривать в качестве направления совершенствования оперативно-розыскной деятельности обеспечение возможности документирования административных правонарушений посредством проведения ОРМ в искомой сфере. Для этого необходимо проанализировать практику; провести исследования с выработкой научно обоснованных предложений и рекомендаций; проработать теоретические вопросы регламентации и согласования на законодательном уровне; организовать слаженную координацию деятельности субъектов, причастных к решению данного вопроса, и др. Полагаем, что решение обозначенных в статье вопросов непременно положительно отразится на противодействии не только незаконному обороту полудрагоценных камней, но и преступности в целом.

Список литературы:

1. *Беляева Л. И., Павличенко Н. В.* Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60). С. 19–24.
2. *Иванов П. И.* О соотношении понятий «уголовно-правовая политика» и «оперативно-розыскная политика» // Закон и право. 2022. № 8. С. 149–151.
3. *Малашенков Б. М.* Янтарная отрасль Российской Федерации и мировой рынок янтаря // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. 69. С. 103–126.
4. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. (Ф. 495. КН. 101) // ГИАЦ МВД России.

Диана Ивановна Малекер,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: diana1999z@mail.ru

Вовлечение в употребление и незаконный оборот наркотиков как уголовно-правовая и криминологическая проблема

Аннотация

Вопрос о криминализации разных способов преступного вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков актуален, ввиду того что преступное вовлечение в указанную деятельность нарушает две группы общественно значимых отношений: конституционно-правовые – связанные с гарантиями реализации права на охрану здоровья человека и гражданина, и охраняемые уголовным законом общественные отношения, обеспечивающие здоровье граждан и общественную нравственность. Появление новых видов общественно опасных деяний, связанных с преступным вовлечением в употребление и незаконный оборот наркотиков, представляющих повышенную общественную опасность, но остающихся вне рамок действия российского уголовного законодательства (пропаганда, реклама, сетевой маркетинг, предложение «работы» в указанных формах деятельности), обуславливает необходимость проработки вопроса о модернизации российского уголовного законодательства в указанной сфере. Деяния, связанные с преступным вовлечением в употребление и незаконный оборот наркотиков, необходимо рассматривать как самостоятельный тип общественно опасного поведения, имеющий в своей структуре различные формы общественно опасного поведения и требующий выработку комплекса мер криминологического предупреждения.

Ключевые слова и словосочетания: *незаконный оборот наркотиков; преступное вовлечение в употребление наркотиков; склонение к потреблению наркотиков; пропаганда и реклама наркотиков; сетевой маркетинг наркотиков.*

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России только за январь – август 2022 г. зарегистрировано 120 559 преступлений [8] (2018 г. – 134 715 [4]; 2019 г. – 130 069 [5]; 2020 г. – 128 708 [6]; 2021 г. – 123 429 [7]), связанных с незаконным оборотом наркоти-

ков (в том числе из них – 91 242 тяжких и особо тяжких преступлений). По сравнению с аналогичным периодом 2021 г. на 5,1 % в 2022 г. возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотиков. С 57,4 % до 61,8 % вырос удельный вес сбыта наркотиков в числе общего количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [7; 8].

Стремительно появляются новые виды наркотиков синтетического происхождения (каннабиноиды, аналоги амфетаминов, галлюциногены и многие др.), а также новые потенциально опасные психоактивные вещества, которые в настоящее время не входят в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

Нельзя не отметить и тот факт, что закрепленный в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3–ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее – Реестр) имеет недостатки объективного происхождения, вызванные организационными проблемами упразднения в 2016 г. ФСКН России и передачей ее функций МВД России. Так, в указанный Реестр до сих пор не включено ни одно вещество, признанное на территории Российской Федерации новым потенциально опасным психоактивным веществом. Все дело в том, что алгоритм по включению средств и веществ в указанный перечень был разработан на базе ФСКН России, а с его упразднением данное направление деятельности так и не было доведено до результативного завершения. В результате рассогласованность законодательного урегулирования в сфере контроля за наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами привела к существенному расширению рынка наркотиков, быстрому его наполнению средствами и веществами, которые законодательно наркотиками не являются, хотя имеют присущие им свойства и качества.

Появление новых видов наркотиков на рынке заставило наркоторговцев разрабатывать более эффективные формы и методы их сбыта: возникла потребность в рекламе и пропаганде новых «товаров и услуг», а также расширении клиентской базы. Все это обусловило возникновение самостоятельного направления криминальной деятельности, связанной с преступным вовлечением в употребление и незаконный оборот наркотиков, которое включает в себя группу отдельных типов общественно опасного поведения.

Рассмотрение вопроса о криминализации отдельных способов преступного вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков особо актуально в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), способствующих информатизации общества и государства, а также преступной деятельности, «следы» осуществления которой намного легче скрыть в ИТТ.

Способами вовлечения в условиях развития ИТТ могут являться: пропаганда и реклама наркотиков в различных вариациях (например, размещение объявлений на площадках интернет-магазинов, специализирующихся на сбыте наркотиков; нанесение QR-кодов и иной графической информации на здания и сооружения, содержащие ссылки на информационные площадки для сбыта наркотиков); их сетевой маркетинг; предложение «работы» в указанных формах деятельности, например, закладчиком либо курьером.

В УК РФ содержится ряд уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за вовлечение в совершение общественно опасных деяний как самостоятельных составов преступлений (ст. 150 УК РФ; ст. 151 УК РФ; ст. 151.2 УК РФ; ст. 230 УК РФ; ст. 240 УК РФ).

Так, ст. 230 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, путем склонения к их потреблению. Однако применение ст. 230 УК РФ к новым способам преступного поведения осложнено недостаточной ясностью признаков данного состава преступления. Отметим, данная статья не охватывает пропаганду и рекламу мест сбыта наркотиков, постепенно расширяющие поле своей деятельности интернет-магазины продажи запрещенных веществ.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости совершенствования уголовно-правовых мер противодействия преступному вовлечению в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития ИТТ как самостоятельному виду общественно опасного поведения.

В. В. Палий, обосновавшая склонение как одну из форм вовлечения, уже предлагала заменить термин «склонение», используемый в ст. 230 УК РФ, на более обобщенную категорию «вовлечение», определяемую как вид подстрекательства, характеризующийся информационным или физическим воздействием на другое лицо, в результате которого у последнего возникает умысел на совершение преступления либо иного антиобщественного деяния. Под склонением автор предлагала понимать форму вовлечения, пред-

ставляющую психологическое воздействие на жертву, с помощью которого лицо, вовлекающее в совершение общественно опасных деяний, стремится вызвать у вовлекаемого лица решимость совершить преступление либо иное антиобщественное действие [2, с. 9].

Принимая во внимание тот факт, что именно через различные формы склонения к потреблению, пропаганды и рекламы, сетевого маркетинга, а также предложения «работы» в указанных формах деятельности происходит преступное вовлечение в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития ИТТ, наряду со склонением к потреблению представляется актуальным рассмотреть вопрос о криминализации данных общественно опасных деяний.

Президентом Российской Федерации в 2015 г. было дано поручение Правительству Российской Федерации рассмотреть вопрос о необходимости внесения в российское законодательство изменений, предусматривающих установление уголовной ответственности за незаконное распространение на территории Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о приобретении, хранении, перевозке, изготовлении и переработке наркотиков. Реализовать указанное положение было необходимо до 2020 г. [3].

В этом же году законодатель предпринимал попытку ввести уголовную ответственность за пропаганду и рекламу наркотиков. Так, группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации был разработан и подготовлен проект федерального закона о внесении соответствующих изменений в УК РФ, направленный на уточнение понятий пропаганды и рекламы наркотиков в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Обозначенная выше тенденция нашла свое логическое продолжение в 2019 г., когда депутаты Государственной Думы Российской Федерации С. М. Миронова, О. А. Нилова и М. В. Емельянова внесли в Государственную Думу проект федерального закона, в котором предлагалось ужесточить и расширить существующие законодательные основания применения ответственности, предусмотренной ст. 6.13 КоАП РФ, признать утратившей силу указанную статью КоАП РФ и дополнить УК РФ новой ст. 230.3. «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ» [1].

Обозначенные законодательные инициативы в настоящее время так и не были реализованы. Имеющиеся правовые меры не способны в должной мере обеспечить противодействие преступному вовлечению в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития ИТТ, что обуславливает необходимость дальнейшего их совершенствования. Представляется, что серьезной проблемой при пресечении указанных действий является недостаточность уголовно-правовых (ст. 230 УК РФ) и административно-правовых средств (ст. 6.13 КоАП РФ).

Такие способы преступного вовлечения, как пропаганда, реклама, сетевой маркетинг, а также предложение «работы» в указанных формах деятельности, ранее рассматривались лишь на уровне отдельных публикаций, посвященных более частным вопросам, связанным с вовлечением как самостоятельным типом общественно опасного поведения. Вопрос же предупреждения преступного вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития ИТТ как самостоятельного типа общественно опасного поведения ранее не рассматривался.

Кроме того, важно отметить тот факт, что в настоящее время не в полной мере исследована область, связанная с участием лиц в разработке и создании программного обеспечения либо оборудования, необходимого для функционирования интернет-ресурсов, на которых размещается информация в различных вариациях о сбыте наркотиков, а также лиц, осуществляющих рекламу наркотиков на таких интернет-ресурсах.

Деяния, связанные с преступным вовлечением в употребление и незаконный оборот наркотиков, необходимо рассматривать как самостоятельный тип общественно опасного поведения, имеющий в своей структуре различные формы выражения и нуждающийся в выработке мер криминологического предупреждения.

Внутренние криминологические связи преступного вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков, а также действующие уголовно-правовые меры его профилактики требуют отдельного изучения.

Кроме того, важный акцент необходимо сделать на рассмотрении вопроса, связанного с деятельностью лиц, принимающих участие в разработке программного обеспечения и интерфейса для интернет-магазинов, осуществляющих рекламу в ИТТ сети Интернет, направленную на сбыт наркотиков, а также пропаганду новых видов наркотиков синтетического происхождения.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о необходимости разработки концептуально нового подхода к исследованию новых

способов вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков путем склонения к потреблению, пропаганды и рекламы, сетевого маркетинга, а также предложения «работы» в указанных формах деятельности. Для успешного противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, необходима криминализация указанных типов общественно опасных деяний. Представляется оправданным рассмотреть вопрос о криминализации деяния в виде умышленной пропаганды или незаконной рекламы наркотиков, совершенного лицом, ранее подвергнутым административному наказанию в соответствии со ст. 6.13 КоАП РФ, посредством введения в УК РФ нового соответствующего состава преступления.

Список литературы:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части установления уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ [Электронный ресурс]: законопроект от 30 октября 2019 г. // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: № 826083-7 <https://sozd.duma.gov.ru/bill/826083-7> (дата обращения: 10.10.2022).

2. *Палий В. В.* Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 23 с.

3. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации от 21 июля 2015 г. Пр–1439ГС [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва. URL: <http://mintrudtuva.ru/wp-content/uploads/2017/02/Перечень-поручений-Президента-Российской-Федерации-от-17-июня-2015.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).

4. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – август 2018 г. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России: офиц. сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/14468708/> (дата обращения: 10.10.2022).

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – август 2019 г. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России: офиц. сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/18401476/> (дата обращения: 10.10.2022).

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – август 2020 г. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России: офиц. сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21244698/> (дата обращения: 10.10.2022).

7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – август 2021 г. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России: офиц. сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/26023627/> (дата обращения: 10.10.2022).

8. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – август 2022 г. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России: офиц. сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/32515852/> (дата обращения: 10.10.2022).

9. *Фильченко А. П., Жандров В. Ю.* Ответственность за рекламу интернет-ресурсов, обеспечивающих незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Юрист. 2019. № 2. С. 64–69.

10. *Фильченко А. П., Жандров В. Ю.* Противодействие запрещенной рекламе интернет-магазинов по продаже наркотиков // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4(66). С. 97–109.

Екатерина Аркадьевна Маркова,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: 79099409413@yandex.ru.

Развитие уголовного законодательства в сфере уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте на современном этапе

Аннотация

Статья посвящена изменениям законодательства, внесенным Федеральными законами от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ, от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ в ст. 193 УК РФ, введению впервые ст. 193.1 УК РФ. В статье проанализированы изменения в части субъекта преступления, крупного и особо крупного размеров совершенных деяний.

***Ключевые слова и словосочетания:** репатриация; уголовная ответственность; валютные операции; иностранная валюта; подложные документы.*

Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» (далее – ФЗ № 134-ФЗ) внес кардинальные изменения в ст. 193 УК РФ и ввел впервые в действие ст. 193.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за «совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов». Впервые в названии ст. 193 УК РФ появился термин репатриация денежных средств, под которым понимается получение продавцом товара денежных средств от иностранного покупателя в случае исполнения внешнеэкономического договора либо возврат денежных средств в случае невозможности его исполнения и поставки товаров. Термин «репатриация» содержится и раскрывается в ст. 19 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». В ст. 19 подробно описаны обязанности резидентов по возврату в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезидентам за неввезенные в Российскую Федерацию товары, невыполненные рабо-

ты. Таким образом, правовое регулирование ст. 193 УК РФ начинает носить межотраслевой характер, чего раньше не наблюдалось.

ФЗ № 134-ФЗ полностью изменена диспозиция ст. 193 УК РФ, более полно и подробно раскрывающая содержание объективной стороны преступного деяния. До введения в действие названного закона преступным деянием признавалось невозвращение в крупном размере из-за границы руководителем организации средств в иностранной валюте, подлежащих в соответствии с законодательством Российской Федерации обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк Российской Федерации.

ФЗ № 134-ФЗ изменен субъект преступления. Если раньше субъектом преступления являлся руководитель организации в независимости от формы собственности юридического лица и выполняемых обязанностей, который не принял должных мер по возврату иностранной валюты на счета в уполномоченный банк в соответствии с внешнеэкономическим контрактом, то с 2020 г. субъектом признается лицо, которое в соответствии с возложенными на лицо обязанностями не исполнило требование валютного законодательства и уже подверглось административному наказанию за аналогичное правонарушение, предусмотренное ч. 5.2 ст. 15.25 КоАП РФ.

Анализируя санкции ст. 193 УК РФ до и после внесения изменений, можно отметить, что преступление так и осталось преступлением небольшой тяжести, где максимальный срок лишения свободы составляет три года. Однако из возможно назначаемых санкций статьи законодатель убрал ограничение свободы на срок до трех лет и добавил назначение штрафа в размере от 200 до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы осужденного.

С 2013 г. до 2020 г. в соответствии с ФЗ № 134-ФЗ крупным размером признавалась сумма, превышающая 30 млн руб., которая определялась исходя из суммы незачисленных или невозвращенных денежных средств как по однократно, так и по неоднократно проведенным в течение одного года валютным операциям. Согласно Федеральному закону от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ совершение деяния признается преступлением, если сумма превышает 100 млн руб. Таким образом, законодатель внес уточнение, что входит в сумму и в течение какого периода. Указание законодателя на период в течение одного года, можно расценить как борьбу с фирмами-однодневками, которые сразу после регистрации юридического лица заключают внешнеторговый контракт, оформляют паспорт сделки и переводят денежные средства на счет организации-нерезидента, после чего фирма ликвидируется.

Ранее, до введения в действие ФЗ № 134-ФЗ, крупным размером признавалась сумма, превышающая 5 млн руб., еще раньше – 10 тыс.

минимальных размеров оплаты труда. Таким образом, можно отметить, что законодатель идет по пути либерализации законодательства за данное правонарушение.

В соответствии с ФЗ № 134-ФЗ в 2013 г. впервые появилась ст. 193.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за «совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов». Данная статья пересекается с п. «в» ч. 2 ст. 193 УК РФ, в связи с чем возникает коллизия норм. Критерием разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 193 и 193.1 УК РФ, является факт представления подложного документа в органы валютного контроля. Для привлечения к ответственности по ст. 193.1 УК РФ требуется, чтобы указанные документы содержали заведомо недостоверные сведения об основаниях, цели и назначении платежа. При этом дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ не требуется [1].

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ, в частности, повышены крупный и особо крупный размеры, которые являются криминообразующими признаками, и добавлены новые квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных ст. 193 и 193.1 УК РФ. В связи с чем на основании ст. 10 УК РФ подлежат пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных за данные преступления, поскольку в этой части уголовный закон имеет обратную силу. Действия осужденных подлежат переквалификации на соответствующие части статей в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ со смягчением наказания, а в случаях, когда размер совершенного преступления не достигает вновь установленного размера, осужденные подлежат освобождению от наказания ввиду устранения преступности деяния.

Дополнение УК РФ ст. 193.1 и внесенные изменения в ст. 193 вызваны необходимостью восполнения законодательного пробела в уголовно-правовой охране сферы валютного регулирования и обеспечения эффективного противодействия уголовно-правовыми мерами незаконному вывозу капитала за границу.

Список литературы:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / П. В. Агапов [и др.]; под общ. ред. О. С. Капинус. Москва, 2018. 1375 с.

2. Яни П. С. Изменения уголовно-экономического законодательства // Законность. 2014. № 2. С. 28–32.

Илья Сергеевич Марсаков,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: ilya.marsakov.94@mail.ru

Некоторые аспекты оперативно-розыскной политики по противодействию преступлениям коррупционной направленности

Аннотация

Рассмотрены общие аспекты уголовно-правовой политики, а также оперативно-розыскная политика с точки зрения противодействия преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд; выделены основные направления оперативно-розыскной политики. Предложена авторская дефиниция оперативно-розыскной политики по противодействию преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. На основе анализа Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, исходя из актуальных угроз безопасности общества и государства, указаны основные направления реализации оперативно-розыскной политики Российской Федерации на современном этапе.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовно-правовая политика; оперативно-розыскная политика; коррупция; сфера закупок для государственных и муниципальных нужд; оперативно-розыскная деятельность.*

Современное развитие российской экономики нельзя представить без интенсивного роста малого и среднего бизнеса. Для него получение прибыли является основной задачей, для достижения которой создаются предприятия самых разных организационно-правовых форм. В последние десятилетия ускоренными темпами прогрессирует контрактная система в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, которая насчитывает сотни миллионов и миллиардов бюджетных денежных средств. По исследованиям отдельных авторов, в настоящее время в сфере закупок выполняют функцию активных заказчиков более 99 тыс. и без малого 166 тыс. – функцию активных поставщиков, что делает исследуемое направление самой востребо-

ванной и крупнейшей хозяйственной системой страны. Отметим, что в единой информационной системе ежегодно размещаются извещения в денежном выражении. На текущий момент на упомянутой информационной площадке размещено извещений на сумму более 9,4 трлн руб., что на 11 % превосходит показатель 2020 г. [12].

Так, за 2021 г. подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (далее – ЭБиПК) в результате проведенных оперативно-розыскных и иных мероприятий выявлено более 2,8 тыс. преступлений, связанных с освоением бюджетных денежных средств. Едва ли не каждое второе преступление (более 1,8 тыс.) квалифицировалось как совершенное в крупном и особо крупном размере либо причинившее крупный ущерб, 243 преступления – как совершенное в составе организованной группы или преступного сообщества. Установлено более 1,1 тыс. лиц, совершивших данные преступления, из них в отношении 0,8 тыс. лиц уголовные дела направлены в суд. Совокупный материальный ущерб, причиненный этими преступлениями, составил более 56 млрд руб., при этом 77,8 млрд руб. возмещены государству [15]. Надо отметить, что данные показатели, а именно рост выявленных преступлений, размер причиненного ущерба, массовость вовлеченных в преступные схемы лиц, в сопоставлении с прошлым годом выросли на 32 %, что говорит нам о необходимости усиления государственно-правовых мер, к которым относится такой институт как уголовно-правовая политика.

Как мы уже отмечали, сфера закупок является самой востребованной и крупнейшей хозяйственной системой страны ввиду больших вливаний бюджетных средств со стороны государства. Исходя из этого она становится притягательной для выстраивания коррумпированной оболочки вокруг нее. В подтверждение наших суждений – совершенно недавно Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции весьма точно отметил сферу закупок как наиболее подверженную криминальным посягательствам.

Президент Российской Федерации В. В. Путин регулярно обращает внимание на то, что от органов внутренних дел общество ожидает наращивания усилий в борьбе с коррупцией, ее искоренение в самом широком смысле этого слова, а особенно в сфере размещения государственного и муниципального заказа [13]. Резюмируя приведенные высказывания высших должностных лиц страны о криминогенной обстановке в сфере противодействия коррупции, можно говорить о том, что создаются положительные предпосылки и тренды к видоизменению антикоррупционной деятельности.

В обеспечении антикоррупционной деятельности, а равно экономической безопасности государства, главенствующая роль принадлежит уголовной политике [10; 11], а в ее структуре важное значение отводится оперативно-розыскной политике [7; 8; 9] с ее возможностями задействовать негласные методы и средства работы.

Так, уголовная политика включает в себя в самом широком смысле слова деятельность по противодействию коррупции. Мы согласны с мнением некоторых теоретиков и практиков, исследующих данное направление, о том, что в состав уголовной политики входит оперативно-розыскная политика, которая выступает самостоятельным элементом правотворческой и правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью посредством использования возможностей, сил и средств оперативно-розыскной деятельности [1; 14; 17]. В данном исследовании мы рассмотрим один из видов уголовной политики – деятельность правоохранительных органов, направленную на противодействие преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, с учетом содержания и некоторых ее элементов.

На наш взгляд, оперативно-розыскная политика по противодействию преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд представляет собой деятельность оперативных подразделений ряда правоохранительных органов, в первую очередь подразделений ЭБиПК органов внутренних дел, направленную:

- на выявление и раскрытие преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере закупок;
- на розыск и изъятие имущества, полученного преступным путем;
- на оперативно-розыскное обеспечение уголовного преследования, избобличение и привлечение к уголовной ответственности коррупционеров.

Объектом такой деятельности выступают преступления коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Однако, в отличие от бытовой коррупции [16], преступления коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд являются высокоинтеллектуальными и сложными по своему содержанию. Ежегодно ГИАЦ МВД России формирует статистическую отчетность рассматриваемого сегмента преступлений, на основании которой можно сделать выводы о степени коррумпированности рассматриваемой сферы и сложности задачи по ее подавлению.

В частности, за период с 2018 г. по 2021 г. в России зарегистрировано 66,5 тыс. преступлений анализируемой группы. Из них: более

132,4 млрд руб. составляет размер причиненного материального ущерба по оконченным уголовным делам; 130,2 млрд руб. – обеспечение возмещение ущерба; выявлено 31 693 лица, совершивших преступления, и 25 545 из них лиц привлечено к уголовной ответственности [15].

В ходе проведенного анализа вышеуказанной статистики мы пришли к выводу, что на сферу закупок приходится большая часть выявленных преступлений. Это говорит нам о положительной динамике и наращивании сил и средств оперативно-розыскной политики. Однако стоит отметить, что данные показатели отражают только видимую часть коррупционной пораженности, основной объем которой внешне не проявляется и носит весьма латентный характер.

Государство с помощью органов власти, в том числе при проведении нормотворческой деятельности, учитывает статистические показатели деятельности правоохранительных органов и, как мы выше отмечали, проводит оперативно-розыскную политику по предотвращению коррупционных рисков. Так, необходимость осуществления государственными органами, органами местного самоуправления и организациями мероприятий, направленных на борьбу с коррупцией, отмечена в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478¹, а также подчеркнута в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208², согласно положениям которой высокий уровень коррупции в экономической сфере является одной из основных угроз экономической безопасности нашего государства.

Важно отметить, что высокая коррумпированность исследуемой сферы обуславливает популяризацию среди должностных и иных лиц неправомερных действий. При этом в положениях вышеназванной Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года отмечено, что одной из основных задач по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, является совершенствование осуществления контроля со стороны правоохранительных органов в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Данное положение, на наш

¹ О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 16 августа 2021 г. № 478. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О стратегии экономической безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

взгляд, вполне оправданно, ведь механизм коррупционных деяний, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок, из года в год усложняется, а злоумышленниками тщательно разрабатываются сложные схемы, позволяющие скрыть незаконную деятельность от внимания государственных органов и уйти от ответственности. В то же время такие деяния влекут множество негативных последствий, среди которых:

- неэффективное расходование средств бюджетов различных уровней;

- неисполнение или частичное неисполнение договорных обязательств между субъектами закупок, что приводит в дальнейшем к срывам сроков выполнения статусных и приоритетных объектов в том числе в рамках целевых программ;

- снижение военного потенциала государства;

- причинение вреда бизнес-сообществу в связи с антиконкурентным поведением участников торгов и т. д. Кроме этого, важность обеспечения законности и прозрачности системы закупок для государственных и муниципальных нужд обусловлена дефицитом бюджета, экономическими санкциями, специальной военной операцией и сложной геополитической обстановкой в мире.

На наш взгляд, обозначенные проблемы могли бы быть решены посредством совершенствования законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Отметим, что изменения в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ в течение 2020 г. вносились 12 раз.

Необходимо отметить и позитивную динамику исследуемого вопроса. Сегодня предпринимаются шаги в разрезе цифровой трансформации противодействия коррупции. Здесь особого внимания заслуживает недавно подписанный Президентом Российской Федерации Указ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции "Посейдон"². Данный программно-аппаратный комплекс создан для переработки, оценки и накопления больших объемов данных, генератором которых становятся государственные и муниципальные органы власти всех уровней, что, бесспорно, учитывается как обстоятельство справочной

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обеспеченности для интеллектуальной, логической и аналитической деятельности при детекции коррупционных связей. Алгоритм «Посейдона» настолько универсален, что с учетом технических возможностей и программирования обрабатывает самые разные персональные данные об интересующем должностном лице или лице, занимающемся предпринимательской деятельностью. В его возможности входит в прямом смысле слова создание «цифрового портрета» путем анализа сведений, расположенных в таких электронных базах органов власти, как Федеральная налоговая служба, Росфинмониторинг, Росимущество, а также информации из социальных сетей. Данный комплекс со встроенным искусственным интеллектом способен установить неформальные связи проверяемого лица не только посредством проведения последним финансово-хозяйственных операций (покупка и продажа движимого или недвижимого имущества, приобретение драгоценностей или вещей дорогих брендов), но и путем анализа фотографий, видеороликов, расположенных во всемирной сети Интернет (проведение досуга, походы в дорогие рестораны, отдых за границей и т. д.). Результатом такого глубокого анализа может служить цифровое совпадение (коррупционные проявления) между должностным лицом, являющимся представителем заказчика, и лицом, выигравшим контракт (поставщиком) при проведении государственных и муниципальных закупок. Мы убеждены, что информация, содержащаяся в программно-аппаратном комплексе «Посейдон», однозначно будет полезна всем правоохранительным органам при решении задач оперативно-розыскной политики государства.

Ряд специалистов полагают, что оперативно-розыскная деятельность является передовым и ключевым звеном в механизме выявления и раскрытия основной массы преступлений, в том числе на таком специфическом направлении, как преступления коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Оперативно-розыскная деятельность является одним из важнейших инструментов, используемых в деятельности правоохранительных органов при противодействии преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок [3]. Подобную позицию разделяет и начальник Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России А. А. Курносенко, по мнению которого осведомленность оперативных подразделений является основополагающим фактором в рассматриваемой сфере [5].

Однако ресурс оперативно-розыскной деятельности в уголовной политике по противодействию преступлениям в сфере закупок, по нашему мнению, задействован не в полной мере. На это обстоятельство также обратил внимание Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка: «потенциал ОРД задействован в борьбе против кор-

рупционных преступлений недостаточно» [4]. Он также отмечает, что повсеместно остается низким уровень осведомленности оперативных подразделений о коррупционных явлениях в органах государственной власти, что не позволяет выявлять и расследовать коррупционные преступления [6].

Солидарны с такими оценками и специалисты: безопасность экономических объектов приоритетного оперативного прикрытия обеспечивается слабо, отсутствует своевременная и достоверная информация о наиболее опасных коррупционных преступлениях, совершаемых в органах государственной власти [2].

Достаточно характерным показателем современной ситуации с использованием в антикоррупционной деятельности средств оперативно-розыскной деятельности является организация поисковой деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел. На наш взгляд, в условиях цифровизации всех направлений деятельности государства оперативным подразделениям необходимо идти в ногу со временем, а именно при проведении оперативно-розыскных мероприятий по сбору первичной оперативно-значимой информации в целях выявления и раскрытия преступлений в сфере закупок важно использовать метод личного сыска в комбинации с методом сбора разведывательной информации из сети Интернет, т. е. с оперативно-розыскным мониторингом (мониторинг сети Интернет), являющимся одним из элементов поисковой деятельности с применением государственных и коммерческих информационных систем, таких как Сбербанк-АСТ, Национальная электронная площадка, РТС-тендер, АГЗРТ, АО «Единая электронная торговая площадка» и т. д.

Исследуя правоприменительную практику различных регионов России, можно сделать вывод, что о данных методах оперативной работы сотрудники либо вообще не осведомлены, либо осведомлены, но не знают, как и по каким алгоритмам и принципам проводить работу в данном направлении. В данном контексте у оперативных подразделений правоохранительных органов открывается возможность получить сведения совершенно быстро и беспрепятственно, так как субъектам оперативно-розыскной деятельности не будет требоваться время на подготовку запросов, их направление, получение и анализ ответов, что важно для оперативной работы и скрытого факта оперативного интереса к объектам проверки.

В заключение отметим, что в рамках данной статьи мы не ставили перед собой цель всецело проанализировать оперативно-розыскную политику как элемент уголовной политики по противодействию преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, так как это невозможно сделать

в рамках данного формата исследования, но вместе с тем констатируем, что оперативно-розыскная политика является важным направлением государственной политики Российской Федерации. В настоящее время существует потребность в совершенствовании законодательства и повышении эффективности его применения на одном из самых актуальных направлений оперативно-розыскной политики – противодействии преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

Список литературы:

1. *Александров А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В. З. Лукашевича. Санкт-Петербург, 2003. 562 с.
2. *Александров А. С.* Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4(26). С. 49–57.
3. *Боруленков Ю. П.* Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир, 2009. 551 с.
4. Вступительное и заключительное слова Генерального прокурора Российской Федерации на межведомственном совещании руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросу укрепления законности и правопорядка [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. 2010. 25 февраля. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=21488737> (дата обращения: 12.09.2022).
5. Глава ГУЭБиПК МВД России: в условиях пандемии возрастают риски хищения бюджетных денег [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС: информационное агентство. 2021. 9 декабря. <https://tass.ru/interviews/13145931> (дата обращения: 12.09.2022).
6. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. 2017. 26 апреля. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=83278690> (дата обращения: 12.09.2022).
7. *Захарцев С. И.* О содержании оперативно-розыскной политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14). С. 315–321.

8. *Захарцев С. И.* Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 163–172.
9. *Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П.* Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография. Москва, 2015. 400 с.
10. Концепция правоохранительной политики Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2012. 32 с.
11. *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): учеб. пособие / под. науч. ред. А. В. Малько. Москва, 2014. 453 с.
12. Объем закупок в России компаний с госучастием вырос на 15 % в 2021 году [Электронный ресурс] // Рамблер: медийно-сервисный портал. 2021. 31 января. URL: <https://finance.rambler.ru/business/48035228-obem-zakupok-v-rossii-kompaniy-s-gosuchastiem-vyros-na-15-v-2021-godu/> (дата обращения: 12.09.2022).
13. Президент РФ призвал органы внутренних дел к эффективной защите общества в цифровом пространстве [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. 2021. 3 марта. URL: <https://www.garant.ru/news/1449069/> (дата обращения: 12.09.2022).
14. *Сальников В. П., Захарцев С. И., Сальников М. В.* Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 6. С. 96–108.
15. Статистические данные за январь – декабрь с 2018 г. по 2021 г. (Форма № 5-БЭП) // ГИАЦ МВД России.
16. *Трунцевский Ю. В.* Бытовая (повседневная коррупция): понятие и социальное значение // Российское право. 2018. № 1(253). С. 157–168.
17. *Федоров А. В.* К вопросу разработки основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). 2009. № 4. С. 17–18.

Александр Геннадьевич Осокин,
слушатель факультета подготовки
руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
Академия управления МВД России
E-mail: aleksandrosokin@gmail.com

Батор Октябрьевич Баторов,
кандидат технических наук,
старший преподаватель
кафедры информационных технологий
Академия управления МВД России

Использование больших данных в деятельности органов внутренних дел

Аннотация

В статье дано определение понятию больших данных. Проведен анализ законодательства, а также нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов внутренних дел, в части сбора информации, которая может быть отнесена к категории больших данных. Приведены примеры использования больших данных в деятельности органов внутренних дел, в том числе органах предварительного расследования. Предложены пути усовершенствования ведомственного использования информационных баз данных и данных официальной статистики в едином массиве больших данных, подпадающих под категорию «выгода» в соответствии с определением термина, которое дано в ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021, путем масштабирования.

Ключевые слова и словосочетания: *большие данные; использование информационных массивов; изменения в законодательстве.*

Бесспорно, развитие технологий ведет к повышению качества жизни общества. Неслучайно к важнейшим элементам научно-технической революции относят повышение эффективности производства за счет улучшения условий труда, рационального использования ресурсов, а также сохранение окружающей среды. В современном мире значительный скачок в развитии произошел благодаря внедрению компьютерной техники и сопутствующим технологиям. В то же время усложнение процессов во всех сферах человеческой деятельности приводит

и к росту объемов используемых данных, которые необходимо не только сохранять, но и обрабатывать для принятия взвешенных решений.

На стыке 60–70-х гг. XX в. в США впервые заговорили о таком понятии, как «*big data*» (большие данные). Так, согласно изданию 1966 г. Конгресса США данная фраза упоминается в связи с необходимостью разрешения банковскому сектору использовать компьютерную технику для обработки данных [5]. При этом высказанное в ходе обсуждений мнение о постоянном росте объемов обрабатываемых данных нашло и свое последующее историческое подтверждение. Уже в ходе обсуждения в 1969 г. Конгрессом США данное словосочетание (*big data*) упоминалось в связи с необходимостью анализа данных, поступающих во время запуска ракет [4]. И несмотря на то, что в краткосрочной перспективе в ходе заседаний обсуждалась необходимость финансовых вложений в отрасль, в долгосрочной же перспективе экономический эффект от вложений должен был приносить ощутимую выгоду. Таким образом, период повсеместного активного внедрения компьютерной техники, связанный с развитием полупроводниковых технологий в 60–70-х гг. XX в., повлек за собой и расширение отраслей, где эта техника могла бы успешно применяться.

Несмотря на бурный рост и развитие компьютерных технологий, нормативная база в настоящее время, как нам представляется, недостаточно полно описывает терминологию и порядок правоприменения достижений цивилизации.

Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹ утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на указанный период. Данным правовым актом определен вектор преимущественного развития внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий. И хотя Стратегия не содержит понятие «большие данные», тем не менее дано определение понятию обработки больших объемов данных как совокупности подходов, инструментов и методов автоматической обработки структурированной и неструктурированной информации, поступающей из большого количества различных, в том числе разрозненных или слабосвязанных, источников информации, в объемах, которые невозможно обработать вручную за разумное время. При этом обработка больших объемов данных является ключевым факто-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ром производства цифровой экономики. Отмечается, что конкурентным преимуществом на мировом рынке обладают государства, отрасли экономики которых основываются на технологиях анализа больших объемов данных. Такие технологии активно используются в России, но они основаны на зарубежных разработках. Отечественные аналоги в настоящее время отсутствуют. Идеи о конкурентном преимуществе идут к нам из глубины веков и являются двигателями экономического развития государства на мировой арене. Неслучайно еще полторы тысячи лет назад в «Трактате о военном искусстве» Сунь Цзы говорится: «Поэтому просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что все знали наперед» [2].

Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ в качестве одной из задач, выполнение которой направлено на достижение цели научно-технологического развития Российской Федерации, определено развитие перспективных высоких технологий, среди которых выделена обработка больших данных. Учитывая повышенную общественную значимость использования указанных технологий, предполагается, что наступательное развитие будет идти по всем направлениям одновременно, а основой для перестройки экономики будет служить совершенствование научного потенциала, качества и доступность образования.

Несмотря на важные послылы, касающиеся анализа больших данных, сделанные главой государства, нормативная база в данной области в настоящее время недостаточно сформирована. Отсутствие правового регулирования данной отрасли не позволяет своевременно имплементировать перспективные отрасли в реальный сектор экономики.

Так, приказом Росстандарта от 13 июля 2021 г. № 632-ст утвержден ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021 «Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» – терминологический стандарт, ставший первым российским нормативно-техническим документом в сфере больших данных (*Big data*) [1].

История разработки ГОСТа указывает на то, что российская наука идет в ногу со временем, поскольку не только содержит переводы англоязычных терминов на русский язык, но и определяет основные понятия, связанные с использованием больших данных в различных отраслях деятельности.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Директор по научным проектам НИУ «Высшая школа экономики», председатель технического комитета № 164 «Искусственный интеллект» Сергей Гарбук отмечает, что «обеспечение доступа российских разработчиков систем искусственного интеллекта к специальным образом подготовленным наборам данных является важнейшим условием развития отрасли искусственного интеллекта» [3]. Наличие определенных стандартов деятельности является необходимым условием развития, поскольку позволяет вести диалог на языке и по правилам, понятным всем участникам отрасли.

Согласно ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021 большие данные (*big data*) – большие массивы данных (3.1.11), отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. Из примечания к определению следует, что «большие данные» широко применяются в различных значениях, например, в качестве наименования технологии масштабирования, используемой для обработки больших массивов данных. Более того, большие данные часто ассоциируются с «выгодой» вследствие понимания того, что данные имеют потенциальную ценность, ранее не рассматриваемую. Полагаем, что в экономическом смысле применение новых технологий обработки и анализа больших данных позволит избавиться от рутинных операций достаточное количество трудовых ресурсов, что позволит более эффективно использовать высвободившиеся резервы.

Для понимания источников сбора больших данных в деятельности органов государственной власти, в частности в органах внутренних дел, необходимо обратиться к ст. 2 и ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в которых указаны основные направления деятельности, а также обязанности полиции. Анализ указанного закона показывает, что в ходе выполнения обязанностей полиции возникает свыше 50 видов деятельности, которые так или иначе документируются, после чего данная информация подлежит обобщению для последующей обработки для различных внутренних и внешних целей, в том числе и для статистической отчетности.

Зачастую информация, получаемая при выполнении обязанностей полиции, вносится в различные базы данных, не связанные между собой, что не отвечает принципу унификации наборов данных, для их последующей обработки. Так, например, в приказе МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» указано, что основными функциями главного следственного управления, следственного управления, следственного отдела являются: участие в установленном поряд-

ке в формировании информационных систем, баз (банков) данных в установленной сфере деятельности, своевременное внесение в них сведений; составление документов первичного учета преступлений, лиц, их совершивших, уголовных дел и отчетов о результатах следственной работы. Анализ указанных положений приказа показывает, что вместо наполнения одного источника больших данных, в котором должны содержаться необходимые для статистики и анализа унифицированные данные, которые после автоматической обработки компьютерной техникой могли бы использоваться как для целей формирования информационных систем, так и для составления документов первичного учета и составления отчетности, происходит перекрестное заполнение зачастую одними и теми же данными разных информационных массивов. Так, в целях унификации информационных массивов целесообразно было бы вносить в единую информационную базу больших данных информацию, которая в настоящее время вносится в учетные документы согласно приказу Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений», дополнив ее, например, такими полями, как: «представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления», «сведения о свидетеле», «показания свидетеля», «сведения о потерпевшем», «показания потерпевшего», «сведения о подозреваемом», «показания подозреваемого», «сведения о защитнике», «сведения о специалисте, эксперте, переводчике», «заключение эксперта», «заключение специалиста», «опись», «сведения об обстоятельствах совершения преступления». В данный раздел можно включить всю имеющую значение информацию, которая подлежит внесению в соответствии с ведомственными приказами, например, приказом МВД России от 29 декабря 2020 г. № 925 «Об утверждении Временной инструкции по формированию, ведению и использованию подсистемы "Дистанционное мошенничество" ПТК "ИБД-Ф"» и т. д. При этом система должна поддерживать принцип масштабирования, т. е. возможности интеграции уже существующих баз данных, в целях эффективной обработки информации, ускорения получения «выгоды» от ее использования. Кроме того, при анализе и обработке больших данных необходимо разделять роли пользователей информационных баз данных, а именно объемы полномочий прав при обработке и анализе информации с целью соблюдения условий конфиденциальности и исключения так называемых утечек. Предлагаемые нами пути усовершенствования позволили бы в долгосрочной перспективе высвободить человеческие ресурсы для решения задач, поставленных перед органами внутренних дел.

Таким образом, необходимо отметить, что разработка национального стандарта больших данных является отправной точкой для принятия нормативной базы в данной области, что будет являться основой для устойчивого функционирования и дальнейшего развития информационного пространства.

Список литературы:

1. ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь. Information technology. Big data. Overview and vocabulary [Электронный ресурс]: нац. стандарт Рос. Федерации: утвержден и введен в действие приказом Федер. агентства по техн. регулированию и метрологии от 13 июля 2021 г. № 632-ст: введен впервые: дата введения 2021–11–01 // Кодекс: электрон. фонд норматив.-техн. и норматив.-правовой информ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180276> (дата обращения: 09.10.2022).
2. Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве / пер.с кит., предисл. и коммент. Н. И. Конрада. Москва, Санкт-Петербург, 2011. 608 с.
3. Утвержден первый национальный стандарт в области больших данных [Электронный ресурс] / Официальный сайт Росстандарта. 2021. 16 июля. URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/presscenter/news?portal:componentId=88beae40-0e16-414c-b176-d0ab5de82e16&navigationalstate=JBPNs_rO0ABXczAAZhY3Rpb24AAAABAA5zaW5nbGVOZXdzVmllldwACaWQAAAAABAAQ4MjgyAAdfX0VPRl9f (дата обращения: 09.10.2022).
4. Military Construction Appropriations for 1970 [Электронный ресурс] // Hearings, Before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives, Ninety-first Congress, First Session / Subcommittee on Military Construction Appropriations / Robert L. F. Sikes, Florida, Chairman. URL: https://books.google.com/books/download/Military_Construction_Appropriations_for.pdf?id=kFw2AQAAIAAJ&output=pdf, (дата обращения: 09.10.2022).
5. To Prohibit Banks from Performing Certain Nonbanking Services [Электронный ресурс] // Hearings Before the Subcommittee on Bank Supervision and Insurance of Committee on Banking and Currency House of Representatives Eighty-Ninth Congress Second Session on H.R. 112 ... H.R. 117 ... H.R. 10529 ... March 9, 10, and 15, 1966. URL: https://books.google.com/books/download/To_Prohibit_Banks_from_Performing_Certain.pdf?id=Pnu5KiQl0iYC&output=pdf (дата обращения: 09.10.2022).

Элиза Дамировна Сафина,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: safina.eliza2016@yandex.ru

К вопросу о криминализации преступлений, совершаемых посредством угроз с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Аннотация

Публикация посвящена проблеме криминализации преступлений, совершаемых посредством угроз с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Автором анализируется состояние преступлений данного вида, рассматриваются подходы к понятию «угроза». Выработаны предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова и словосочетания: *киберпреступность; информационно-телекоммуникационные технологии; преступления, совершаемые посредством угроз; угрозы; кибервымогательство; кибербуллинг; киберсталкинг.*

Информационно-телекоммуникационные технологии (далее – ИТТ) стали наиболее доступными средствами не только поиска и получения информации, но и совершения преступлений. По официальным данным, количество преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, за последние пять лет возросло более чем в три раза. Так, только за период с 2017 г. по 2021 г. количество преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, возросло с 294,4 тыс. до 915 тыс. преступлений [15]. Согласно статистике ГИАЦ МВД России, по итогам шести месяцев 2022 г. зафиксировано 518 тыс. киберпреступлений, из которых 9 017 – угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, 295 – клевета, 95 – нарушений неприкосновенности частной жизни [15].

По мнению А. Э. Побегайло, на сегодняшний день большинство преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, практически не регистрируются, поскольку использование ИТТ позволяет совершать преступления дистанционно, скрывая и маскируя следы преступлений [12].

С каждым годом количество преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, увеличивается благодаря широкому охвату и внедрению цифровых технологий во все сферы жизни общества. Преступления, совершаемые с использованием ИТТ, носят повышенный общественно опасный характер в первую очередь в связи с тем, что преступления такого рода в большинстве случаев посягают одновременно на несколько наиболее важных общественных благ, охраняемых уголовным законом.

Законодатель закрепляет особую общественную опасность преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, введением соответствующих квалифицирующих признаков данных видов преступлений в УК РФ. К тому же в теории уголовного права неоднократно обсуждался вопрос об унификации квалифицирующих и отягчающих обстоятельств в ст. 63 УК РФ с учетом специальных признаков противоправных деяний, входящих в группу «преступлений, совершаемых с использованием ИТТ».

Вместе с тем одним из наиболее важных компонентов содержания любой проблемы в теории уголовного права (де-факто) является угроза, которая предопределена самим фактом существования преступления определенного рода. В частности, в последние годы в научном пространстве широко обсуждаются угрозы, порождаемые преступлениями в сфере ИТТ.

В словаре С. И. Ожегова угроза трактуется как «возможная опасность» [11, с. 855]. А вот, например, А. В. Щедрин под угрозой понимает «явление или процесс, развитие которого может причинить вред или разрушить систему» [19, с. 75]. В уголовно-правовом смысле, по мнению профессора Л. Л. Кругликова, угрозу необходимо рассматривать как «способ оказания психического воздействия на жертву преступления» [4, с. 80]. В свою очередь, профессор Э. Ф. Побегайло понимает под угрозой «вид психического насилия» [14, с. 624].

Запугивание оказывает на потерпевших деструктивное информационное воздействие и порождает готовность соблюдать все требования в интересах преступника. Таким образом, угроза – это своего рода желание и способность причинить существенный вред охраняемым уголовным законом благам.

Угроза как способ совершения преступления присутствует в следующих составах преступлений: вымогательство (ст. 163 УК РФ); доведение до самоубийства (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ); клевета (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ); нарушение неприкосновенности частной жизни (ч. 2 ст. 137 УК РФ); угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предвари-

тельного расследования (ст. 296 УК РФ); принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ); похищение человека (п. «б» ч. 2 ст. 126 УК РФ); использование рабского труда (п. «г» ч. 2 ст. 127² УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ); применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ); угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производства предварительного расследования (ст. 296 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, торговля людьми (п. «е» ч. 2 ст. 127¹); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 151² УК РФ); вовлечение в занятие проституцией (п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ); склонение к потреблению наркотических средств психотропных веществ или их аналогов (п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ); принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ). Угрозы при совершении данных преступлений могут передаваться с помощью ИТТ.

Таким образом, существует большое количество преступлений, которые совершаются посредством угроз с использованием ИТТ, однако на данный момент у большинства составов преступлений до сих пор отсутствуют квалифицирующие признаки, гл. 28 УК РФ не отражает большинство преступлений, совершаемых с использованием ИТТ [9].

Сегодня, на наш взгляд, необходимо рассматривать проблемы, возникшие в связи с появлением преступлений, совершаемых посредством угроз с использованием ИТТ, намного шире, так как рост цифровых технологий обусловил возможность неправомерных действий не только в сфере информации, но и в иных сферах человеческой жизнедеятельности. Анализ изучения данной проблемы приводит к выводу, что вопрос о преступлениях с использованием ИТТ в настоящее время не решен, так как нет общепризнанной типологии таких преступлений, не разработан детально понятийный аппарат, не определены многие термины [10].

Рассмотрим виды угроз, которые выделяются в теории уголовного права. Для решения проблемы предупреждения преступлений, совершаемых посредством угроз с использованием ИТТ, необходимо в первую очередь определить объекты и источники данных угроз.

По мнению Ю. А. Мамоновой, объекты воздействия угроз при совершении преступлений с использованием ИТТ классифицируются следующим образом [9]: угроза моральной неприкосновенности (угроза на личное пространство каждого индивида); угроза на установление коммуникаций (угроза посягательства на средства коммуникаций); угроза неприкосновенности жилища (угроза посягательства на проникновение на личную территорию); угроза информационной неприкосновенности (угроза посягательства на данные о личности).

Основанием классификации угроз может выступать степень реальности наступления общественно опасных последствий. Так, угрозы могут быть реальными, потенциальными (наличие возможности совершения определенных действий), отдаленными (наличие возможности наступления последствий в будущем при определенных обстоятельствах) [7].

Исследователь Р. В. Дягилев выделяет угрозы по признаку действий, совершением которых угрожает преступник: угроза совершения противоправных действий; угроза совершением правомерных, но нежелательных действий (угроза самоубийством). Первый вид угроз включает в себя: угрозу применения насилия; угрозу причинения имущественного ущерба; шантаж; угрозу совершения иных противоправных действий [1, с. 86].

В свою очередь, А. А. Крашениников выделяет виды угроз по основанию роли угрозы в объективной стороне состава преступления: угрозы, выступающие деянием, и угрозы-последствия [3, с. 16]. В первом случае угроза законодательно закреплена в качестве способа совершения преступления более чем в 40 составах преступления, к числу которых относят: вымогательство, доведение до самоубийства и др. Во втором случае угрозы-последствия включают в себя угрозу лишением жизни, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, распространением каких-либо конкретных сведений, нежелательных к огласке.

В некоторых случаях угроза рассматривается в качестве непосредственного деяния – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, угроза как альтернативное действие в терроризме, угроза в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, угроза насилием в отношении представителя власти и угроза применения насилия при дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

В теории уголовного права выделяют такие виды угроз, передаваемых с использованием ИТТ, как угрозы применения насилия (запугивание потерпевшего причинением физического вреда его здоровью), угрозы уничтожением, повреждением имущества (намеренное причи-

нение материального вреда предмету, находящемуся в собственности потерпевшего) и угрозы распространения позорящих сведений [8].

Наряду с указанными преступлениями в криминологии выделяют такие формы общественно опасного поведения, как кибербуллинг, stalking, харассмент, травля, шантаж, кибервымогательство и др. [16].

Кибербуллинг – это информационная травля вследствие неправомерного использования и применения ИТТ с целью причинения оскорблений, эмоциональной боли в виртуальном пространстве. Примером проявления кибербуллинга является рассылка оскорбляющих сообщений, публикация унижающих достоинство и честь информации в социальных сетях Интернета [6].

Киберstalking – это преследование личности различными способами посредством использования ИТТ (отслеживание местонахождения человека в реальном и виртуальном мире) в целях запугивания, травли.

Кибервымогательство – вымогательство, совершаемое с использованием ИТТ (например, вымогательство под угрозой распространения интимных фотографий и видеоматериалов, хранящихся на страницах в социальных сетях пользователей).

Информационно-коммуникационные технологии способствуют созданию новых форм и видов инструментов для совершения преступлений. Преступники для достижения своих преступных целей используют как классические способы совершения преступлений, так и различные программы-взломщики, способные причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, которые позволяют действовать анонимно и удаленно, чтобы избежать уголовной ответственности [13].

Таким образом, преступления, совершаемые посредством угроз с использованием ИТТ, могут рассматриваться в качестве самостоятельного типа преступного поведения. Однако недостаточность уголовно-правовой охраны личности от преступлений, совершаемых посредством угроз с использованием ИТТ, неэффективность или отсутствие специальных криминологических мер оставляют значительное количество таких деяний в границах латентности. Общественная опасность преступлений, совершаемых посредством угроз с использованием ИТТ, ее недостаточное изучение и отражение в уголовно-правовом поле, незащищенность личности в информационном пространстве, недостаточность средств и мер защиты личности от угроз в ИТТ объясняют необходимость всестороннего изучения вышеуказанных проблем [18]. Дальнейшего исследования требует необходимость введения в УК РФ в качестве квалифицирующего признака угрозы совершения преступлений с использованием ИТТ.

Список литературы:

1. *Дягилев Р. В.* Угроза – основной вид психического насилия // Новое уголовное законодательство России: проблемы теории и практики // под общ. ред. В. А. Никонова. Тюмень, 1999. С. 86–89.
2. *Крашенинников А. А.* Угроза в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. 16 с.
3. *Крашенинников А. А.* Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2002. 24 с.
4. *Кругликов Л. Л.* Преступления против жизни и здоровья // Уголовное право России. Часть особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Москва, 2005. 567 с.
5. *Курбатова А. О.* Понятие и виды вымогательских угроз [Электронный ресурс] // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 3(37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-vymogatelskih-ugroz> (дата обращения: 20.10.2022).
6. *Кучебо И. В.* Информационное преследование как угроза неприкосновенности личности в информационной сфере [Электронный ресурс] // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-presledovanie-kak-ugroza-neprikosnovennosti-lichnosti-v-informatsionnoy-sfere> (дата обращения: 20.10.2022).
7. *Ляхненко А. А.* Особенности понятия угрозы при вымогательстве [Электронный ресурс] // Общество и право. 2004. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-v-sovremennyh-usloviyah-vozmozhnosti-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 20.10.2022).
8. *Макарова Е. Н.* Понятие, виды и значение угрозы как элемента преступной деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2017. № 4(76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vidy-i-znachenie-ugrozy-kak-elementa-prestupnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 20.10.2022).
9. *Мамонова Ю. А.* Криминальная угроза как элемент механизма преступления против неприкосновенности частной жизни [Электронный ресурс] // Вестник КГУ. 2014. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-ugroza-kak-element-mehanizma-prestupleniya-protiv-neprikosnovennosti-chastnoy-zhizni> (дата обращения: 19.10.2022).
10. Обеспечение безопасности личности в информационном пространстве на современном этапе [Электронный ресурс] / О. П. Копылова [и др.] // Вестник Прикамского социального ин-та. 2019. № 1(82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-bezopasnosti-lichnosti-v>

informatisionnom-prostranstve-na-sovremennom-etape (дата обращения: 20.10.2022).

11. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 960 с.

12. *Побегайло А. Э.* Борьба с киберпреступностью: учеб. пособие. Москва, 2018. 184 с.

13. *Пучков Д. В.* Киберпреступность как негативное специфическое явление современного общества // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12. С. 207–210.

14. Словарь по уголовному праву / Г. Н. Борзенков [и др.] / отв. ред. А. В. Наумов. Москва, 1997. 702 с.

15. Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 22.10.2022).

16. *Третьяк И. В.* Новые виды вымогательства в сети Интернет [Электронный ресурс] // Вестник науки. 2018. № 7(7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-vidy-vymogatelstva-v-seti-internet> (дата обращения: 20.10.2022).

17. *Унукович А. С.* Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [Электронный ресурс] // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prestupleniy-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-tehnologii> (дата обращения: 20.10.2022).

18. *Урбан В. В.* Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию [Электронный ресурс] // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2019. № 1(88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-sovershaemye-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setey-obshchaya-harakteristika-i-ugolovno> (дата обращения: 10.12.2022).

19. *Щедрин Н. В.* Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000. 180 с.

Артур Александрович Трутнев,
слушатель факультета подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
Академия управления МВД России
E-mail: trutnevartur@mail.ru

Законодательные признаки малозначительного деяния: проблемы правоприменительной практики

Аннотация

В статье на основе анализа правовых норм уголовного закона, официальных документов судов разных уровней, постановлений органов предварительного расследования, проведенного анкетирования сотрудников территориальных органов МВД России на районном уровне выявляются и рассматриваются проблемы, встречающиеся в правоприменительной практике, связанные с определением содержания законодательных признаков малозначительного деяния, реализацией уголовно-правовой нормы о малозначительности, соотношением малозначительного деяния с другими категориями уголовного права и правовыми нормами уголовно-процессуального права. В результате исследования делается вывод о недостатках современного законодательного положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, свидетельствующих о необходимости скорейшего совершенствования указанного института.

Ключевые слова и словосочетания: преступление; малозначительное деяние; общественная опасность; отказ в возбуждении уголовного дела.

Термин «малозначительное деяние» на сегодняшний день не используется в российском законодательстве применительно к уголовно-правовым отношениям, но он широко применяется в судебной практике (даже на уровне Верховного и Конституционного Судов Российской Федерации). В частности, он употребляется в п. 25.4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29¹. В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 г. № 1162-О говорится, что «лицо, совершившее малозначительное деяние,

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // Рос. газ. 2003. № 9.

не подлежит уголовной ответственности» [1]. Практика использования понятия «малозначительное деяние» воспринята и нижестоящими судами.

Определение любого понятия складывается из существенных признаков (свойств) этого явления. Следует заметить, что вопрос о признаках малозначительного деяния является наиболее обсуждаемым среди не только теоретиков, но и практических сотрудников ОВД.

Проведенное анкетирование 50 сотрудников территориальных органов МВД России на районном уровне показало, что 90 % опрошенных иногда в своей профессиональной деятельности встречаются с малозначительностью уголовно наказуемого деяния. При этом им приходится сталкиваться с проблемами при определении малозначительности уголовно наказуемого деяния. Анкетирование показало, что 30 % респондентов затруднялись назвать законодательные признаки малозначительного деяния, 20 % – указывали лишние признаки и 20 % – отметили не все признаки малозначительного деяния, вытекающие из содержания ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Анализ ч. 2 ст. 14 УК РФ показывает следующие признаки малозначительного деяния:

- 1) сущность этого явления проявляется в деянии;
- 2) деяние должно формально содержать признаки состава преступления;
- 3) деяние не должно обладать общественной опасностью.

Рассматривая первый выделенный нами признак малозначительного деяния, необходимо обратить внимание, что законодатель в ч. 2 ст. 14 УК РФ выделяет две формы деяния в зависимости от степени активности – действие и бездействие. Этот признак малозначительного деяния позволяет отнести это правовое явление в одну группу с преступлениями, административными и иными правонарушениями, с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и другими юридическими фактами, которые также внешне могут проявляться в форме действия или бездействия.

Рассматривая второй выделенный нами признак малозначительного деяния, следует обратить внимание на используемый законодателем термин «формально». По нашему мнению, использование этого понятия в ч. 2 ст. 14 УК РФ лишь затрудняет уяснение сущности малозначительного деяния. Правоприменитель может прийти к выводу, что в деянии могут содержаться признаки состава преступления и неформально. Полагаем, что признаки состава могут либо содержаться, либо не содержаться в деянии, третьего не дано.

Если в деянии лица не будут установлены признаки состава преступления, то положение УК РФ о малозначительности применить нельзя. Это следует из содержания определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2021 г. № 18-УДП20-103-К4, в материалах которого приводится пример, когда Ш.С.С. была осуждена по ч. 3 ст. 160 УК РФ [2]. В своем кассационном представлении прокурор поставил вопрос об отмене состоявшихся судебных решений в отношении Ш.С.С. с прекращением уголовного дела в связи с малозначительностью ее деяния. Однако судебная коллегия не согласилась с мнением прокурора, поскольку у Ш.С.С. отсутствовал корыстный мотив (стремление незаконно и безвозмездно обратить в свою пользу денежные средства) и умысел на хищение, поскольку она обоснованно предполагала свое право на вознаграждение. На этом основании приговор Кореновского районного суда Краснодарского края от 2 октября 2019 г. и все последующие судебные решения были отменены, уголовное дело было прекращено за отсутствием в действиях Ш.С.С. состава преступления, за ней было признано право на реабилитацию.

В то же время в правоприменительной практике достаточно часто встречаются случаи применения нормы о малозначительности при отсутствии признаков состава преступления. Так, по тексту апелляционного определения Московского городского суда от 17 марта 2020 г. по делу № 10-4759/2020 П. признан виновным в грабеже с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, которое заключалось в том, что он в г. Москве 7 октября 2018 г., уезжая с автозаправочной станции, бампером управляемого им автомобиля задел ногу Б., не причинив ему телесные повреждения, при этом не оплатил заправленное им топливо, чем причинил АО ущерб в размере 2 568,28 руб. [7].

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда установила, что намерение П. уехать с АЗС без оплаты заправленного в его автомобиль топлива возникло у него только вследствие сложившейся с заправщиком Б. и оператором (кассиром) автозаправочной станции К. конфликтной ситуации, вызванной тем, что в машину было заправлено топлива в большем объеме, чем требовалось П. и которое он намеревался оплатить.

К моменту, когда П. подошел к оператору АЗС, чтобы заправить автомобиль на 1 000 руб., в бензобак его автомобиля уже было залито топлива на сумму свыше 2 000 руб., что было подтверждено показаниями оператора К. в судебном заседании. На основании этого судебная коллегия сделала вывод, что сотрудниками АЗС была

навязана услуга по заправке автомобиля П. в том количестве, которое он не имел намерения приобрести.

При этом, перед тем как уехать с территории АЗС, П. предпринял попытки оплатить заправленное ему топливо в размере имеющихся у него 1 000 руб., однако получил на это отказ. Поскольку П. спешил по делам, он уехал с АЗС без оплаты заправленного ему топлива, намереваясь оплатить его позже. Перед отъездом П. сообщил кассиру, что опаздывает и вынужден уехать, намереваясь вернуться на АЗС и оплатить заправленное в его автомобиль топливо.

Таким образом, видно, что у П. отсутствовал прямой умысел на хищение и корыстная цель. Поэтому не все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ, были установлены и доказаны органами предварительного расследования. Несмотря на это, Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда признала поведение П. малозначительным деянием.

Кроме того, прослеживается явное противоречие между этим признаком малозначительного деяния, которое, по мнению законодателя, не является преступлением, и положением ст. 8 УК РФ, где сказано, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Если взять за основу второй выделенный нами признак малозначительного деяния и руководствоваться требованиями ст. 8 УК РФ, то совершение малозначительного деяния является также основанием уголовной ответственности, поскольку оно содержит в себе все признаки деяния, предусмотренного УК РФ. Однако на практике совершение малозначительного деяния, напротив, является основанием для вынесения судом оправдательного приговора за отсутствием в деянии лица признаков состава преступления.

Так, 29 декабря 2016 г. примерно в 10 часов 38 минут С.О.А., находясь в вагоне поезда дальнего следования, на станции Москва – Ярославская похитил оставленный ранее вышедшим в городе Нижнем Новгороде пассажиром П.А.О. планшетный компьютер с сим-картой, принадлежащие ООО, на общую сумму 3 100 руб., получив возможность распорядиться похищенным по своему усмотрению. Президиум Московского городского суда в своем постановлении от 3 апреля 2018 г. по делу № 44у-75/2018 признало данное деяние С.О.А. малозначительным, а приговор мирового судьи Мещанского района города Москвы от 1 декабря 2017 г. и апелляционное постановление Мещанского районного суда от 11 января 2018 г. отменил, уголовное дело в отношении С.О.А. прекратил, признав за ним право на реабилитацию [6].

В. В. Хилюта, исследуя малозначительность, пишет, что «... при наличии признаков малозначительности состава преступления нет как с материальной, так и с формальной точки зрения» [11, с. 54]. Полагаем, что такое утверждение противоречит ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Исследуя третий названный нами признак, необходимо провести анализ понятия «общественная опасность», поскольку именно это свойство отсутствует у малозначительного деяния в отличие от преступления. Кроме того, важным является ответ на вопрос: кто вправе определять факт наличия (отсутствия) у деяния общественной опасности?

Законодательного определения этого понятия на сегодняшний день нет. Его можно встретить лишь в судебной практике и науке. Так, в кассационном определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2021 г. № 77-563/2021 отмечено, что общественная опасность – это материальный признак преступления, раскрывающий его социальную сущность. Общественная опасность определяется как свойство того или иного деяния причинить вред или создавать угрозу причинения вреда охраняемым законом объектам. В этом же судебном решении подчеркивается, что этот признак является оценочным, требующим учета всех фактических обстоятельств [4]. Из этого разъяснения можно сделать два вывода: 1) об отсутствии общественной опасности деяния свидетельствует тот факт, что деяние не причинило вред и не создавало угрозы его причинения; 2) факт наличия (отсутствия) у деяния общественной опасности вправе определить суд.

Ставропольский краевой суд в своем апелляционном определении от 1 июля 2014 г. № 33-3351/2014 аналогичным образом определяет общественную опасность, но конкретизируя объекты причинения вреда – личность, общество или государство [5].

В то же время следует заметить, что точно такое же определение термина «общественная опасность» ранее было закреплено в ч. 2 ст. 14 УК РФ, но Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ¹ было исключено.

Причина исключения из УК РФ официального толкования понятия «общественная опасность» не ясна. В пояснительной записке к проекту Федерального закона, внесенного в Государственную Думу Российской Федерации Президентом Российской Федерации, указано, что такое изменение редакции ч. 2 ст. 14 УК РФ исключает неясности в толковании положений ст. 14 УК РФ [10]. Полагаем, что внесенные изменения не только не достигли установленной

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ // Рос. газ. 1998. № 120.

в пояснительной записке целей, но дали противоположный эффект, затруднив толкование. Такая корректировка ч. 2 ст. 14 УК РФ привела к тому, что на практике суды продолжают пользоваться отменным законодателем положением УК РФ, что вряд ли допустимо.

Анализ 32 постановлений органов предварительного расследования по вопросам применения положений о малозначительности деяния показал, что положения ч. 2 ст. 14 УК РФ достаточно часто применяются следователями и сотрудниками органов дознания. Так, например, в постановлении дознавателя ОД ОП № 17 МУ МВД России «Нижнетагильское» об отказе в возбуждении уголовного дела от 24 июля 2021 г. указано, что 20 июля 2021 г. в 06 часов 30 минут неизвестный, находясь возле гаражного бокса, расположенного по ул. Ильича, 95 в городе Нижнем Тагиле Свердловской области, открыто похитил из автомобиля ВАЗ 2109 г/н В850ЕН портмоне, причинив своими действиями Демидову А. В. материальный ущерб в сумме 100 руб. В ходе проведенной проверки по материалу опрошенный гражданин Демидов А. В. пояснил, что материальный ущерб в размере 100 руб. не является для него значительным. Несмотря на то что в действиях неизвестного усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, дознавателем было принято решение о признании совершенного неизвестным лицом малозначительного деяния и об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием состава преступления) [9].

Таким образом, анализ правоприменительной практики территориальных органов МВД России позволил заключить, что факт наличия (отсутствия) в деянии лица общественной опасности вправе определять сотрудники следственных органов и органов дознания.

В то же время следует обратить внимание на противоречивость принимаемых сотрудниками следственных органов и органов дознания решений об отказе в возбуждении уголовных дел и об их прекращении в связи с малозначительностью деяния.

Во-первых, УПК РФ не содержит самостоятельного основания для вынесения постановления о прекращении уголовного дела или о вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с малозначительностью деяния. При этом, как указано в апелляционном постановлении Московского городского суда от 11 августа 2020 г. по делу № 10-13513/2020, ссылаться в постановлении о прекращении уголовного дела или об отказе в его возбуждении на ч. 2 ст. 14 УК РФ нельзя, поскольку это не отвечает требованиям закона [8]. Действительно, согласно п. 7 ч. 2 ст. 213 УПК РФ в постановлении о прекращении уголовного дела обязательно долж-

на быть ссылка на соответствующее основание для его прекращения, предусмотренное в УПК РФ.

Во-вторых, ч. 1 ст. 148 УПК РФ не допускает вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, если не установлено лицо, совершившее такое деяние. Как видно из приведенного выше примера, на практике это законодательное требование часто остается незамеченным. Некоторые следователи и сотрудники органов дознания, зная о наличии указанного законодательного требования, обходят его, прекращая уголовное дело или отказывая в его возбуждении по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (т. е. в связи с отсутствием события преступления), игнорируя требование на этот счет официального интерпретатора – Пленума Верховного Суда Российской Федерации^{1,2}.

В-третьих, отказать в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием состава преступления) в таких случаях нельзя, поскольку одним из признаков малозначительного деяния, прямо указанного в ч. 2 ст. 14 УК РФ, является наличие в деянии лица признаков состава преступления. Поэтому обычно в своих постановлениях сотрудники следственных органов и органов дознания в мотивировочной части указывают на установление признаков состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но в резолютивной части делают вывод об отсутствии состава преступления. Получается, что сделанные выводы противоречат установленным фактическим обстоятельствам. Что интересно, такие противоречивые решения принимаются и судебными органами, вплоть до Верховного Суда Российской Федерации [3].

В заключение отметим, что выявленные в рамках статьи проблемы правоприменительной практики, связанные с определением содержания законодательных признаков малозначительного деяния, реализацией уголовно-правовой нормы о малозначительности, соотношением малозначительного деяния с другими категориями уголовного права и правовыми нормами уголовно-процессуального права, являются лишь «верхушкой айсберга». Обозначенные проблемы свидетельствуют о необходимости совершенствования института малозначительного деяния.

¹ О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК): Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 // Рос. газ. 2010. № 271.

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. № 280.

Список литературы:

1. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 июля 2013 г. № 1162-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 23 марта 2021 г. № 18-УДП20-103-К4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 20 августа 2020 г. № 15-УДП20-7-К1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2021 г. № 77-563/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 1 июля 2014 г. № 33-3351/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Президиума Московского городского суда от 3 апреля 2018 г. по делу № 44у-75/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 17 марта 2020 г. по делу № 10-4759/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 августа 2020 г. по делу № 10-13513/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление дознавателя ОД ОП № 17 МУ МВД России «Нижнетагильское» об отказе в возбуждении уголовного дела от 24 июля 2021 г. // Архив ОД ОП № 17 МУ МВД России «Нижнетагильское», 2021.
10. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. *Хилота В. В.* Выбор основания для прекращения уголовного дела при малозначительности деяния // Законность. 2021. № 4. С. 54–59.

Екатерина Алексеевна Усачева,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: ketrinoketi@yandex.ru

Меры безопасности как гарант обеспечения порядка управления и отправления правосудия в России

Аннотация

В статье исследуется правовая природа мер безопасности, реализуемых в рамках государственной защиты лиц, подлежащих таковой. Раскрываются проблемы нормативно-правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения безопасности защищаемых лиц – субъектов, чей правовой статус в силу должностного (и) или определенного процессуального положения гарантируется особыми уголовно-правовыми средствами. Автором предложены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова и словосочетания: *меры безопасности; государственная защита; правоохранительная деятельность; порядок управления; отправление правосудия.*

Обеспечение правопорядка и стабильного функционирования органов государственной власти – одни из основных гарантий соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также развития и процветания государства. Бесспорным является тот факт, что функции государственной власти, связанные с реализацией государственной политики, могут быть претворены в жизнь через деятельность органов исполнительной власти. Оценив эффективность деятельности должностных лиц исполнительной ветви власти, можно сделать соответствующие выводы, отражающие уровень значимости, надежности и силы государственной власти страны.

Не преследуя цель раскрыть сущность уголовной политики, проводимой в Российской Федерации, в силу ее многогранности, мы лишь отметим, что задачи, связанные с реализацией последней, направлены первоначально на поддержание высокого уровня безопасности населения на всей территории Российской Федерации.

Здесь следует привести слова профессора Н. Э. Мартыненко, которая отмечает, что именно «УК РФ является уголовно-правовой

гарантией охраны закрепленных в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина» [2, с. 122].

Однако в теории уголовного права, а также и в правоприменительной практике, остается ряд неразрешенных проблемных вопросов, связанных с обеспечением безопасности судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также иных лиц, вовлеченных в орбиту отправления правосудия, наделенных определенным процессуальным статусом. И здесь совершенно верным будет научное видение В. Ф. Цепелева и Е. Ю. Титушкиной, которые утверждают, что «правовое обеспечение правоохранительной деятельности ... является исходным моментом любой деятельности» [5, с. 151].

В правоохранительную деятельность вовлекается круг субъектов, подлежащих государственной защите как непосредственно, так и опосредовано. Деятельность таких лиц связана с повышенным риском. Именно поэтому законодатель разработал и закрепил самостоятельный институт мер безопасности – особых мер, направленных на обеспечение состояния защищенности указанной категории граждан, в отношении которых может исходить угроза их жизни, здоровью и имуществу от криминальных элементов.

Меры безопасности (как один из видов государственной защиты) нашли свое отражение в ст. 5 Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – ФЗ № 45-ФЗ) и в ст. 6 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного производства» (далее – ФЗ № 119-ФЗ).

Академик РАЕН профессор И. Л. Трунов акцентирует внимание на том, что «большое количество декларативных норм российского права не подкреплено ответственностью, поэтому святость и строгость российских законов под большим вопросом» [6, с. 6].

Уголовное законодательство, в свою очередь, взяло под охрану сведения о мерах безопасности, установив уголовную ответственность за разглашение таковых – ст. 311, 320 УК РФ.

Нельзя обойти стороной и криминологический аспект данной проблематики. Справедливо отмечает Я. Г. Ищук, что «криминологическая наука определяет деятельность по предупреждению преступлений шире, чем профилактику, добавляя к ее содержанию: предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также пресечение покушения на них» [1, с. 14]. Данные правовые нормы (ст. 311, 320 УК РФ) являются нормами с двойной превенцией, они также направлены на предотвращение преступлений, отнесенных к группе преступлений против жизни и здоровья.

При этом следует обратить внимание, что данные составы преступлений имеют разный видовой объект. Так, состав преступления, закрепленный в ст. 311 УК РФ, относится к группе преступлений против правосудия, тогда как ст. 320 УК РФ – к преступлениям против порядка управления. Подобный дифференцированный подход законодателя к определению места и роли мер безопасности в уголовном праве России детерминирован многогранностью и сложностью правоотношений, возникающих при реализации указанных мер, которые непосредственно связаны с обеспечением порядка управления и отправлением правосудия в нашей стране.

При этом подобное расположение анализируемых составов преступлений в УК РФ порождает ряд дискуссионных вопросов, связанных с определением понятия «правосудие» в теории уголовного права.

Стоит вспомнить побуждающие к новым научным поискам слова А. В. Победкина, а точнее призыв: «Авторитет уголовно-процессуального закона нужно восстанавливать» [4, с. 218]. Здесь же стоит отметить, что проблемы уголовно-правового характера в научном мире нередко решаются за счет обращения фокуса внимания исследователя к положениям УПК РФ, а порой такое обращение является обязательным, необходимым. Подобным приемом воспользуемся и мы при попытке ответить на поставленные вопросы дискуссионного характера.

Не преследуя цель провести подробный анализ видовых объектов преступлений, отнесенных к гл. 31 и 32 УК РФ, мы считаем верным в обозначенной нами проблемной плоскости (реализации государственной защиты) придерживаться точки зрения представителей той научной школы, которые под правосудием с позиции объекта уголовно-правовой охраны понимают не только лиц, вовлеченных в орбиту отправления правосудия на стадии судебного производства, но и деятельность, осуществляемую на этапах, предшествующих указанному, так как правосудие может «восторжествовать» еще на стадии производства по уголовному делу, когда принимается решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ): в случае если потерпевший считает, что вред, причиненный ему преступлением, заглажен в полном объеме, и не имеет претензий к лицу, виновному в совершении этого преступления.

Таким образом, если под обеспечением порядка управления понимать целенаправленное организующее воздействие на определенную сферу общественных отношений в целях обеспечения нормального функционирования определенной системы (в широком

смысле этого слова), то справедливо будет заметить, что «порядок управления» поглощается деятельностью, связанной с управлением правосудия.

Видится, что в качестве объекта уголовно-правовой охраны следует понимать «целенаправленную деятельность судей, должностных лиц государственных органов и иных лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства и содействующих ему, вне зависимости от этапа реализации ими своих должностных и процессуальных обязанностей» с учетом того, что уголовное право обеспечивает различные аспекты деятельности судов [3, с. 30]. Сделанное умозаключение позволит в дальнейшем аргументировать один из приведенных вариантов решения одной из обозначенных проблем.

При этом, говоря о нормативно-правовом регулировании правоотношений, складывающихся между должностными лицами органов, обеспечивающих безопасность, и защищаемым лицом, нельзя не отметить, что сегодня имеется ряд дискуссионных вопросов, нуждающихся в разрешении.

Одним таким вопросом, связанным с обеспечением мер безопасности, является определение содержания правового статуса лица, подлежащего государственной защите.

Во-первых, не закреплена в действующем законодательстве норма, позволяющая определить, нормами какого федерального закона следует руководствоваться правоприменителю при решении вопросов, связанных с государственной защитой, когда лицо имеет двойной статус: процессуальный и должностной, а разные законодательные акты, регулирующие данные правоотношения, имеют одинаковую юридическую силу.

Например, лицо является одновременно должностным – дознавателем, когда его защита обеспечивается в рамках положений ФЗ № 45-ФЗ, и процессуальным – гражданским истцом, тогда правоотношения в рамках обеспечения государственной защиты должны регулироваться уже положениями ФЗ № 119-ФЗ. Возникает некая путаница, каков процессуальный статус является доминантным и в рамках положений какого федерального закона регулируются рассматриваемые правоотношения.

Во-вторых, ст. 311 и 320 УК РФ расположены в разных главах, из чего следует, что они имеют разный видовой объект.

Таким образом, наблюдается излишняя нагроможденность законодательства и отсутствие однородной правоприменительной практики. Поэтому вполне будут логичны поиски ответов на поставленные вопросы путем решения отраженных задач.

Все новое – хорошо забытое старое. Здесь же хочется вспомнить слова Исаака Ньютона: «Если я и видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» [7, с. 3].

Учитывая, что анализируемый состав преступления является симбиозом объектов уголовно-правовой охраны, где, с одной стороны, выступает безопасность лиц, вовлеченных в орбиту государственного порядка управления, а с другой – тех же лиц, при этом являющихся субъектами, задействованными в отправлении правосудия на различных его этапах. При расширительном толковании (уголовно-правовом) понятия «правосудие» деятельность обоих субъектов попадает в его орбиту. Таким образом, нет необходимости разъединять смежные составы, а наоборот, видится целесообразным разместить их в одной главе.

Такой же позиции придерживались и предшественники нормотворческой деятельности, которые поместили схожий по своей конструкции состав преступления в главу «Преступления против правосудия», примером тому служит ст. 184.1 РСФСР, охраняющая те же сведения, что и сведения, отраженные в современной редакции ст. 320 УК РФ, ввиду чего видится целесообразным обращение к опыту предшественников и перенесение ст. 320 УК РФ в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия».

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что меры безопасности выступают в качестве особого правового средства охраны судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, лиц, имеющих определенный процессуальный статус, а также их близких, того круга субъектов, которые вовлечены в деятельность, связанную с отправлением правосудия и обеспечением правопорядка на территории нашего государства, т. е. лиц, подлежащих государственной защите.

При этом одной из целей государственной защиты, претворяемой в жизнь посредством реализации мер безопасности, является создание надлежащих условий вышеуказанной деятельности. Без обеспечения высокого уровня защищенности анализируемой нами группы субъектов не представляется возможным говорить о нормальном функционировании органов государственной власти и бесперебойной работе тех механизмов управления, в которые они вовлечены. Именно поэтому общественные отношения, складывающиеся при реализации мер безопасности как одного из вида государственной защиты, подлежат обеспечению именно уголовно-правовыми средствами, которые охраняют наиболее важные и социально значимые отношения.

Список литературы:

1. *Ищук Я. Г.* Вооруженные Силы Российской Федерации как субъект предупреждения преступлений // Вестник военного права. 2020. № 4. С. 12–17.
2. *Мартыненко Н. Э.* Реализация уголовной политики в сфере охраны прав и законных интересов личности // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сб. трудов Всероссийской (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Кострома, 2022. С. 115–122.
3. *Никитенко И. В., Подгорная Н. В.* Преступления против правосудия: к вопросам о правовых дефинициях и систематизации // Вестник Дальневосточного юридического ин-та МВД России. 2020. № 4 (53). С. 27–36.
4. *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальный кодекс: текст и народ // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сб. материалов 3-й Междунар. конф. / под общ. ред. А. Ю. Терехова. Уфа, 2022. С. 218–225.
5. *Титушкина Е. Ю., Цепелев В. Ф.* Правовое обеспечение предупреждения преступлений: проблемы законодательного регулирования и пути решения // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сб. трудов Всероссийской (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Кострома, 2022. С. 150–154.
6. *Трунов И. Л.* Юридическая обязанность без ответственности // Уголовно-исполнительное право. 2008. № 2. С. 6–10.
7. *Хокинг С.* На плечах гигантов: хронология революционных идей о природе Вселенной. Москва, 2018. 254 с.

Василий Викторович Усламин,
слушатель подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
Академия управления МВД России
E-mail: vasyliyu@yandex.ru

Влияние решений Пленума Верховного Суда Российской Федерации на правоприменительную практику сотрудников ОВД

Аннотация

В статье на основе анализа правовых норм Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также результатов проведенного анкетирования сотрудников территориальных органов МВД России на районном уровне Свердловской области и Пермского края показаны положительные факторы решений Пленума Верховного Суда Российской Федерации на правоприменительную практику сотрудников ОВД.

Проведенное исследование позволило также выявить несколько негативных факторов, проявляющихся в современной правоприменительной практике деятельности сотрудников ОВД, связанных с реализацией официального толкования российского законодательства Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

В статье проведен анализ некоторых выявленных недостатков решений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, негативно влияющих на правоприменительную деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по квалификации хищений с использованием банковских карт. В результате исследования автором делается вывод, что для улучшения правоприменительной практики сотрудников ОВД и избежания выявленных негативных факторов Пленум Верховного Суда Российской Федерации должен активней использовать свое право законодательной инициативы.

Ключевые слова и словосочетания: *решения Пленума Верховного Суда Российской Федерации; толкование норм права; тайное хищение.*

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации не определяет место Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ПВС РФ) и его роль в судебной системе России, указанный

коллегиальный государственный орган выполняет важную функцию, влияющую на правоохранительную деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ).

Согласно положениям ч. 2 ст. 3 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»¹, ПВС РФ является одним из девяти вариантов состава Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). При этом важными для правоприменительной практики являются полномочия ПВС РФ по разъяснению проблемных вопросов, встречающихся в том числе и в деятельности сотрудников ОВД РФ. Такая деятельность ПВС РФ является официальным толкованием правовых норм, которому должен следовать правоприменитель, в то же время по своей юридической силе постановления ПВС РФ формально не являются источником права [6].

Несмотря на то, что в п. 1 ч. 3 ст. 5 указанного закона в качестве объектов разъяснения названы только суды, сотрудники ОВД РФ в своей профессиональной деятельности также постоянно используют решения ПВС РФ наравне с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. Проведенное анкетирование сотрудников территориальных органов МВД России на районном уровне показало, что процент использования сотрудниками ОВД РФ постановлений ПВС РФ при квалификации общественно опасных деяний приближается к 100 %.

Указанная функция согласно ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»² реализуется ПВС РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства России. Поэтому решения ПВС РФ оказывают серьезное влияние и на единообразие правоприменительной деятельности сотрудников ОВД РФ.

В своей практической деятельности сотрудники ОВД РФ, участвующие в квалификации противоправного деяния, постоянно обращаются к разъяснениям ПВС РФ, если законодатель по каким-либо причинам не смог в тексте федерального закона или иного нормативного правового акта четко отразить признаки состава правонарушения. Такие разъяснения позволяют сотрудникам ОВД РФ отграничить преступные деяния от административных и дисциплинарных правонарушений, гражданско-правовых деликтов и других

¹ О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // Рос. газ. 2014. № 27.

² О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Рос. газ. 1997. № 3.

непреступных деяний, что помогает им определить место нормы права в системе права и повысить их правовую культуру. Использование решений ПВС РФ как официального интерпретатора российского законодательства освобождает сотрудников ОВД РФ от постоянного обращения в органы прокуратуры и суды с просьбами о разъяснении законодательных предписаний. В процессе использования решений ПВС РФ сотрудники ОВД РФ устанавливают не только смысл нормы права, но и ее основную цель, социальную направленность, возможные последствия нарушения предписаний толкуемого положения нормативного акта. Таким образом, решения ПВС РФ необходимы прежде всего для правильного, точного и единообразного понимания и применения сотрудниками ОВД РФ норм права, выявления их сути, которую законодатель вложил в словесную формулировку.

Правильное использование решений ПВС РФ сотрудниками ОВД РФ позволяет обеспечить соблюдение законности в их профессиональной деятельности и добиться применения справедливой меры государственного воздействия к нарушителю закона. В то же время, несмотря на указанные положительные свойства решений ПВС РФ для деятельности сотрудников ОВД РФ, в научных кругах, а также среди сотрудников ОВД встречается неоднозначное отношение к рекомендациям ПВС РФ, которое затрудняет достижение цели по единообразному применению законодательства России. Среди факторов, способствующих сомнениям в истинности толкования норм права ПВС РФ, можно назвать: применение расширительного или ограничительного толкования; разное толкование аналогичного признака состава преступления в разных постановлениях; устранение правила квалификации и невведение нового; коренное изменение правил квалификации.

Остановимся на трех последних недостатках решений ПВС РФ, негативно влияющих на правоприменительную деятельность сотрудников ОВД РФ по квалификации хищений с использованием банковских карт.

Анкетирование следователей, дознавателей и сотрудников подразделений уголовного розыска, проходящих службу в территориальных органах МВД России Свердловской области и Пермского края, показало, что в 50 % случаев совершения противоправных действий с использованием банковских карт у респондентов возникали трудности в квалификации, связанные с отграничением разных форм хищений, а также уголовно-наказуемых деяний от административных проступков.

Наиболее проблемным в правоприменительной практике является отграничение мошенничества, связанного с использованием

банковских карт, от кражи, присвоения и растраты, поскольку эти преступные деяния имеют схожий способ изъятия (обращения) предмета хищения: осуществляются в условиях, когда собственник, законный владелец и посторонние лица не осознают противоправности изъятия (обращения) предмета преступления. Проблемы в этом вопросе возникают даже на уровне ВС РФ, на что указывают противоречивая судебная практика и постоянные изменения, вносимые в постановления ПВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48¹ и от 27 декабря 2002 г. № 29².

К 2021 г. в Свердловской области и ряде других субъектов России уже сложилась судебно-следственная практика относительно квалификации хищений, совершенных с использованием чужой банковской карты при покупке товаров в организациях торговли. Так, согласно обвинительному акту по уголовному делу № 12001650102000397 по обвинению С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, 17 марта 2020 г. в период с 17 часов 00 минут до 18 часов 38 минут обвиняемый, находясь в состоянии алкогольного опьянения в магазине «Светофор» города Нижнего Тагила Свердловской области, достоверно зная, что при расчете банковской картой на сумму менее 1 000 руб. пин-код не требуется, предоставил для оплаты покупок банковскую карту ВТБ (ПАО), принадлежащую Т., которую ранее в этот же день тайно похитил у потерпевшего, оплатив с ее помощью в несколько операций товары, причинив Т. материальный ущерб в размере 4 896 руб. 05 коп. [4].

Также по ст. 159.3 УК РФ были квалифицированы действия Р., в отношении которого Кузьминский районный суд г. Москвы 8 июля 2020 г. вынес обвинительный приговор. Согласно приговору Р. 18 марта 2019 г. примерно в 14 часов, находясь в помещении отделения банка, незаконно завладел одноименной банковской картой, открытой на имя К. В тот же день Р. совершал покупки в различных магазинах, производя оплату товаров с использованием банковской карты потерпевшего, похитив денежные средства К. в размере 11 497 руб. 34 коп., причинив К. значительный имущественный ущерб. Однако в дальнейшем Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ признала такую квалификацию не верной и 1 июня 2021 г. приговор был отменен [2].

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 2.

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2003. № 2.

При этом в п. 49 обзора судебной практики ВС РФ № 3 за 2021 г. отмечено, что хищение денежных средств путем оплаты товаров с использованием чужой банковской карты подлежит квалификации как кража, совершенная с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) [5]. Однако на момент отмены приговора Судебной коллегией по уголовным делам ВС РФ еще действовали разъяснения этого же суда, которые были закреплены в п. 17 постановления ПВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, где ПВС РФ требовал от нижестоящих судов квалифицировать аналогичные действия по ст. 159.3 УК РФ. Лишь 29 июня 2021 г. ПВС РФ, исключив абзацы 1 и 2 п. 17 постановления ПВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, коренным образом изменил свою позицию относительно квалификации подобных хищений с использованием чужих банковских карт, обязав нижестоящие суды вменять кражу, а не мошенничество.

Получается, что все приговоры, вынесенные ранее на основе разъяснения ПВС РФ, закрепленного в абзацах 1 и 2 п. 17 постановления от 30 ноября 2017 г. № 48, после 29 июня 2021 г. следует считать незаконными, поскольку в деянии подсудимых не усматривались признаки состава мошенничества.

Усложняет решение сотрудников ОВД РФ о квалификации хищения, совершенного с использованием чужой банковской карты при оплате товаров, то обстоятельство, что ПВС РФ, исключив из своего постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 правило верной юридической оценки таких хищений, так и не дал нового правила, отразив его только в решении при рассмотрении конкретного уголовного дела.

Усугубляет положение то обстоятельство, что несмотря на коллизионное правило, закрепленное в п. 49 обзора судебной практики ВС РФ № 3 за 2021 г., сам же ВС РФ продолжает квалифицировать хищения, совершенные с использованием чужой банковской карты при покупке товаров в организациях торговли, как мошенничество. Как видно из содержания кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 10 августа 2021 г. № 3-УДп21-18-КЗ, С. использовал банковскую карту К. и, зная ее пин-код, действуя с умыслом на хищение денег со счета потерпевшего, 13 июня 2019 г., не ставя в известность продавцов о незаконном владении банковской картой потерпевшего К., произвел в кассовых терминалах различных магазинов оплату за приобретенный товар посредством данной карты на общую сумму 109 901 руб. 20 коп. [3]. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ отказала в удовлетворении представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о переквалификации этих действий С. с ч. 2 ст. 159.3 на п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Проблемы отграничения составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ, были предметом изучения даже Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) в июле 2021 г. В своем Определении от 9 июля 2021 г. № 1374-О КС РФ подтвердил, что использование чужой платежной карты с целью хищения денежных средств с банковского счета законного владельца этой карты основано на обмане (злоупотреблении доверием) кредитной организации, уполномоченной в установленном порядке на осуществление операций по данному счету, не дает оснований для оценки действий похитителя как производимых тайно (п. 5.1) [1]. Из этого разъяснения КС РФ видно, что КС РФ не согласен с точкой зрения ВС РФ в вопросе о необходимости вменения субъекту преступления вместо мошенничества кражи. КС РФ в своем решении отразил факт обнаружения нарушения законодателем критериев ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования. Однако несмотря на это, КС РФ признал, что исправить законодательный недостаток может только ВС РФ путем толкования уголовно-правовой нормы.

Таким образом, КС РФ допустил возможность разрешения существующей коллизии между уголовно-правовыми нормами путем толкования. При этом КС РФ согласился с ВС РФ в том вопросе, что хищение с использованием банковских карт должно наказываться строже, чем предусматривает санкция ст. 159.3 УК РФ, поскольку в этом случае субъект не только посягает на собственность, но и может подрывать доверие к безналичным способам хранения денежных средств и ведения расчетов, которые являются важным элементом устойчивого функционирования современной экономики (п. 6.1).

Однако сделанный КС РФ вывод вызывает как минимум недоумение.

Во-первых, он противоречит мнению самого КС РФ, изложенному в п. 3 анализируемого Определения. Там четко прописано, что по смыслу УК РФ кража и мошенничество есть разные виды хищения, отличающиеся друг от друга способом совершения деяний: при краже – тайный, при мошенничестве – обман (злоупотребление доверием). В дальнейшем КС РФ установил наличие обмана в хищениях с использованием банковских карт.

Во-вторых, КС РФ, так же как и ВС РФ, предлагает разрешить это законодательное противоречие (коллизию) в пользу более строгой уголовно-правовой нормы. Это решение потребу-

ет от правоприменителей переквалификации хищений, совершенных с использованием банковских карт, на более тяжкое преступление, а также возбуждения уголовных дел по выявленным ранее фактам таких хищений в пределах 2 500 руб. (если не истекли сроки давности уголовной ответственности). Однако это противоречит требованиям ч. 2 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. 1.

Полагаем, что единственный выход из сложившейся ситуации – устранение законодателем коллизии правовых норм. Для этого КС РФ или ВС РФ необходимо использовать свое право законодательной инициативы и обратиться в парламент Российской Федерации с соответствующим законопроектом. При этом по вопросу о юридической оценке хищений, совершенных с использованием банковских карт, считаем верным предложить законодателю объединить составы преступлений, предусматривающие ответственность за такие виды хищений, как кража, мошенничество, присвоение и растрата, так как фактически при их совершении используется один способ изъятия (обращения) чужого имущества – тайный: при совершении всех этих преступлений собственник или законный владелец предмета преступления, а также посторонние лица не осознают противоправности изъятия (обращения) имущества. Предлагаем назвать соответствующую статью уголовного закона, которая объединит все эти преступления, «Тайное хищение». КС РФ в своем Определении от 9 июля 2021 г. № 1374-О фактически заметил схожесть кражи и мошенничества по способу изъятия (обращения) предмета преступления, но четкого вывода об этом так и не сделал.

Таким образом, в целом решения ПВС РФ оказывают положительное влияние на правоприменительную деятельность сотрудников ОВД РФ. Выявленные негативные факторы таких решений отдаляют сотрудников ОВД РФ от необходимости учитывать официальное толкование правовых норм при принятии процессуальных решений. Полагаем, что во избежание подобных факторов ПВС РФ должен активней использовать свои полномочия, предусмотренные ст. 104 Конституции Российской Федерации, а также право законодательной инициативы.

¹ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. 1995. № 67.

Список литературы:

1. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2021 г. № 1374-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2021 г. № 5-УДП21-44-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 10 августа 2021 г. № 3-УДп21-18-К3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Обвинительный акт по обвинению Селенцева С. Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.3 УК РФ // Архив ОД ОП № 17 МУ МВД «Нижнетагильское» за 2020 г.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2021 г.: утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 10 ноября 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2022. № 1.
6. Правовые основы предупреждения преступлений: курс лекций / Е. Ю. Титушкина [и др.]. Москва, 2018. 120 с.

Николай Львович Халезов,
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: n_khalezov@mail.ru

К вопросу о противодействии коррупционным преступлениям

Аннотация

В целях повышения эффективности деятельности по противодействию коррупционным преступлениям необходимо рассмотреть личность преступника, совершающего коррупционные преступления, и составить его усредненный портрет.

Ключевые слова и словосочетания: *криминологическое исследование; коррупционные преступления; коррупция; субъект коррупционных преступлений.*

Организация качественного и результативного противодействия коррупционным преступлениям в современной России невозможна без рассмотрения криминологической характеристики личности субъекта преступной деятельности. В криминологической науке анализ личности лица, совершившего деяние, наказуемое в уголовно-правовом порядке, направлен на получение информационных данных о причинах и условиях, приведших к совершению преступления, изучение преступности в качестве социально-массового проявления, а также формирование научно-практических рекомендаций в целях предупреждения и пресечения преступных проявлений.

В качестве объекта криминологического исследования личности субъекта преступления принято рассматривать:

- отдельных физических лиц, совершивших действия, описанные в диспозиции нормы Особенной части УК РФ. Применительно к коррупционным преступлениям в качестве такового может выступать должностное лицо федерального органа исполнительной власти, получившее взятку;
- субъекты преступлений, объединенные в группы по определенному признаку, например, рецидивно совершающие коррупционные преступления;

– субъекты преступлений, объединенные в группы по определенному криминологическому типу.

При формировании криминологической характеристики личности субъекта коррупционного преступления необходимо определить признаки, позволяющие зафиксировать наиболее приближенные к коррупционному уголовно наказуемому деянию и коррупционной преступности причинно-следственные связи, комплексы, цепочки. Для полноты и объективности создаваемой криминологической характеристики личности субъекта коррупционного преступления необходимо использовать не только криминологические научные знания, но и информацию о преступнике из иных источников научных познаний (в частности, психологии).

Традиционным и типовым для криминологической науки при создании криминологической характеристики личности преступника выступает группировка признаков его личности в несколько групп:

– группа признаков личности преступника социально-демографического характера;

– уголовно-правовые признаки личности субъекта преступления;

– социальные связи субъекта преступления;

– признаки личности преступника, иллюстрирующие его нравственные характеристики;

– психологические характеристики личности субъекта преступления;

– физические (включая гендерные) признаки, характеризующие личность субъекта преступления.

Если в ходе формирования криминологической характеристики личности субъекта коррупционного преступления рассматривать данную личность как определенную совокупность сознания индивида и его деятельностной активности, взаимодействующую с социумом, то типология признаков, характеризующих личность коррупционного преступника, изменится. Можно выделить следующие группы признаков:

– признаки объективного характера, иллюстрирующие деятельностную сторону личности преступника, занимаемые им общественные позиции и социальные роли;

– признаки субъективного характера, раскрывающие потребительскую сторону личности преступника, мотивы его преступной деятельности, ценностные и нормативные категории его сознания.

Рассмотрим более подробно криминологическую характеристику личности субъекта коррупционного преступления применительно к традиционной модели характеризующих признаков.

1. Социально-демографические признаки личности коррупционного преступника.

В криминологической характеристике личности субъекта коррупционного преступления, по мнению Г. С. Гончаренко, содержатся сведения, отражающие социально-демографическую составляющую личности лица, совершающего коррупционные преступления. Демографические данные коррупционера крайне специфичны и отличают его от субъектов иных преступных деяний [2, с. 108].

Как правило, субъекты коррупционных преступлений – представители мужского пола в возрасте 30–40 лет с постоянным местом жительства, семьей с детьми, не склонный к употреблению алкоголя или наркотиков, с высоким уровнем образования, из которых около 85 % имеют диплом о высшем образовании [8, с. 392].

2. Уголовно-правовые признаки личности коррупционера.

В соответствии с данными, полученными нами в результате обработки анкет оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России и следователей Следственного комитета Российской Федерации, осуществляющих производство по уголовным делам о коррупционных преступлениях территориальных представительств СК России, 94,6 % субъектов коррупционных преступных деяний не имели судимости, у 5,4 % – имелась неснятая или непогашенная. Таким образом, почти 95 % субъектов коррупционных преступлений были привлечены к уголовной ответственности впервые.

В ходе проведенного нами исследования уголовно-правовой составляющей личности субъекта коррупционного преступления отдельно был рассмотрен вопрос соучастия в преступлении. Как указали опрошенные сотрудники, в качестве непосредственных исполнителей и соисполнителей коррупционного преступления выступило 65 % соучастников, процент пособников в совершении коррупционных деяний достиг 28,6 %, а подстрекателей к совершению коррупционного уголовно наказуемого деяния участниками анкетирования было выявлено 3,4 %. Меньше всего было указано организаторов коррупционных преступлений. По данным, предоставленным респондентами, процент организаторов преступной коррупционной деятельности не превысил 3 %.

Рассматривая уголовно-правовые признаки личности субъекта коррупционных преступлений, обратим внимание на процентное распределение коррупционной активности по наиболее часто совершаемым преступлениям. Как отмечает А. С. Икрянникова, чаще всего преступники получают взятки – 57,6 %, дают

взятки – 22,2 %, причастны к фактам коммерческого подкупа – 10,8 %. К посредничеству во взяточничестве коррупционеры причастны в 7,4 % случаев от общего числа коррупционных преступлений [5, с. 84].

Как мы видим из результатов проведенного нами опроса, из общего перечня коррупционных уголовно наказуемых деяний чаще всего совершается взяточничество, в частности, получение взятки. А подавляющее большинство субъектов коррупционных преступлений ранее к уголовной ответственности не привлекались.

3. Социальные связи субъекта коррупционного преступления.

Лица, совершающие коррупционные преступления, по мнению А. Е. Петраченко, работающие в системе государственной службы на должностях среднего и старшего управленческого звена, выступают в качестве руководителя, полноценно справляющегося с определенными должностными полномочиями, и положительно оцениваются руководством [9, с. 9].

4. Нравственные качества личности субъектов коррупционных преступлений.

По мнению О. В. Ванновской, определяя нравственные приоритеты личности коррупционеров, необходимо отметить, что у них отсутствует зависимость между материальным положением и профессиональным исполнением должностных обязанностей. Если у среднестатистического человека вышеуказанные нравственные составляющие имеют векторную зависимость второго от первого, то у субъекта коррупционных преступлений данная зависимость отсутствует [1, с. 228].

5. Психологические признаки личности субъекта коррупционных преступлений.

О. С. Капинус к психологическим признакам личности субъекта коррупционного преступления относит сформировавшееся у них мнение о том, что получаемая ими установленная заработная плата является крайне низкой, о чем сообщили около 46 % задержанных за совершение коррупционных преступлений [6, с. 97].

К специфическим особенностям психологических признаков криминологической характеристики личности субъектов коррупционных преступлений относится осознание коррупционером данных преступных действий экономически допустимыми и обоснованными [3]. По мнению Т. Н. Езерской, 37 % привлеченных к ответственности коррупционеров были готовы к этому при условии сохранения незаконно полученных средств и имущества [4, с. 292], что свидетельствует о преступной деформации личности таких лиц.

М. В. Кроз и Н. А. Ратинова в своем исследовании психологических особенностей коррупционных преступников отмечают, что регулярно выявляются факты, когда в качестве побудительных факторов совершения коррупционных преступлений выступают мотивы карьерного роста любой ценой и самоутверждения чиновника – потенциального коррупционера [7, с. 16]. В таком случае вся служебная деятельность преступника направлена на формирование и повышение его служебного и общественного авторитета, продвижение по карьерной лестнице, получение более значимых властных полномочий.

Фактически треть из привлеченных к уголовной ответственности субъектов коррупционных преступлений были уверены, что коррупционность их действий не будет доказана, а 35 % должностных лиц, обвиняемых во взяточничестве, были уверены, что смогут решить возникшую проблему посредством дачи соответствующей взятки; 54 % от общего числа привлеченных к уголовной ответственности субъектов коррупционных преступлений в своих показаниях заявили, что их задержание и последующее возбуждение уголовного дела явились для них полной неожиданностью [6, с. 99]. Эти данные свидетельствуют о наличии у значительного числа субъектов коррупционных преступлений внутренней уверенности в собственной безнаказанности.

6. Физические признаки криминологической характеристики личности коррупционного преступника.

С точки зрения физических (гендерных) характеристик личности субъектов коррупционных преступлений следует отметить преобладание представителей мужского пола, доля которых достигает 80 %. Опрошенные нами сотрудники подразделений ЭБиПК указывают, что среди должностных лиц категории «руководитель», ставших субъектом коррупционного преступления, однозначно преобладают лица мужского пола, что напрямую связано с абсолютным преобладанием мужчин в управленческом звене.

Таким образом, рассмотренная нами криминологическая характеристика личности субъектов коррупционных преступлений свидетельствует о том, что усредненный портрет субъекта коррупционных преступлений – мужчина 30–40 лет, с высшим образованием, состоящий в браке, имеющий положительные характеристики по месту жительства и работы, не имеющий судимостей, совершающий преступления в силу личных причин или имеющихся традиций, с которыми он согласен и не желает нарушать.

Список литературы:

1. *Ванновская О. В.* Психология коррупционного поведения госслужащего: монография. Санкт-Петербург, 2013. 261 с.
2. *Гончаренко Г. С.* Личность коррупционного преступника // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион: науч.-образовательный и прикладной журнал. Серия: Общественные науки. 2008. № 4. С. 108–111.
3. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cddep.ru/index.php?id=216> (дата обращения: 03.09.2022).
4. *Езерская Т. Н.* Аналитический обзор судебной практики по преступлениям коррупционной направленности за 2019 год // Молодой ученый. 2020. № 19(309). С. 292–297.
5. *Икряникова А. С.* Соучастие в коррупционном преступлении: опыт криминологического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016. 290 с.
6. *Капиус О. С.* Криминологическое исследование личности коррупционного преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 95–101.
7. *Кроз М. В., Ратинова Н. А.* Психологические особенности коррупционных преступников // Психология и право: электронный журнал. 2018. Т. 8. № 2. С. 15–34.
8. *Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е.* Криминология: учебник. 5-е изд. Москва, 2013. 800 с.
9. *Петраченко А. Е.* Коррупционная составляющая политической системы современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2012. 24 с.

Евгений Алексеевич Чулунов,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академия ФСИИ России
E-mail: evgene94@mail.ru

Зарубежный опыт исполнения общественных работ на примере Республики Казахстан

Аннотация

В данной статье автор рассматривает зарубежный опыт исполнения общественных работ на примере Республики Казахстан, правовое регулирование уголовного наказания. Автором проводится анализ норм уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан. Выносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: осужденный; наказания с обязательным привлечением к труду; уголовно-исполнительная инспекция; пробация; труд.

В целях совершенствования законодательства в Российской Федерации необходимо рассмотреть положительный опыт применения уголовных наказаний в зарубежных странах. Учитывая вектор направленности в уголовно-правовой политике в сторону широкого применения альтернативных видов наказания, обратимся к стране, где относительно недавно создана служба пробации, которая доказала свою эффективность. Стоит отметить тот факт, что рассматриваемая страна относится к романо-германской правовой системе (как и Российская Федерация), а значит, положения норм уголовного, уголовно-исполнительного законодательства мы можем легко интегрировать в действующие кодексы.

Отметим, что действующий Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V (далее – УИК РК) мы рассматриваем по состоянию на 9 июля 2022 г.¹

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Порядок и условия отбывания наказания в виде общественных работ закреплен в гл. 12 «Исполнение наказания в виде привлечения к общественным работам» (ст. 57–62) УИК РК.

Под общественными работами понимается выполнение осужденным не требующих определенной квалификации бесплатных общественно полезных работ, организуемых местными исполнительными органами в общественных местах, расположенных по месту его жительства (ч. 1 ст. 57 УИК РК). Исполнение судебных решений возложено на службу пробации, которая не позднее 10 дней со дня получения приговора суда привлекает осужденного к труду.

Некоторые положения норм во многом совпадают с законодательством Российской Федерации, например: общественные работы не назначаются лицам с инвалидностью первой и второй группы (в Российской Федерации – не назначаются инвалидам только первой группы); предоставление отсрочки по беременности и родам; предоставление отпуска на основной работе не является основанием для приостановления наказания трудоустроенному осужденному.

Но ряд значимых положений, на наш взгляд, так и не нашли свое законодательное отражение в уголовно-исполнительном праве Российской Федерации. Так, осужденный к общественным работам в Казахстане обязан являться один раз месяц в службу пробации для проведения с ним профилактической беседы. Полагаем, что это действенная мера, так как при проведении беседы с осужденным сотрудник службы пробации напоминает ему порядок и условия отбывания наказания в виде общественных работ, предупреждает о недопустимости совершения новых преступлений, корректирует его поведение.

Различия присутствуют и в ответственности. Так, согласно п. 1 ч. 3 ст. 60 УИК РК уклоняющимся от отбывания наказания, признается осужденный, отказавшийся приступить к общественным работам.

В свою очередь, предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 30 УИК РФ, дополнив п. «г»: «отказавшийся либо своевременно не приступивший к отбыванию наказания после получения направления для трудоустройства без уважительных причин». Предложенные изменения позволят избежать несвоевременного привлечения к обязательным работам, так как законодатель установил ограниченные сроки для правоприменителя: в течение 15 дней после получения копии приговора, распоряжения суда осужденный должен приступить к отбыванию обязательных работ.

На практике сотрудники уголовно-исполнительных инспекций сталкиваются с трудностями при выполнении обязательных работ, потому что сроки привлечения к наказанию установлены, а ответственность за неявку осужденным в организацию для трудоустройства не предусмотрена. По этой причине сотрудник становится заложником ситуации, когда осужденный намеренно не обращается для трудоустройства, а меры воздействия не закреплены. Осужденный по факту может не приступать к отбыванию наказания, и оснований для признания злостно уклоняющимся от обязательных работ и обращения в суд для решения вопроса о замене более строгим видом наказания не будет. В таком случае будет нарушен принцип неотвратимости наказания. Как писал в свое время итальянский ученый публицист Ч. Бекаррия, предупреждение преступлений намного эффективнее, когда наказание неизбежно, т. е. действует принцип неизбежности наказания. Результативность его влияния на уровень криминализации обусловлена тем, что гражданское общество сильнее реагирует на него, чем степень суровости наказания и строгости мер воздействия на преступника. Данный парадокс возможен по причине такого явления, как надежда на безнаказанность. Роль принципа неотвратимости наказания здесь состоит в уничтожении основ той самой надежды, что дает преступникам право думать о безнаказанности [1].

Здесь следовало бы также отметить содержание принципа неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве – каждое назначенное судом наказание должно быть исполнено надлежащим образом [2].

Таким образом, принцип неотвратимости наказания должен действовать при реализации мер государственного принуждения, так как от этого зависит эффективность всей уголовно-правовой политики.

Список литературы:

1. *Бекаррия Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. и выступ. М. М. Исаева. Москва, 1939. 464 с.
2. *Шевелева С. В., Можайкина В. А.* Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 722–753.

Анализ практики применения судами смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, характеризующих личность виновного

Аннотация

Автором исследуются смягчающие обстоятельства, применяемые судами в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ, характеризующие личность виновного. Предложены и рассмотрены подгруппы классификации «смягчающие обстоятельства, характеризующие личность виновного». Выделены положительные моменты в применении смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, которые могут быть в дальнейшем учтены при изменении отечественного уголовного закона и повлиять на повышение эффективности действия исследуемой нормы.

Ключевые слова и словосочетания: *смягчающие обстоятельства; назначение наказания; характеристика личности; уголовный закон; классификация смягчающих обстоятельств.*

В настоящее время при назначении лицу наказания огромную роль играют смягчающие обстоятельства, что подтверждается проанализированной нами практикой применения судами смягчающих обстоятельств. В изученных нами 500 приговорах, вынесенных российскими судами первой инстанции в период с 2016 г. по 2021 г., судьями было применено 2 065 смягчающих обстоятельств. Из них – 1 397 (67,65 %) смягчающих обстоятельств, не указанных в российском уголовном законодательстве (на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ).

Одним из проблемных вопросов в системе смягчения наказания является классификация смягчающих обстоятельств. И в советское, и в настоящее время многими известными учеными в области уголовного права предлагалось поделить их на разные группы. И почти каждый ученый, исследовавший данную проблематику, выделял в качестве самостоятельной классификацию «смягчающие обстоятельства, характеризующие личность виновного». Так, данная группа была выделена в трудах М. М. Бабае-

ва [2, с. 21], Л. Л. Кругликова [4, с. 113–114], Л. А. Долиненко [3, с. 20], Г. И. Чечель [5, с. 39], Г. Анашкина [1, с. 22–24] и др., что подтверждает актуальность статьи.

Рассматривая смягчающие обстоятельства, характеризующие личность виновного, предлагаем поделить их на следующие подгруппы:

- 1) возраст виновного;
- 2) состояние здоровья виновного;
- 3) имущественное положение виновного;
- 4) семейное положение виновного;
- 5) положение виновного в социуме до совершения преступления;
- 6) наличие у виновного криминального опыта.

Изучив 500 приговоров, считаем необходимым отнести к каждой из подгрупп встретившиеся нам смягчающие обстоятельства следующим образом.

1. Смягчающие обстоятельства, касающиеся возраста виновного:

- 1) из ч. 1 ст. 61 УК РФ: п. «б» (несовершеннолетие виновного);
- 2) из ч. 2 ст. 61 УК РФ:
 - «молодой возраст виновного» (4,8 % приговоров);
 - «пенсионный (престарелый) возраст виновного» (1 % приговоров).

2. Смягчающие обстоятельства, касающиеся состояния здоровья виновного:

- 1) из ч. 1 ст. 61 УК РФ: п. «в» (беременность);
- 2) из ч. 2 ст. 61 УК РФ: «имеются проблемы со здоровьем» (29,8 % приговоров).

3. Смягчающие обстоятельства, касающиеся имущественного положения виновного:

- «тяжелое материальное положение» (0,2 % приговоров);
- «наличие непогашенной задолженности бывшего супруга по алиментам на содержание их детей» (0,2 % приговоров);
- «неработающая супруга» (0,2 % приговоров).

4. Смягчающие обстоятельства, касающиеся семейного положения виновного:

- 1) из ч. 1 ст. 61 УК РФ: п. «г» (наличие малолетних детей у виновного);
- 2) из ч. 2 ст. 61 УК РФ:
 - «наличие на иждивении нетрудоспособных близких родственников» (1,4 % приговоров);
 - «наличие на иждивении детей» (19,2 % приговоров);
 - «престарелые родители» (2,6 % приговоров);
 - «наличие несовершеннолетних детей» (4,4 % приговоров);
 - «беременность супруги» (1,8 % приговоров);

– «проблемы со здоровьем близких родственников» (12,2 % приговоров);

– «предпринимает меры для погашения задолженности по алиментам» (0,2 % приговоров);

– «отец многодетной семьи» (0,2 % приговоров);

– «совершеннолетний ребенок» (0,2 % приговоров).

5. Смягчающие обстоятельства, касающиеся положения виновного в социуме до совершения преступления:

– «ветеран боевых действий» (0,2 % приговоров);

– «занятие благотворительностью» (0,2 % приговоров);

– «положительно характеризуется по месту жительства, работы и т. д.» (14,8 % приговоров);

– «удовлетворительно характеризуется по месту жительства, работы и т. д.» (1,6 % приговоров);

– «имеет правительственные награды» (0,2 % приговоров);

– «занятие общественно полезным трудом» (0,4 % приговоров);

– «воспитывался в детском доме в связи со смертью матери» (0,2 % приговоров);

– «не состоит на учете у врача-психиатра и врача-нарколога» (1 % приговоров);

– «неофициальная занятость общественно полезным трудом» (0,2 % приговоров).

6. Смягчающие обстоятельства, касающиеся наличия у виновного криминального опыта:

1) из ч. 1 ст. 61 УК РФ: п. «а» (совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств);

2) из ч. 2 ст. 61 УК РФ:

– «совершение преступления впервые» (4,6 % приговоров);

– «впервые привлекается к уголовной ответственности» (2,8 % приговоров);

– «ранее не судим» (3,4 % приговоров);

– «отсутствие судимости» (4,4 % приговоров);

– «совершение впервые преступления небольшой тяжести» (0,8 % приговоров).

Таким образом, можно сделать вывод, что суды в большинстве случаев применяют при назначении наказания смягчающие обстоятельства, предусмотренные ч. 2 ст. 61 УК РФ, что говорит о необходимости пересмотреть перечень, указанный в ч. 1 ст. 61 УК РФ, исключив из него обстоятельства, применяемые крайне редко или не применяемые вообще, и добавив смягчающие обстоятельства, часто применяемые на практике.

Список литературы:

1. Анашкин Г. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность // Сов. юстиция. 1980. № 16. С. 22–24.
2. Бабаев М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. Москва, 1968. 120 с.
3. Долиненко Л. А. Смягчающие ответственность обстоятельства по действующему уголовному законодательству и в судебной практике. Иркутск, 1980. 81 с.
4. Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. Воронеж, 1985. 164 с.
5. Чечель Г. И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение для индивидуализации наказания. Саратов, 1978. 166 с.

Нурбек Жекшенович Курманалиев,
слушатель факультета подготовки
руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
Академия управления МВД России
E-mail: nurbek0676@mail.ru

Соотношение гражданской позиции и экстремистской идеологии (на примере деятельности «Шамана-воина»)

Аннотация

В статье проводится анализ действий лица в рамках законодательства по противодействию экстремизму. Автор обращает внимание на тот факт, что трансформация гражданской позиции на радикальную с признаками экстремизма обусловлена рядом причин субъективного характера, в том числе внутренними установками человека.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел; экстремизм; гражданская позиция; государство; общество.

С развитием институтов гражданского общества в современной России происходит и трансформация личности, для которой все более характерны такие качества, как гражданская ответственность и политическая активность. В то же время существующие экономические, политические, культурные реалии, социальный климат в обществе не могут не накладывать определенные ограничения на гражданскую и политическую активность. Активной считается только та позиция, которую человек проявляет осознанно, а именно сам желает и участвует в жизни общества [6]. Конституция Российской Федерации в данном направлении закрепляет широкий круг прав и свобод человека и гражданина.

Проблемам изучения феномена гражданской позиции посвящено немало работ таких авторов, как А. Г. Асмолова, Л. Н. Боголюбова, Л. С. Выготского, С. И. Гессена, М. С. Кагана, В. А. Караковского, И. С. Кона, В. Крысяка, А. Н. Леонтьева, И. Т. Фролова, Э. Фромма и др.

Е. И. Сморгова рассматривает понятие «гражданская позиция» в двух самостоятельных терминах. Первый термин – «гражданская» – связан с правовым аспектом отношений государства и личности, анализом прав и обязанностей обоих указанных партнеров,

тогда как термин «позиция» анализирует положение личности [6]. При этом речь идет не просто о пространственном, временном или социальном положении субъекта, но и о сознательной позиции, связанной с установкой на те или иные действия общественного характера на основании тех или иных смыслодержущих ценностей, составляющих основу мировоззрения личности.

Кроме того, надо помнить, что гражданская позиция предполагает как целостное мировосприятие, так и самовосприятие личности в мире. А для этого необходимо не только приобретение знаний, но и накопление социального опыта; именно последнее создает основу для проявления личности во взаимодействии с окружающей действительностью, для проявления гражданской позиции. При этом противоречие между знаниями и социальным опытом составляет основную движущую силу для формирования гражданской позиции личности [3].

Активные гражданские позиции при определенных условиях могут привести к тому, что позиции начинают обретать деструктивные формы и негативные черты радикализма, проявляющиеся, в частности, в выражении крайних взглядов, ксенофобии и нетерпимости, в результате чего при поиске способов достижения поставленных целей и задач предпочтение все более отдается насильственным методам. Как правило, эти насильственные, вплоть до экстремистских, методы получают идеологическое обоснование.

В пределе такая идеологизация насильственных действий приводит к крайнему радикализму и экстремизму. Под давлением идеологизированного самовозбуждения такие личности могут эволюционировать в особый крайний тип экстремистов, по мере своей радикализации постепенно теряющих контроль над своим поведением, что делает их способными на любые насильственные акции. При этом собственные взгляды начинают восприниматься их носителями как «истина в последней инстанции», восприятие окружающего мира во всем его многообразии и противоречиях подменяется примитивным черно-белым видением «хороших» и «плохих», причем последними объявляются «все остальные», в том числе существующие общественные структуры и институты. Соответственно, такие настроения порождают склонность к принципу «цель оправдывает средства».

Так, 19 сентября на 202-м км федеральной трассы М-53 «Байкал» «сотрудниками полиции по поручению следователя задержан мужчина 1968 года рождения, находящийся в розыске за совершение преступления на территории Республики Саха (Якутия)» [5].

Задержанным оказался гражданин Г., уроженец Республики Саха (Якутия), который в открытых источниках указан как обще-

ственный деятель, оппозиционер, называющий себя «Шаманом-воином». В период обучения в вузе он был охвачен идеями соединения язычества и христианства и на эту тему готовил дипломную работу. Его первоначальная гражданская позиция выражалась в пропаганде здорового образа жизни, в рамках которой в 2018 г. он предпринимает безуспешную попытку пешего путешествия в Москву. На тот период данная его акция не была медийной, гражданин Г. не декларировал каких-либо политических целей и называл свою акцию испытанием себя.

Однако в 2019 г. Г., объявив себя «Шаманом-воином», начинает вторую попытку похода в Москву и заявляет в интервью, что голос Бога приказал ему идти в Москву, чтобы «изгнать демона из Кремля и восстановить справедливость». Особенно ярко направление и цель обозначились после того, как «Шаман-воин» встретил свое нынешнее окружение, в основном состоящее из так называемых маргиналов, ранее судимых лиц и т. д. Кроме этого, на «Шамана-воина» определенное влияние было оказано представителями из организации «Открытая Россия» Михаила Ходорковского, региональных отделений «Штаба Навального». Широкое освещение в интернет-пространстве со стороны оппозиционных медиа, различных блогеров типа «Сталингулаг» привело к тому, что «Шаман-воин» успел обзавестись тысячами поклонников, которые верили в его «миссию».

Имеющиеся данные о составе любой экстремистской структуры и связях и взаимоотношениях между составляющими ее элементами позволяют утверждать, что кроме видимой ее части, от рядовых исполнителей до идеологов, есть и тайная, закулисная составляющая – «третья заинтересованная сила», которая и получает от деятельности таких структур основные политические, экономические и другие выгоды.

Трансформация активной позиции «Шамана-воина» в радикализм произошла на фоне технологии пиара, т. е. сработали механизмы феномена славы.

А. Вилнер и К.-Дж. Дуболоз считают, что радикализация – это «персональный процесс, в рамках которого индивидуумы принимают экстремистские политические, социальные и/или религиозные идеалы и стремления и оправдывают использование неизбирательного насилия для достижения определенных целей. Радикализация – это как ментальный, так и эмоциональный процесс, который подготавливает и мотивирует индивидуума к совершению насильственных действий» [1].

Часто в литературе понятия «радикализм» и «экстремизм» выступают как синонимы, что не совсем верно. Радикализм делает упор прежде всего на содержательную сторону тех или иных базо-

вых («корневых») радикальных идей, которые, однако, не всегда бывают экстремальными, тогда как методам реализации идей уделяется второстепенное внимание, если оно вообще уделяется: радикализм может быть и исключительно идейным, не предполагающим активных действий с целью реализации идей, по крайней мере действий немедленных. И в этом его отличие от экстремизма, который предполагает в качестве основы именно активные действия, при этом не всегда идейно обоснованные. С другой стороны, радикализм смыкается с экстремизмом и трансформируется в него в тех ситуациях, когда он начинает использовать насильственные методы и средства, в первую очередь различные формы политического терроризма, причем, как правило, не соответствующие публично заявленным таким радикалами целям [7].

При этом крайность во взглядах и поступках радикально настроенного индивида может быть как осознанной, так и неосознанной, что зависит как от социокультурного развития индивида, так и от социальных условий, в которых протекает его жизнь и деятельность. Радикализм может быть как социальным, так и асоциальным. И именно первый тип радикализма имеет наибольшие шансы добиться успеха, сокрушив при этом сложившуюся социально-экономическую и политическую систему, в ситуации, когда в обществе формируется острая кризисная ситуация, порождающая более или менее массовое недовольство данной системой и социальных радикалов, желающих получить наилучший человеческий материал для использования его теми или иными политическими группировками в ходе борьбы последних за власть. При этом данные группировки придают словам и действиям радикальных групп политическое содержание, совсем не обязательно совпадающее с собственными политическими интересами и потребностями самих носителей радикальных взглядов и идей.

А. А. Логунова и Е. Ю. Дунаева, исследуя тенденции и причины развития радикализма в современном обществе, выделяют две группы причин радикализации индивида – социальные и индивидуальные, которые настолько тесно взаимосвязаны, что их можно объединить в одну группу, квалифицировав как социально-психологические [4].

К социальным причинам А. А. Логунова и Е. Ю. Дунаева относят: – наличие маргинальных или маргинализированных групп населения. Этот фактор может действовать как в отдельном регионе, так и в стране в целом. Данный социальный слой находится в «группе риска», в силу чего он более подвержен пропаганде радикальных и/или экстремистских идей;

- подозрительное или негативное отношение общества к отдельным группам людей;
- фактор негативного отношения к той или иной религии (религиозная нетерпимость);
- наличие инструмента, с помощью которого радикальные движения могут использовать все перечисленные факторы в своих целях, т. е. сети по вербовке сторонников.

Что касается индивидуальных (индивидуально-психологических) причин, то можно выделить следующие:

- наличие личных связей индивида или группы индивидов с участниками радикальных движений. При этом последние должны пользоваться у данного человека или группы людей авторитетом;
- недовольство личным положением в обществе и/или ситуацией в обществе в целом в сочетании с желанием что-то сделать, чтобы это изменить. Разновидностью такого недовольства могут быть те или иные психологические проблемы, например, порожденные какой-то личной обидой, и восприимчивость к пропаганде тех, кто обещает помочь эти проблемы решить, например, «рассчитаться с обидчиками». Разновидностью таких психологических проблем можно считать какой-то кризисный период в жизни;
- восприимчивость личности (особенно это характерно для молодежи), испытывающей страсть к приключениям и бунту или желание быть частью чего-то важного, значительного.

А. А. Логунова и Е. Ю. Дунаева добавляют, что, по мнению большинства (70 % опрошенных ими) людей, для радикализации индивида или группы индивидов необходима совокупность всех перечисленных внутренних и внешних факторов [4].

Все эти факторы способствовали и популярности «Шамана-воина». За полгода 2019 г. он прошел 3 000 км и стал очень обсуждаемым в Интернете: публикации о «Шамане-войне» появились в пабликах-миллионниках, особенно активную медиа-поддержку оказывали телеканал «Дождь», а 4 июля 2019 г. интервью с «Шаманом-воином» выпускает портал «Сибирь. Реалии», являющийся проектом небезызвестного ресурса «Радио Свобода». Видео, которые записывают его сподвижники и случайные попутчики, собирают сотни тысяч просмотров, а сочувствующие жертвуют деньги на продолжение похода.

Вскоре группа в 20–30 человек, составлявшая окружение «Шамана-воина», разделилась на «Правое крыло», которое занималось пропагандой идей и сбором средств, и «Левое крыло», которое позиционировалось как «советники и мудрецы». При движении группы по территории Республики Бурятия ее деятельность

(в том числе становившиеся все более радикальными речи самого «Шамана-воина») послужила катализатором для массовых несанкционированных мероприятий протестного характера, хотя группа и не являлась или не всегда являлась прямым организатором таких. В конечном счете у органов внутренних дел оказалось достаточно фактов, позволивших возбудить против «Шамана-воина» уголовное дело по ч. 1 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности).

Как публичные призывы квалифицируется непосредственное обращение, чаще устное (но возможно и письменное), не имеющее конкретного адресата либо имеющее обширный круг адресатов, например, толпу на митинге или большое число лиц на собрании. При этом обращение должно содержать призывы к массовым беспорядкам, восстанию, неповиновению законным требованиям власти, насильственным или иным неконституционным способам изменения существующего строя, свержению законной власти или смещению тех или иных ее представителей с заменой их другими лицами. Публичные призывы могут исходить и от лиц, подлежащих увольнению, переизбранных или переназначаемых вышестоящими носителями власти. Насилие может носить как физический, так и психический (например, угрозы физической расправы) характер.

Для квалификации деяния по ст. 280 УК РФ необходим прямой умысел, т. е. осознание субъектом факта призывов к насильственной, экстремистской деятельности антиконституционного характера, в том числе вооруженным путем, например, к насильственному смещению Президента, Правительства России и т. д., к разгону парламента либо к лишению их возможности осуществлять свои полномочия, либо к ограничению такой возможности. По данной статье может быть привлечено к ответственности как любое частное лицо, достигшее 16-летнего возраста, независимо от того, является оно гражданином Российской Федерации или имеет иной статус, так и должностное лицо, занимающее ту или иную должность федерального, регионального или местного уровня.

При этом п. 1.15. Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 21 сентября 2018 г. № 602/27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» разъясняет, что ст. 280 УК РФ по своему смыслу может применяться лишь в случае побуждения других лиц к действиям экстремистского характера. При определении того, являются ли те или иные призывы экстремистскими, по сути, необходи-

мо обращаться к ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹.

При решении же вопроса о публичности призывов должны учитываться место и способ совершения деяния (обращение в общественном месте, на собрании, митинге, распространение листовок, массовая рассылка сообщений, вывешивание плакатов и др.), а также общая обстановка и иные обстоятельства.

Таким образом, вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы. То обстоятельство, что при выборе радикального мировоззрения люди руководствуются мотивами личного, внутреннего характера, затрудняет борьбу государства и общества с радикализацией. Поэтому при изучении причин радикальных настроений необходимо учитывать и индивидуальные характеристики конкретных людей, их влияние на радикализацию. Соответственно, для успешного противодействия экстремистской деятельности необходимо разработать на государственном уровне специальные комплексные программы по профилактике распространения идеологии экстремизма с учетом особенностей развития личности.

Список литературы:

1. *Внукова Л. Б.* Радикализация как персональный процесс и социальный феномен: зарубежные теории и российские реалии // Вопросы безопасности. 2017. № 4. С. 60–69.

2. *Дзагурова Н. Х.* Гражданская позиция и оценка экстремистских настроений студентов в современных условиях // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 342–345.

3. *Крымова Д. А.* Анализ особенностей структуры гражданской позиции [Электронный ресурс] // Психология: традиции и инновации: материалы II Междунар. науч. конф. Самара, 2016. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/197/9205/> (дата обращения: 14.10.2022).

4. *Логунова А. А., Дунаева Е. Ю.* Социально-психологические факторы радикализации личности в современном мире // Перспективы развития науки в области педагогики и психологии: сб. науч. трудов по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2017. 65 с.

¹ О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Операция «Шаман». Кто и зачем «раскручивал» Александра Габышева? [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. 2019. 19 сентября. URL: https://aif.ru/society/people/operaciya_shaman_kto_i_zachem_raskruchival_aleksandra_gabysheva (дата обращения: 14.10.2022).

6. *Сморгова Е. И.* К уточнению понятия «Гражданская позиция» // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2010. № 4. С. 38–42.

7. *Смылова В. Н.* Радикализм – Радикальный экстремизм – Терроризм. Столкновение цивилизаций или столкновение идеалов? // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 2-2. С. 379–383.

8. *Яковлев А. М.* Социальная структура общества: учебник. Москва, 2003. 252 с.

Содержание

Введение	3
Наумов А. В. О научном вкладе профессора Н. А. Стручкова в развитие отечественного уголовно-исполнительного права, уголовной политики и криминологии	6
Рогова Е. В. Научные взгляды профессора Н. А. Стручкова об уголовном наказании и их влияние на современную уголовную политику	10
Яковлева Л. В. Н. А. Стручков о политике, морали и праве в борьбе с преступностью	15
Акчурин А. В. Уголовно-процессуальные компетенции сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: проблемы сегодняшнего дня	22
Аносов А. В. Цифровые технологии в системе предупреждения коррупционной преступности	30
Валов С. В. Адресные фокус-группы профилактического воздействия по уголовным делам об оказании детям услуг, не отвечающих требованиям безопасности	36
Васильева Я. Ю. Влияние научного наследия профессора Н. А. Стручкова при исследовании вопросов назначения и исполнения уголовного наказания	45
Гаврилов Б. Я. Реалии и мифы борьбы с коррупционной преступностью в России через призму криминологической оценки ее состояния	49
Горшкова Н. А. Состав осужденных к принудительным работам: основные тенденции правоприменительной деятельности	64
Долганов С. И. Биометрия в предупреждении преступлений в сфере банковской деятельности	69
Евстигнеев А. С. Вопросы квалификации преступлений с двойной формой вины	74
Игнатенко Е. А. Особенности использования государственным обвинителем в судебном следствии результатов судебных экспертиз по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии	81
Камчатов К. В. Невозмещение вреда от преступления как обстоятельство, отягчающее наказание	85

Ковалев О. Г. К вопросу обеспечения законности при реализации оперативно-розыскной политики в уголовно-исполнительной системе на современном этапе	91
Колесников Р. В. Противодействие распространению криминальной субкультуры в молодежной среде	98
Колпакова Л. А. Уголовная политика в сфере назначения уголовных наказаний	104
Коновалова М. А. Некоторые вопросы жестокого обращения с несовершеннолетними	111
Кулешов А. А., Ильиных В. В. Специально-криминологические меры профилактики преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-коммуникационных технологий	121
Курилов С. И., Ампар Т. Х. Реализация уголовно-процессуальной политики Российской Федерации в сфере государственной защиты сотрудников органов предварительного расследования	127
Лелетова М. В. Проблемные вопросы предупреждения финансирования преступлений экстремистской направленности и террористического характера, совершенных с использованием цифровых активов	131
Мартыненко Н. Э., Ищук Я. Г., Махаков Б. Д. Конкуренция или совокупность (на примере квалификации преступлений, предусмотренных статьями 285 и 290 Уголовного кодекса Российской Федерации)	135
Машинникова Н. О. О конкуренции принципа о разумном сроке уголовного судопроизводства и презумпции невиновности в контексте Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 33-П от 18 июля 2022 г.	142
Меньшов Н. П. О биографии отца Николая Алексеевича Стручкова – Алексея Ивановича Стручкова (1894–1937)	146
Милякина Е. В. Обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности, как направление реализации оперативно-розыскной политики	149
Моргун Д. О. К вопросу об институционализации международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью	159
Нагибин В. Л., Максименко М. В. Развитие уголовно-исполнительной системы в рамках Концепции до 2030 года.	162

Огурцов А. Е. Некоторые требования к подбору кадров для подразделений по противодействию преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, созданных в структуре оперативных подразделений	171
Пинкевич Т. В. Обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой трансформации	177
Победкин А. В. О презумпции невиновности и прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (новая позиция Конституционного Суда Российской Федерации и новая пицца для размышлений)	183
Пяшин С. А. Еще раз об исследовании доказательств как структурном элементе доказывания	190
Ракитина В. И. О понятии физического недостатка, препятствующего лицу самостоятельно осуществлять свое право на защиту	193
Рубан А. Д. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экстремизму на современном этапе.	201
Семенчук В. В. Вопросы формирования оперативно-розыскной политики в сфере формирования, хранения и представления результатов оперативно-розыскной деятельности	208
Сигалова О. Ю. Состояние деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности	228
Сизова В. Н. Состояние и перспективы института уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве.	237
Спиридонова Ю. Н. О реформировании дознания в уголовном судопроизводстве	242
Тараканов И. А. Институт необходимой обороны: проблемы правоприменения и законодательного совершенствования	246
Татьянина Л. Г. Обеспечение прав сторон при ознакомлении с материалами уголовного дела при окончании предварительного следствия	253
Титов П. М., Осипов А. С. Особенности квалификации неправомерного завладения предоставляемым для краткосрочной аренды автомобилем без цели хищения	258

Титушкина Е. Ю., Белов А. И. Организационно-правовые основы уголовной политики в сфере защиты легального оборота подконтрольных веществ и пути их совершенствования.	265
Тихонова С. С. Концептуальная проработанность вторичного (текущего) уголовного законодательства: состояние и перспективы . . .	273
Урбан В. В. Оперативно-розыскная политика: определение понятия и сущности	284
Цепелев В. Ф., Цепелев К. В. Административная преюдиция как условие привлечения к уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.	288
Шишкин Р. В. Правовые основы деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка	293
Ахметов А. Ж. Трансграничная и транснациональная преступность: соотношение понятий	299
Баркаев Г. Р. Административный надзор как способ борьбы с рецидивом преступлений.	306
Бобровская Д. В. Источники уголовно-процессуального права Российской Федерации: постановка проблемы.	312
Бобровская М. В. Проблемы определения субъекта в преступлениях, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности.	317
Бякина С. И. Меры воздействия на осужденных к штрафу, имеющих обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию: постановка проблемы	323
Жоков Д. В. Уголовная политика России в сфере защиты несовершеннолетних как жертв преступлений неформального объединения АУЕ: состояние и перспективы	327
Зайцев В. Н. Злоупотребление обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования: постановка проблемы	339
Ишин И. А. О проведении оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии правонарушений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней как правоприменительной формы реализации оперативно-розыскной политики.	344
Маллекер Д. И. Вовлечение в употребление и незаконный оборот наркотиков как уголовно-правовая и криминологическая проблема	350

Маркова Е. А. Развитие уголовного законодательства в сфере уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте на современном этапе	357
Марсаков И. С. Некоторые аспекты оперативно-розыскной политики по противодействию преступлениям коррупционной направленности	360
Осокин А. Г., Баторов Б. О. Использование больших данных в деятельности органов внутренних дел	369
Сафина Э. Д. К вопросу о криминализации преступлений, совершаемых посредством угроз с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	375
Трутнев А. А. Законодательные признаки малозначительного деяния: проблемы правоприменительной практики.	382
Усачева Е. А. Меры безопасности как гарант обеспечения порядка управления и отправления правосудия в России	390
Усламин В. В. Влияние решений Пленума Верховного Суда Российской Федерации на правоприменительную практику сотрудников ОВД	396
Халезов Н. Л. К вопросу о противодействии коррупционным преступлениям	404
Чулунов Е. А. Зарубежный опыт исполнения общественных работ на примере Республики Казахстан	410
Шиманович Е. В. Анализ практики применения судами смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, характеризующих личность виновного	413
Курманалиев Н. Ж. Соотношение гражданской позиции и экстремистской идеологии (на примере деятельности «Шамана-воина»)	417

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

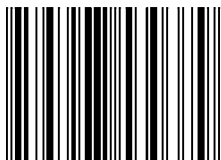
*Сборник научных трудов
по материалам международной конференции
(к 100-летию со дня рождения
Н. А. Стручкова)*

Редакторы Э. А. Циткилова, К. В. Громова
Верстка С. Х. Аминова

Подписано в печать .12.2022 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 25,11. Уч.-изд. л. 22,74. Тираж 107 экз. Заказ № 52у.

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академия управления МВД России.
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

ISBN 978-5-907530-37-9

9 785907 530379